

ДЖЕЙМС
ПАТТЕРСОН
ДЭВИД ЭЛЛИС

ЧЕРНАЯ КНИЖКА

Сотрудник полиции Билли Харни оказывается на волосок от смерти. Его напарница и возлюбленная мертва, а он чудесным образом остался в живых. Харни обвиняют в убийстве, но он ничего не помнит. Отчаянно пытаясь защитить свою честь, Билли собирает информацию о том ужасном дне. Он хочет понять, что же тогда произошло, и найти загадочную черную книжку...

Джеймс Паттерсон
Черная книжка

Пэтти Харни притормаживает свой автомобиль-седан без опознавательных знаков полиции за два квартала от того места, куда направляется. На местных узких улицах полно патрульных полицейских машин, и свет «мигалок» порождает какой-то хаос в ночном освещении квартала. Тут таких машин штук двадцать — не меньше.

Пэтти припарковывает авто у края проезжей части, надевает на шею шнурок с прикрепленным к нему значком полицейского-детектива, и теперь значок болтается у нее на груди поверх футболки. Воздух на улице необычно холодный для конца апреля. Пэтти, однако, чувствует, что ее то и дело бросает в жар.

Она пробегает один квартал и оказывается перед желтой лентой внешнего периметра. Один из полицейских делает шаг по направлению к ней, чтобы остановить, но, увидев значок, позволяет пройти. Она не знакома с этим полицейским, охраняющим внешний периметр, а он, похоже, никогда не видел ее. Тем лучше.

Она подходит все ближе и ближе. Пот щиплет глаза, а футболка, несмотря на холод, стала мокрой. Нервы сильно напряжены.

Она знает этот многоквартирный дом и нашла бы его без труда, даже если бы рядом с ним не сутились полицейские. Некоторые собрались под навесом, прикрепленным к фасаду. Один из них — такой же, как и Пэтти, детектив — узнает ее, и выражение его лица сразу же смягчается.

— О господи, Пэтти...

Она поспешно устремляется мимо него в вестибюль здания. Со стороны может показаться, что это какие-то похороны, а не место преступления: полицейские в форме и детективы в гражданской одежде стоят потупив взгляды, выражение лиц у них трагическое, а на глазах — слезы. Некоторые утешают друг друга. А заниматься сейчас нужно совсем другим.

Пэтти идет по вестибюлю к лифту, невольно рыская глазами по сторонам в поиске камер видеонаблюдения (давнишняя привычка, едва не превратившаяся в инстинкт — такой, как, например, инстинкт дыхания), и видит, что в лифте возится группа технических специалистов — членов Управления судебно-медицинских экспертиз: они посыпают поверхности лифта специальным порошком, чтобы затем снять отпечатки. Пэтти быстренько надевает вместо туфель кеды и распахивает дверь, ведущую на лестницу. Она знает, что надо подняться на шестой этаж, и понимает, какая квартира ей нужна.

Она идет вверх по лестнице, перешагивая через ступеньку. В груди жжет, ноги слабеют, в животе назревает бунт. Чувствуя головокружение и с трудом пытаясь не поддаться панике, она останавливается на лестничной площадке третьего этажа — одна посреди хаоса — и, присев на корточки, берет за голову и старается собраться с мыслями. Все тело дрожит, а из глаз капая слезы, расплывающиеся на бетоне пятнышками.

«Тебе необходимо это сделать», — мысленно уговаривает она себя.

Она преодолевает оставшиеся пролеты лестницы, чувствуя, что в груди по-прежнему жжет, а ноги стали какими-то резиновыми. Наконец она проходит в дверь, ведущую с лестницы на шестой этаж.

Там кипит работа: щелкают фотоаппараты, суется специалисты по сбору улик, полицейские в форме допрашивают соседей. Пэтти замечает знакомого судебно-

медицинского эксперта Рэмзи.

Она делает шаг, затем еще один, но ей при этом кажется, что она вообще не продвигается вперед, а просто перемещается по кругу в каком-то аттракционе ужасов...

— Туда заходить нельзя.

— Пэтти.

— Детектив Харни. Пэтти!

Кто-то хватается за руку. Ее взгляд неспешно — как при замедленном воспроизведении видеозаписи — движется по лицу лейтенанта Визневски, которого все называют Визом. Пышные усы, круглое лицо, сигарный запах...

— Пэтти, я... О господи... Мне очень жаль.

— Он... Он...

Пэтти не может заставить себя договорить.

— Они все, — говорит Виз. — Мне очень жаль, что именно я вынужден сообщить об этом.

Пэтти качает головой и пытается высвободить руку.

— Туда нельзя заходить, Пэтти. Пока еще нельзя.

Виз становится перед ней, преграждая путь к двери.

Она с трудом подыскивает подходящие слова:

— Но я ведь... Я знаю, как... как себя вести на месте преступления.

«*На месте преступления*». Звучит так, как будто речь идет всего лишь еще об одном акте насилия, с которым она то и дело сталкивается в своей профессиональной деятельности.

— Но не здесь, детектив. Туда пока еще нельзя. Дай нам возможность попытаться... Пэтти, перестань...

Она отбивает в сторону его руки и резко толкает его. Едва удержав равновесие, он хватается за плечи.

— Пэтти, пожалуйста, — говорит он. — Никому не пожелаю увидеть своего брата в таком состоянии.

Она смотрит Визу прямо в глаза, почти не видя его и лихорадочно пытаюсь до конца все осознать. У нее мелькает мысль, что, возможно, Виз прав и ей не следует смотреть на труп, потому что, если она не увидит брата мертвым, он и не будет для нее мертвым, он не уйдет в мир иной...

Раздается треньканье лифта.

Но ведь он сейчас не эксплуатируется: ребята из Управления судебно-медицинских экспертиз посыпают его специальным порошком. Кто же тогда пользуется лифтом? Наверное, тот, кто может воспользоваться служебным положением и...

«*О господи...*»

— Пришел начальник следственного управления, — слышится чей-то голос.

Пэтти смотрит поверх плеча Виза.

Высокая, угловатая фигура, характерные большие шаги, орлиный нос, который она, слава богу, не унаследовала...

— Папа, — произносит она. Слово едва не застревает в горле, и она чувствует, как самообладание быстро улечивается.

К ней приближается отец — начальник следственного управления Дэниел Харни. Он одет в спортивную куртку, наброшенную поверх помятой рубашки, его редущие волосы не

причесаны, а под глазами — темные пятна.

— Малышка, — шепчет он, заключая ее в объятия. — О-о, мой маленький ангелочек.

— Неужели это в самом деле произошло, папа? — выдыхает она ему в грудь, потому что он крепко прижимает ее к себе. Она говорит так, будто снова стала маленькой девочкой, считающей, что ее отец знает ответы на все вопросы в мире.

— Я хочу его увидеть, — говорит отец, но не ей, а Визу.

Он берет дочь за руку, словно бы ведя ее по коридору, и поворачивается к двери.

— Я понимаю, сэр, — говорит Виз, — но это... это не... Крепитесь, сэр.

Отец смотрит на Пэтти, и выражение лица у него очень мрачное: оно — как плотина, удерживающая разбушевавшуюся стихию. Она кивает.

Его голос начинает дрожать, когда он командует:

— Покажите, куда идти, лейтенант.

Пэтти что-то выключает у себя в мозгу, а включает совсем другое. Она будет держаться спокойно. Она будет вести себя как детектив, а не как сестра. Она осмотрит место преступления, а не труп брата-близнеца. Она изо всех сил цепляется за руку отца, который уже направляется в выложенный плитками коридор.

Ей знаком этот коридор. Из него можно попасть в большую гостиную. Налево — маленькая кухня, прямо — спальня и ванная. В общем-то, довольно обычная квартира в высотном многоквартирном доме в Чикаго, но данную конкретную квартиру она знает хорошо. Она уже была здесь.

Первый раз она побывала тут вчера.

В помещении сразу же становится тихо — словно кто-то поднял руку, требуя тишины. Все, кто чем-то занимался — посыпал поверхности специальным порошком, чтобы затем снять отпечатки, или фотографировал, или собирал образцы, или о чем-то разговаривал, — сделали паузу и уставились на начальника следственного управления и его дочь (тоже детектива).

Пэтти машинально осматривает все вокруг себя глазами детектива. Не видно никаких следов борьбы в гостиной — самой большой комнате в квартире. Мебель стоит на месте, плитка на полу — блестящая и чистая, и не заметно признаков никакой деятельности, кроме той, которой занимаются сейчас детективы и технические специалисты.

Кто-то некоторое время назад включил кондиционер на полную мощность, а потому воздух здесь стал более свежим и прохладным, и это должно замедлить разложение трупа...

«Разложение трупа. Трупа моего брата».

— Это в спальне, — говорит Визневски, заходя вперед. — Но я не могу пустить вас туда, вы прекрасно понимаете. Вы — ближайшие родственники одного из...

— Я хочу просто взглянуть. Я не буду туда заходить, лейтенант.

Отец Пэтти говорит вроде бы четким и решительным голосом, и она, наверное, единственная из присутствующих, кто замечает в его голосе дрожь.

Пэтти рыщет взглядом по сторонам, но не замечает ничего. Эми содержала квартиру в чистоте. В свое время Пэтти видела немало попыток замести следы на месте преступления, однако в данном случае нет никаких признаков того, что здесь недавно что-то скребли или разбрызгивали или неудачно пытались вытереть пятна и удалить пылесосом мелкие обломки. Ни в гостиной, ни на кухне — ни малейших следов насилия.

Все произошло в спальне.

Путь в спальню преграждает красная лента, ограничивающая место преступления — его так называемый внутренний периметр.

Отец Пэтти поспешно опережает ее на пару шагов, чтобы иметь возможность заглянуть в комнату первым. Он наклоняется над красной лентой, делает глубокий вдох и поворачивает голову направо, чтобы заглянуть внутрь.

Затем он тут же закрывает глаза и, отвернувшись и затаив дыхание, замирает. Пару мгновений спустя он тяжело сплывает, открывает глаза (теперь в них заметен застывший ужас) и снова бросает взгляд внутрь спальни.

— О господи, что здесь произошло? — шепчет он.

Пэтти слышит, как Визневски тяжело вздыхает.

— Положение тел и все остальное — такое, как есть, сэр.

Пэтти набирается мужества и, обойдя своего отца, заглядывает в спальню.

Три трупа.

Кейт — детектив Кэтрин Фентон — лежит на ковре и смотрит невидящим взглядом на потолок. Над ее правым глазом — отверстие от угодившей в голову пули. Отверстие довольно аккуратное, без рваных краев. Из него вытекает лишь тонюсенькая струйка крови. Остальная кровь, которой пропитан ковер под ней и измазаны ее красновато-коричневые волосы, в силу закона гравитации вытекает, по-видимому, из выходного отверстия в затылке. Пистолет «Глок» лежит слева от нее, чуть-чуть в стороне от левой ладони.

Пэтти концентрирует внимание на Кейт — но не потому, что никогда не видела трупов (за время службы насмотрелась), и не потому, что ей нравилась Кейт (честно говоря, совсем не нравилась), а потому, что уж лучше видеть это, чем все остальное — то, что расплывчато захватывается боковым зрением.

На кровати — два трупа. Ее брат Билли и Эми Лентини. Оба голые. Эми — с одной огнестрельной раной в районе сердца. Ее тело вытянуто, а голова почти свалилась с левого края кровати. Позади нее слегка виднеется большое темное пятно — кровь, вытекшая из раны.

А затем...

Билли. Пэтти переводит взгляд на него. Сердце лихорадочно колотится, а все тело охватывает жар. Она не сводит глаз со своего брата-близнеца, сидящего на кровати. По правой части его лица течет кровь, голова наклонена в сторону, а глаза закрыты.

Если не брать в расчет кровь и рану, то могло бы показаться, что он просто спит сидя. Он мог спать в таких позах, в каких у нее, Пэтти, заснуть никогда не получалось. Сон приходил только в том случае, если лежала на боку, зажав какую-нибудь подушку между ног.

А вот Билли мог продряхнуть всю ночь, сидя на стуле или на кровати. Ему удавалось вздремнуть прямо на уроке геометрии, не издавая ни единого звука — не храпя, не сопя и вообще не делая ничего, что могло бы его выдать. Он, в принципе, умел тайком не только спать, но и жить. Он мог что угодно делать тайком — скрывать свои опасения, эмоции, мысли, горести под невозмутимым и добродушным выражением лица. Только она, Пэтти, знала об этой его особенности. Она была единственным человеком, который видел его насквозь.

«Ты всего лишь спишь, Билли. Пожалуйста. Это я, Билли, ну же, проснись. Резко открой глаза и скажи: „Сюрприз!“ Пожалуйста, пусть окажется, что ты просто спишь».

— Еще, конечно же, слишком рано делать какие-либо выводы, — говорит Визневски ее отцу, — но очень похоже, что детектив Фентон зашла, увидела их — увидела, чем они занимаются, — и открыла огонь. Билли выстрелил в ответ. Они убили друг друга. Прямотаки перестрелка у корраля О-Кей^[1] здесь, в спальне.

— О господи.

«Нет, — мысленно возражает Пэтти. — Здесь произошло совсем не то».

Ее ноги слабеют, голова кружится. Она чувствует, как чья-то рука тянет ее назад. Это, видимо, рука отца. Однако точно так же, как боялась взглянуть на мертвого Билли, она теперь боится оторвать от него взгляд. Даже еще сильнее.

Отец тянет ее назад и уводит обратно в глубь гостиной. Полицейские прекращают делать то, чем они занимались, и тарашатся на отца и дочь, будто эти двое — не люди, а музейные экспонаты.

Мимо Пэтти проходят медики: они направляются в спальню, держа в руках специальные мешки для трупов с застежками-молниями.

Ее брата положат в черный мешок. Эта мысль не укладывается у Пэтти в голове.

— Мы сделаем как положено, — говорит отец всем, кто находится в комнате. — Там — мой сын, да, но он был полицейским. Прежде всего полицейским. И, черт побери, очень даже неплохим. Почтите его память и память детектива Фентон — сделайте все как положено. Именно так, как нужно, ребята. Не допускайте ни малейшей ошибки. Не торопитесь. Приложите максимальные усилия. И дайте мне...

Отец запинаясь. Все вокруг с очень серьезным видом кивают. В груди у Пэтти жжет так сильно, что трудно дышать.

— Дайте мне разгадку, — заканчивает отец. — Раскройте это преступление.

Внезапно почувствовав приступ клаустрофобии, Пэтти поворачивается и направляется к двери. *«Все неправда, — решает она. — Ничего не происходило».*

— О господи!..

Она слышит эти слова, уже подойдя к двери. И произнес их не ее отец. И не кто-то из полицейских, находящихся в гостиной.

Слова донеслись из спальни, где сейчас находятся медики.

— Есть пульс! — кричит один из них. — Есть пульс! Вот этот еще жив!

Детектив Билли Харни потер ладони. При дыхании изо рта вырывалось и на мгновение зависало в воздухе облачко пара, напоминающее о том, как холодно может быть в Чикаго в середине марта. Сидеть три часа в автомобиле повышенной проходимости — уж слишком долго. Он ненавидел такое вот ведение наблюдения за объектом. Пусть даже в данном случае это была его идея. Ведь именно он занимался этим уголовным делом.

Все началось с убитой студентки, учившейся на предпоследнем курсе в Чикагском университете. В районе вокруг кампуса^[2] — районе Гайд-Парк — имелись места, пользующиеся дурной славой, и все сочли, что студентка убита в результате обычного для города проявления насилия. Но они не знали того, что знал Билли — благодаря данным, которые скачал с ее сотового телефона: девушка в свободное время зарабатывала себе на жизнь проституцией. Она работала через какой-то веб-сайт, который исчез из сети буквально на следующий день после ее смерти, но по ее текстовым сообщениям было видно, что у нее имелся один специфический клиент с необычными запросами, который готов платить немалые деньги за их удовлетворение.

Если изложить коротко, то ему нравилось ее душить, когда он занимался с ней сексом.

Он был торговцем — женатым и с детьми, — который зарабатывал за неделю больше, чем Билли за два года. Такой тип вполне мог позволить себе нанять целую армию высококлассных адвокатов, чтобы они защищали его в суде. Билли хотел, чтобы этот мерзавец потерял осторожность, расслабился, и поэтому он распустил слух, что уже задержали какого-то подозреваемого в убийстве студентки и, по мнению полиции, на девушку просто напали в районе Гайд-Парк. Билли стал следить за этим негодяем-торговцем.

Ровно неделю назад в девять часов вечера торговец вошел в тот городской особняк, облицованный коричневым песчаником. Билли заснял все на видеокамеру, но, не имея ни малейшего понятия, что же затем происходило внутри, затаился. Слегка осмотревшись, он догадался, что в доме располагается дорогой публичный дом.

Поэтому, если предположить, что неприятный тип является постоянным клиентом (а Билли был готов поспорить на немалые деньги, что это именно так), то он должен был прийти сюда и сегодня вечером. План заключался в том, чтобы поймать его с приспущенными штанами и предложить простую сделку: мы не станем арестовывать тебя за то, что прибежал к услугам проституток, если ответишь на несколько вопросов относительно мертвой студентки. Билли вполне мог провернуть это дельце. Всегда лучше начинать задавать вопросы и получать на них ответы в такой ситуации, когда субъект пребывает в ошеломленном состоянии и горит желанием угодить.

Билли оттянул край рукава пальто и посмотрел на часы. Половина девятого. Он подул на ладони, пытаясь их согреть.

— Сош, как там у нас дела? — спросил он по переговорному устройству у Соши — полицейского, сидящего сейчас в одном из остальных задействованных полицейских автомобилей — через два дома вниз по улице, к востоку от особняка.

Ответ послышался через беспроводной наушник, вставленный в ухо.

— Готовы, хотим и можем, — сказал Сош. — Точь-в-точь как твоя сестра.

— Моя сестра не стала бы использовать в схватке с тобой шестифутовый шест.^[3] Не

стал бы этого делать и Станисловски.

— А кто он, черт его возьми, этот Станисловски?

— Шестифутовый поляк.^[4]

— Харни, сядь обратно в автомобиль.

Эти слова произнесла напарница Билли — Кэтрин Фентон. Она сидела в полицейской машине, стоящей сразу за его автомобилем.

— Сош, как там дела у твоего жуликоватого приятеля? — В паре с Сошиа теперь работал новый детектив — симпатичный молодой парень по фамилии Рейнольдс. — Знаешь, а я сегодня заплатил за его обед.

— Да я, черт возьми, знаю. Он сказал, что положить фасоль пинто на буррито^[5] — это была твоя идея. И я тут сижу с ним в одном автомобиле уже три часа.

Билли ухмыльнулся. Ведение наблюдения за объектом — *не всегда* очень скучное занятие.

— Эй, Кроули, ты еще не уснул?

Кроули находился вместе с Бенсоном в третьей машине.

— Да уж, тут от скуки можно не только заснуть, но и умереть. Сколько требуется полицейских, чтобы приручить одного-единственного негодяя?

И Сош, и Кроули оба поднимали этот вопрос. Однако особняк, за которым они сейчас вели наблюдение, находился в весьма престижном районе города — в Голд-Коуст, а потому Билли совсем не хотелось, чтобы были допущены какие-либо ошибки. А еще ему было важно приобщить к данной операции таких мастеров своего дела, как Сош и Кроули.

— Что, Кроули, у тебя есть на примете место поинтереснее, куда ты мог бы пойти? Я знаю, что твоей супруги нет дома, потому что она сейчас в машине с Сошем.

— Ну что ж, тогда и Соша ничего интересного не ждет.

Билли почувствовал, что ужасно замерз. Постоял каких-то десять минут возле машины — и пальцы на ногах уже занемели от холода.

— Эй, Фентон, — обратился он к напарнице. — Как ты называешь проницательного коротышку, которому удастся улизнуть от охотящихся за ним полицейских?

Он открыл дверь с пассажирской стороны и залез в теплый салон автомобиля.

Детектив Фентон — Кейт — посмотрела на него искоса.

— Маленький, да удаленький, — пошутил Билли.

Сош обожал это выражение. А вот Кейт оно не очень понравилось.

— Ага. — Билли выпрямился на своем сиденье. — Два часа. Явление первое.

— Верно, — кивнула Кейт и начала вещать в переговорное устройство: — Белый мужчина в коричневом пальто и коричневой кепке движется в сторону севера по Астор-стрит.

«Кэти, — подумал Билли, — всегда такая энергичная, такая рьяная... Вообще-то этот мужчина — единственный, кто сейчас идет по улице, так что ребята, скорее всего, и сами его заметили».

Но он не произнес свои мысли. Попросить Кейт уgomониться — все равно что бросить спичку в лужу бензина.

— Ты увидел его, Кроули?

— Ну да. Он очаровательно улыбается — прямо как специально для снимающей его камеры.

— Я знаю, кто он, — сказала Фентон. — Это парень из того шоу.

— Какого еще шоу?..

— Того шоу — в котором обсуждают фильмы... «В переднем ряду» или что-то в этом роде.

— Ага. — Билли видел это шоу. «В переднем ряду с...». Однако не смог вспомнить имя. — За одно только дурацкое шоу следовало бы его арестовать.

— Да, это... Это он, — сказал Сош. — Брейди Уилсон.

Все напряглись, наблюдая, как кинокритик взбегаёт вверх по ступенькам, ведущим к входной двери особняка. Не успел он нажать на кнопку звонка, как какой-то мужчина в темном костюме открыл дверь и впустил его внутрь.

— Забавно, — сказал Кроули. — Как, по-вашему, он пришел сюда по делам?

— Однозначно, — сказал Билли. — Один парень владеет здесь всеми тремя этажами. Он заявляет, что живет здесь, но с того момента, как я стал вести наблюдение за домом, не заметил, что бы кто-то жил в нем постоянно. Три этажа — значит, примерно восемь или десять комнат.

— Получается, что мы можем попасть на неслабую вечеринку.

— Наверное, нам следовало бы позвонить в отдел нравов,^[6] — предложил Билли, заранее зная, какую реакцию вызовут его слова.

— К черту отдел нравов, — отмахнулась Кэти. — Это дело — наше.

— О господи, — включился в разговор Сош. — Ну прямо Иисус Христос, только распятый не на кресте, а на палочке для мороженого...

— Что там такое, Сош?

— Вы никогда не поверите, *кто* только что прошел мимо меня. Кроули, ребята, вы там сняли это на видео?

— Вас понял, мы сняли — о пресвятая Богородица...

— Так вы мне скажете или нет?

Билли пожалел, что у него в руках не оказалось какого-нибудь оптического прибора с большим увеличением. Никто же не ожидал, что он может понадобится. Он поспешно схватил лежащий на заднем сиденье бинокль и навел его на ступеньки особняка, по которым медленно шагал по направлению к входной двери некий пожилой мужчина.

— Ну и ну... — присвистнул Билли. — Это случайно не его высокопреосвященство архиепископ Майкл Ксавьер Фелан?

— О боже, вот ведь прохиндей... Ай-ай-ай, какой прохиндей!

Билли не мог понять, взволновал его сей факт или разочаровал. Его напарница Кейт сидела с таким видом, будто приготовилась к самым решительным действиям. Уголовное дело, которым они сейчас занимались, только что обросло новыми пикантными подробностями.

— Сделайте все вдох и выдох, — скомандовал Билли. — Возможно, он идет туда только затем, чтобы выслушать исповеди.

У тротуара напротив особняка остановился черный автомобиль повышенной проходимости, мало чем отличающийся от того, в котором сейчас находился Билли. Насколько Билли смог разглядеть в свой бинокль при уже довольно тусклом освещении, стекла автомобиля были затемнены. И это очень странно, потому что затемненные окна в машинах в этом штате строго-настрого запрещены, если не считать весьма немногочисленных исключений.

Исключение составляли, в частности, автомобили, на которых возят

высокопоставленных чиновников.

Билли слегка наклонил бинокль, чтобы был виден номерной знак, и снова поднял.

— Вот черт... — выругался он. — Переговорю-ка я, пожалуй, с Визом.

— Зачем? — Кейт едва не вскочила со своего сиденья.

Билли покачал головой.

— Да затем, — пояснил он. — Только что из той машины вышел мэр Чикаго.

Билли сел в автомобиль-седан, находящийся за квартал от места, с которого он вел наблюдение. Внутри сильно пахло сигарным дымом. Визневски всегда носил с собой этот запах.

Виз повернул голову и посмотрел на Билли.

— Сколько их?

— Мы видели, как внутрь зашли двенадцать человек, — ответил Билли. — Все — поодиночке. Складывается впечатление, что их распределили по времени так, чтобы ни один из них не увидел другого. Большие меры предосторожности. Семерых мы идентифицировать не смогли. Один из тех, кого удалось узнать, — мой подозреваемый в убийстве студентки, торговец. Еще один — кинокритик, который ведет шоу на телевидении. Его зовут Брейди Уилсон. Еще один — чернокожий, который, по словам напарника Соша, какой-то там рэпер по имени Шоколад Кью.

— И что, черт возьми, означает это «Кью»?

Билли посмотрел на Виза:

— Когда я его арестую, спрошу.

Визневски потер глаза.

— А ты уверен насчет архиепископа?

— Абсолютно.

— А насчет...

Губы Виза уже сложились, чтобы произнести звук «м», но он не смог заставить себя сказать все слово.

— Это был мэр. Никаких сомнений. Спецгруппа охраны привезла его сюда, но в дом охранники не пошли. Автомобиль припаркован возле перекрестка. У нас сейчас достаточно много людей?

— Десять полицейских готовы прибыть на подмогу, как только я позвоню, — ответил Виз.

Десять плюс шесть детективов — вроде бы должно хватить.

— Нет необходимости это делать, — сказал Визневски. — И ты это знаешь.

Он имел в виду, что Билли не нужно задерживать всех подряд. Вполне можно ограничиться тем, ради чего он сюда прибыл, — арестовать мужчину, подозреваемого в убийстве студентки, — и закрыть глаза на все остальное.

«Эх ты, трусливое дерьмо». Виз всегда думал о будущем, стремился карабкаться вверх по служебной лестнице, затевал на работе какие-то интриги. Билли, конечно же, осознавал, что арест известных людей может закончиться для него как угодно. Именно мэр назначает суперинтенданта полиции, и последний, видимо, не очень обрадуется скандалу с градоначальником. Если мэр лишится своего кресла, то вслед за ним, вполне вероятно, слетит и он. Билли же может получить золотую звездочку в личное дело — или же, наоборот, его карьера в правоохранительных органах резко завершится. И карьера Виза тоже. Этот инцидент может стать самым лучшим событием в их работе или же, напротив, самым худшим. Такой парень, как Виз, всегда обдумывающий возможные политические последствия, старался избегать подобных рисков.

Но Билли был по своей натуре совсем не таким человеком, как Виз. Для него все было

просто. Его деятельность в полиции сводилась к трем словам: «Делай свою работу». Если станешь руководствоваться сторонними соображениями, потеряешь хватку, ибо эти соображения ослабят концентрацию и превратят тебя совсем не в такого полицейского, каким ты должен быть.

«Делай свою работу». У него имелись кое-какие основания полагать, что сейчас совершается преступление, и только это имело значение.

— Ты что, приказываешь мне дать задний ход? — спросил Билли.

— Нет-нет. — Виз провел пальцем линию в воздухе. — Вовсе нет.

Вовсе нет, ибо для Виза было бы еще хуже, если бы он сказал детективу не проводить расследование преступления, потому что к нему причастен высокопоставленный чиновник. Это могло привести к увольнению со службы, а то и к уголовному преследованию. Виз был слишком осторожным политиканом для того, чтобы позволять чему-нибудь вроде *этого* оказываться в его послужном списке.

— Все, что ты станешь делать начиная с данного момента, будет затем очень внимательно анализироваться, — сказал Виз. — Журналисты, сотрудники отдела внутренних дел полицейского управления Чикаго, адвокаты, прочие заинтересованные лица — все они попытаются смотреть на тебя через увеличительное стекло. Ты же понимаешь, да? Я всего лишь говорю, что лично я отреагирую с пониманием, если ты не захочешь заходить слишком далеко, то есть ограничишься подозреваемым в убийстве и никого другого не станешь трогать. Мы ведь не полицейские из отдела нравов. Арестовывать тех, кто таскается по шляхам, — в общем-то, не наше дело.

Билли ничего не ответил: он ждал, что еще скажет Виз.

— Если ты сейчас напортачишь, — продолжал коллега, — это может оказаться последним арестом, который ты произведешь. Это может бросить тень на твоего отца. И на сестру. Тебя могут начать поливать всяческой грязью. Тебе это совсем не нужно, Билли. Тебя ведь и так ждет блестящее будущее.

Когда стало ясно, что Виз полностью выговорился, Билли повернулся к нему:

— А теперь я могу делать свою работу?

Виз бросил на него угрюмый взгляд и в знак согласия слегка махнул рукой.

Билли вылез из автомобиля на холодный воздух и направился к особняку.

Билли и его напарница — детектив Кейт Фентон — направились к черному автомобилю повышенной проходимости, припаркованному возле перекрестка, — тому самому, в котором сейчас находилась спецгруппа охраны мэра. Билли подошел к нему со стороны водительской двери и показал значок полицейского.

Затемненное стекло опустилось. Из окна машины на детективов посмотрел с недовольным видом крепкий мужчина среднего возраста.

— Вы припарковали автомобиль перед пожарным гидрантом, — уведомил Билли.

— Мы — охранники мэра.

— И потому вам дозволено нарушать правила дорожного движения?

Мужчина едва ли не целую минуту раздумывал, что же ответить.

— Вам нужно, чтобы мы отъехали в сторону?

— Мне *нужно*, чтобы вы и ваши коллеги вышли из машины.

— Почему мы должны выйти из машины?

— Вы должны выйти из машины потому, что вас об этом просит полицейский, — отрезал Билли.

Теперь опустилось затемненное стекло задней — со стороны водителя — двери.

— Моя фамилия — Лэйдис, — представился мужчина, сидящий на заднем сиденье. — Я — бывший сотрудник полицейского управления Чикаго.

— Хорошо. Значит, вы можете объяснить своим друзьям, насколько важно подчиняться законным требованиям полиции.

Хоть и не очень быстро, но все три охранника все-таки вышли из машины.

Билли продолжил разговор с бывшим полицейским по фамилии Лэйдис:

— Как вы связываетесь с мэром? Или как он связывается с вами?

Лэйдису очень не хотелось отвечать на этот вопрос, но пришлось:

— Он два раза нажимает на своем телефоне кнопку со знаком «решетка». Или же мы делаем то же самое.

— А у кого телефон?

Лэйдис посмотрел на своих коллег.

— У нас троих и у мэра.

— Дайте мне ваши телефоны. Вы трое.

— Мы не можем этого сделать.

Билли подошел поближе к Лэйдису.

— Мы собираемся сейчас войти в особняк, — объявил он, — и нам совсем не нужно, чтобы кто-то кого-то об этом предупредил. Отдайте мне телефоны — или я арестую вас за попытку чинить препятствия полиции, за неповиновение полицейскому или еще за что-нибудь, что придет мне в голову, пока мы будем тащить вас туда, где уже будет стоять в ожидании целая дюжина журналистов.

Лэйдис счел доводы убедительными, а потому он и его коллеги отдали Билли свои телефоны. К автомобилю торопливым шагом подошел молодой полицейский в форме.

— Этот полицейский будет находиться в вашем автомобиле, — предупредил Билли, — и он очень огорчится, если кто-нибудь из вас попытается кому-то что-то сообщить при помощи текстового сообщения, письма по электронной почте, телефонного звонка или

каким-либо иным способом. Вы меня поняли?

— Да, я вас понял, — понурился Лэйдис.

— И еще кое-что, — добавил Билли. — Одолжите мне свое пальто...

Билли подошел к особняку, поднявшись по ступенькам, нажал на звонок у входной двери и стал ждать.

— Кто там? — раздался голос из домофона.

— Спецгруппа охраны мэра, — ответил Билли. Он постарался стать так, чтобы эмблему на пальто было видно через все камеры наблюдения, какие здесь только могли быть. — Мне необходимо поговорить с мэром.

— Мэра здесь нет.

— Мы привезли его сюда, болван. Мне нужно с ним поговорить.

В вестибюле зажегся свет. К двери подошел высокий дородный мужчина в костюме. Пиджак на его боку топорщился: мужчина был вооружен. И ему, возможно, не понравилось, что его обозвали болваном.

Он приоткрыл дверь.

— Почему бы тогда вам ему не позвонить? — спросил он.

— Понимаете, в этом-то и проблема, — заговорщически сказал Билли, а затем, немного наклонившись, ухватился рукой за край двери и распахнул ее. После этого он сделал шаг вперед и нанес молниеносный удар костяшками согнутых пальцев по незащищенному горлу мужчины. Тот издал сдавленный булькающий звук и тут же утратил способность издавать какие-либо звуки.

— Зеленый свет, зеленый свет, — объявил Билли в микрофон переговорного устройства, прикрепленного к воротнику, после чего схватил мужчину, выпихнул его на лестницу и прижал к перилам, придерживая ногой дверь, чтобы она не закрылась.

Остальные детективы бросились вверх по ступенькам к входу. Вслед за ними туда устремились полицейские в форме.

— Руки — на перила, ноги — в стороны, — приказал Билли своему «подопечному» и передал его одному из полицейских в форме.

— У него ствол на левом бедре, — сообщил он полицейскому и мысленно добавил: «А теперь у него еще и горло болит».

Билли зашел внутрь здания. Освещение было тусклым, а в воздухе пахло ладаном. На второй этаж вела лестница, рядом с которой находилась какая-то дверь — по-видимому, в гардероб. Откуда-то снизу доносились еле слышные звуки музыки — низкие и ритмичные.

— Кроули, — сказал Билли, — проверь первый этаж. Сош...

Из-за виднеющейся прямо впереди портьеры появился мужчина, держащий в руке дробовик^[7] стволом вверх. Не успел Билли крикнуть: «Полиция — никому не двигаться!», как к мужчине бросилась Кэти. Она ухватилась за ружье, ударила охранника коленкой в пах и, когда он согнулся от боли, долбанула его вторым коленом в бок. Тот, выпустив дробовик, беззвучно рухнул на пол, а Кэти с победоносным видом приподняла отнятое у него оружие.

«Ну да, именно так».

Из-за портьеры выскочил еще один амбал (они появлялись оттуда как клоуны, выходящие из-за занавеса на арену цирка), и опять, прежде чем Билли смог произнести хотя бы слово, Кэти с размаху врезала мужчине прикладом дробовика по лицу и сбила его с ног.

«Не шутите с Кэти».

Билли распределил полицейских, кому куда идти — в комнаты первого этажа или на

верхние этажи. Подойдя к лестнице у двери, он распахнул ее. За ней и в самом деле находился гардероб, но какой-то странный: никаких вешалок не было — ни прикрепленных к стене, ни стоящих на полу. Не было даже каких-нибудь крючков.

Однако низкие и ритмичные звуки здесь слышались отчетливее.

Билли зашел в гардероб, положил ладонь на заднюю стену и с силой надавил. Стена тут же подалась. Это была фальшивая стена, в действительности представлявшая собой дверь, за которой находилась лестница, ведущая куда-то вниз.

Билли жестом показал нескольким полицейским в форме, чтобы они следовали за ним, и стал медленно спускаться по лестнице, держа пистолет наготове. Доносящаяся до него музыка отдавалась эхом где-то между ушами.

У него мелькнула мысль: *«А они там, внизу, слышали беготню на первом этаже?»*

Наверное, нет. Тут, похоже, звукоизолирующие стены.

Музыка звучала уже громко. Голос поющей женщины был страстным — она едва ли не стонала, заглушая ритмичную мелодию. Билли дошел до последней ступеньки и заглянул за угол, держа пистолет стволом вверх.

Освещение в помещении было тусклым — лиловый полумрак. Посреди комнаты — шест для стриптиза, вокруг которого извивалась гибкая голая женщина, зависнув на нем вверх ногами: ее ноги плотно обхватили блестящий стальной шест. Вокруг нее со всех сторон сидели женщины и мужчины. Некоторые из дам были полуголыми — с разной степенью обнаженности, другие — в эротических костюмах: озорная медсестра, девочка из католической школы, госпожа-садомазохистка. Мужчины же — кое-кто тоже в соответствующем прикиде — все как один скрывали свои лица под масками.

Они настолько увлеклись своими сексуальными фантазиями, что сразу никто из них не заметил Билли. Бармен, находящийся справа от него, увидел его первым, и он мог представлять угрозу, поскольку находился позади небольшой стойки, на скрытых полках которой могло лежать что угодно — например, оружие.

— Полиция — никому не двигаться! — крикнул Билли, наведя свой пистолет на бармена и идя к нему. Бармен, увидев, что в него целятся из пистолета, тут же поднял руки.

Начался хаос: люди Билли стремительно заскочили в помещение, выкрикивая команды и заставляя всех лечь на пол. Тем, кто сидел вокруг стриптизерши, бежать было некуда: единственный имеющийся выход заблокировала полиция, и никто не смог бы оказать сколько-нибудь действенного сопротивления полудюжине полицейских, целящихся в них из пистолетов.

Билли насчитал шесть мужчин. А ведь вошли в особняк аж двенадцать.

— Кроули, как у нас дела? — спросил Билли по переговорному устройству.

— На первом этаже больше никого. Фентон держит под контролем тех двух типов.

— Сош, как там верхний этаж?

— Все чисто. Мы обнаружили только менеджера.

В особняк зашли двенадцать человек (не считая троих вооруженных охранников-балбесов, которых уже удалось обезвредить), и половину из них не нашли ни на первом, ни на втором этажах.

Где же они?

И тут Билли заметил в углу комнаты еще одну дверь.

Билли распахнул дверь. Она была массивной. Очень толстой была и стена. *«Наверное, для большей звукоизоляции, — предположил Билли. — Вполне разумно для секс-клуба... да и для любого другого аналогичного заведения, если здесь находится нечто иное».*

Он пошел по длинному коридору, в котором имелось по три двери с каждой стороны.

Шесть помещений — а значит, места еще для шестерых мужчин.

Он жестами показал Сошу, Кэти и некоторым полицейским в форме, кто за какую дверь отвечает. Все держали пистолеты наготове. У детективов на шее на шнурке висели значки полицейских.

Билли кивнул, и они — шесть сотрудников полицейского управления Чикаго — ударом ноги одновременно распахнули каждый свою из шести дверей.

— Полиция — никому не двигаться! — крикнул Билли, входя в темную комнату, освещенную только тусклым уличным фонарем через окно. Заметив на кровати какое-то шевеление, Билли включил фонарик и снова крикнул: «Полиция — никому не двигаться». На кровати лихорадочно пытались чем-нибудь прикрыться два голых человека: девушка и лежащий на ней мужчина. Оружия у них явно не наблюдалось, а потому они не могли причинить никакого вреда — разве что собственной репутации.

Девушка выглядела молодо. Очень молодо. Возможно, она даже была несовершеннолетней.

Мужчина — старше раза в три.

— Лечь на пол! Вы оба! Лицом вниз!

Они повиновались. Билли завел мужчине руки за спину и надел на них наручники.

— Барышня, сколько вам лет?

— Двадцать два, — ответила она дрожащим голосом.

Ему не хотелось этого делать, но он надел наручники и на нее.

— Если вам двадцать два, то я — король Испании. А вас, сэр, как зовут?

— Что?

— Как вас зовут, сэр?

— Меня зовут... Джон Барнс.

Билли присел рядом с этим мужчиной на корточки.

— Джон Барнс, говорите?

— Да... Да.

— Хорошо. Значит, я обознался. Мне показалось, что вы — архиепископ Фелан. Впрочем, самый высокопоставленный в городе представитель церкви — церкви, прихожанином которой являюсь и я, — не стал бы пользоваться услугами проститутки. А особенно такой, которая, как мне кажется, еще не достигла совершеннолетия. Потому что это уже не просто половая связь с проституткой, а развращение лица, не достигшего совершеннолетия.

— О-о, нет. О господи. Господи, помоги мне...

— Так что очень хорошо, что вы — всего лишь какой-то там Джон Барнс.

Билли отступил назад и вышел в коридор. Там уже было полно полицейских. Он жестом показал одному из них, чтобы тот встал у входа в комнату, в которой Билли только что побывал.

Детектив Соша, выйдя из соседней комнаты, кивнул Билли.

— Мэр хочет поговорить с тем, кто среди нас старший, — сказал он, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

Билли заглянул в соседнюю комнату. Мэр — Фрэнсис Делани — сидел на полу, выпрямив спину и прислонившись к кровати. Вокруг бедер была намотана простыня, руки в наручниках заведены за спину, а жиденькие остатки волос на голове буквально стояли дыбом. Его и без того обычно румяное лицо покраснелось — видимо, оттого, что он только что занимался сексом. А еще — и даже в большей степени — оттого, что его охватило чувство стыда.

— Вы старший среди детективов? — спросил мэр.

— Да.

— Вы не могли бы закрыть дверь?

Билли пожал плечами.

— Мог бы, но не стану. Сексуальных утех на сегодня вполне достаточно. Вы, пожалуйста, не обижайтесь, но сексуально вы меня не привлекаете.

Мэр не оценил юмор Билли.

— Это очень... очень затруднительная ситуация.

— Для одного из нас — да.

— Скажите, а я могу рассчитывать на то, что со мной тут будут в той или иной степени считаться?

— Считаться? *Я считаю* вас болваном, потому что вы додумались рискнуть своей должностью ради каких-то низменных удовольствий. *Я считаю* вас эгоистичной подтиркой для задницы, потому что вы предали людей, которые вас избрали. Ну что, вас устроит, если с вами будут *считаться* подобным образом?

Мэр опустил голову.

— Я хороший руководитель для этого города. Да, хороший.

— Вы имеете в виду, что не собираетесь урезать полицейским пенсии, чтобы сбалансировать бюджет?

Мэр бросил взгляд на Билли. Ему показалось, что появилась ниточка, за которую можно было бы ухватиться.

— Может, нам следовало бы об этом поговорить, — предложил он.

— Конечно. Давайте когда-нибудь выпьем вместе кофе.

— Нет. Я имею в виду, что мы с вами могли бы решить вопрос прямо сейчас.

Билли присел на корточки — так, чтобы оказаться лицом к лицу с мэром.

— Вы говорите, что, если я вас отпущу, вы измените свою позицию относительно наших пенсий?

Мэр, даже в такой ситуации оставаясь политиком, с надеждой посмотрел Билли прямо в глаза. Его круглое лицо с пухлыми щеками еще больше покраснелось.

— Ну а если бы я *и в самом деле* такое сказал? — спросил он.

— Если бы вы такое сказали, — усмехнулся Билли, — я арестовал бы вас еще и за попытку подкупа.

Билли вышел из комнаты и увидел Соша. У того на выпуклом лбу выступил пот — видимо, от волнения, которое вызвали у него только что произошедшие события.

— А я думал, что это будет очень скучное ведение наблюдения, — сказал Сош. — Хочешь пообщаться с менеджером притона? По сравнению с ней Хайди Фляйсс [\[8\]](#) выглядела

бы девочкой-скаутом.

Следующий час Билли занимался тем, что контролировал выполнение приличествующих данной ситуации процедур. Он позаботился о том, чтобы все обнаруженное в особняке было снято на видеокамеру (включая каждого из находившихся там на момент появления полиции людей), чтобы были установлены личности задержанных (некоторые пытались называть вымышленные фамилии и имена) и чтобы весь особняк обыскали с целью найти какие-нибудь записи.

Как только задержанных усадили в фургон и полицейские в форме получили приказ относительно того, куда их везти, Билли подошел к Сошу, который ждал его на первом этаже.

— Настал черед менеджера, — сообщил Билли. — Пойдем пообщаемся с ней.

Поднимаясь по лестнице, они встретили Гоулди — лейтенанта Майка Голдбергера, который как раз шел вниз. Он был для Билли самым любимым человеком в полиции — его учителем, его наставником, одним из тех немногих, кому он по-настоящему доверял.

— А-а, вот и ты, — обрадовался Гоулди, со шлепком пожимая руку Билли. — Знаменательный для тебя вечер. Я просто хотел тебя поздравить. Думал, что ты наверху — слушаешь похвалы.

— Наверху?

— Ну да. Там сейчас находится заместитель суперинтенданта полиции.

— Правда?

— Конечно, правда. Слухи распространяются во все стороны, как огонь во время лесного пожара. Виз изображает все так, будто он руководил операцией. Со стороны похоже на шоу одного актера, в котором актер — он.

— Ну и гнида! — процедил Сош.

— Идите наверх, — посоветовал Гоулди. — Пусть вас тоже заметят. Я попытался вставить твою фамилию, но у Виза острые локти. Поздравляю тебя еще раз, парень.

«Ну как можно не обожать Гоулди?» Билли и Сош пошли дальше вверх по лестнице.

На верхнем этаже, как и сказал Гоулди, находился заместитель суперинтенданта полиции. Он с широкой лучезарной улыбкой пожимал Визу руку, а второй рукой хлопал его по плечу. Мэр в свое время не утвердил заместителя на должность суперинтенданта, а потому он не расстроился, узнав, что мэр хорошенько влип. Впрочем, никто из коллег не расстроился бы по данному поводу после того, как глава города попытался урезать полицейским пенсии.

Виз кивнул Билли и Сошу, но ничего не сказал. И не показал на них заместителю суперинтенданта. Сош пробормотал себе под нос что-то нечленораздельное, а Билли на действия Виза, в общем-то, было наплевать. «Делай свою работу». И ничего не усложняй.

Проходя вместе с Сошем мимо какого-то кабинета, Билли резко остановился и заглянул внутрь. Там было безукоризненно чисто: красивый письменный стол из клена с несколькими аккуратно разложенными на нем стопками бумаг. Компьютера в кабинете не наблюдалось. В помещении сейчас находились несколько полицейских в форме и Кейт. Они проводили тщательный обыск, открывая каждый шкаф, пролистывая стоящие на полках книги, заглядывая под ковер...

— Как у нас дела? — спросил Билли.

Кэти подошла к нему:

— Знаешь, а Виз там приписывает все заслуги за облаву одному себе.

Билли пожал плечами:

— Вы нашли что-нибудь в кабинете?

Кэти отрицательно покачала головой:

— Никаких записей. Компьютера тоже нет. Машинка для уничтожения бумаг — и та пуста. Денег тут, правда, полно, но больше ничего нет.

Не очень-то удивительно. Записи в компьютере — такая же гадкая вещь, как электронные письма и текстовые сообщения: стоит их создать — и уже безвозвратно не сотрешь. Местные ребята, похоже, были профессионалами. Они, конечно же, вели записи, но только карандашиком на бумаге.

— Нет никакой маленькой черной книжки?^[9] — спросил Билли.

Кэти покачала головой:

— Нет. Она должна быть здесь, но ее нет.

Билли кивнул в сторону соседней комнаты:

— Давай пообщаемся с менеджером.

Они перешли в соседнее помещение, где Кроули сидел в компании с какой-то женщиной, которая выглядела отнюдь не радостной. Это была довольно симпатичная дама средних лет, худощавая, с крашеными белыми волосами, одетая в ярко-синий костюм.

— Познакомьтесь с Рамоной Диллавоу, — промолвил Кроули, который выглядел так, словно ему очень хотелось спать. Может, и в самом деле хотелось. — Она тут менеджер. Не так ли, Рамона?

— Да пошел ты!.. — выругалась женщина, скрещивая руки на груди. — Я не считаю себя обязанной о чем-то говорить с вами.

— Я перечислил ей ее права, — вздохнул Кроули, закатывая глаза, — но у меня такое впечатление, что она их знала и без меня.

Билли подошел к женщине.

— Где ваш компьютер? — поинтересовался он.

— Я не обязана отвечать на твои вопросы.

— Я его все равно найду, так что лучше ответить. — Билли достал из внутреннего кармана маленький блокнот с прикрепленной к нему шариковой ручкой. — Я даже запишу, что вы оказали нам содействие. И нарисую рядом с этой записью смайлик.

— Да пошел ты!.. — озлобилась женщина.

— Ну так как насчет книжки?

— Какой еще книжки? Библии?

— Ну хватит уже! — Кэти врезала ногой по стулу, на котором сидела язвительная дама, так, что стул вместе с ней слегка сместился. — Отвечайте на наши вопросы.

— У меня нет компьютера. У меня нет никакой книжки.

— Послушайте, леди, — начала Кэти.

— Меня зовут не Леди. Меня зовут Рамона. А тебя я буду называть полицейской шлюхой.

Сош слегка укусил себя за костяшку согнутого пальца: Кэти была не из тех женщин, над которыми можно было безнаказанно измываться.

— Хотя нет, я не стану тебя так называть, — передумала Рамона. — Ты, наверное, не смогла бы соблазнить даже полицейского.

Билли поморщился. Сош крепко закрыл глаза.

— Я вас поняла, — не дрогнула Кэти. — Но если подойти к данному вопросу с другой стороны...

Сделав несколько шагов, она обогнула стул с женщиной и вдруг дала ей такую оплеуху, что та свалилась со стула.

— Это я подошла с другой стороны, — пояснила Кэти.

Билли встал между Кэти и упрямой дамочкой, лежащей на полу.

— Иди подыши свежим воздухом, — попросил он девушку.

— Я подам на тебя, сучка, в суд! — крикнула Рамона. — Я тебя засужу, паскудная ты задница!

Билли протянул женщине руку. Та долго смотрела на него и лишь затем, ухватившись за него, поднялась и села обратно на стул.

— Рамона, — сказал Билли, — либо мы перевернем тут все, чтобы найти эту штуку, либо вы скажете, где она, и тогда нам не придется ничего ломать и портить. Я, конечно, понимаю, что у вас есть хозяин. Как вы думаете, он будет доволен, если вы вынудите нас крушить стены и отдирать от пола ковровое покрытие?

Хороший полицейский, плохой полицейский... Всего лишь клише, но оно соответствует тому, что реально происходит в деятельности полиции.

Рамона, все еще испытывая боль от полученного удара (на ее щеке осталось большое красное пятно), покачала головой с утомленным видом.

— Вы не найдете никакой маленькой черной книжки, — упрямылась она.

— Тогда мы устроим обыск у вас дома. У нас не будет другого выбора.

— Мне нужен адвокат, — произнесла Рамона.

Et voilà!^[10] Разговор можно считать законченным.

— Скажи полицейским в форме, чтобы никуда не уходили и продолжали искать до тех пор, пока не найдут что нам нужно, — приказал Билли Сошу. — А еще надо получить у судьи разрешение на обыск у нее дома. Мы найдем нужную нам маленькую черную книжку — рано или поздно.

Облава удалась на славу — а значит, это дело нужно было отметить. Билли и Кейт пошли в «Дыру в стене» — «полицейский» бар возле станции метро «Рокуэлл» на Коричневой линии.^[11] Одна семейная пара — оба бывшие полицейские — купили заведение десять лет назад, привели его в порядок, рассказали всем встречным и поперечным, что полицейские будут получать в баре скидку на алкоголь — и дела у них пошли в гору буквально с первого дня. Три или четыре года назад они оборудовали в углу сцену, установили на ней микрофон и однажды объявили, что, дескать, сегодня вечером каждый может сказать в микрофон все, что пожелает. Вечер прошел столь успешно, что они стали проводить подобные акции регулярно. Теперь заведение притягивало к себе не только полицейских и увивающихся за ними поклонниц: некоторые люди приходили сюда, чтобы послушать что-нибудь смешное. Многие местные жители — в том числе и Билли — полагали, что бар ни в чем не уступает комедийным клубам на Уэллс-стрит.

Кейт и Билли зашли вовнутрь, и их встретили с большим почетом. Вокруг сразу началась толкотня — прямо как при драке за мяч во время игры в регби. Все старались пожать руку Билли, похлопать его по спине, обхватить руками и приподнять над полом, потрепать по шевелюре, угостить бокалом бурбона^[12] или текилы. Он, конечно, от угощения не отказывался, ибо не хотел проявлять невежливость. К тому моменту, как они с Кейт наконец-таки нашли себе столик, Билли уже изрядно подвыпил, волосы растрепались, как у мальчугана-сорванца, и ему казалось, что он потянул пару мышц.

— Думаю, до них дошли слухи о проведенных арестах, — сказал он Кейт, волосы у которой сейчас пребывали примерно в таком же состоянии, как и у него.

На столе перед ними появилось два пол-литровых бокала с элем,^[13] при этом им сказали, чтобы «даже и не пытались сегодня вечером за что-то платить». Билли взял бокал и с удовольствием сделал большой глоток. Да, вечер был знаменательным. Журналисты взбудоражились. Что, архиепископ? И мэр Чикаго? Уж слишком крупные фигуры для того, чтобы кто-то мог не обратить на произошедшее внимания. Находящиеся сейчас в баре полицейские то и дело передавали друг другу смартфоны, давая прочесть статьи в интернет-изданиях и сообщения в «Фейсбуке» и «Твиттере». Мэр никогда не проявлял доброжелательности по отношению к общественным организациям полицейских и их пенсиям, а потому никто здесь не проливал слез по поводу того, что мэр вляпался в серьезные неприятности. А вот архиепископ — совсем другое дело. Некоторые люди расстроились, особенно рьяные католики, которых в полиции имелось немало. Другие же пользовались случаем и цинично насмеялись над церковью, порой выходя за пределы политкорректности. Некоторые из полицейских заметили, что на этот раз священник был пойман, по крайней мере, с женщиной, а не с мальчиком, прислуживающим у алтаря.

Кейт, похоже, была в восторге. Она любила совершать какие-нибудь решительные действия — причем даже в большей степени, чем Билли. Если усадить эту женщину за какие-нибудь бумажные дела, через час ей захочется застрелиться. Она обожала работу детектива, особенно облавы, стычки, напряженные ситуации. Она стала полицейским из благих побуждений — чтобы бороться за хорошее и против плохого, — но работа в полиции давала ей кое-что еще: она была для нее своего рода контактным видом спорта.

Билли посмотрел на Кейт. Она стояла возле столика, который они заняли, и не сводила

глаз с экрана телевизора, который размещался в углу помещения, — один за другим шли репортажи о произведенных арестах. Кейт была одета в тонкий свитер с большим разрезом и облегающие голубые джинсы. Очертания ее тела бросались в глаза. Когда-то она слыла звездой волейбола в Университете Южного Иллинойса, и хотя с тех пор прошло больше десяти лет, она сохранила атлетическую фигуру. Этому, наверное, способствовало посещение ею занятий по тхэквондо и боксу, а также увлечение бегом на очень длинные — полумарафонские — дистанции. Иногда Билли даже начинал чувствовать себя уставшим от одних лишь мыслей о том, какими видами спорта занималась Кейт.

Но вот сегодня вечером он никак не чувствовал себя уставшим. Его, как и Кейт, взбудоражили произведенные аресты. Он всегда говорил себе, что задержания по своей сути не отличаются друг от друга — «делай свою работу, невзирая на лица», — но тем не менее он не мог отказать себе в маленьком проявлении тщеславия после событий сегодняшнего вечера.

К нему снова и снова подходили какие-то люди, которые поздравляли и отпускали шуточки по поводу мэра и архиепископа — колкости, которые становились все более грубыми по мере того, как собравшиеся в баре посетители пьянели. Снова посмотрев на Кейт, Билли вдруг увидел лейтенанта Визневски — Виза, который обхватил Кейт рукой за плечи и что-то шептал ей на ухо. Кейт вроде бы улыбалась, но Билли знал ее лучше, чем кто-либо другой. По напряженности ее тела и натянутой улыбке он понял, что она скорее согласится на клизму, чем клюнет на флирт со стороны Виза.

Ох уж этот Виз! Сначала попытался уговорить Билли не вступать в сомнительное дело (поскольку, будучи политиканом, опасался нарушить сложившееся положение вещей), а затем сделал поворот на сто восемьдесят градусов и в разговоре с заместителем суперинтенданта полиции приписал все заслуги себе одному. И вот сейчас он вел себя так, как будто участвовал в операции по задержанию.

— Ага, вот и ты. Человек дня.

Эти слова произнес Майк Голдбергер — Гоулди, явившийся в бар собственной персоной. Гоулди был довольно сдержанным человеком, который, в отличие от Билли и его приятелей, не очень-то увлекался попойками и кутежами, а потому видеть его здесь, в «Дыре в стене», было весьма непривычно.

— Не напивайся слишком, — пригрозил он пальцем Билли. — Тебя завтра могут позвать на пресс-конференцию.

Билли вообще-то уже приходило в голову, что в ближайшие несколько дней будут проводиться встречи с журналистами, однако он был абсолютно уверен, что рядом с суперинтендантом полиции там будет находиться Визневски, а не он, Билли.

— Какие у тебя чувства относительно всего этого? — поинтересовался Гоулди. — Я имею в виду, того, что произошло сегодня вечером. Облава прошла нормально?

Билли кивнул:

— Думаю, что нормально. По всем правилам. Никаких сомнений в том, что у меня имелись достаточные основания.

— Замечательно. — Гоулди, похоже, ничуть не удивился. Придумать достаточные основания для обыска не так уж и трудно. — Не было ничего необычного?

— Мэр пытался меня подкупить.

Гоулди поднял брови:

— Серьезно?

— Ну, он подводил к этому. Сказал, что мы, возможно, могли бы решить проблему с пенсиями. Вероятно, если бы я выпустил его через черный ход, он изменил бы свое отношение к вопросам нашего уровня жизни.

— Тебе следовало сказать ему «да», — заметил Гоулди с невозмутимым видом.

— Я попытался выторговать у него несколько бесплатных билетов на матч «Атланта Хокс»^[14] лично для себя.

— Даже и не... — Гоулди придвинулся поближе. — Даже не пытайся шутить по этому поводу.

— Да знаю, знаю.

— Я знаю, что ты знаешь, но... Билли, я серьезно. Это может плохо закончиться. — Он слегка наклонил голову и посмотрел парню прямо в глаза. — Некоторых из самых могущественных людей города сегодня вечером забрызгали грязью, а люди, облеченные властью, если ты вдруг раньше не обращал внимания, такого не любят. Они сделают все, что только смогут. Доберутся до всех, до кого смогут. В том числе и до полицейских.

— Да пошли они!..

— Я уже слышу вопросы, — сказал Гоулди. — Вопросы об имеющихся доказательствах. Вопросы типа: «А где же маленькая черная книжка?» Куда она могла исчезнуть?

— Мы обыскали весь дом снизу доверху. Там не...

— Боже, *мне* это известно, Билли. Я ведь на твоей стороне.

Билли прекрасно понимал это. Гоулди был его ангелом-хранителем с того самого момента, когда он поступил на службу в полицию. Возможно, Гоулди сейчас преувеличивал, но вообще-то у него на такого рода вещи имелся нюх.

— Будь осмотрительнее, — шепотом предостерег Гоулди. — Начиная с этого момента не превышай скорость, помогай старушкам переходить через дорогу, спасай щенков, тонущих в озере Мичиган.

Гоулди похлопал Билли по груди.

— Ты находишься под увеличительным стеклом, друг мой, — констатировал он. — И не давай никому повода обжечь тебя при помощи этого стекла.

Пэтти Харни наблюдала за тем, как ее брат Билли идет, пошатываясь, к импровизированной сцене «Дыры в стене». Он был сегодня человеком дня, хотя и не стремился к признанию собственных заслуг или славе. Никогда не стремился. Пэтти не могла вспомнить ни одного случая в жизни, когда Билли пытался перетянуть одеяло на себя или хвастался. Просто как бы само собой получалось, что он то и дело оказывался в центре внимания. Люди тянулись к ее брату-близнецу, как к ней не тянулись никогда.

Двое полицейских буквально подтолкнули Билли к микрофону. Он сейчас пребывал не в самой лучшей физической форме, поскольку выпил уже как минимум полдюжины бокалов бурбона и несколько кружек пива, однако все, что делал Билли, со стороны выглядело легко и непринужденно. Вот, например, и сейчас он схватил микрофон и стал запросто выдавать экспромтом какие-то шутки. Пэтти пришла бы в полное замешательство, если бы оказалась наедине с аудиторией с микрофоном в руке, а Билли вел себя в подобных случаях очень даже раскованно. Неужели они вдвоем появились из одной и той же утробы с интервалом каких-то семь минут?

— Я — Харни, — сказал Билли в микрофон, когда шум в баре стих. — Знаете, а вам иногда необходимо смеяться. Иначе вы, чего доброго, отупеете в этом городишке от скуки. Так что давайте немного повеселимся.

— И ты нам сейчас поможешь! — выкрикнул один из полицейских, стоявший в нескольких футах от Билли. Это был патрульный, который работал в западной части Чикаго. Он обладал таким телосложением, как будто по совместительству еще и профессионально занимался культуризмом. Билли жестами показал патрульному, чтобы он тоже поднимался на сцену, и тот повиновался. Неизвестно, во что этот крепыш был одет раньше, когда только пришел в бар, но сейчас на нем оставалась только белая обтягивающая майка, на фоне которой еще больше бросались в глаза фигурные мускулы и блестящая лысая голова.

Билли обнял парня одной рукой.

— Мне хотелось бы поблагодарить мистера Клина за то, что он пришел сюда сегодня вечером, — объявил он.

Аудитория зашумела.

— Мистер... Я могу называть тебя «мистер»? Мистер Клин борется со всякой грязью в этом городе и тем самым очищает его уже много лет. [\[15\]](#)

«Как у него получается так импровизировать?» — недоумевала Пэтти. Протиснувшись сквозь толпу, она подошла к детективу Кэтрин Фентон, которая стояла у высокого стола, со смехом наблюдая за своим напарником, балагурящим на сцене.

— Привет, Кейт, — поздоровалась Пэтти.

Выражение лица девушки слегка изменилось, выдавая охватившие ее чувства, но она тут же нагнала на себя любезный вид и слегка улыбнулась:

— Привет, Пэтти.

На первый взгляд, Кэтрин Фентон была хорошей напарницей для Билли. Работая в паре, они некоторым образом сглаживали острые углы, которые имелись у обоих. Кейт обладала резким напористым нравом, тогда как Билли был спокойным, менее агрессивным и при этом более уверенным в себе. В любой ситуации он всегда находил место для юмора.

А вот у Пэтти и Кейт отношения не складывались. Пэтти и сама толком не понимала

почему. Она ведь всегда вела себя по отношению к Кейт вежливо, никогда не говорила ей ни одного грубого слова. Она не смогла бы сказать, что она сделала такого, что заставило Кейт испытывать к ней неприязнь.

По данному поводу ей приходило в голову лишь одно объяснение: между ней и Кейт началось своеобразное соперничество из-за Билли. Кейт хотела быть для него самым близким человеком, однако его сестра-близнец путалась под ногами.

«Ты никогда не будешь знать его так же хорошо, как я, Кейт. Никогда».

— Поздравляю с таким знаменательным вечером, — сказала Пэтти, обращаясь к Кейт.

— Спасибо, — ответила та, глядя на сцену.

— Я по меньшей мере раз в месяц хожу в церковь вымаливать прощение за свои грехи, — трещал со сцены Билли. Аудитория слушала с интересом. — А вот сегодня вечером впервые в моей жизни *мне* исповедовался священник.

Слушателям его заявление понравилось: раздалось улюлюканье и нарочито громкие стоны. Билли нравился всем. Он умел играть на публику. Обычно он делал это перед своим смартфоном, прикрепленным в вертикальном — с легким наклоном — положении на табуретке, стоящей на сцене. Билли делал видеозапись своего паясничанья, а затем закачивал на страницу в «Фейсбуке», которую он делил с женщиной по фамилии Стюарт. Он познакомился с этой женщиной в больнице три года назад, когда ему, Билли, пришлось пережить нечто очень и очень ужасное.

О господи — уже целых три года? Для Пэтти это все было как вчера. Взгляните на Билли: он держался молодцом после трагедии, которая заставила бы сломаться большинство людей. Подобный ужас не перенесла бы и *она*, Пэтти. А вот Билли продолжал жить дальше как ни в чем не бывало — как будто весь обрушившийся на него поток неприятностей зацепил его лишь краем. Все, дескать, хорошо, все прекрасно.

Однако та трагедия все-таки изменила его. Да, изменила, причем таким образом, что Пэтти не до конца понимала брата. Но даже если приставить пистолет к голове Билли, он все равно ничего о себе не расскажет.

Пэтти стала наблюдать за тем, как Кейт смотрит на Билли, и ей не понравилось то, что она увидела. Кейт, надо признать, выглядела великолепно со своими зачесанными назад красновато-коричневыми волосами, большими зелеными глазами, сильным атлетическим телом. Ее удивительная красота, наверное, делала ее недостижимой для большинства мужчин. Билли тоже бросался в глаза своей внешностью: высокий, крепко сложенный, с неотразимой улыбкой, частенько играющей у него на губах. Пэтти не раз приходило в голову, что Билли и Кейт могли бы стать очень даже неплохой парой. Однако она никогда раньше не замечала никаких признаков влечения между ними и лишь сегодня вечером увидела нечто в глазах Кейт, которая внимательно слушала его разглагольствования.

Да, по глазам Кейт было видно, что ее влечет к Билли. Алкоголь, похоже, сделал ее менее сдержанной и разбередил чувства. Кроме того, сейчас она и предположить не могла, что за ней кто-то наблюдает.

«А я наблюдаю, Кейт».

Закончив свою тираду, Билли поднял бокал с пивом, и публика стала ему аплодировать. Когда аплодисменты стихли, Пэтти поставила бокал на стол и подошла поближе к Кейт.

Она встала так близко, что девушка не смогла бы проигнорировать ее, не проявив при этом невежливости, а потому Кейт с неохотой повернулась к Пэтти и подняла брови.

— Билли — хороший парень, — констатировала Пэтти.

— Он самый лучший, — поддакнула Кейт.

— Знаешь, он все еще никак не придет в себя после того, что с ним произошло.

Кейт отхлебнула пива.

— Я это знаю.

— Знаешь?

— Да, Пэтти, знаю.

— Не причиняй ему боль, — сказала Пэтти. — Не делай больно моему братику.

Кейт отпрянула:

— И что *это* означает?

— Ты знаешь, что это означает. И имей в виду: я говорю серьезно.

Пэтти хотела сказать что-то еще, но она уже довольно много выпила, и кто знает, какие слова могли бы выскочить из ее рта, если бы она не дала задний ход? Чувствуя, как у нее жжет в груди, она одним махом опустошила бокал и направилась прямо к выходу.

Билли сел за один из столов в дальней части бара и посмотрел на стоящие перед ним бокалы с пивом и виски. Он уже и не помнил, когда в последний раз напивался так сильно. Кто-то поставил на стол тарелку с хрустящей жареной картошкой. Билли решил, что даже не притронется к ней: от жирной пищи его могло стошнить.

К нему подседа Кейт, и он подвинулся, освобождая для нее место. Бар потихоньку пустел. На часах — половина четвертого, а заведение работало до четырех. У посетителей принимали последние заказы.

— Ну и ночка сегодня, черт бы ее побрал! — пробормотал он.

— Ну да, я понимаю...

Ладонь Кейт коснулась под столом его ноги. Ее ладонь... на его ноге.

— Привет! — сказал, подходя к ним, какой-то пьяный парень (впрочем, в это время суток трезвым в баре взяться было неоткуда). — А как выглядел мэр?

— Он в течение всей суматохи вел себя как джентльмен, — ответил Билли. — Он принял свою судьбу с изяществом и достоинством.

Парень засмеялся. Засмеялась и Кейт.

Ее ладонь переместилась чуть выше. Билли был пьяным и уставшим, но кое-какая часть его тела вдруг проснулась и напомнила о себе.

— Это было, наверное, очень даже волнительно — застать его в пикантной ситуации, — предположил парень.

Кейт повернулась к Билли, который уже и сам не знал, что написано сейчас на его лице.

— Это было волнительно? — переспросила она, и ее ладонь стала двигаться выше по его ноге. — Волнительно, детектив?

Билли посмотрел Кейт прямо в глаза. Похоже, тут нет никакого недоразумения. Ее ладонь медленно перемещалась вверх по его ноге отнюдь не случайно.

— Я бы сказал, что скорее неожиданно, — признался он.

Ее ладонь снова пришла в движение и приблизилась уже вплотную к паху.

— Неожиданно в хорошем смысле слова? — поинтересовалась Кейт. — Или в плохом?

Ого! Ладонь Кейт нашла его главную «артерию», обхватила пальцами, стала сдавливать и гладить.

— Вполне могло бы быть и в плохом, — отозвался он, глядя на сидящего напротив мужчину — пьяного полицейского, которого сейчас больше интересовал картофель фри.

— Да, верно, — подтвердила Кейт, кивая с таким видом, как будто под столом ничего не происходило, хотя она вообще-то расстегнула застежку-молнию на штанах Билли и засунула *туда* свою ладонь. — Могло быть в *очень* плохом.

Она, можно сказать, баловалась с «заслонкой». Если бы она продолжала это делать, то произошел бы «пуск».

— Мне нужно пойти отлить, — икнул пьяный полицейский, поднимаясь со стула. Билли с Кейт остались одни.

— Плохое иногда может быть хорошим, — витиевато завернул фразу Билли.

Его правая ладонь скользнула вниз и нашла ногу Кейт. В тот момент он пожалел, что на ней джинсы, а не юбка. Ноги Кейт под столом раздвинулись, и Билли, реагируя на приглашение, стал перемещать ладонь вверх.

— Если всего лишь один раз, — сказала Кейт. — И если ничего не усложнять.

Теперь Билли стало трудно дышать. Он не был слепым. Он знал, что Кейт — умопомрачительная женщина. Просто он никогда не позволял себе по отношению к ней ничего лишнего. Она была его напарницей. Он осознанно воспринимал ее только в этой ипостаси.

Однако сейчас препятствия устранялись сами по себе. Конечно же, ему и раньше приходили в голову кое-какие мысли. Невозможно видеть Кейт каждый день, проводить рядом с ней одну восьмичасовую смену за другой, чтобы при этом у тебя не возникали кое-какие мысли. Чтобы понять такую простую вещь, достаточно лишь взглянуть на нее.

Что Билли сейчас и сделал. Однако, глядя на нее, он видел уже не детектива Кэтрин Фентон — он видел *Кейт* и мысленно представлял себе, как она, голая, выгибает спину, как ее волосы ниспадают на лицо, как ноги обхватывают с двух сторон его торс, как с ее губ срывается стон, как ее тело подстраивается под его движения...

— Нам не нужны осложнения, не так ли, напарник? — взглянула она на него.

— Нет... осложнений не нужно.

Билли так сильно возбудился, что едва мог говорить. Он был готов войти в Кейт прямо здесь, на глазах у нескольких пьяных полицейских, никто из которых, слава богу, пока еще вроде бы ничего не замечал.

Затем они вдвоем, помахав на прощание всем сидящим в баре, направились к выходу.

— Всего лишь один раз — ничего особенного, — проговорил Билли.

На улице стояли, выстроившись в очередь, такси. Они сели в первое попавшееся.

— Подумаешь! Большое дело! — хорохорился он.

— А что, нет? — Она снова положила руку туда, куда клала ее, пока они сидели в баре. — А мне *это* показалось очень даже большим.

Едва такси отъехало от бара, как Билли забрался на Кейт и стал стаскивать с нее одежду, шарить рукой в ее голубых джинсах, чувствуя над ухом ее горячее дыхание.

«Всего лишь один раз, — мысленно сказал он себе. — *Ничего особенного*».

— Вот дерьмо! Офигеть!

Билли зашевелился в постели, застонал, перевернулся на другой бок и слегка приоткрыл глаза, чувствуя, что голова просто раскалывается.

— Ты должен на это взглянуть, Харни.

Кейт упала на кровать, не сняв кроссовки. Она только что вернулась с утренней пробежки. Рубашка на груди была мокрой, волосы зачесаны назад.

«Вот так и создается фигура: дождь или солнце, попойка до глубокой ночи или крепкий сон — Кейт неизменно поднимается с рассветом, отправляется на пробежку и преодолевает далеко не одну милю».^[16]

— Посмотри-ка.

Кейт поднесла к его лицу смартфон.

Ему бы вспомнить свое имя, а уж о том, чтобы прочесть что-то на маленьком дисплее, и речи быть не может. Какие-то лазерные лучи самой настоящей агонии перекрещивались в его мозгу. На мгновение мелькнула мысль, что кто-то воспроизводит внутри черепа сцену из «Звездных войн».

Наконец ему удалось сфокусироваться на дисплее смартфона, и он тут же согласился с репликой Кейт: «Офигеть!»

Это был заголовок из «Чикаго-П-П» — одного из новостных интернет-изданий, которые появляются в последнее время одно за другим. Издание специализировалось на политике (первая «П») и преступлениях (вторая «П») в Чикаго. Автором статьи, привлечшей внимание Кейт, была некая Ким Бинс — женщина-репортер, с которой Билли сталкивался несколько раз в неприятных ситуациях. «Неприятных» — еще слишком мягко сказано.

Ким Бинс обладала упорством питбуля и чарами гремучей змеи.

Заголовок выглядел следующим образом:

«КВОТЕРБЕК^[17] „ГРИН-БЕЙ ПЭКЕРС“^[18] — ЗАВСЕГДАТАЙ СЕКС-КЛУБА?»

«Ого! — подумал Билли. — Довольно быстро».

— Видеозапись, — заметила Кейт. — В статье утверждается, что у них есть видеозапись, как он приходил в клуб.

— Но не вчера вечером. Вчера вечером его там не было.

Билли прочел статью. В ней говорилось, что «Чикаго-П-П» попала в руки видеозапись, на которой видно, как новоиспеченный квотербек из команды «Грин-Бей Пэкерс» заходит в особняк-бордель в один из дней прошлого лета.

В статье также обещалось, что появятся и следующие видеозаписи, в которых фигурируют другие знаменитости.

— Это нехорошо, — сказала Кейт. — Все будет крутиться вокруг маленькой черной книжки, которую мы не нашли. Тебе ведь известно, что о ней уже задают вопросы, да? Этот недоносок Визневски даже что-то говорил мне по данному поводу прошлым вечером.

Такие же мысли высказывал Билли и его друг Гоулди. Однако для Билли более интересным был другой вопрос: кто сделал видеозапись? И зачем?

— Очень плохо, — повторила Кейт.

— Взгляни с позитивной стороны, — возразил Билли.

— А что, есть еще и позитивная сторона? И в чем же?

— Возможно, в нынешнем году это даст команде «Чикаго Беарз» дополнительный шанс на успех в Национальной футбольной конференции. [\[19\]](#)

— О господи, Билли, ты не воспринимаешь это как серьезную проблему? — Кейт стала водить пальцем туда-сюда между собой и Билли. — Вина-то ведь ляжет на нас с тобой. Расследованием руководили именно мы.

— Им руководил я, — поправил ее Билли. — Вина ляжет на меня.

— Но я руководила обыском и сбором доказательств.

Заставить успокоиться разволновавшуюся Кейт было так же непросто, как остановить движущийся на высокой скорости товарный поезд. Все, что делала Кейт, она делала быстро и в полную силу. Для нее не существовало пониженной передачи.

— Мэру нужно отвести от себя внимание, — заявила она. — Ему нужно, чтобы в центре истории был не только он, но и кто-то еще. Он хочет, чтобы внимание переключилось на нас.

— Значит, — успокоил ее Билли, — мы найдем маленькую черную книжку сегодня в доме менеджера.

Прошлым вечером, после того как они допросили менеджера секс-клуба Рамону Диллавоу и безуспешно обыскали особняк, Билли отправил полицейских в форме в дом экзальтированной дамы, чтобы опечатать его.

— Уж лучше нам ее найти. — Кейт соскочила с кровати. — А иначе нам крышка.

— Нам крышка, — констатировала Кейт.

— Никакая нам не *крышка*. Ты преувеличиваешь.

Билли снял резиновые перчатки. Он сейчас стоял в вестибюле дома Рамоны Диллавоу в районе Линкольн-Парк. За руководство публичным домом, должно быть, платили очень хорошо, ибо трехэтажный особняк на Белден-авеню был роскошным — блестящие полы из твердой древесины и дорогие произведения искусства, самые современные бытовые приборы и оборудование, огромный — размером едва ли не с экран в кинотеатре — плоский телевизор на цокольном этаже, несколько рядов стульев перед этим телевизором (причем как раз таких, какие бывают в кинотеатрах), гигантская ванная комната с настоящей полноразмерной сауной и душевой кабиной, не уступающей по площади гостиной в квартире Билли. В доме имелось все, чего только можно пожелать.

Все, кроме маленькой черной книжки.

— Эта *книжка* может быть в каком угодно виде, — инструктировал Билли перед обыском полицейских и привлеченных технических специалистов.

Да, она могла быть в форме самой настоящей книжки, или же компьютера, или планшета, или флешки, или карты памяти. Она могла быть похожей на телефонный справочник или бухгалтерскую книгу. Или быть зашифрованной и представлять собой записи карандашом на последних страницах какого-нибудь романа, стоящего на книжной полке. В общем, она могла быть в какой угодно форме.

И находится где угодно.

Однако за восемь часов они не нашли ничего. У Рамоны Диллавоу имелся электронный планшет и персональный компьютер, и технические специалисты скачали все их содержимое на внешний жесткий диск, чтобы затем проанализировать, однако предварительный анализ, выполненный одним из технических специалистов, не дал никаких положительных результатов.

Билли выпил еще одну бутылку воды. Во рту было сухо, как в пустыне Сахара. Он попытался рассуждать стратегически — как думала бы сама Рамона Диллавоу. «Если бы я имел нечто ценное вроде такой книжки и хотел бы, чтобы важный предмет никто не нашел, но при этом чтобы он не потерялся, куда бы я его поместил?» Проблема в данном случае заключалась в том, что всем его мыслям и идеям приходилось протискиваться через месиво ударов грома, тарелок и отбойных молотков, пытающихся изнутри разнести его череп на куски. Это было самое ужасное похмелье за всю жизнь...

— О-о, вот классно. Взгляни-ка.

Кейт передала Билли смартфон, на дисплее светилась интернет-статья одной из ведущих газет города — «Чикаго трибюн». Билли просмотрел подзаголовки, все они были посвящены недавним арестам.

Уйдет ли мэр в отставку?

Сторонники мэра выступают в его поддержку

Епархия архиепископа делает расплывчатое заявление

Но среди всего этого ему бросился в глаза такой подзаголовок:

В статье не сообщалось почти ничего нового. Вторая половина представляла собой перепечатку ранее опубликованных материалов: краткое описание произведенных арестов и известных людей, которые под эти аресты попали. Однако в первых трех абзацах говорилось, что мэр нанял адвоката — влиятельного юриста, который при Джордже Буше-старшем был министром юстиции США и уже заявил, что полиция «ошибочно восприняла абсолютно невинное поведение как какую-то преступную деятельность и ворвалась в частный дом, не имея никаких на то оснований».

Билли улыбнулся и покачал головой. Обычно он именно так реагировал на плохие новости. Его отношение ко всем событиям в жизни после того, что произошло три года назад, заключалось в следующем: самое худшее, что может случиться, уже позади, а все остальное — не самое худшее — ждет его впереди.

Но это была его работа, и она имела для него немалое значение. Это единственное, что у него сейчас есть. И хотя Кейт была склонна к преувеличениям, не только она была тревогу по поводу того, *что*, возможно, надвигается на Билли.

Тревогу бил и Майк Голдбергер, а уж у Гоулди нюх на такие вещи гораздо более развит, чем у остальных известных Билли людей.

— Все будет в порядке, Кейт, — сказал Билли, пытаясь убедить не столько ее, сколько самого себя.

И вдруг раздался звуковой сигнал одновременно из смартфона в руке Билли и из его собственного телефона, висящего в чехле на ремне штанов. Им обоим, получается, прислали текстовое сообщение в одно и то же время. Билли почувствовал, как по спине пробежали холодные мурашки.

Он отдал Кейт смартфон и вытащил свой. Им потребовалась секунда, чтобы прочесть сообщение и осознать, что текст один и тот же.

А прислал его лейтенант Визневски:

«Доклад на пятом этаже Дейли-центра через час».

На пятом этаже Дейли-центра размещался офис прокурора штата по округу Кук — главного прокурора по части преступлений, совершаемых в Чикаго и его пригородах.^[20]

Кейт посмотрела на Билли.

— Нам крышка, — побледнела она.

— Прокурор штата сейчас вас примет.

Сотрудник, произнесший эти слова, широко распахнул дверь из светлой древесины. Первое, что увидел Билли через огромное окно большой угловой комнаты, — темнота на улице. Затем ему бросились в глаза фотографии на стенах и памятные подарки на полках. На снимках был хозяин кабинета в компании с известными и очень уважаемыми людьми — что неудивительно для политика.

Еще через пару секунд он обнаружил в комнате двух человек: суперинтенданта полиции и прокурора штата по округу Кук.

Суперинтендантом был человек по имени Тристан Дрискол, которого мэр Фрэнсис Делани перетащил сюда из Ньюарка, штат Нью-Джерси, где тот трудился в должности начальника полицейского управления города. Брат Дрискола был лоббистом интересов мэра и его финансистом — на последних выборах он собрал для него миллионы долларов. И хотя Делани громогласно заявлял, что взял человека со стороны, чтобы очистить полицейское управление Чикаго, в действительности он взял к себе брата одного из тех людей, которым был больше всего обязан своим переизбранием на последних выборах. Вот такие порядки в Чикаго.

Рядом с суперинтендантом стояла прокурор штата по округу Кук Маргарет Олсон, которая три срока была членом совета района, прежде чем решила, что хочет стать главным прокурором округа. Она занималась юридическими вопросами всего пару лет, но выиграла выборы благодаря тому, что получила мощную поддержку от — угадайте с одного раза! — мэра Фрэнсиса Делани.

Осознавая, что многие люди подвергают сомнению ее компетентность, Маргарет Олсон решила стать самым жестким, самым агрессивным из всех прокуроров, которые когда-либо работали в этом округе: она никогда не закрывала дела, не доведя их до суда, и неизменно отвергала какие-либо соглашения между обвинением и защитой. Вскоре ее стали называть за глаза Максималисткой Маргарет — за любое совершенное преступление она всегда требовала максимально возможного наказания. Судьи ее ненавидели, борцы за гражданские права яростно критиковали. Полицейским не очень нравилось, что при рассмотрении каждого уголовного дела — даже явно выигрышного для прокурора и порой довольно мелкого — их обязательно вызывали в суд давать показания, потому что Маргарет не хотела идти ни на какие компромиссы. Кому она нравилась, так это адвокатам подсудимых, потому что Максималистка Маргарет давала им возможность неплохо заработать.

В комнате присутствовал и третий человек, а именно женщина, причем довольно молодая (возможно, одного возраста с Билли) и красиво одетая. Она уставилась на Билли таким пристальным и сосредоточенным взглядом, что парню даже показалось, будто она пытается прочесть его мысли.

Если бы она и в самом деле была на такое способна, то узнала бы, что он думал примерно следующее:

«Суперинтендант полиции Дрискол — бездушный подхалим. Прокурор штата Олсон — политическая проститутка, которая предъявила бы официальное обвинение даже своей собственной матери, если бы это повысило ее политические шансы хотя бы на один процент. Они оба обязаны своей должностью мэру, которого я совсем недавно унижил и

растоптал... А вот ты какого происхождения, красавица? Думаю, итальянского. А может быть, греческого — с этими шелковистыми иссиня-черными волосами и запоминающимися темными глазами. Ты выглядишь как Кейт Бекинсейл,^[21] но с юридическим образованием. Это хорошая новость. Плохая новость: похоже, ты такой же приятный человек, как остроконечные бородавки на лице».

— Детективы, вы, конечно же, знаете суперинтенданта полиции, — завела свою песню Маргарет Олсон, сидя за письменным столом из ореха. Ее седеющие волосы были коротко подстрижены.

«Ну конечно, я знаю Тристана. Эй, Тристан, что это, черт побери, за имя для полицейского — Тристан? Твои родители ждали девочку, да?»

— Конечно, — вслух сказал Билли.

Кейт только кивнула, но промолчала.

— А это — заместитель прокурора штата Эми Лентини, — представила Олсон королеву красоты, которая стояла с абсолютно ледяным выражением лица.

«Итальянка. Получается, я угадал с первого раза».

— Она занимается в моем офисе специальными расследованиями. Садитесь, детективы, садитесь.

Билли и Кейт сели на стулья перед письменным столом. При этом они оказались зажатыми с флангов: слева от них находился главный полицейский, прямо перед ними — главный прокурор, а справа — Эми Лентини, занимающаяся, как только что выяснилось, специальными расследованиями.

«Прекрасно, — размышлял Билли. — Я знаю, что вы все трое горите желанием поблагодарить нас за то, что вчера вечером мы хорошо выполнили свою работу. Кто хочет начать благодарить первым? Поднимите руку!»

Билли бросил взгляд на Кейт, которая, похоже, слегка перепугалась. Ее реакция вызвала у него раздражение. Его даже разозлило то, что с ними обращаются подобным образом, то есть явно пытаются запугать. Почувствовав в себе инстинкт защитника, он хотел было взять Кейт за руку, но передумал.

— У нас есть несколько вопросов к вам относительно того, что происходило прошлым вечером, — начала Эми Лентини. — Мы полагаем, что вы не откажетесь помочь нам кое-что понять.

Очень милое приглашение к сотрудничеству (мы с вами, дескать, на одной стороне), сделанное женщиной, у которой такое выражение лица, как будто она вознамерилась отрубить им головы.

— Во-первых, почему вы вообще там оказались? — спросила она. — Район Голд-Коуст находится за пределами вашей юрисдикции.

— Я расследовал убийство, — начал объяснять Билли. — Убийство, совершенное неподалеку от кампуса Чикагского университета. Там задушили девушку. У меня имелся подозреваемый. За неделю до вчерашних событий я видел, как он заходит в особняк, и в результате длительных наблюдений я понял, что это что-то вроде публичного дома.

— Подобными делами должен заниматься отдел нравов, — заметила Эми Лентини.

— Да, конечно, однако мне не хотелось, чтобы вмешивался отдел нравов, потому что для меня было важно поймать своего подозреваемого.

— Почему?

— Вы когда-нибудь были полицейским, Эми?

Она слегка отпрянула. Билли не до конца понял, *что* вызвало у нее большую досаду: то, что он стал задавать ей вопросы, или то, что обратился к ней по имени.

— Видите ли, Эми, — продолжал Билли, — когда у вас такой подозреваемый, как у меня, — то есть мужчина с немалыми деньжищами, — то гораздо легче заставить его говорить, если на него имеется какой-нибудь компромат. Если бы я застукал его с проституткой, у меня появился бы серьезный козырь в общении с ним.

Эми Лентини в недоумении развела руки в стороны.

— Вы решили, что, если застанете его с девушкой легкого поведения, он от волнения тут же признается в совершении убийства?

— Ага, вот вы и ответили на мой вопрос.

— На какой вопрос я ответила?

— Вы никогда не были полицейским.

Билли откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу.

— Нам всем станет удобнее, если вы начнете вести себя в благожелательной манере и будете нам помогать, — вмешался суперинтендант полиции Тристан Дрискол, являющийся, в общем-то, для Билли начальником.

«*А ты, Тристан? Ты когда-нибудь был полицейским? Я имею в виду, настоящим полицейским?*»

Билли кашлянул себе в кулак.

— Если бы я сцапал этого типа просто на улице, то уже через две секунды он звонил бы адвокатам. — Билли начал разжевывать очевидное. — Но если бы разговор начался в ситуации, когда он с ужасом думал бы о том, что о его встрече с проституткой узнают жена и дети, я мог бы сделать ему предложение, от которого он не стал бы отказываться. Если бы он ответил на несколько вопросов, я, возможно, закрыл бы глаза на его постельную сцену в секс-клубе. При этом он, безусловно, не ответил бы мне на *главный* вопрос — убивал ли он ту девушку. Но я заставил бы его признаться, что он с ней знаком, что присылал ей эсэмэски, — ну и все такое прочее. Я мог бы начать создавать фундамент, на котором основывалось бы дальнейшее расследование.

Лентини, глядя на Билли, несколько раз моргнула.

— И как бы это вам помогло? Ваш план, кстати, сработал?

— Нет, — признался Билли.

— Нет, — передразнила она. — Потому что ваш подозреваемый все равно сразу же позвонил адвокату. Потому что средства массовой информации прознали о крупной облаве — арестах, относящихся к сфере деятельности отдела нравов, но произведенных детективом, расследующим *убийства*. Причем журналистам все стало известно еще до того, как упомянутый детектив прибыл вместе с арестованными в полицейский участок. То есть надежда на то, что подозреваемый будет бояться гнева жены, растаяла — все, корабль уже уплыл.

Да, именно так. Однако как только Билли увидел всех тех людей внутри особняка, он не смог это проигнорировать. Да ему, в общем-то, и не следовало игнорировать. Ведь он был полицейским, столкнувшимся с совершающимся преступлением.

Впрочем, Лентини высказалась верно: как только Билли арестовал мужчин и проституток, его план в отношении человека, подозреваемого в убийстве, тут же провалился.

Лентини подловила его на мелочи, и все в комнате это понимали.

Билли почувствовал, как по его телу пробежали первые холодные мурашки.

— Давайте поговорим о маленькой черной книжке, — перевела разговор Лентини.

— Где она? — спросила Эми Лентини.

Она не спросила: «Вам удалось ее найти?» Не поинтересовалась: «У вас есть какие-нибудь зацепки?» Она задала вопрос таким образом, как будто полагала, что Билли точно знает на него ответ.

— Не знаю, — поморщился Билли. — Мы тщательно обыскали особняк и дом менеджера. Мы просмотрели всю информацию в ее ноутбуке и в электронном планшете. Где-то, конечно, должны иметься какие-то записи. Как-то же нужно было вести список клиентов. Что-то обязательно должно быть — может, не книжка, а жесткий диск, флешка, даже просто листки с записями.

— Согласна.

— Хорошо, — вздохнул Билли. — Я рад, что мы хоть в чем-то друг с другом согласны.

Лентини не оценила его юмор.

— У нас есть основания полагать, что она *была* там, — сказала Лентини. — В особняке.

— Есть основания? Какие?

— У нас сейчас нет возможности это обсуждать.

— У вас сейчас нет возможности... — Билли едва не вскочил со стула. — Что значит «нет возможности обсуждать»? Я — детектив, ведущий расследование. Если имеется малейшая зацепка, я должен о ней знать. Мы ведь, я полагаю, работаем в одной команде.

Лентини ничего не ответила. Лица у суперинтенданта полиции и прокурора штата стали каменными.

— Это еще что такое? — Теперь Билли не смог усидеть на стуле. — С каких пор офис прокурора штата не делится информацией с полицейским управлением?

— Видимо, с этого момента, — произнесла Кейт, впервые вступая в разговор. Лицо у нее побледнело.

— Данное дело больше не ваше, — отчеканила Лентини. — Вы от него отстранены.

— Не вам решать. Прокурор штата не...

— Я так решил, — подключился суперинтенданта полиции.

Билли посмотрел на Тристана Дрискола, чувствуя, как в груди медленно нарастает жгучий гнев.

— Что вам известно о видеозаписи, о которой заговорили в прессе сегодня? — спросила Лентини. — Видеозаписи того, как квотербек из команды «Грин-Бей Пэкерс» посещает особняк прошлым летом?

Билли, почувствовав слабость в коленках, ответил не сразу.

«Это может оказаться последним арестом, который ты произведешь», — предупреждал его Визневски.

— Я видел видеозапись на каком-то веб-сайте, — сказал он. — Все, что мне известно.

— Это *вы* сделали видеозапись, детектив?

Билли наконец-таки отвел взгляд от суперинтенданта полиции и снова посмотрел на Лентини:

— Что за ерунду вы говорите? С какой стати я стал бы делать видеозапись?

— Скажите, а вы дадите согласие на обыск вашей квартиры и осмотр личных вещей?

Билли направился к Эми Лентини, которая, когда он стал к ней приближаться, встала.

Он подошел к ней очень близко — почти нос к носу. Она смотрела на него с таким видом, как будто провоцировала сделать что-нибудь, что еще больше усугубило бы и без того обострившуюся ситуацию. Он почувствовал, как в нем просыпается ирландец. Ладони сжались в кулаки, к лицу прихлынула кровь.

— А теперь скажите, Эми, зачем вам может понадобиться производить обыск у меня дома? — прошипел он.

Внезапно дверь кабинета открылась, и зашел лейтенант Майк Голдбергер вместе с неизвестным мужчиной, одетым в костюм. «Гражданский», — подумал Билли.

Что, черт возьми, здесь делает Гоулди?

— Извините, что прервал ваш разговор, господин суперинтендант полиции, госпожа прокурор штата, — сказал Голдбергер.

Суперинтенданту, похоже, такое вторжение не понравилось:

— Лейтенант, что в...

— Я услышал об этой встрече, и решил позаботиться, чтобы после нее никто не смог вас обвинить, сэр. — Гоулди показал рукой на стоящего рядом с ним мужчину. — Это представитель профсоюза полицейских. Поскольку дело касается поведения полицейского, присутствующие здесь детективы, само собой разумеется, имеют право на то, чтобы при их допросе в рамках внутреннего расследования присутствовал представитель профсоюза. Я не хотел, чтобы появились какие-либо основания для критики в ваш адрес.

Билли, несмотря на напряженность ситуации, не смог удержаться от улыбки. Гоулди явился сюда спасать их с Кейт, прихватив с собой, можно сказать, адвоката, но изображает все так, как будто заботится о благе суперинтенданта полиции.

— Это... Лейтенант, вы ведете себя неадекватно, — взъерепенился суперинтендант. — Кроме того, к вашему сведению, речь не идет о внутреннем полицейском расследовании.

— А о чем же тогда идет речь? — включился представитель профсоюза — невысокий мужчина с короткой стрижкой и вызывающим выражением лица. — Лично мне кажется, что очень даже похоже на внутреннее полицейское расследование.

— Это расследование, проводимое офисом прокурора штата, — попыталась выкрутиться Эми Лентини.

— Но в присутствии суперинтенданта полиции. Ага, получается, что вы решили обойти право детективов на присутствие представителей профсоюза при их допросе, формально называя внутреннее расследование расследованием, проводимым *прокурором штата*?

«Именно так они и сделали», — мысленно констатировал Билли.

— Это... Это, пожалуй, тоже выглядело бы не очень красиво, — разволновался на публику Гоулди. — Вот почему я подумал, что лучше позаботиться о вашей безопасности, господин суперинтендант полиции.

Билли невольно задумался, как же это Гоулди удастся сохранять серьезное выражение лица в подобной ситуации. «Когда я вырасту, Гоулди, — размышлял он, — хочу стать таким, как ты».

— Возможно, правильнее было бы перенести встречу на другое время, — предложил Гоулди. — Чтобы убедиться, что у нас соблюдены абсолютно все формальности.

Дрискол с растерянным видом посмотрел на прокурора штата и на Лентини...

Билли и Кейт вышли из помещения вместе с представителем профсоюза.

— Харни, — окликнула его Эми Лентини, выходя вслед за ними в коридор.

Билли остановился и обернулся. То же самое сделала и Кейт.

— Вы комик, да? — процедила Лентини. — Посмотрим, насколько будет весело, когда я разберусь с вами.

Кейт, которая стала белой, как призрак, решила ответить без слов: она показала Эми Лентини средний палец.

— Думаю, что со мной все будет в порядке, — ответил Билли.

Он повторил жест напарницы, и они вдвоем с Кейт пошли прочь.

— Плей-офф — это совсем другое дело, — заявил Сош, ставя пол-литровый бокал на стол так, что из него едва не выплеснулось пиво. — Нужно иметь того, кто способен забить гол, и надежного вратаря. У нас есть Кейн, но я не очень-то уверен насчет Кроуфорда.

Команда «Чикаго Блэкхокс»^[22] была любимой темой разговоров в «Дыре в стене». Детектив Сошиа в данный момент «просвещал» Билли по поводу того, каким образом можно выиграть Кубок Стэнли. Сош точно таким же образом распространялся на данную тему на прошлой неделе, но сейчас он был слишком пьян для того, чтобы помнить об этом.

В «Дыру в стене», как всегда, набилось множество посетителей. Помещение здесь было, пожалуй, похолоднее сердца владельца многоэтажного дома, сдающего квартиры внаем, но полицейские не позволили бы никакому холоду лишить их выпивки. В последнее время они еще больше сплотились, потому что настроения в обществе «мы против них» чрезвычайно активизировались. Особенно в связи с тем, что все активно пользовались смартфонами со встроенными фотоаппаратами и видеокамерами. На каждую видеозапись, иллюстрирующую чрезмерно агрессивное поведение полицейского, приходилось десять случаев, которые почему-то никто не снимал, когда страж порядка гнался за правонарушителем по темной аллее или выламывал дверь, за которой притаился преступник, не зная, что его ждет за этой дверью — возможно, заряженный пистолет. Осуждать полицейского легко, а вот понять логику его действий — задача посложнее.

Билли пил сейчас исключительно пиво. Он решил, что сегодня вечером — никаких крепких напитков. Кейт находилась где-то поблизости. Она пребывала в мрачном настроении — после того, что произошло вчера вечером в офисе прокурора штата, ее терзали опасения. Она вообще всегда чего-то опасалась, боялась, что произойдет самое худшее, снова и снова представляя себе ужасное развитие событий.

— Тебе следовало бы быть тренером, Сош, — заметил Билли с невозмутимым видом. — Я серьезно. Ты должен сдать свой значок и стать тренером по хоккею.

— У меня для этого недостаточно теоретических знаний, — возразил Сошиа с таким выражением лица, словно Билли и в самом деле говорил серьезно.

— Ну, недостаточность теоретических знаний не помешала тебе стать полицейским. Однако Сош его уже не слушал.

— Эй, Ромео, — хитро прищурился он, слегка наклоняя голову. — Вон там — слева — сидит телка и все время на тебя таращится.

Билли никогда не мог понять женщин, которых тянуло к полицейским. Ну с какого перепугу нежное создание может вдруг захотеть подружиться с полицейским? Ведь они каждый божий день имеют дело с отбросами общества, всяческим дерьмом, смертью, насилием, горем... После этой грязи они приходят домой и должны говорить жене: *«Привет, милая, как прошел день? Твое мясное блюдо так аппетитно пахнет!»* Во всяком случае, от них ожидают таких слов.

Впрочем, Билли только представлял себе такую картинку. Жениться во второй раз он не собирался.

Парень поднял бокал и посмотрел направо.

— В другую сторону, Эйнштейн, — прокомментировал Сош. — Слева от тебя.

Билли опустошил бокал и поставил его на стол.

— Я думал, ты имел в виду, слева от *тебя* — значит, справа от меня. Понятно? Потому что мы сидим напротив друг друга. Тебе, пожалуй, следует выпить еще один бокал.

— Мне нужно пойти отлить. Если ты не станешь цепляться к этой телке, то я тебя заменю. Она, черт ее побери, выглядит как кинозвезда.

Сош слез с табуретки, едва не свалившись с нее. Билли посмотрел налево.

Да уж, там и в самом деле сидела красивая женщина и действительно смотрела прямо на него.

Этой женщиной была заместитель прокурора штата Эми Лентини. Ее темные волосы были зачесаны назад — так, как это делают женщины, отправляясь вечером погулять. Она улыбнулась ему двусмысленной улыбкой. И показала средний палец.

Он сделал изумленное выражение лица, даже повернул голову и посмотрел назад с таким видом, как будто данный жест мог быть адресован кому-то еще. Затем снова посмотрел на нее и положил руку себе на грудь, как бы спрашивая: «Это вы мне?»

Он не станет клевать на ее наживку. Если она пришла сюда по его душу — а по-видимому, это было именно так, потому что Эми Лентини не походила на обычных посетительниц «Дыры в стене», — то первый шаг могла сделать и сама.

— Вот черт, а что *она* здесь делает?

Гоулди появился из ниоткуда. Он, как всегда, присматривал за Билли.

— Она думает, что я — коррумпированный полицейский, — признался Билли. — Уж ты-то можешь оценить.

Лейтенант Майк Голдбергер начал руководить отделом внутренних дел полицейского управления Чикаго несколько лет назад. Его отдел был самым непопулярным подразделением полицейского управления по вполне понятным причинам, однако Гоулди заработал себе хорошую репутацию благодаря своей честности и прямоте. Если ты совершал что-то предосудительное, тебя уличали, но никогда не обвиняли во всех смертных грехах. Гоулди не выбрали бы полицейским года, но в общем и целом коллеги уважали его за подход к работе.

— Я ловлю плохих полицейских, — сказал он. — Я не поливаю грязью хороших. Вот в чем заключается разница между ней и мной.

— Это не единственная разница, — заметил Билли. — У нее не выпадают волосы.

— Не разговаривай с ней, — посоветовал Гоулди. — Она попытается подловить тебя, пока твоя бдительность ослаблена.

Билли встал, чтобы снова наполнить бокал и взять еще один для Соша.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы моя бдительность была ослаблена?

— Не думаю, что ты чувствуешь, когда это происходит.

— Именно так, — согласился Билли, чувствуя, что язык уже с трудом ворочается. Пожалуй, он выпил многовато. Но раз так, то еще один бокал ничего по большому счету не изменит.

Подойдя к стойке бара, он увидел возле нее Кейт, болтающую с группой патрульных. Мужчины по очереди пытались произвести на нее впечатление — каждый буквально выпрыгивал из штанов, пытаясь сказать что-нибудь сногшибательно остроумное, от чего она сама рухнет к нему в объятия. Все попытки были обречены на провал, но мужское внимание помогло Кейт хоть немного отвлечься от переживаний по поводу недавних событий. Эти парни, по крайней мере, пытались не сболтнуть ничего лишнего.

Кейт встретила с ним взглядом и кивнула в сторону Эми Лентини. Билли сделал

рукой движение, как будто закрывает рот на застежку-молнию, тем самым давая Кейт такой же совет, какой получил от Гоулди: не разговаривай с ней.

Гоулди был прав: Эми хотела нанести удар в тот момент, когда он себя не контролировал в достаточной степени. Ему не следует разговаривать с ней. Вообще, Гоулди появился очень даже вовремя.

Билли услышал, как кто-то зовет его по фамилии. Затем его позвал еще один человек, и вскоре уже несколько посетителей бара начали скандировать:

— Хар-ни! Хар-ни!

Билли знал, чего они хотели. Он, правда, был не в настроении, но осознавал, что рано или поздно пойдет на поводу у публики. А если это произойдет очень поздно, то с учетом скорости опустошения бокалов с пивом он вполне может даже забыть свою фамилию.

Направляясь к микрофону, он прошел мимо *ее* стола. Она хлопала в ладоши вместе с остальными посетителями бара.

«Расскажу несколько анекдотов в микрофон и поговорю с ней», — решил он.

— Кстати, должен извиниться за то, что сегодня вечером опоздал, — сообщил Билли в микрофон. — В центре города, в Ассоциации американских юристов, произошел захват заложников. Ассоциация проводила ежегодный съезд, и группа парней ворвалась в помещение и взяла всех адвокатов в заложники. Террористы выдвинули довольно жесткие требования. Сказали, что, если им не дадут миллион долларов и не предоставят самолет в Мексику, они будут выпускать каждый час по одному адвокату.

Слушателям, похоже, шутка понравилась. Билли отхлебнул из бокала и поставил его на стул перед собой, стараясь не заслонять смартфон, прикрепленный к сиденью и записывающий его выступление на встроенную видеокамеру.

— Хотя нет, на самом деле я только что вернулся с кладбища. Я отдавал дань уважения одному своему старому другу. А когда шел обратно к автомобилю, увидел могильный камень, на котором было написано: «Здесь лежит адвокат и честный джентльмен». И, знаете, я подумал, что это просто удивительно. Я и понятия не имел, что можно хоронить двух человек в одной могиле.

Анекдоты про адвокатов. Их так много, что вылавливать их из памяти так же легко, как ловить рыбу в бочке, в которой этой рыбы — полным-полно.

— Мне следовало бы вести себя более любезно, — продолжал Билли. — Можно ведь оскорбить чьи-то чувства. Сегодня утром я накричал на одного из прокуроров на перекрестке 26-й улицы и Калифорния-стрит возле здания суда. Орал, что все адвокаты — балбесы. После этого ко мне подошел какой-то парень: «Послушайте, ваша реплика меня очень обидела». Я сказал: «Извините. А вы что, адвокат?» Он ответил: «Нет, я балбес».

Билли чувствовал, что язык ворочается все медленнее, а слова становятся неразборчивыми. Он опустил микрофон, взял смартфон и нажал на иконку, чтобы моментально закачать сделанную видеозапись на страницу в «Фейсбуке», которую он делил со Стюартом.

Стюарт — старик, который находился рядом с ним в больнице все страшные ночи три года назад. Тогда Билли было не до смеха, а позже он стал навещать Стюарта в доме престарелых и очень сильно его смешил. Он начал закачивать свои комические выступления в баре на их совместную страницу в «Фейсбуке», заходить на которую Стюарта научила внучка. Как-то раз она сообщила Билли: первое, что делает старик каждое утро, — так это включает компьютер и проверяет, нет ли нового видео.

Билли сошел со сцены и, пошныряв глазами по залу, поймал себя на том, что направляется к столу, за которым сидит Эми Лентини.

— Вы здесь что-то потеряли? — поинтересовался он, подходя к Лентини. — Или просто потянуло в трущобы?

Она улыбнулась. Это была не очень-то теплая улыбка, но, по крайней мере, не такая холодная, как погода на улице.

— Я узнала, что здесь бывают неплохие комедии, — нашлась она.

Билли пожал плечами:

— Нужен ли мне при нашем разговоре адвокат, Эми?

— Я сама адвокат, — пожалала она плечами. — Одного защитника вполне хватит.

— Даже слишком много.

— Да, я поняла из вашего монолога. Кстати, очень смешного. Ваша репутация — вполне заслуженная. — Она придвинулась к нему поближе. — Нам нет необходимости быть врагами. Мне просто нужна правда.

«О-о, ты собираешься поиграть со мной в хорошего полицейского и плохого полицейского, Эми? Да это я, черт возьми, придумал такую игру!»

— И вы уверены в том, что знаете, в чем заключается правда?

— Вполне, — сказала она.

Она поймала ртом соломинку и стала пить из своего бокала что-то цветное и пахучее. А ротик у нее был замечательный. Билли впервые в жизни захотелось быть соломинкой. Да и одета женщина умопомрачительно. Даже слишком для такого места, как это.

— Вы проверяете, нет ли у меня с собой записывающего устройства, детектив? — спросила она.

Билли, моргнув, посмотрел в сторону. На такой вопрос лучше вообще ничего не отвечать.

Она слезла с табурета, не снимая сумочку, висящую на плече, и развела руки в стороны:

— Вы хотели бы меня ощупать?

«А ты та еще штучка, да? Идешь на любые ухищрения, какие только возможно, правда?»

— Итак, вы думаете, что я делал видеозаписи того борделя, чтобы затем шантажировать людей, — сказал Билли.

Ее умопомрачительные губки скривились в очередную улыбку.

— Как бы я стал это делать по отношению к мэру? Или по отношению к архиепископу? Понимаете, Эми, если их арестовать, то шантаж автоматически становится невозможным. Какой смысл?

— Ладно, — согласилась она. — Воспринимайте, как считаете нужным. Но я вообще-то не говорила, что это делали вы, детектив. Хотя уверена, что кто-то из полицейских.

— Ну, тогда мне хотелось бы поймать хитроумного парня не меньше, чем вам.

— Кто сказал, что это парень?

У Билли не было ответа на поставленный вопрос. Во всяком случае, отвечать он не собирался. Она, похоже, пыталась настроить его против напарницы — Кейт. Хотела запудрить ему мозги.

Кроме того, она сейчас еще и забавляется, если судить по озорной улыбке. К чему, черт возьми, она клонит? Она вряд ли могла надеяться, что он раскроется и признается (признаваться ему, правда, в любом случае не в чем, но тем не менее...). На что она сегодня вечером рассчитывала? Она смотрела на него томным взглядом.

Он почувствовал, как к лицу прихлынула кровь. Эта женщина была очень хороша собой.

Он наклонился к ее уху. От волос пахло какими-то ягодами.

— Флирт, к которому вы пытаетесь прибегнуть, не сработает, — предупредил он. — Ничего — абсолютно ничего — не произойдет, и мы оба об этом знаем.

— Да ладно, Билли, не будьте таким пессимистом.

Он отпрянул от нее. Ну что за странная дама?

— Вам нравится играть с опасностью, да?

— Так же, как и вам, — парировала она, не отводя взгляда.

— Вы думаете, что я прохвост.

— Я уверена, что вы прохвост. И знаете, что в этом самое лучшее?

— Поведайте мне, Эми.

— Самое лучшее заключается в том, что вы мне во всем признаетесь. В пределах сорока восьми часов — не более того — вы обо всем мне расскажете. Либо вы, либо Кейт. Один из вас будет просить пощады. Это — гонка, в которой вам, Билли, не следует финишировать вторым.

Билли сам сто раз говорил примерно такие же слова подозреваемым. *«Тот, кто заговорит первым, получит бóльшую скидку».*

— Вы не очень-то хорошо меня знаете, — сказал Билли.

— О-о, я знаю вас лучше, чем вы полагаете. Вы не можете предпринять ничего такого, чего я не смогла бы предвидеть.

— Вы уверены? — усмехнулся Билли, подмигнул ей и зашагал прочь. Взяв пальто, он вышел на улицу. Свежий воздух показался ему приятным — по крайней мере, поначалу. Билли потопал ногами, засунул руки в карманы и стал ждать. Ждать пришлось недолго.

Некоторое время спустя из «Дыры в стене» стремительно вышла Эми Лентини. Она поспешно осмотрелась по сторонам и, заметив Билли, направилась к нему.

— Ну ладно, — сказала она. — Где он?

— Где *что*, Эми?

— Мой значок, — уточнила она. — Он лежал в моей сумочке. Теперь его там нет.

— Ну, я вообще-то видел какой-то значок прокурора вон там, в той луже. Может, это он и есть?

Она посмотрела на него сердитым взглядом, подошла к луже, наклонилась и вытащила двумя пальцами из грязной жижи значок в кожаном чехле.

— Я с удовольствием отправлю вас в «Стейтвилл», ^[23] — прошипела она.

— Я слышал, что в это время года неплохо в тюрьме «Джолиет». — Помахав рукой, Билли остановил такси, поворачивающее в сторону станции «Рокуэлл». — Послушайте, Эми, — крикнул он вслед Лентини, направившейся обратно в бар.

Она обернулась.

— Если вы собираетесь нанести мне удар, то сделайте это сильно, — посоветовал он.

— Почему же?

— Потому что я нанесу ответный удар, — отрезал Билли и сел в такси.

Билли вел машину по извилистым улицам района Гайд-Парк неподалеку от кампуса Чикагского университета. Это весьма престижный вуз, всемирно известное учреждение с самым современным оборудованием. Однако находится он в одном из самых опасных районов города. Великие умы со всего мира приезжают сюда, чтобы учиться или преподавать, способствовать дальнейшему развитию естественных наук, математики, права и медицины, но даже на пути от входа в университет до автомобиля им требуется охрана, чтобы защититься от грабителей.

Билли и Кейт все еще занимались расследованием смерти второкурсницы, найденной с признаками удушения менее чем в четырех кварталах от того места, мимо которого они сейчас проезжали. Билли пытался докопаться до истины, куда студентка ходила в день убийства, и они вдвоем с Кейт приезжали сюда поговорить с одним из преподавателей биологического факультета, который прислал жертве несколько двусмысленных СМС в течение недели, предшествующей ее смерти.

Беседа ничего не дала, и теперь они ехали обратно, так сказать, с пустыми руками. Кейт рассеянно возилась со своим смартфоном, скачивая из Интернета одно за другим сообщения о секс-скандале, который угрожал смести с поста мэра Фрэнсиса Делани и все его ближайшее окружение, пошатнуть католическую церковь и... кстати, поставить крест на карьере детективов Билли Харни и Кэтрин Фентон.

— Ты чокнешься, если будешь читать все это дерьмо, — сказал Билли.

— Как может мэр не подать в отставку? — задала риторический вопрос Кейт, глядя в смартфон.

— Он будет вести себя как Билл Клинтон в свое время. Скажет, что, дескать, это всего лишь вопрос его личной сексуальной жизни, а на пост мэра его избрали люди и потому он не станет уходить с поста, чтобы не подвести избирателей. Будет делать вид, что переживает за всех нас.

— Да уж, наверное.

— Послушай, раз уж мы оказались здесь, давай заглянем в «Моррис». Я так голоден, что готов слопать трусы прокаженного.

— «Моррис»? Чтобы ты заказал себе польскую сосиску?

Кейт, соблюдая сумасшедший режим тренировок, не ела, если могла выдержать чувство голода. Строила храм своего тела и все такое прочее.

— К вашему сведению, детектив, — усмехнулся Билли, — я и не собирался заказывать себе польскую сосиску.

— Нет? А что тогда? Салат от шеф-повара? Или стопроцентный йогурт?

— Дело в том, что я рассчитываю съесть две польские сосиски.

— Ума не приложу, как ты сейчас вообще можешь думать о еде.

Колени Кейт двигались вверх-вниз: она непрерывно отбивала ступнями какой-то ритм по полу «Тахо». ^[24] Похоже, нервничала. Она не могла отогнать от себя мысли о том, что произошло.

— Мне необходимо поддерживать физическую силу, чтобы я мог эффективно бороться с преступностью, — провозгласил Билли.

— Тебя вообще может что-нибудь взять за живое, а?

Билли посмотрел на Кейт. Он знал ее довольно хорошо, однако не привык видеть такую ее сторону. Обычно она вела себя довольно жестко, любила идти на обострение. Но при этом оставалась очень даже симпатичной женщиной, у которой имелись свои — весьма специфические — уязвимые места. По неизвестной причине, похоже, нажалась какая-то кнопка внутри Билли, что заставило его посмотреть на напарницу как на абсолютно другого человека.

«Не заводись, Харни. Даже и не думай. Это случилось только один раз».

— С нами все будет в порядке, — успокоил он. — Мы не сделали ничего плохого.

Она горько засмеялась. В ее смехе было заложено много смысла — возможно, больше, чем он мог распознать. «Не всегда все так просто, — хотела, казалось, сказать Кейт. — И не всегда имеет значение то, что ты прав. Ты вполне можешь оказаться не в том месте и не в то время».

— Я не допущу, чтобы с тобой произошло что-нибудь плохое, Кейт. У тебя не будет никаких серьезных неприятностей. Обещаю тебе.

Она повернулась к нему. Их взгляды встретились. Это продлилось лишь пару секунд: Билли не хотел отвлекаться от управления автомобилем на дороге с таким оживленным движением. Однако взгляды были весьма многозначительны.

«Не делай так снова, Харни. Один-единственный раз. Все получилось, конечно, здорово, но только один раз».

Он снова взглянул на нее. Кейт все еще не сводила с него глаз, и ее пристальный взгляд был весьма красноречивым.

«Ну да, тот секс был умопомрачительным, я это признаю».

— Мы храним наши тайны, не так ли, напарник? — спросила она.

Билли кивнул.

— Мне не понравились взгляды, которые женщина-прокурор бросала в твою сторону вчера вечером. Я даже начала немножко ревновать.

— Она — акула.

— Да, но, как я недавно выяснила, тебе нравится плавать в глубокой воде.

— Ощущение опасности может быть даже забавным, — беспечно ответил Билли.

— Да, может, — согласилась Кейт. — Особенно во время обеденного перерыва. Пока мы не вернулись.

«Нет, Харни. Ни в коем случае».

— Просто чтобы немного отвлечься от дел, — уточнил он.

— Правильно.

— Терапия и все такое прочее.

— Именно так. Ты готов к небольшой терапии?

Билли изменил направление движения, выехал на магистраль Лейк-Шор-драйв и погнал «Тахо» на большой скорости в сторону Белмонт-авеню.

У Кейт имелась квартира в доме, расположенном чуть в стороне от магистрали Лейк-Шор-драйв в районе Лейквью. Ее площадь не превышала семисот квадратных футов, но из окна открывался восхитительный вид на озеро. И сегодня вид из окна был великолепен, а озеро — спокойно и величественно, но откуда Билли об этом знать? Он ведь и не взглянул на окно. Они с Кейт занялись *этим*, как только вошли в квартиру. Он снял с нее бронезилет, стащил свитер, расстегнул блузку и, положив руки ей на грудь, почувствовал пальцами кружева...

И вот она уже обнажена, вот ее крепкое прекрасное тело, и кожа, от которой исходит тепло, и пот на лице, и ее язык, и дыхание с запахом мяты. Она перехватила инициативу, взяла губами его сосок и начала сосать с таким остервенением, что ему стало больно. Затем она опустилась на колени и, схватившись зубами за его трусы, стащила их. Ей, впрочем, не было необходимости возбуждать его еще сильнее, он и так перешел на повышенные, буквально зашкаливающие обороты, — но она все же уделила время ласкам там, внизу. Ее рука теребила ходовую часть, рот играл с дросселем, а затем... затем, черт побери, у него закончились автомобильные аналогии...

Он поднял ее на ноги, резко повернул на сто восемьдесят градусов и грубо толкнул на спинку кожаного дивана. В полицейской академии когда-то учили именно так жестко обращаться с правонарушителями в критической ситуации. Ей понравилось. Оказавшись в наклоненном положении над диваном, она с одобряющим мурлыканьем приподняла задницу.

— Ничего себе, полицейский, а что вы собираетесь со мной делать?

Билли обычно вел себя в подобных ситуациях совсем не так, но сейчас решил немного оторваться и шлепнул ее по ягодицам.

— Это все, на что вы способны? — подзадоривала она. — Я вела себя очень плохо.

Ну что же, лиха беда начало. Он хлестнул ее по заднице еще сильнее.

— Шлепните меня снова.

Неплохое предложение, и он не стал от него отказываться.

— Я вас арестовываю, — предупредил он.

— Тогда мне лучше расставить ноги в стороны. Чтобы вы могли проверить, не припрятала ли я где-нибудь контрабанду.

Ну да, конечно, действовать следовало по стандартной процедуре.

Он стал проверять, ощупывая ее между ног. Она издала тихий стон — такой стон, какого он еще не слышал.

«Уважаемый „Пентхаус“, ^[25] я никогда бы не подумал, что со мной такое произойдет...»

Он наклонился над ней и стал старательно прощупывать пальцами влагалище, чтобы окончательно убедиться, что она не прячет оружие. Это ей понравилось еще больше, а когда он начал «работать» там языком, она задышала как самка какого-то животного во время течки. Теперь она раскрылась так, что уже точно не смогла бы ничего утаить внутри.

— Полицейский, — простонала она, — я думаю, что вам уже пора меня трахнуть.

Ну что же, это было интересно.

Билли посмотрел на потолок в спальне Кейт. Парень чувствовал себя таким изможденным, что даже сомневался, сможет ли подняться с постели. Он знал, Кейт — волейболистка и фанатично увлекается боевыми искусствами, но он даже не подозревал, что она еще и гимнастка-любительница.

А ему пришлось выступить в роли гимнастического коня.

— Вот теперь — точно все, — поклялась она.

— Конечно. Больше — ни разу.

— А иначе все слишком усложняется.

— Никаких сомнений. Рад, что мы оба с этим согласны.

Он посмотрел на ее. Она посмотрела на его. Выражение лиц у обоих было не очень-то серьезным.

— Честное слово, — еще раз подтвердил он.

— Поддерживаю.

И вдруг с их смартфонов одновременно донесся звуковой сигнал. Кто-то очень не вовремя прислал сообщение. В прошлый раз, когда они в одно и то же время получили эсэмэски, их вызывали в офис прокурора штата.

Билли проверил смартфон. «*Вот черт!..*» — подумал он.

— Ну, жизни они нам уже не дадут, — прокомментировала Кейт полученное СМС.

— Послушай, напарница, не драматизируй...

— Нас вызывают в кабинет суперинтенданта полиции, Харни. Ты считаешь, что это хорошая новость?

Нет, он так не считал. Весь обратный путь Кейт выдвигала одно предположение за другим, снова и снова восстанавливая в памяти все, что произошло, и пыталась выявить различные мотивы всех действующих лиц в этой истории. Билли никак не реагировал. Чему суждено произойти, то обязательно случится, независимо от того, смогут ли они с Кейт спрогнозировать события. Он уже давным-давно осознал, что, если кто-то должен услышать плохую новость, он ее непременно услышит.

Им пришлось ждать перед дверью в кабинет: мистер Большой Начальник занимался другими важными делами. Когда дверь наконец открылась, из нее выглянула Эми Лентини.

— Суперинтендант полиции сейчас вас примет, — уведомила она, даже не скрывая своей радости.

Суперинтендант Тристан Дрискол сидел за столом, облаченный в униформу, — одному богу известно, зачем он ее надел. Может быть, хотел продемонстрировать, что он — настоящий полицейский.

— Детектив Харни, детектив Фентон.

Он не предложил им присесть, а потому они остались стоять.

— Мы отправляем вас в оплачиваемый административный отпуск до завершения расследования, которое проводит прокурор штата.

Кейт понуро опустила голову. Билли даже не пошевелился.

— Сдайте значки.

Кейт, похоже, решила подождать, пока Билли первым сделает это.

— Аресты производил я. Не Кейт, — нахмурился Билли. — Заберите мой значок, а ее — оставьте.

Дрискол уставился на Билли. Его зрачки сузились.

— Сдайте свои значки, — повторил он.

— Я сдам его полицейскому, — заупрямился Билли.

Суперинтендант полиции повернул голову, как будто не расслышал.

— Вы, детектив, намекаете, что я — *не полицейский*?

— Я не намекаю, — возразил Билли. — Я говорю открытым текстом.

Кровь прихлынула к лицу Дрискола так быстро, как будто его голову поместили в микроволновку.

— Вы хотите пойти в *неоплачиваемый* отпуск, детектив?

— У вас нет оснований отправлять меня в неоплачиваемый отпуск. Если бы вы имели на это право, то воспользовались бы им раньше. Попытайтесь так сделать — и у вас будут неприятности. Мы оба это знаем. — Билли сделал пару шагов вперед и уперся ладонями в письменный стол, за которым сидел суперинтендант. — Вы — политикан, пытающийся спасти свою задницу. Если мэр слетит с должности, вслед за ним потеряете кресло и вы. Вы — не полицейский. Вы, черт побери, просто трус.

Билли бросил на стол свой значок с такой силой, что тот отскочил от крышки и упал на пол. Кейт с мрачным выражением лица, но без единого слова положила на стол свой значок.

— Сообщите, когда будете готовы поговорить, — попросила Эми Лентини. Ее глаза сверкали так, как будто она переживала самый счастливый момент в своей жизни.

— О-о, я буду поддерживать с вами связь, Эми, — пообещал Билли, направляясь к выходу. — Можете на меня рассчитывать.

Билли стоял внутри небольшого кафе на Огайо-стрит, глаза на агентство недвижимости, которое находилось на первом этаже здания по другую сторону улицы. В окне агентства виднелся плакат, на котором была изображена улыбающаяся семья, состоящая из представителей разных рас. Глава семейства пожимал руку агенту, который только что продал ему дом с белым дощатым забором — дом, в котором семья будет жить долго и счастливо.

Билли прекрасно помнил, что у его семьи долгой и счастливой жизни не получилось.

Мимо окна прошел Гоулди, шагая очень осторожно по коварному тротуару, все еще покрытому льдом. Парок его дыхания тянулся за ним, как дым за паровозом.

Гоулди зашел в кафе и встал рядом с Билли.

— Тяжелый день, — констатировал он. — Мне жаль, что у тебя возникли проблемы.

— Ничего страшного. Я давно хотел пройти через что-нибудь такое, что позволило бы мне, как полицейскому, получить определенную закалку.

— Ты уже говорил с отцом? — спросил Гоулди.

Билли отрицательно покачал головой:

— Четыре голосовых сообщения от него.

— Он ужасно за тебя переживает. Тебе следовало бы ему позвонить.

Может, и следовало бы. Отец Билли — Дэниел Харни, начальник следственного управления, — гордился в жизни двумя вещами: во-первых, двое его отпрысков стали полицейскими, а во-вторых, ни один из них не прибегнул для этого к его помощи. *«Все, что ты получаешь, ты получаешь благодаря своим личным заслугам, а не потому что папочка — начальник».*

Это было правильно. Билли и не хотел жить по-другому. Но иногда папа уж слишком перегибал палку: его стремление избежать кумовства любой ценой отдаляло их друг от друга, создавая между ними едва ли не пропасть. После громких арестов знакомые полицейские не упускали случая похвалить Билли — либо во время общения с ним в «Дыре в стене», либо посредством СМС, телефонных звонков и просто приветственных выкриков где-нибудь в коридоре. Это делали все, кроме отца.

— Ну ладно, — поморщился Билли. — У тебя есть для меня что-нибудь?

Гоулди тяжело вздохнул. Значит, нет.

— Сейчас сложилась такая ситуация, что выяснить что-либо стало труднее, чем раздвинуть ноги монашки. Единственное, о чем я могу рассказать, — так это то, *что* мы все время думали. Суперинтендант полиции пытается спасти мэра, и единственный способ, который ему приходит в голову, заключается в том, чтобы расправиться с тобой и Кейт.

— Что-то мне непонятно, — пожал плечами Билли. — Даже если бы я на самом деле украл маленькую черную книжку, это не меняет того факта, что мэр совал свой член туда, куда не следовало.

Гоулди ничего не ответил. Он даже не вздохнул. Билли посмотрел на него.

— Даже если, — передразнил его Гоулди. — Ты имеешь в виду, гипотетически.

Билли снова стал таращиться в окно. Прохожие на тротуаре ежились, сутулились, втягивали головы в плечи — в общем, вели себя так, как будто на улице разыгралась непогода.

— Даже *если* ты украл маленькую черную книжку, — сказал Гоулди.

Лейтенант Майк Голдбергер был самым умным из всех, кого знал Билли.

— Позволь мне кое о чем тебя спросить, — понизил голос Гоулди. — Насколько хорошо ты знаешь Кейт?

— Лучше, чем она сама.

— Ты доверяешь ей?

— Да.

Подумав еще пару секунд, Билли закивал:

— Да, доверяю.

— А может, она взяла ту черную книжку?

— Нет. Я не видел, чтобы она ее брала.

— У нее была возможность. Она ведь занималась обыском, не так ли?

Да, занималась. Билли вспомнил, как Кейт рылась в шкафах и ящиках в кабинете на втором этаже особняка.

— Сомневаюсь, что она стала бы это делать, — не соглашался Билли.

— Насколько хорошо она знает тебя?

Билли пожал плечами.

— Ты понимаешь, о чем я спрашиваю, — добавил Гоулди.

— Она не знает обо мне. — Билли покачал головой. — Никто не знает. Никто, кроме тебя и меня.

Снаружи, на Огайо-стрит, резко, с громким скрипом остановилось такси, едва не столкнувшись с грузовиком.

— Ты уверен? — переспросил Гоулди.

— Да, Гоулди. Полагаю, если бы я признался напарнику, что тайно работаю на отдел внутренних дел, я бы запомнил. Думаю, это я уж точно запомнил бы.

— Хорошо, хорошо. — Гоулди положил ладонь на плечо Билли и с силой надавил на него. — А твоя сестра?

— Нет, — отбивался Билли. — Пэтти не знает.

— А твой отец?

— А вот об этом скажи мне ты, Златовласка.^[26]

Гоулди отшатнулся от него.

— Если бы твой отец узнал, что ты — мой человек среди детективов, он подвесил бы меня за трусы на крючке для верхней одежды.

Билли воззрился на Гоулди.

— Ты, наверное, думаешь, что вся возня происходит именно по этому поводу? Думаешь, кто-то знает, что я работаю на вас? А инцидент с мэром используется лишь для того, чтобы остановить меня?

Это, конечно, был вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов.^[27]

Лицо Гоулди приняло невозмутимое выражение.

— Я, безусловно, надеюсь, что нет, — замялся он. — Потому что если все на самом деле так, то потеря работы будет для тебя самой маленькой проблемой.

— В этом нет никакого смысла, — нервничает Пэтти Харни, шагая туда-сюда. Она не может ни собраться с мыслями, ни сдерживать эмоции. Последние две недели она чувствовала себя астронавтом-штурманом, который пытается прокладывать курс среди метеоров, атакующих со всех сторон. Хотя уже середина июня, она неделю не видела солнечного света и теперь иногда теряет, что сейчас на дворе — день или ночь.

— Ну, лично я ничего в этом не соображаю.

Ее брат Брендан — старший ребенок в семье — работает финансовым консультантом. Он переехал в Даллас после окончания колледжа, когда влюбился в девушку из Техаса. Брендан вертит головой влево и вправо, разминая шею и морщась. Он только что немного поспал — а точнее, подремал пару часиков, сидя на стуле. Рубашку он не снимает уже два дня. На воротнике и под мышками — пятна от пота. Волосы торчат в разные стороны — как в детстве, когда он боролся с младшим братом Айденом — вторым по счету ребенком в семье. Они тогда целыми днями занимались тем, что пытались положить друг друга на лопатки на полу подвального этажа.

Как говорится, черта помянешь, он и явится: Айден выходит из ванной. Он побрызгал водой на лицо и провел несколько раз мокрой ладонью по волосам (которые, как всегда, уж слишком длинные, с точки зрения Пэтти, хотя никто не спрашивал ее мнения по данному поводу). Айден был в разводе и жил в Сент-Луисе, где заведовал гимнастическим залом. Почему он не переехал обратно в Чикаго после расставания с женой, Пэтти не понимала.

— В чем ты ничего не соображаешь? — переспрашивает Айден.

— В том, что произошло, — уточняет Брендан. — В перестрелке.

— Мы все еще говорим об этом?

— Она говорит. — Брендан жестом показывает на Пэтти. — Папа считает: вполне понятно, что произошло. Кейт заходит, видит Билли в постели с той женщиной — Эми — и сгоряча начинает стрелять. Она убивает Эми, Билли тоже успеваеет сделать выстрел, но пуля достается и ему.

— Я не верю, — говорит Пэтти. — Просто не верю.

— Это имеет какое-то значение? — Айден вытирает лицо полотенцем. Он — фанатичный сторонник спортивного образа жизни, поэтому заведующий спортивным залом — хорошая должность для него. Его серая футболка «Рассел атлетик» маловата на пару размеров. У него поломанные уши бывшего борца, и выглядит он так, как будто все еще занимается борьбой. Он подходит к кровати и аккуратно прикасается пальцами к лодыжке Билли через простыню. — Имеет значение только то, что наш мальчик слишком крепок для того, чтобы его могла завалить какая-то чертова пуля.

Пэтти бросает взгляд на Билли. Тот кажется ей сейчас другим человеком — то есть не ее братом, не Билли: его голова забинтована, к телу подсоединено множество трубок и проводов, тянущихся к разнообразным приборчикам и мониторам. Часть черепа ему удалили, чтобы уменьшить опухоль в мозгу. Точнее говоря, врачи отделили часть черепа и положили на хранение в холод — где-то в больнице.

«Пожалуйста, вернись, Билли. Ты ведь смог как-то выкарабкаться. Ты сумел не умереть».

С момента того инцидента прошло два с половиной месяца, Билли перенес две

хирургические операции. Прогноз был мрачен. Врач сообщил об этом им всем — ближайшим родственникам (Пэтти, ее братьям и отцу) — в такой манере, будто проводит занятие с учениками. *«Когда речь идет о черепно-мозговой травме, — сказал он, — это как в недвижимости: большое значение имеет местонахождение».*

Никто не счел его слова остроумными.

«Но есть и хорошие новости, — обрадовал врач. — Пуля прошла по прямой траектории от передней части к задней. Она не пересекала срединную линию, не задела ни стволочную часть мозга, ни зрительный бугор. Похоже, что она повредила одно полушарие и только одну долю. Пуля была низкоскоростная и летела по прямолинейной траектории. Отклонения от первоначального направления движения не произошло. Представьте себе крученный футбольный мяч, который вращается вокруг своей оси и вибрирует в полете. Так вот, пуля вращалась, но не вибрировала».

Пэтти поспешно заносила все его слова на бумагу — как секретарша, пишущая под диктовку, — толком не понимая смысла. Единственное, в чем она была уверена, — его слова и представляют собой «хорошие новости».

Плохие новости, по словам врача, заключаются в том, что произошла довольно длительная пауза в мозговой деятельности — около тридцати минут. Именно поэтому полицейские и парамедики поначалу подумали, что Билли уже на том свете. Он и правда был мертв. А затем вернулся к жизни. Такое, если верить доктору, случается, хотя и довольно редко.

«Так или иначе, организм Билли сумел выдержать огромные трудности, — продолжал врач. — Однако правда заключается в следующем: маловероятно, что он выживет. А если и выживет, мы не имеем возможности определить, какой ущерб причинен его мозгу. Мы можем делать предположения, но точно узнаем только после того, как он придет в сознание».

— Он поправится, — горячится Пэтти. — И он будет еще более здоровым, чем прежде.

— Именно так, — поддерживает сестру Айден.

— А еще он, возможно, будет доставлять еще больше хлопот, чем раньше, — добавляет Брендан.

— Он будет как главный герой фильма «Человек дождя». ^[28] Сможет запросто перемножать в уме большие числа. Впрочем, он и так умнее всех нас, вместе взятых.

Последняя реплика была правдой. У Билли был такой мозг, который все всегда тщательно просчитывал, и это позволяло его обладателю быть на десять шагов впереди остальных...

«Нет, у Билли не был, а есть такой мозг. Билли вернется. Да, он вернется. Ему просто необходимо возвратиться к нам».

— Я не могу здесь сидеть и ничего не делать. — Пэтти встает со стула.

— Нельзя сказать, что ты ничего не делаешь, — возражает Брендан. — Ты дежуришь около Билли.

— Мне нужно подышать свежим воздухом.

Она открывает дверь, выходит в коридор и сталкивается нос к носу с отцом.

— Проверьте еще раз, — говорит он кому-то по мобильному. — Я сказал — проверьте еще раз. Мне наплевать. Такого не может быть. — Он нажимает кнопку «отбой», поворачивается и замечает Пэтти. — А-а, малышка...

— Чего не может быть?

Отец поспешно сует гаджет в карман — словно спрятав телефон, можно спрятать тайну.

— Пэтти, иди домой и прими душ. И поспи. Я обещаю, что...

— *Чего* не может быть, папа? — не унимается Пэтти.

Отец выглядит ужасно: он так же измучен, как и остальные близкие родственники. За последние две недели он заметно постарел.

— Такого результата баллистической экспертизы не может быть, — признается он. — Там, видимо, какая-то ошибка.

— Расскажи мне подробнее, папа.

— Я... они... это... этого не может быть...

Отец заключает Пэтти в объятия. За последние две недели он обнимал ее больше, чем за всю предыдущую жизнь — даже когда шесть лет назад умерла мама.

Он шепчет ей на ухо:

— Я уверен: здесь какая-то неточность, — чуть не плачет он. — Пришел результат баллистической экспертизы той перестрелки. Эми Лентини убита не из пистолета Кейт. Она убита из пистолета Билли.

Пэтти отстраняется:

— Что?

Отец опускает взгляд в пол, кивает.

— Эксперты утверждают, что первым огонь открыл Билли. Он застрелил Эми, а затем навел пистолет на Кейт, но та выстрелила одновременно с ним.

Пэтти чувствует, как внутри все переворачивается:

— Нет... Нет... Я... Нет.

— Такого не может быть. — Отец Пэтти, начальник следственного управления, проводит ладонью по редющим волосам. — Такого не может быть.

Пэтти теряет чувство времени. Она бродит по коридорам больницы, не желая удалиться слишком далеко от Билли, но и сидеть спокойно она не в состоянии.

Все как-то не так. Вся эта сцена в квартире Эми. А теперь они еще говорят, будто Билли выстрелил первым. Билли убил Эми Лентини?

Нет, такого не может быть. Она знает, что это неправда.

«Теперь тебе уж точно-преточно нужно вернуться, Билли. Ты должен рассказать, что же произошло на самом деле. Должен очистить свое имя от грязи. Нельзя позволить, чтобы тебя вспоминали таким. Ты обязан вернуться, обязательно должен вернуться, а иначе во всем буду виновата я...»

Стоп. Сколько она, Пэтти, бродит по коридорам? А если уже пришел врач? Будет очень обидно, если она просидела в чертовой палате более десяти часов, а доктор пришел как раз в тот небольшой промежуток времени, когда она отсутствовала. *«Готова поспорить, что произошло именно так. Готова поспорить, что он решил зайти как раз тогда, когда меня нет...»*

Она находит лифт и с силой жмет на кнопку — такое количество раз и с такой силой, что, похоже, выводит его из строя.

— Ну же! — кричит она лифту. Люди начинают оборачиваться в ее сторону.

«Да не крутите вы головами! Попробуйте потерять брата — единственного человека, который в полной мере понимал вас, и единственного человека, которому вы доверяли в этом жутком мире. А затем расскажите мне о хороших манерах...»

Двери лифта открываются. Внутри — два пожилых пациента в креслах на колесах. Позади кресел выстроились родственники помоложе.

«Пожалуйста, не оставляй меня, Билли. Подумать только, что они теперь о тебе говорят. Я знаю, что все неправда. Помогите мне очистить ваше имя. Вернитесь ко мне, Билли. Пожалуйста, вернитесь, пожалуйста, вернитесь, иначе во всем буду виновата я...»

Двери лифта открываются. Пэтти бегом устремляется по коридору, наталкивается на тележку, в которой перевозят еду, бормочет какие-то извинения...

Перед дверью в палату стоит женщина в халате и брюках из хлопчатобумажной ткани — одежде, которую надевают врачи перед хирургической операцией. Миниатюрная афроамериканка. Волосы заплетены в тугие косички.

— Доктор! — кричит Пэтти.

Женщина оборачивается. Она облачена в одежду медиков, но она не врач.

Ее зовут Ким Бинс, она репортер из «Чикаго-П-П», интернет-издания, посвященного политике и преступлениям в Чикаго. Прошлой зимой и нынешней весной издание ежедневно — по одному в день — предавало огласке имена знаменитостей, замеченных в регулярном посещении теперь уже печально известного особняка в районе Голд-Коуст, где был арестован мэр.

— Пэтти? — Женщина приподнимает бровь. — Привет!

— Вы... — Ладони Пэтти сжимаются в кулаки.

Ким Бинс — безусловно, красивая женщина, которая в свое время чуть было не стала суперзвездой на сцене чикагских теленовостей, но выяснилось, что она слишком необъективна и писала заказные статейки в рамках темы, которую освещала, — похищение

людей в данном регионе. Теперь она, возможно, решила, что история с особняком-борделем позволит ей вернуть благосклонность чикагских СМИ.

Если бы Ким занималась лишь тем, что сообщала публике имена знаменитостей, застуканных в особняке, Пэтти сочла бы ее очередным шакалом из медиа.

Но она никогда не простит того, как продажная журналистка поступила с Билли.

— Спокойно, Пэтти. Я на вашей стороне.

— Вы ни на чьей стороне, только на своей. — Пэтти вплотную приближается к Ким. — У вас есть пять секунд, чтобы убраться отсюда, или я вас арестую.

— Вы собираетесь задержать репортера?

— Нет, нарушителя, переодевшегося в хирурга. Журналиста, который не имеет права посещать отделение интенсивной терапии и беспокоить родственников. Или же фотографировать человека, который находится в коме...

— Я всего лишь хочу узнать ваше мнение.

— Пять секунд, — повторяет Пэтти. — Одна... две... три...

— Пэтти...

— Четыре...

— Послушайте меня, Пэтти...

Пэтти с размаху дает Ким звонкую пощечину, от которой та едва не падает на пол. Женщина бросает на сестру Билли гневный взгляд.

— Пять, — заканчивает отсчет Пэтти.

— Я могу быть и вашим другом, и вашим врагом, — предупреждает Ким. — Не забывайте об этом.

Пэтти наблюдает за тем, как Ким направляется к лифту и шагает внутрь. Пэтти разворачивается, шумно вздыхает и заходит в палату. Айден и Брендан смеются.

— ...Пэтти изображала Марию, держащую на руках младенца Иисуса, — рассказывает Брендан, как бы разговаривая с Билли. — А ты играл Иосифа. Все, что вы должны были делать, — так это сидеть, пока три волхва приносят дары младенцу Иисусу. Вам, по-моему, даже ничего не нужно было говорить, да?

Брендан, сидя на краю кровати и держа руку Билли, смотрит на Айдена, который заправляет другой край постели.

Айден смеется так заливисто, что даже не может говорить.

Пэтти чувствует, как к лицу приливает кровь. Она очень хорошо помнит тот эпизод. Им с Билли было по шесть, и они показывали небольшую рождественскую сценку для родителей. Билли на протяжении всего действия должен был молчать.

— Во время сценки миссис Джинджер, так сказать, шепчет вам, ребяташкам, *что* вы должны делать, а родители сидят на дерьмовых складывающихся стульях, и вдруг ты совершенно неожиданно поднимаешь руку и спрашиваешь: «Миссис Джинджер, а как Мария могла родить ребенка, если она была девственницей?»

Айден и Брендан начинают хохотать. Пэтти — тоже. Смех разряжает обстановку, помогает снять напряжение, и ей становится легче.

Айден торопится рассказать, что было дальше:

— Тогда миссис Джинджер пытается заставить тебя замолчать. Она шипит что-то вроде: «Тихо, Билли, т-с-с, Билли, тихонечко», но некоторые из родителей уже хихикают. И прежде чем она успевает подойти к тебе, ты сообщаешь: «А мой папа говорит, что Марии, должно быть, нелегко было объяснить все это Иосифу».

Взрослые начинают хохотать. Кульминационный момент! Мама пришла в ужас. Отец обозлился. Он, в общем-то, не был ярым католиком: говорил, что работа отняла у него веру, — но мама регулярно ходила в церковь едва ли не до самой смерти.

Айден хохочет до слез. Когда смех стихает, эмоции постепенно меняются на противоположные — как на «американских горках», когда за взлетом неизбежно следует падение. Брендан, старший брат, который всегда пытается поднять всем остальным настроение, гладит руку Билли.

— Ты помнишь это, не так ли, приятель? Ты «порвал» публику.

Айден отходит от кровати. Из глаз капаят слезы. Такой крупный, мускулистый парень — и по щекам текут слезы! Пэтти помнит, как он плакал, когда умерла мама, но до этого никогда не проронил ни слезинки.

— Мне кажется, что едва ли не вчера Билли был в такой же больнице, как эта.

— Да уж, — соглашается Брендан. — Три чертовых года назад. Ты можешь в это поверить?

Айден качает головой:

— Он уже начал становиться на ноги, понимаете? Я имею в виду, что почти пришел в себя после событий трехгодичной давности — и вдруг *происходит это*.

— Ага, тут собрались четыре комика. — В палату заходит Майк Голдбергер — Гоулди.

Своей фразой он напомнил прозвище, которое использовалось по отношению к отпрыскам Харни, когда они еще были детьми.

Братья Пэтти здороваются с Гоулди, которого знают много лет, и он обещает подежурить у кровати Билли, пока они сходят перекусят.

Брендан берет Билли за ногу:

— Никуда не уходи, пока меня здесь не будет, братишка, а не то я надеру тебе задницу.

Братья уходят, а Гоулди бросает на Пэтти быстрый взгляд.

— Отец рассказал тебе о результатах баллистической экспертизы? — спрашивает он.

Пэтти кивает.

— Ситуация скверная, — морщит лоб Гоулди. — И похоже, что будет еще хуже.

— Ну и как дела у нашего парня? — задает вопрос Гоулди.

— Ну ты же знаешь, каково это — разговаривать с врачами, — отвечает Пэтти. — У них одни только предположения и долгое вступление перед каждой репликой. В общем, хотя мне и не хочется накаркать, но они считают, что Билли не выживет.

Да, перспектива весьма мрачная.

— Говорят, что он каким-то чудом сумел уцепиться за жизнь. Я имею в виду, что он в течение некоторого времени был уже, в общем-то, мертв.

Я был мертв?

— Да, я помню.

Хм, как сказал когда-то Марк Твен, «слухи о моей смерти сильно преувеличены».

Впрочем, живым я себя тоже не чувствую. Не ощущаю ни рук, ни ног. И ничего не вижу. Однако я слышу, хотя голоса звучат приглушенно — как если бы я находился в некоем замкнутом пространстве. Например, как человеческий эмбрион внутри утробы.

— А еще, по их словам, непонятно, *что* он будет из себя представлять, если все-таки выживет.

Может, буду чем-то вроде овоща и изо рта у меня будет течь слюна?

— Он может стать совершенно другим человеком.

Некоторые люди, наверное, скажут, что оно и к лучшему.

— Он может полностью потерять память.

Ну, я помню тебя, Пэтти. И Гоулди помню. И Марка Твена.

И номер моего значка. И число «пи» до десятичного разряда.

Но не помню, как здесь оказался.

— Я слышал, хирургические операции прошли успешно, — продолжает Гоулди.

— Да, настолько успешно, насколько возможно. Знаешь, ему удалили кусочек задней части черепа, чтобы устранить отечность.

Подождите-ка — у меня нет части *черепа*? Что, черт побери, со мной произошло? Эй, малышка Пэтти, а ты не хочешь слегка ввести в курс дела тех из нас, кто только начал вникать в смысл разговора?

— Врачи утверждают, что пуля не задела левое полушарие, — рассказывает Пэтти. — То есть ту часть мозга, которая управляет способностью говорить.

Ага, кое-что проясняется. Я получил пулю в мозг? Похоже, что в его правую часть.

Значит, я проведу оставшуюся жизнь в кресле-каталке, но у меня, по крайней мере, сохранится «способность говорить», потому я смогу членораздельно попросить медсестру принести мне еще яблочного пюре.

— Ну что же, это хорошо.

«Медсестра! Я хочу яблочного пюре! Кого я должен здесь убить, чтобы получить еще порцию яблочного пюре, а?»

— Да, отец действительно рассказал мне о результатах баллистической экспертизы. Он считает, что такого не может быть. Да, такого не может быть, Гоулди.

— Я знаю, знаю. Твой папа заставил провести экспертизу еще раз. Но, по правде говоря, разве бывало такое, чтобы результаты подобного исследования оказались неправильными?

— Стрелял не Билли, — заявляет Пэтти.

Я в кого-то стрелял? В кого?.. Надеюсь, в того парня, который выстрелил в *меня*.

— Готов поспорить, что это обрадует мэра, — говорит Гоулди. — По крайней мере, его адвокатов.

Мэра? С какой стати мэр Фрэнсис Делани стал бы проявлять ко мне интерес?

Может, я стрелял в *него*?

Вспоминай, парень. Что ты помнишь?

Я помню... убийство. Убийство студентки. Думаю, студентки из Чикагского университета. Затем... затем что?

Затем — ничего. Ничего, кроме пустого экрана.

Я помню Стюарта...

...иногда, в самые трудные моменты, я клал свою ладонь на его руку, но мы не смотрели друг на друга... Мы оба сдерживали слезы, не желая показывать, как нам хочется плакать...

...анекдоты... Старик смеялся так жадно, что становился похож на «хлопающий» автомобильный двигатель, и казалось, что он вот-вот изрыгнет из себя легкие...

...мы смеялись, чтобы не плакать...

Я помню, когда это закончилось. У меня было такое ощущение, как будто...

...как будто я хочу умереть.

Я больше не хочу ничего вспоминать. Не хочу ничего вспоминать.

— Что это было? Ты слышала? Этот звук издал... Билли?

— Билли! Билли, ты меня слышишь?

Я слышу тебя, Пэтти, но сейчас я хочу уйти...

— Стюарт, — произнес Гоулди. — Мне показалось, что он сказал «Стюарт». Кто такой Стюарт?

— Старик в больнице, помнишь? В те времена, когда Билли практически жил там...

— Да, конечно.

— Его внучку сбила машина. Билли и Стюарт пробыли там вместе несколько недель. И очень сильно сдружились.

Я не хочу вспоминать...

— Билли, ты с нами, приятель?

— Билли, я твоя сестра. Ты меня слышишь?

— Алло, Брендан, это Гоулди. Нам кажется, Билли что-то сказал. Хорошо, поторопитесь.

— Билли, тебе нужно вернуться. Пожалуйста, братишка. Ты можешь это сделать.

Я не знаю как... Не знаю даже, хочу ли...

— Сделай это для меня, Билли. Ты мне нужен. Мы тебя любим, Билли. Все твои близкие родственники здесь. Брендан, Айден, папа. И Гоулди здесь. Вернись, Билли. Мы ждем твоего возвращения.

Я что-то чувствую.

Слезу Пэтти на моей щеке.

А еще — свет. Ослепительный свет прямо в глаза.

— Я знала. — Пэтти вот-вот расплачется. — Знала, что ты вернешься.

Я окидываю комнату взглядом. Глаза при этом движутся медленно — словно они забиты песком. Брендан и Айден. Папа. Гоулди. Все стоят вокруг меня, и каждый норовит прикоснуться. Как будто хотят крепко меня обнять, но осознают, какой я хрупкий и уязвимый.

Я чувствую себя отчужденным от всего, что происходит, — будто бы просто смотрю кино, в котором главный герой — не я. Родственники сгрудились вокруг меня, рассматривают, как музейный экспонат («Не стесняйтесь, вы можете его трогать руками»), или как будто участвуют в религиозном акте исцеления («Прикоснись ко мне, и болезнь уйдет»).

Я пытаюсь что-то сказать, но изо рта не вырывается ни единого звука.

Я мертв?

Все погружается в темноту.

Глаза открываются снова. Вокруг меня — все те же люди. Пэтти по-прежнему плачет. Айден — сентиментальный здоровяк — тоже стоит со слезами на глазах.

— Ты в больнице, — объясняет Пэтти. — В тебя попала пуля. Но ты поправишься.

Это я уже слышал. По крайней мере, то, что из меня извлекли пулю. Если мне не изменяет память, Пэтти, ты сказала Гоулди, что я, возможно, никогда не буду таким, как прежде.

— Одна какая-то пуля такого парня не завалит.

Эти слова произнес Брендан, старший из моих братьев. Он в нашей семье главный оптимист.

Все опять погружается в темноту.

Я мертв?

Снова появляется свет. Глаза постепенно привыкают. В комнате — те же люди. Папа, мои братья и сестра. Три комика плюс я, четвертый. Плюс Гоулди. Все они склонились надо мной.

— Еще нет, — произносит Пэтти.

— Она права, — соглашается Брендан.

Права насчет чего? Я пытаюсь что-то сказать, но у меня не получается. Думать, значит, я вполне могу, а вот произнести свои мысли — нет.

— Нам нужно знать.

Это папа.

— *Еще* нет.

Это Пэтти. Затем она добавляет более решительным тоном:

— Он только начал просыпаться.

Айден наклоняется надо мной:

— Как дела, приятель?

Я не могу ответить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Скажи что-нибудь для меня. Например, вот это: «Игроки „Чикаго Кабс“^[29] позорные молокососы».

Брендан:

— Скажи: «Вы арестованы».

Айден:

— А как насчет «Поцелуй мою белую ирландскую задницу»?

— Послушай, я приехал из Далласа, — обращается ко мне Брендан. — Наименьшее, что ты можешь сделать, — сказать «Привет!» своему старшему брату. Или, может, дать тебе подзатыльник?

— Не слушай этого неблагодарного типа, — снова вступает в разговор Айден. — Ты и так сделал ему одолжение, заставив хотя бы ненадолго уехать из Техаса. Ты бывал когда-нибудь в Далласе? Там все носят ковбойские сапоги и шляпы с широкими полями.

— И это говорит парень, который ходит на работу в майке на лямках и в шортах.

— Я, по крайней мере, не коверкаю слова, как в Техасе.

Да уж, явно мои родственники.

— Ты мог бы сделать нам всем одолжение, Билли, — включается Пэтти. — Прикажи своим придурковатым братьям заткнуться.

— Кого ты называешь придурковатым, а? — взъерепенился Брендан. — Я окончил университет с самыми высокими показателями в группе.

— Тоже мне университет — Уэслианский, — бурчит Айден себе под нос.

— А что, по-твоему, представляет собой Университет Рузвельта? Гарвард Среднего Запада?^[30]

Да, точно мои родственники.

Я чуть-чуть приоткрываю рот. Пэтти, которая, по-видимому, наблюдает за мной, замечает это и поднимает руку, требуя тишины.

Я чувствую себя младенцем, над кроваткой которого склонились родители. *«Он сейчас что-то скажет! Он произнесет первое слово!»*

И я произношу первое слово, чувствуя, как все склонились надо мной ради столь важного момента и таращатся, как на диковинку.

— Гу-гу-га-га, — говорю я.

Никто знает, как реагировать: лица у всех окаменели, на них — растерянное выражение, брови удивленно приподняты, лбы нахмурены. Все затаили дыхание.

Я снова открываю рот. Все еще ниже наклоняются надо мной — с таким видом, будто рассматривают чашку Петри.^[31]

— Я... просто шучу, — шепчу я.

Напряжение резко спадает — его сменяет чувство облегчения и желание шутить.

— Ах ты кусок дерьма!

Айден, качая головой, пускает слезу.

— О-о, ты явно к нам вернулся. — Брендан тихонечко жмет мне руку. — Он вернулся! Комик вернулся!

— Ты смог это сделать, — не в силах сдерживать эмоции, шепчет мне Пэтти. — Ты смог, Билли, ты смог.

То да, то нет. То свет, то темнота. Я то прихожу в сознание, то теряю его и не имею ни малейшего понятия, какое сейчас время суток и день недели. Моих обычных источников информации у меня сейчас нет. Зрение еще недостаточно острое, чтобы рассмотреть электронные часы, висящие на противоположной стене. Я нахожусь во внутреннем помещении отделения интенсивной терапии — здесь нет ни солнечного света, ни ночной темноты. Меня кормят через трубочку, а потому моя еда не отличается разнообразием — никакого тебе омлета и курицы с рисом. Мне все еще трудно пошевелить губами и сконцентрировать внимание, чтобы что-то сказать, поэтому я пытаюсь беречь силы для решения более животрепещущих вопросов, нежели проблема, который сейчас час: три дня или два ночи.

Я измеряю течение времени совсем другим способом, а именно наблюдая за изменениями во внешнем облике моей сестры. С того момента, как я первый раз открыл глаза, Пэтти приходила в трех вариантах одежды, а значит, либо я три дня назад вышел из комы, либо она очень-очень любит менять наряды.

Папа появляется не так часто: начальник следственного управления — высокая должность, и он не может запросто оставлять место службы в рабочее время. Братья все время где-то здесь, в больнице, но много времени проводят в коридоре, разговаривая по телефону со своими домочадцами или же по ноутбуку с друзьями и сослуживцами в Далласе и Сент-Луисе.

Две постоянные величины для меня — Гоулди и Пэтти. Их я обнаруживал рядом с собой почти каждый раз, когда открывал глаза.

Все они чего-то недоговаривали. Я задавал вопросы, но получал лишь уклончивые ответы типа *«Сосредоточься на своем выздоровлении»* или *«Мы сможем поговорить об этом позже»*.

Я спрашивал, в результате чего я сюда угодил.

Интересовался, кто в меня выстрелил. И в кого выстрелил я.

Однако чаще требовал сказать, где сейчас Кейт.

Я могу думать цельными предложениями — по крайней мере, мне кажется, что могу. Однако когда открываю рот, все начинает путаться. Связь между поврежденным мозгом и ртом подобна сигналу, который я получаю на смартфон, когда еду на автомобиле по южной части Чикаго. Иногда она функционирует хорошо, иногда — плохо, а порой — вообще отсутствует.

Но я вообще-то не парализован. Все во мне работает. Работает не очень хорошо, пока еще не полностью, но в общем и целом со мной все в порядке.

Я теперь помню, как арестовывал мэра. Память об этом эпизоде вернулась ко мне, когда я увидел сестру в зеленой футболке с трилистником.^[32] Сегодня она одета во что-то коричневое. Значит, это произошло накануне. Вчера ко мне вернулась память о той облаве и последовавшем за ней потоке дерьма. Я помню, что суперинтендант полиции был рассержен, а прокурор штата поручила какой-то женщине — умопомрачительной красавице — провести расследование относительно нас с Кейт, чтобы выяснить, не стащил ли я в особняке маленькую черную книжку.

Ежедневно — с каждой сменой наряда Пэтти — я вспоминаю что-нибудь еще.

Я теперь помню, как звали ту женщину, которая занималась специальными расследованиями: Эми Лентини.

Знаю, что меня временно отстранили от выполнения служебных обязанностей. Кейт — тоже.

Припоминаю, как разговаривал в кафе с Гоулди и выдвигал предположение, что вся эта заварушка вызвана отнюдь не дурацкой черной книжкой. Книжка — лишь повод, чтобы разделаться со мной. Помню, что мне пришло в голову, будто кто-то догадался о моей тайной работе на отдел внутренних дел и использовал арест мэра, чтобы нейтрализовать меня.

Стоп! Теперь память обрывается. Да, именно на этом моменте она заканчивается облаком дыма. Дальнейшие воспоминания похожи на автомобиль, мчащийся прочь и оставляющий меня стоять в пыли.

Мой врач — индеец по имени Памереш — сказал, что память о большинстве событий рано или поздно вернется, но, возможно, произошедшие трагические события сотрутся навсегда. «*Вы, возможно, никогда не вспомните перестрелку и то, что случилось непосредственно перед ней,* — сказал он. — *Это называется ретроградной амнезией*».

Пэтти забавляется со смартфоном, что-то бубня себе под нос и не замечая, что я снова открыл глаза. Она выглядит очень усталой, очень бледной, очень измученной.

Детство у Пэтти было нелегким. С ней много нянчились, три брата опекали и защищали малышку, но она никогда не могла избавиться от ощущения неуверенности, которое всегда терзало ее, особенно когда ее сравнивали со мной, братом-близнецом. Я никогда не понимал, *что* во мне такого особенного, но с ее точки зрения превосходил ее буквально во всем: и умнее, и лучше сложен, и общительнее, и симпатичнее. Мне не понять, почему она так думала. Что-то втемяшилось ей в башку еще в детстве и уже не покидало никогда — нечто такое, что вызывало у нее комплекс неполноценности.

Но это никогда не отражалось на наших отношениях. Какие бы чувства она ни испытывала по отношению ко мне, они никогда не были направлены *против* меня. Мы были дружными и в самые лучшие, и в самые ужасные моменты жизни. Когда три года назад произошли *те события*, Пэтти восприняла их так же болезненно, как я сам: почти так, как будто это произошло с ней.

— Кейт, — говорю я, даже не пытаясь составить из слов внятное предложение.

Пэтти отрывает взгляд от смартфона.

— Доброе утро, солнышко, — улыбается она, наклоняется и осторожно целует меня в лоб.

Моя голова побрита и сильно забинтована (часть черепа по-прежнему хранится где-то в воздухо непроницаемой стеклянной банке), и я все еще подсоединен трубками и проводами к различным приборам. Они меня кормят, следят за деятельностью моего мозга и сердца и даже массируют конечности при помощи электрических импульсов, чтобы не нарушалась циркуляция крови.

— Кейт, — снова говорю я, встречаясь с Пэтти взглядом. — Пожалуйста.

Пэтти отводит глаза в сторону и задумывается. Мы с ней в комнате вдвоем. Даже Гоулди сейчас нет.

Она пытается прикоснуться к моему лицу или другой части головы, но голова почти вся забинтована. Ее глаза наполняются слезами. Она, возможно, уже выплакала столько слез, что их хватило бы для Ниагарского водопада. Мне очень жаль, что я так поступаю по

отношению к ней, но мне необходимо кое-что выяснить, и я знаю — она расскажет, если рядом не будет никого, кто смог бы ее остановить.

— Кейт мертва, Билли. Погибла в ходе перестрелки. Ты выжил, а она — нет.

Изо рта вырывается какой-то звук. Похоже, тихий стон.

Я так и думал. Было бы трудно представить другую причину, по которой Кейт не пришла навестить меня. Но когда я услышал правду — получил подтверждение, что-то хрустнуло внутри меня, как ломающаяся ветка.

— Мы не знаем, что произошло, — разводит руками Пэтти.

Я подвел Кейт. Я должен был прикрывать ее сзади. Именно это обязан делать напарник. А я не сделал.

Эх, Кейт. Эх, Кейт...

— Кто... Кто...

Пэтти смотрит на меня, и ее пугает вопрос, который я хочу задать. Поврежден мой мозг или нет, но я могу читать Пэтти, как книгу. Она понимает, о чем я пытаюсь спросить: «*Кто убил Кейт?*»

— Мы не знаем, что произошло, — повторяет она, но на этот раз менее уверенно — просто машинально пытаюсь защититься от следующих вопросов. — Мы не знаем.

Чем больше она повторяет, тем отчетливее я понимаю: она врет. Но зачем бы ей скрывать правду? Зачем ей нужно, чтобы я не знал, кто убил Кейт?

Нет. Нет. Этого не может быть.

Кажется, по моим венам потек яд, а грудь придавило что-то тяжелое, мешающее дышать. Некоторые из приборов начинают издавать какой-то шум, звенеть и свистеть. Пэтти нажимает кнопку вызова медсестры.

Дверь распахивается, и в палату стремительно заходят врачи и медсестры.

Пэтти, прежде чем отойти в сторону, наклоняется надо мной и шепчет:

— Что бы тебе ни говорили о произошедшем, не верь никому.

— Плохая идея, — морщится Пэтти. — Ужасная идея.

Это лучшая из идей, появившихся у меня за четырнадцать недель, которые я нахожусь здесь.

Я засовываю руку в рукав рубашки:

— Мне наплевать. Я больше не останусь здесь даже на одну ночь.

Я ничего не имею против больницы, где со мной обращались наилучшим образом. Окно палаты, в которую меня поместили, выходит на озеро, и это замечательно, хотя и напоминает вид из окна квартиры Кейт в районе Лейквью. Сотрудники клиники, которые со мной работают, очень добрые люди и проявляют по отношению ко мне больше терпения, чем к ребенку: уговаривают сделать «еще один шаг» или еще одно упражнение на тренировку бицепса при помощи десятифунтовой^[33] гантели, или произнести ту ли иную тренировочную скороговорку, или в очередной раз посчитать от двадцати до одного.

Поначалу было довольно мучительно, но благодаря этому они подняли меня на ноги. Теперь я умею самостоятельно одеваться, принимать пищу и даже ходить (хотя и с тростью). Могу изъясняться законченными предложениями, читать и писать. Зрение почти пришло в норму. А чувство юмора — хорошо это или плохо — никуда не делось.

Да и череп полностью восстановлен — спасибо вам большое! Волосы перестали виться, и сейчас они такой длины, как будто меня подстригли под машинку. Я похудел примерно на двадцать фунтов. У меня имеется шрам в том месте, где в мозг вошла пуля, но все остальные следы ремонта, который врачи произвели на моей башке, скрыты волосами. Конечно, если присмотреться, то по всей верхней и задней части головы можно заметить шрамы, похожие на нарисованные на карте автомобильные дороги, но с этим вполне можно жить. Я осознаю: тот факт, что я вообще выжил, — это своего рода маленькое чудо.

В общем, я собираюсь покинуть больницу! Через девяносто восемь дней после того, как мне в мозг угодила пуля.

— Необходимо продлить реабилитацию еще по меньшей мере на месяц, — приводит доводы Пэтти.

— Я буду это делать в качестве амбулаторного больного. Или вообще дома. На работу возвращаться пока не собираюсь.

Нужно пройти соответствующий медосмотр, прежде чем мне разрешат снова заняться работой — даже за письменным столом. Многие из знакомых мне полицейских охотно взяли бы отпуск по болезни — в качестве своего рода обычного оплачиваемого отпуска. Многие, но не я. Для меня невыносима мысль, что я не буду делать ничего, кроме как сидеть на диване и смотреть телевизионные игры, ток-шоу и сериалы. Я что-нибудь придумаю. Займусь главным образом тем, что стану готовить себя к возвращению на службу.

Но вовсе не поэтому я хочу уехать отсюда домой.

Да, я схожу с ума от тоски в четырех стенах. Да, я хочу снова быть полицейским.

Однако истинная причина заключается в том, что я не хочу ни от кого зависеть. Ближайшие родственники — особенно Пэтти — контролируют мой доступ к информации и новостям. Все, что мне известно о той перестрелке через четырнадцать недель, — так это то, что были обнаружены застреленными три человека и двое из них — Эми Лентини и Кейт — оказались мертвы. А я все еще цеплялся за жизнь. Еще мне известно, что перестрелка

произошла в квартире Эми Лентини.

И хотя ни Пэтти, ни кто-либо другой этого еще не подтвердили, но создается впечатление, будто все думают, что Кейт застрелил я.

Я не пытался развивать эту тему. Как только натолкнулся на сопротивление, как только все начали давать уклончивые ответы, я решил занять выжидательную позицию. Ведь можно добиться наибольших результатов, если уйти на задний план, строить из себя потешного и безобидного парня, балагура, младшего братишку, четвертого комика. Можно добиться лучших результатов, если тебя не воспринимают всерьез и недооценивают.

Значит, именно так я и поступлю. Буду изображать из себя парня, выздоравливающего после черепно-мозговой травмы, — пока еще неполноценного. Парня, который двигается, действует и даже думает медленно. Человека, который, вполне возможно, уже никогда не будет таким, как раньше, а потому не представляет никакой опасности.

Пусть все они так думают.

Я не знаю, каким образом попал в квартиру Эми в тот день, когда случилась перестрелка. Не помню ни одного обстоятельства, которое привело к этому. Не помню, что происходило в предшествующие дни и даже недели. И я не могу себе даже представить, зачем, черт побери, стал бы стрелять в свою напарницу.

Но я это обязательно выясню.

— Детектив.

В комнату заходит женщина — высокая, худая, с зачесанными назад пепельными волосами. Она в очках в черной оправе, красном платье без рукавов и туфлях на высоких каблуках. Стараюсь не таращиться на нее, потому что я — джентльмен.

— Я — доктор Ягода, — представляется она.

Я поднимаюсь со стула и жму ей руку:

— Билли Харни.

Она садится напротив. Шикарные стулья с высокой спинкой, обитые кожей. Мне кажется, что я нахожусь в читальном зале. Чего нам сейчас не хватает — так это камина и бокалов с бренди.

У нее не только приятный вид — от нее исходит замечательный запах. Ее духи — освежающие, не приторные, не навязчивые.

На темных стенах — дипломы Гарвардского и Йельского университетов и сертификаты, выданные различными ассоциациями психологов.

— Как это будет происходить? — спрашиваю я. — Я сообщу, что моя мамочка не заботилась обо мне должным образом? А затем я осознаю... — Я трясущими кулаками и кусаю губу — будто и в самом деле вдруг что-то осознал относительно самого себя. — Я осознаю, что... я отнюдь не плохой человек! Затем мы оба зальемся слезами, и я обрету душевный покой.

Она слушает тираду с невозмутимым выражением лица, по которому трудно что-либо определить.

— А как, с вашей точки зрения, это должно происходить?

— Сказать правду?

— Желательно.

— Я совсем не хочу здесь находиться.

— Никогда бы не подумала.

— Но у меня нет выбора. В управлении говорят, что я обязательно должен пообщаться с психиатром. Ну вы знаете — по причине моей травмы и всего такого прочего.

Она прищуривает глаза. Смотрит на меня оценивающим взглядом психиатра.

— Вы уже делали это раньше, — говорит она. — Три года назад.

— И три года назад мне совсем не хотелось.

— Но вам помогло?

— Практически нет.

— Ага. — Она хлопает в ладоши и наклоняется вперед. Нас с ней разделяет стол — маленький круглый деревянный стол, похожий на те, что широко используются на Ближнем Востоке. — Что вы надеетесь получить на этот раз?

— Я надеюсь выбраться *отсюда* — и точка, — признаюсь я. — Не обижайтесь, но психиатр мне не нужен.

— Почему вы полагаете, что не нуждаетесь в психиатре?

Я смотрю на нее.

— Вы просто задаете вопросы — только и всего, да? А можете что-нибудь сказать в утвердительном тоне?

— Хотите утверждений? — Она позволяет себе слегка улыбнуться, хотя вообще-то выражение лица у нее абсолютно бесстрастное. Но сейчас она, по крайней мере, чуть-чуть пошутила.

— А что за фамилия такая — Ягода? — издеваюсь я.

Она откидывается на спинку стула и скрещивает ноги.

— Польская, — говорит она.

— Знаете, сколько нужно поляков, чтобы вкрутить лампочку? — спрашиваю я. — Трое. Один будет держать лампочку, а двое других — вращать стул, на котором он стоит.

— А знаете, сколько для этого нужно полицейских? — парирует она. — Трое. Один будет вкручивать лампочку, а двое других — нарушать гражданские права стоящего рядом чернокожего.

Ну что же, она неплохо отшутилась.

— А знаете, какая самая тоненькая книга из всех, когда-либо написанных? *«Полный перечень польских героев-воинов»*.

— А вот ирландцы — те на славу послужили человечеству.

Я мог бы упомянуть пиво и картошечку, но сдерживаюсь.

— Может, вы просто поставите диагноз и отправите меня восвояси? — предлагаю я. — Давайте сойдемся на посттравматическом стрессе. Выпишите мне рецепт, и я обещаю, что буду принимать лекарства.

Она наклоняет голову набок.

— Я неплохо выполняю свою работу, детектив, но почему-то сомневаюсь, что готова поставить полный диагноз после того, как пообщаюсь с вами в течение пяти минут и прочту вашу медицинскую карту.

— Меня вполне устроит и неполный диагноз.

— Ага, устроит и неполный? Это легко, — говорит она. — Вы — конченный псих.

Я смеюсь. Смеюсь впервые за довольно долгое время. Ну ладно, разговор с ней может заставить меня пару раз хихикнуть, но он все равно представляет собой пустую трату времени.

Я поднимаюсь со стула.

— Еще увидимся, доктор, — прощаюсь я.

— Вы необычайно умный, — отзывается она, когда я уже направляюсь к двери. — Намного умнее, чем пытаетесь продемонстрировать. Вы эмоционально травмированы — вероятно, в результате трагедии трехлетней давности, а также недавних событий, — но вы прячете свое нутро за имиджем остряка и комика. Юмор — ваш щит. Вы за ним прячетесь. Возможно, прячетесь так долго, что уже сами этого не осознаете.

Я ничего не отвечаю. Стою неподвижно.

Она поворачивается и смотрит на меня, приподняв брови. Я отвожу взгляд.

— Вы сломлены, разбиты на части, — продолжает она. — Вы это знаете, и я это знаю. Но я могу помочь вам собрать себя в единое целое. Кто знает, возможно, даже могу вернуть вам память.

Я бросаю взгляд на дверь и даже протягиваю к ней руку.

— Давайте, уходите, если хотите. Я не буду вас останавливать. Примите решение, Билли.

Я убираю руку от двери, неспешно поворачиваюсь и бросаю взгляд на психиатра. Затем возвращаюсь к своему стулу и медленно сажусь.

— Вы можете вернуть мне память?

— Этого я не гарантирую, — признается она. — Но я — ваш единственный шанс.

— Для нас опять плохие новости, — сказала Кейт, сидя за рулем «Тахо» и попутно разговаривая со мной, сидящим на пассажирском сиденье.

Я зашел через свой смартфон на веб-сайт и сразу же увидел *это*. Еще одна статейка в интернет-издании «Чикаго-П-П», причем написанная все той же Ким Бинс — дискредитировавшей себя женщиной-телерепортером, которая теперь пытается создать себе новый имидж и вернуться на телевидение при помощи обнародования фотографий людей, посещавших особняк-бордель.

Статья называлась «КУ-КУ, ФРЭНСИС!» На имеющейся фотографии был запечатлен мэр Фрэнсис Делани, поднимающийся вверх по ступенькам ставшего уже печально известным особняка, только теперь без простыни и наручников: он был одет в легкую курточку и бейсбольную кепку. Съемки проводились в теплую погоду, то есть не в тот вечер две недели назад, когда мы устроили облаву. Из этого следовало, что в тот вечер, когда я застукал мэра Чикаго со снятыми штанами, он посещал особняк-бордель не в первый раз.

— Ты права, тут имеет место жуткое безобразие, — сказал я. — Ну где это видано, чтобы мэр носил кепку с эмблемой команды «Чикаго Кабс»?

Кейт бросила на меня взгляд. Отнюдь не веселый.

Дело в том, что Кейт считала фотографию мэра плохой новостью потому, что *любая* новость, относящаяся к нашей истории, казалась ей плохой. И она была права. За две недели, прошедшие с момента, когда мы арестовали мэра и остальных посетителей особняка, средства массовой информации всей страны подняли шум, и как только кто-то сделал первый шаг, все они сразу же вцепились в информацию, как питбуль в штанину почтальона. А когда круглосуточные информагентства: «Си-Эн-Эн», «Фокс», «Эм-Эс-Эн-Би-Си» «Блумберг» и прочие — впиваются зубами в какую-нибудь историю, им требуются дальнейшие «вкусные» подробности, и они проглатывают любую деталь — большую и маленькую, проверенную и непроверенную. Не упускают из виду никого, кто оказался под микроскопом.

Можно взглянуть, например, на прокурора штата — Маргарет Олсон. На прошлой неделе какой-то репортер из «Си-Эн-Эн» проанализировал информацию о средствах, собранных в поддержку ее кандидатуры, и понял, что она обязана своим избранием на пост мэру Делани, который оказал ей существенную финансовую помощь. Затем в своей статье под названием «Конфликт интересов?» репортер задал вопрос, а не сделает ли Максималистка Маргарет поблажку мэру, поскольку он в свое время ей сильно помог.

Это подтолкнуло прокурора штата к тому, чтобы провести пресс-конференцию и объявить, что она не пойдет на компромиссные сделки с тем или иным лицом, которое обвиняется в пользовании услугами проституток в особняке, — будь то человек весьма уважаемый (тут явно имелись в виду мэр Делани, архиепископ Фелан и квотербек из команды «Грин-Бей Пэкерс») или же заурядный Джо. Она, по ее словам, будет добиваться максимально возможного наказания для всех.

Дело о секс-клубе скоро должно было рассматриваться в суде, и все, кто когда-либо имел хоть какое-то отношение к значному месту, напряженно ожидали очередного разоблачения, надеясь, что объектом станут не они.

Информационные агентства и репортеры, освещающие громкое дело, искали маленькую

черную книжку, которая в тот вечер таинственно исчезла из особняка.

В общем, ситуация была напряженной, но Кейт все-таки следовало усматривать в ней и некоторые плюсы. Имелись ведь и хорошие новости. Дисциплинарный комитет, который рассматривает дела, относящиеся к полицейским, принял решение допустить меня и Кейт к выполнению служебных обязанностей, пока мы ждем рассмотрения дела о приписываемом нам должностном правонарушении. Суперинтендант полиции Тристан Дрискол своим решением отстранил нас от работы немедленно, но комитет заявил, что мы имеем право исполнять свои обязанности, пока не будет доказана обоснованность выдвинутых против нас обвинений.

Поэтому после незапланированного двухнедельного отпуска я снова стал полицейским — по крайней мере, пока. То же самое произошло и с Кейт.

— Не могу поверить, что нам придется общаться и даже вести себя вежливо с той сучкой, — пробормотала она.

Она имела в виду Эми Лентини, которой поручили заниматься расследованием дела о секс-клубе и которая в течение последних двух недель пыталась доказать, что кто-то из нас двоих — я или Кейт или мы оба — украл маленькую черную книжку, содержащую сведения о клиентах особняка-борделя. Поскольку именно мы с напарницей производили аресты, нам предстояло давать показания в суде и готовиться к процессу заранее вместе с Лентини. Лично я предпочел бы, чтобы мне удалили все зубы мудрости без новокаина, но моим мнением никто не поинтересовался.

— Это будет не так уж и ужасно, — предположил я.

— О-о, я даже уверена, что *ты* не будешь иметь ничего против. — Она снова бросила на меня колючий взгляд. — Итальянская красотка, которая таращит на тебя свои глазищи.

— Все совсем не так, и ты это знаешь, — оборонялся я. — Мне больше всего нравится ее задница.

— Неуместная *шутка*, Билли.

Ну вот, опять ревность. Мы с Кейт были напарниками на протяжении нескольких лет, но я никогда не думал, что между нами могут возникнуть какие-либо серьезные отношения. Затем — после арестов в особняке — между нами внезапно случилась интимная связь, и я признаю, что это доставило мне ну просто массу удовольствия. Связь, правда, была весьма своеобразной и сильно отличалась от событий подобного рода, происходивших когда-либо в моей жизни, но все же полученное от нее удовольствие было огромным. Однако вскоре нас временно отстранили от службы, и хотя в течение означенных двух недель мы общались каждый день, ничего другого больше не происходило. Похоже на то, как будто после прекращения наших официальных отношений кто-то нажал на кнопку «пауза» и в отношениях интимных. Теперь же, когда мы снова стали полицейскими, меня интересовал вопрос, будет ли нажата кнопка «воспроизведение». А еще я не мог сам для себя решить, стоит ли это делать.

— Эми Лентини — волк в овечьей шкуре, — снова заговорила Кейт. — Она привлечет тебя своими любезностями и обаянием, а затем вонзит в грудь нож.

Кейт остановила автомобиль рядом с Дейли-плаза. Парковаться здесь вообще-то запрещено, но патрульные делали вид, что ничего не замечают, если речь шла о коллегах. Это была одна из своего рода привилегий нашей работы. Зарплата у полицейских не ахти какая, размер пенсии — под вопросом, люди тебя ругают и стараются разозлить, снимая смартфоном твои эмоции, и в любой момент кто-то может неожиданно выхватить пистолет

и наставить на тебя... Зато можно безнаказанно припарковаться в запрещенном месте!

— Будь поосторожнее, когда общаешься с ней, — это все, о чем я прошу, — предупредила Кейт, вырубивая в парк. — Ты можешь навлечь неприятности на нас обоих.

— Доброе утро, детектив Харни, детектив Фентон.

Когда мы зашли в кабинет заместителя прокурора штата Эми Лентини, вид у нее был очень деловой. Она была одета в новенький синий костюм, который сидел на ней весьма неплохо — своего рода идеальное сочетание высокого профессионализма и красивой внешности. Мне пришлось мысленно признать, что выглядит она чрезвычайно эффектно.

Хозяйка кабинета жестом предложила нам сесть, а сама осталась стоять у окна, выходящего на Дейли-плаза. Тот факт, что в комнате имелось окно, говорил кое-что о ее статусе. Я все еще толком не знал, каким образом она сумела продвинуться вверх по служебной лестнице и какие у нее связи. Все, что мне было известно, — это то, что она добилась того, чего добилась, исключительно благодаря личным заслугам. Все ведь когда-нибудь случается впервые.

— Поздравляю с восстановлением, — сказала она без малейших признаков иронии в голосе.

— Это временно, пока дисциплинарный комитет не проанализирует более подробно наше поведение и не примет соответствующее решение, — признался я. — Что-то вроде презумпции невиновности. Думаю, в нашей стране существует такое понятие.

— Знакомые слова, — ответила она с невозмутимым видом.

— Некоторые люди все еще хотят вышвырнуть нас из правоохранительных органов. Ой, подождите-ка... — Я щелкнул пальцами. — Эти некоторые люди — не кто иной, как вы.

Она наклонила голову вправо, и на ее лице заиграла улыбка.

— Деликатная ситуация.

— Деликатная ситуация, — передразнила ее Кейт. — Вы и в самом деле адвокат.

— Я — адвокат, который не собирается проигрывать дело, — заверила Эми. — И вы, детективы, как раз являетесь моим делом, нравится мне это или нет. Поэтому, если отодвинуть в сторону вопрос о маленькой черной книжке, нам троим необходимо быть готовыми к нападкам. — Она развела руки. — Впрочем, поверьте, если вдруг захотите рассказать, что произошло с черной книжкой, я буду слушать очень внимательно.

Ну конечно же, будет. Она, по-видимому, решила, что в скандальной книжке фигурируют и другие знаменитости, политики и влиятельные фигуры. Она ведь — амбициозный прокурор, который натолкнулся на громкое дело, дающее возможность продвинуться по служебной лестнице еще выше. Чем крупнее пойманная рыба, тем шире шаг в ее карьере.

— Мы не знаем, что произошло со злополучной книжкой, — разозлилась Кейт.

Эми взглянула на соперницу, слегка прищурилась, но ничего не ответила. По этому вопросу ей с нами общего языка не найти, причем не только сейчас, но, возможно, вообще никогда.

— Вы будете подвергаться нападкам, — предупредила она. — Больше защите прибегнуть не к чему. Мэр, архиепископ, все мужчины, которых вы сцапали, — им в свое оправдание сказать особо нечего. Вы застали их со спущенными штанами,^[34] причем в некоторых случаях — в буквальном смысле.

Да уж, это был далеко не самый приятный момент в жизни архиепископа. Да и мэр, насколько я помнил, тоже не очень обрадовался появлению полиции.

— Поэтому первое, что они могут сделать, — попытаться обвинить полицию, — продолжала Эми, шагая взад-вперед вдоль окна. — Они подвергнут сомнению законность вашего вторжения в особняк. Скажут, что вы не имели достаточных оснований.

— Тут все просто, — успокоил ее я. — У меня была информация, что в особняке располагается публичный дом. Те, кто туда приходил, отнюдь не собирались играть там в бинго. [\[35\]](#)

— А-а, ну замечательно, все будет на редкость легко, — с явным сарказмом отозвалась Эми.

Я откинулся на спинку стула:

— Так же легко, как бывает на душе в воскресное утро.

— Ну, тогда вы, видимо, не станете возражать против того, чтобы я задала вам несколько вопросов, да?

— Задавайте.

— Хорошо. — Эми посмотрела на потолок с таким видом, будто пыталась восстановить в памяти события. — Итак, вы отправились в особняк, рассчитывая обнаружить там человека, которого подозревали в убийстве студентки университета в Чикаго.

— Да, именно так все и началось. Прежде всего именно поэтому мы там оказались. Однако затем ситуация изменилась.

— Внезапно вы превратились в полицейского из отдела нравов. Неожиданно потеряли малейший интерес к своему подозреваемому. Ни с того ни с сего вы решили нанести удар по сутенерству и проституции.

— Да, направление действий изменилось. Я увидел, что совершается преступление...

— Какое именно? Вы видели, как проститутка снимает мужчину? Вы заметили, как передаются деньги?

— Конечно же нет, — признался я.

— Конечно же *нет*. Вы находились снаружи, сидели в своем автомобиле. И увидели из машины, что некие мужчины по одному заходят в особняк.

— В особняк, о котором я точно знал, что это — публичный дом.

— Позвольте снова задать вопрос: откуда вы знали, что это публичный дом?

Эми почесала щеку, пытаясь изобразить на лице насмешливое любопытство.

— В течение некоторого времени я следил за своим подозреваемым. Неделий раньше видел, как он заходит туда. У меня возникли подозрения относительно того, *что* он там делает, хотя я и не был уверен.

— Вы не могли быть уверены, потому что единственное, что вы видели неделей раньше, когда следили за подозреваемым, — так это то, что некий мужчина зашел в особняк и некоторое время спустя вышел из него.

— Именно так.

— Однако зайти в тот или иной особняк, а через время выйти — это ведь не преступление, не так ли?

— Да, конечно же, не преступление.

— Вы ведь не слышали, чтобы он говорил: «Ух ты, я только что потрахался с проституткой!»

Я улыбнулся ей холодной улыбкой.

— И у него не висела на шее табличка с надписью: «Мне только что отсосали», не так ли? — юродствовала она.

— Это было больше похоже на двойной рекламный щит, — возразил я совершенно серьезно. — На одной стороне написано: «Я только что заплатил кое-кому за секс», а на другой — «Я убил студентку из Чикагского университета. Арестуйте меня!»

Эми злобно уставилась на меня.

— Вы правы, госпожа адвокат, — смиловился я. — Когда я следил за подозреваемым, единственное, что я видел, — это то, что он вошел в дверь особняка и некоторое время спустя вышел.

— То есть вы не знали, что происходило внутри.

— Но затем я стал наблюдать за зданием, — сообщил я.

— Можно сказать, провели разведку.

— Именно так, провел разведку. Я долго наблюдал. Видел, как в особняк заходят молодые красивые женщины и как его посещают мужчины возрастом постарше.

— Вы знали наверняка, что те или иные молодые женщины — проститутки?

— Наверняка? Нет. Однако стиль их одежды и внешний вид дали мне основание так полагать.

— Ага, — ехидничала Эми. — И как они были одеты?

— Как уличные проститутки, — сказал я. — Ноги — максимально обнаженные. Вызывающие прически. Много косметики.

— То есть, по-вашему, все женщины, которые провокационно одеваются, являются уличными проститутками?

— Конечно же нет.

— Но *большинство* из них — да?

— Нет. — Я наклонился вперед. — Однако я видел, как в дом вошли с десяток молодых женщин, а затем — несколько мужчин, гораздо более старших.

— А откуда вам известно, что они направлялись не на разные этажи? — не унималась Эми. — Вы уверены, что эти милые дамы не устраивали вечеринку в квартире на первом этаже, выходящей на лужайку, а мужчины постарше — не их бывшие однокурсники по колледжу, которые собрались в другой квартире, чтобы посмотреть матч с участием «Чикаго Буллз»? [\[36\]](#)

Я покачал головой. В тот вечер я руководствовался интуицией, теорией вероятностей, инстинктом. Полицейские частенько так поступают. Нет, я не был абсолютно уверен, что там располагался бордель, но, черт возьми, было очень на это похоже.

Тем не менее мне пришлось признать, что она скрутила меня в бараний рог. Я начал думать, что раньше недооценивал Эми Лентини.

Эми отошла от окна, обошла вокруг письменного стола и встала за ним прямо напротив меня.

— В нашем обмене репликами я проявила невиданную любезность, — подытожила она. — Мэр и архиепископ наняли двух самых лучших адвокатов, имеющих в США, и те не будут столь же милы. Если будет установлено, что у вас не было достаточных оснований врываться в особняк, мы проиграем дело. И они выдвинут обвинение, причем не в *мой* адрес.

Конечно же, не в ее адрес. Все будут винить меня — полицейского, который провел незаконный обыск.

— Поэтому верите вы или нет и *нравится* вам или нет, но я на вашей стороне, — сказала Эми.

Два часа спустя мы вдвоем с Кейт ехали в лифте, собираясь покинуть Дейли-центр. Еще один человек вошел в лифт вместе с нами, но затем вышел двумя этажами ниже, оставив нас с Кейт наедине.

Как только двери лифта закрылись, Кейт стукнула меня по руке кулаком.

— Ой. У тебя какая-то проблема? — спросил я.

— Моя проблема — ты, — огрызнулась она.

Я потерял руку. Эта малышка умела ударить очень больно.

Приехав на первый этаж, мы прошли через вестибюль, в котором было полно адвокатов, полицейских и заместителей шерифа.^[37] А еще там находилась маленькая группа людей, которые протестовали против грубости полиции — наверное, им разрешили зайти в вестибюль только потому, что на улице очень холодно.

Я застегнул застежку-молнию на куртке до самой шеи и прошел через вращающуюся дверь.

— Значит, твоя проблема — это я? — спросил я. — Потому что я «вел себя вежливо» с женщиной-прокурором?

— Потому что ты идиот, — отрезала Кейт и зашагала так быстро, что я с трудом за ней поспевал.

— Эй, — позвал я в надежде, что она остановится.

Она притормозила и повернулась ко мне. В выражении ее глаз чувствовалась озабоченность. Может, даже боль.

— На кону — моя задница, — сказал я. — Если будет установлено, что обыск в особняке и арест мэра Чикаго были незаконными, я *и в самом деле* буду выглядеть как идиот.

— Понятно. Значит, прокурор тебе помогает.

Я кивнул:

— Я подумал, что она права, да. Она умная. Она дотошная.

— О-о, она умная, этого у нее не отнять.

Я развел руками:

— Значит...

Кейт улыбнулась, но ее улыбка была отнюдь не веселой — скорее натянутой:

— Она играет тобой так, как играют на скрипке, детектив.

— Хм, я теперь для тебя детектив. Уже не Билли?

Кейт подошла поближе.

— Ты, возможно, не обратил внимания, но на кону — и *моя* задница тоже. И моя судьба сейчас, в общем-то, в твоих руках. Это означает, что я вынуждена сидеть и наблюдать, как она ведет тебя, как козла на заклание, куда ей нужно. А у тебя в твоём поле зрения есть большое слепое пятно.

— Что-то я его не замечаю, — признался я.

Она приблизилась ко мне так, что ее рот оказался рядом с моим ухом:

— Потому оно и называется слепым.

Она отпрянула и снова стукнула меня кулаком, на сей раз в плечо.

— Поэтому — именно так: теперь ты для меня детектив, — отрезала она. — Мы —

напарники. Не более того. Мы всегда говорили, что это была одна-единственная ночь, правда? Даже если существовало нечто большее, чем одна ночь.

Она бросила мне ключи от нашего автомобиля, все еще припаркованного на полосе для проезда пожарных машин на Кларк-стрит.

— Да ладно тебе, Кейт, — опешил я. — Ты что, со мной даже в одной машине не поедешь?

Она пошла прочь, но затем снова остановилась и, повернувшись ко мне лицом, посмотрела на меня долгим взглядом.

— Это ты взял черную книжку? — спросила она.

— *Что?* — У меня возникло ощущение, будто меня вдруг ударили кулаком в живот. — Не могу поверить, что тебе могло прийти такое в голову.

Она находилась в каких-нибудь пяти ярдах, но у меня внезапно возникло ощущение, что расстояние между нами измеряется в милях. Женщина, которая ездила со мной в одной полицейской машине почти пять лет, выламывала вместе со мной двери, раскрывала со мной такие серьезные преступления, как убийство и изнасилование, плакала в моих объятиях, когда два года назад умер ее отец, провела возле моей кровати в больнице три года назад после *тех* событий много-много часов, — эта женщина исчезла. Теперь она была для меня всего лишь напарницей, которая мне не доверяет.

— А может, ее взяла *ты*? — в свою очередь окрысился я.

Я почувствовал, как между нами что-то треснуло. И она это почувствовала. Ее реакцией была не злость, а грусть. Горечь утраты. Она отвела взгляд в сторону и пошла прочь.

Пошла прочь, так и не ответив на мой вопрос.

Впрочем, на ее вопрос я тоже не ответил.

— Вот он, — заулыбался лейтенант Майк Голдбергер. — Восстановленный в своей должности детектив.

Мы встретились с ним в баре неподалеку от полицейского участка, но не для того, чтобы попить пива, а чтобы перекусить во время обеденного перерыва.

— Поздравляю, — сказал он.

Мы слегка ударились кулаками. Гоулди произнес слово так, как будто лишь секунду назад узнал эту новость, в чем я очень сомневался. Ко мне закралось подозрение, что Гоулди имел какое-то отношение к моему восстановлению в должности. Знал ли он кого-нибудь из дисциплинарного комитета лично? В этом я не был уверен, но не удивился бы. Гоулди по своей природе был очень общительным человеком. Его нынешняя должность — начальник отдела внутренних дел — подходила ему прямо-таки идеально. Он был искусным закулисным игроком. Никогда не стремился приписывать себе лишние заслуги, но и так понятно, что, когда в среде полицейских происходят некие события, — значит, скорее всего, Гоулди двигает за кулисами нужные рычаги.

И если он и в самом деле лично знал кого-то из комитета, если потянул за какую-то ниточку или позвонил и попросил меня вернуть, он об этом никогда не скажет. Болтать о своих закулисных играх было не в его манере.

Раньше я никогда бы и не подумал, что стану работать на отдел внутренних дел. Большинство полицейских не делают этого. Многие, даже если приставить пистолет им ко лбу, не станут работать на тех, кто проводит расследования относительно других полицейских. Я и сам поначалу упирался, а согласился только потому, что меня попросил не кто иной, как Гоулди, и он пообещал, что моя работа с ним не будет касаться всякой мелюзги. А работа заключалась не в том, чтобы ловить полицейских, виновных в мелких безобразиях вроде внесения ложных сведений в таблицу учета рабочего времени, опозданий на работу, неявки в суд или использования в участке некорректных высказываний.

Нет, мы занимались кое-чем значительным. Тяжкими преступлениями. Крупномасштабной коррупцией.

Насколько мне было известно, никто, кроме Гоулди и меня, не знал, что я тайно сотрудничаю с отделом внутренних дел. Даже моя сестра Пэтти и отец не догадывались. Не в курсе была и Кейт. Конечно, нехорошо скрывать такие важные вещи от самых близких людей, но в действительности я делал это ради их же блага. Я имел дело кое с чем довольно взрывоопасным, и если бы о моей секретной деятельности стало известно, много дерьма вылилось бы и на меня, и на тех, кто об этом знал. Так что в случае чего будет лучше, если мои близкие родственники и Кейт смогут, не лукавя, заявить, что пребывали в неведении.

Мы сели в баре и заказали бутерброды с отварной солониной. Бармен поставил перед нами плетеную корзинку с попкорном. Мы запустили в нее пальцы и стали набивать рты воздушной кукурузой.

— В течение двух недель, пока я был отстранен от работы, я только то и делал, что размышлял над нашей историей, — начал я. — Единственное, до чего смог додуматься, — это то, что вся возня с маленькой черной книжкой не имеет к самой книжке никакого отношения. Она затеяна исключительно ради *меня*. Кто-то захотел меня *сделать*. Кто-то знает, что я тайно работаю на вас. Кто-то знает, что я провожу расследование. И кто бы это

ни был, он хочет меня остановить.

— Никто не знает, что ты проводишь расследование. Никто, кроме меня. Твоя фамилия нигде не фигурирует. — Гоулди окинул меня взглядом. — Ты говорил, что никогда никому не рассказывал. Ни своей сестре, ни своей напарнице...

— Так и есть, не рассказывал.

— Тогда никто не в курсе, кроме нас с тобой. Ты в данном конкретном случае — призрак. — Он шлепнул меня по руке. — Как прошла твоя встреча с прокурором?

Я чуть не поперхнулся.

— Тебе что, теперь известно обо всем, чем я занимаюсь?

— Малыш, я даже знаю, что ты ел сегодня на завтрак.

Вот такой он, Гоулди. У него везде есть глаза и уши. Я не смог бы найти более подходящего человека, который бы столь эффективно оберегал меня от опасностей.

— Судебное разбирательство будет тяжелым, — сказал я. — Эми опасается, что они постараются свести все к вопросу достаточных оснований.

— Если перевести на понятный язык, они попытаются сделать виноватым тебя. — Гоулди перешел прямо к делу.

— Да, и тут уж не до шуток.

— Но ты не спеши что-то предпринимать, — посоветовал он. — Никогда не знаешь, в какой момент ветер может перемениться.

Я поднял на него глаза. Гоулди никогда ничего не говорил просто так.

— А поподробнее? — попросил я.

Он пожал плечами.

— Я всего лишь веду речь о красивой помощнице прокурора штата — Лентини. Той самой, которая две недели назад пыталась обвинить тебя в похищении бухгалтерской книги.

— Маленькой черной книжки.

— Именно так. Теперь она пытается раскручивать дело относительно особняка-борделя. И теперь ты ей нужен. Тебе это не показалось странным?

Вообще-то и в самом деле показалось.

— Что, по-твоему, означают такие перемены?

— Возможно, наш замечательный прокурор штата меняет свою позицию. Возможно, Максималистка Маргарет маневрирует на пересеченной местности и видит ситуацию уже в другом свете.

— Каким образом?

— Ну, ее первое восприятие заключалось в том, что ты опозорил мэра, а он — ее благодетель, так ведь? Именно благодаря ему она стала прокурором штата. Потому и пыталась смешать тебя с дерьмом.

— Безусловно.

— А теперь? — Гоулди воздел руки к небу. — Возможно, сейчас она думает: черт возьми, у мэра нет никаких шансов — из-за инцидента он покинет свой пост. Почему бы не воспользоваться подходящим случаем по максимуму? — Гоулди посмотрел на меня. — Кто-то ведь должен будет занять место мэра, правильно?

Мне такое в голову не приходило. А ведь Максималистка Маргарет по фамилии Олсон вполне могла бы стать следующим мэром. Ну конечно. Безусловно.

— Эми Лентини — ее козырь, — продолжал Гоулди. — Она была федеральным прокурором в штате Висконсин. Ты помнишь, как пару лет назад одному тамошнему

сенатору пришлось уйти в отставку, когда его уличили во взяточничестве?

— Тем делом занималась она?

— Именно так. Она умеет работать.

— Висконсин. Ха!

— Да уж. Родилась в городе Аплтон, училась сначала в колледже в городе Мадисон, а затем — на юридическом факультете Гарвардского университета.

Принесли наши бутерброды: отварную солонину, лежащую толстым слоем на ржаном хлебе, множество ломтиков соленых огурчиков и толстые картофельные чипсы.

— Почему меня не удивляет, что ты все о ней знаешь? — задал я риторический вопрос.

— Это моя работа. — Гоулди откусил от своего бутерброда большой кусок. Я сделал то же самое. — Ситуация быстро может быстро изменяться — все, что я хочу сказать, — продолжал Гоулди. — Никто не знает, на чьей стороне лучше находиться. Поэтому пока что не спешу что-либо предпринимать.

Доводы казались вполне разумными.

— Держись поближе к Эми Лентини, — сказал Гоулди. — И наблюдай за ней.

Это будет несложно, тем более что выбора у меня и не было.

— Однако для тебя гораздо важнее решить главную проблему, — произнес Гоулди и провел языком по зубам. — Я имею в виду маленькую черную книжку. Найди ее. Она для тебя — ключ ко всему. Если ты ее отыщешь, остальные проблемы отпадут сами.

Коротко и по существу. Теперь, когда я снова на службе в правоохранительных органах, это будет моим приоритетом.

— Кстати, как продвигается наше дело? — сменил тему Гоулди.

Он имел в виду мое тайное расследование. Расследование, о котором знали только два человека — я и он. Расследование, которое, если все пойдет по плану, может перевернуть полицейское управление Чикаго с ног на голову.

— Оно на стадии завершения, — сообщил я.

— Когда финал?

— Скоро, — пообещал я. — Очень скоро.

— Я рад, что ты вернулся, приятель.

Сошиа, проходя мимо моего письменного стола, шлепнул меня по спине.

— Ты по мне скучал?

— Даже поговорить было не с кем. Мой новый напарник не любит хоккей. Как можно не любить *хоккей*?

Он имел в виду Рейнольдса — новенького в нашем коллективе детективов.

В тот вечер во время облавы со мной были Ленни Сошиа, Рик Рейнольдс, Мэтт Кроули и Брайан Бенсон. Я стал размышлять, не мог ли кто-нибудь из них тайком забрать маленькую черную книжку.

Однако трудно представить, чтобы Сош, которого я знаю со времен учебы в полицейской академии, совершил подобный поступок. Рейнольдс еще такой молодой и неопытный, что его, пожалуй, пока можно считать всего лишь молокососом. Он, конечно, славный малый, но не имеет почти никакого понятия о работе детектива. Кроули? Он почти достиг почтенного возраста и собирается уйти на пенсию. Наверное, даже носит подгузники для взрослых. А Бенсон? Я считаю его классным парнем, с хорошим чувством юмора, и он всегда прикроет спину товарища, если ситуация вдруг станет опасной, но рожать в уме собственные идеи он не способен.

Кстати, ни один из четверых детективов не вызвался на ту операцию добровольцем. Я попросил их поучаствовать в ней, потому что у меня было предчувствие: облава в таком районе, как Голд-Коуст, может оказаться мероприятием довольно хлопотным. Тогда я не осознавал, *насколько* хлопотным, но главное заключается в следующем: никто из этих парней не знал, что я попрошу их поучаствовать в операции.

Тому, кто взял ту маленькую черную книжку, мысль об этом не пришла внезапно, прямо во время облавы. Он продумал все заранее. У него был план.

У него или у *нее*.

Только я так подумал, как в комнату вошла Кейт — забавное совпадение. Она бросила сумку на письменный стол, не сказав ни слова и даже не посмотрев в мою сторону. Я почувствовал, как меня бросило в жар.

— Харни.

Лейтенант Визневски — Виз, мой начальник — поманил меня пальцем.

Виз тоже был там в злополучную ночь. Он еще попытался отговорить меня устраивать облаву.

Ситуация начинала смахивать на сюжет какого-нибудь старомодного романа Агаты Кристи: *«Один из людей, находящихся в этой комнате, — вор! Один из вас взял маленькую черную книжку»*.

Бутерброд с отварной солониной в моем желудке превратился, как мне показалось, в кирпич. Потребовалось срочно выпить кофе. Кофеварка, представляющая собой стеклянный сосуд и приобретенная, наверное, еще в период президентства Эйзенхауэра, [\[38\]](#) содержала в себе лишь остатки в виде какой-то коричневой жижи. А поскольку у меня не было сейчас ни малейшего желания заниматься приготовлением кофе, я прошел мимо нее, не остановившись.

— Да, лейтенант, — сказал я, прислоняясь к краю дверного проема кабинета

лейтенанта Визневски.

Его письменный стол был похож на витрину барахольщика: на нем высились неровные стопки различных бумаг, угрожающие вот-вот рухнуть на пол. В помещении до одури пахло сигарным дымом, а на углу лежала наполовину выкуренная дешевая сигара.

— Курение здесь запрещено, начальник, — сделал я строгое лицо. — Ты, возможно, не слышал об этом.

— А с чего ты взял, что я курю?

Визневски был в первую очередь политиканом и лишь затем — полицейским. Если то, что сказал Гоулди, правда и никто не мог знать наверняка, каким образом будут развиваться события в особняке, то Виз, наверное, в последнее время гадал по ночам на картах Таро.

Если бы на этом недостатки Виза исчерпывались, я вполне мог бы с ним ужиться. В любом подразделении полиции имеются интриганы, подхалимы и подлизы. Однако ходили слухи, что Виз — взяточник и коррупционер.

И он оказался в поле моего внимания при проведении тайного расследования. Он, однако, этого еще не знал, и я с нетерпением ждал того дня, когда все откроется.

— Я просто хотел дать тебе дружеский совет, — сказал он.

— Да? И в чем он заключается?

— Ты больше не лезь на рожон.

— Хороший совет, лейтенант. Подожди-ка. — Я сделал вид, что роюсь в карманах. — У тебя есть ручка и бумага? Хочу записать твой совет, пока не забыл.

У Виза покраснел лоб. Он всегда краснел, когда Виза выводили из себя (а вывести его было совсем несложно).

— Как всегда, строишь из себя комика.

Он стал что-то искать среди царящего на письменном столе хаоса, хотя найти что-либо в таком нагромождении всевозможных бумаг, как мне казалось, было попросту невозможно.

— Я найду маленькую черную книжку, — пообещал я, пристально глядя на него.

Он прекратил рыться в бумагах и поднял глаза:

— Да? А почему ты говоришь об этом *мне*?

— Просто подумал, что тебе будет интересно знать.

Он, похоже, воспринял мои слова в качестве обвинения (они, в общем-то, и были своего рода обвинением). Его лоб стал красным как никогда.

— Желаю удачи, — холодно сказал он.

Рамона Диллавоу вышла из своего дома в восьмом часу. Внешне она выглядела богатой женщиной, каковой в действительности и являлась: дорогая длинная шуба и соответствующая шляпа. Ее крашенные белые волосы свисали сзади в виде стильного пучка, она шла с высоко поднятой головой, и походка у нее была уверенной. Шагать, правда, долго не пришлось: на проезжей части возле тротуара ее ждал автомобиль-седан «Шевроле» среднего класса. Это, наверное, было такси, вызванное при помощи мобильного приложения «Убер». Или же за ней приехал кто-то из знакомых.

Я наблюдал из машины и, как только авто с Рамоной тронулось с места, рванул следом. Припарковаться в районе Линкольн-Парк было не так-то просто, и это могло создать для меня проблему: если Рамона, как я подозревал, ехала сейчас в такси, ее могли просто где-нибудь быстренько высадить, и тогда мне пришлось бы срочно парковаться где попало.

Рамону Диллавоу выпустили под залог через две недели после задержания. Поскольку она являлась менеджером особняка-борделя, то автоматически стала лучшей зацепкой в поисках маленькой черной книжки. В тот вечер она заявила, что никакой книжки не существует, причем сделала это в форме напичканной ругательствами тирады, которая слегка поубавила блеска в ее показушной изысканной манере поведения. Однако каких-либо подробных показаний она не дала: почти сразу же вызвала адвоката и отказалась отвечать на вопросы не только в особняке, но и в полицейском участке. Пять тысяч долларов, которые она выложила в качестве залога, были для нее, скорее всего, просто мелкими карманными деньгами.

Зацепиться было практически не за что. За ней числилось два правонарушения: во-первых, проституция, во-вторых, сутенерство. В этом деле она поднялась до уровня особняка-борделя с эксклюзивной клиентурой, но больше я о ней почти ничего не знал. Очевидно лишь то, что мы поставили крест на деятельности ее борделя и теперь она станет искать другой способ зарабатывания денег.

Ее высадили из автомобиля в районе Голд-Коуст, к югу от района Линкольн-Парк, на Раш-стрит, ^[39] возле ресторана «Тайсонс». Это был дорогой ресторан с баром, где немолодые некрасивые мужчины частенько проводили время в компании с необычайно красивыми женщинами.

Я припарковал машину во втором ряду — возле уже стоящего автомобиля — и неторопливо перешел на другую сторону улицы. Я не имел ни малейшего понятия относительно того, *что* хочу обнаружить. Скорее всего, Рамона собиралась просто поесть и выпить в чьей-нибудь компании, и в этом случае я остался бы ни с чем — такое уже случалось, и не раз. Пока что мне не везло, но я — эдакий неугомонный бойскаут — предпринимал новые и новые попытки.

В ресторане было полно народу, и возле стойки бара люди стояли в три ряда, ожидая своей очереди. Все оживленно разговаривали, слышался смех. Освещение было тусклым. Из динамиков раздавалась музыка — джаз. Шумно и многолюдно — это как раз для меня: в такой обстановке легче оставаться незаметным.

Я вытащил из кармана смартфон. Для этого было две причины: во-первых, необходимо поскорее опустить голову, чтобы меня не заметили, а смартфон в руках — вполне резонная причина. Во-вторых, мне мог понадобиться фотоаппарат, которым был снабжен телефон.

Я окинул взглядом помещение ресторана, но не увидел Рамону Диллавоу. Она, возможно, сейчас находилась в обеденной зоне, и в этом случае ситуация для меня усложнялась. На улице Рамона была в шубе, но теперь уже вполне могла ее снять.

Это напомнило мне один анекдот, и, поскольку я уже где-то с неделю ничего не посылал своему приятелю Стюарту, я включил режим видео, навел камеру на себя и стал говорить.

— Парень по имени Джерри выходит из душа в местном спортклубе, — тараторил я. — Сотовый телефон, лежащий возле его шкафчика, начинает звонить, и он отвечает на звонок. «Милый, — говорит женщина на другом конце линии. — Я только что видела шубу, которую мне уже давно хочется купить. Она стоит пять тысяч долларов». Джерри ей в ответ: «Ого! Пять тысяч за шубу — это немало. Ну ладно, вперед! Давай!» Женщина воспрянула духом: «Ой, ну раз ты в хорошем настроении, я только что проходила мимо представительства компании „Мерседес“ и увидела новую модель, которая мне очень понравилась. Но она стоит сто пятьдесят тысяч». Джерри говорит: «Сто пятьдесят штук за автомобиль? Вот это да! Ну ладно, так и быть». Женщина радуется: «Милый, ты — самый лучший» — и отключается. Джерри тоже нажимает кнопку «отбой» и откладывает телефон в сторону. Его приятели по спортзалу удивляются: «Джерри, нам и в голову не могло прийти, что у тебя столько денег». А Джерри улыбается в усы: «У меня их нет. Я вообще на нуле. Кстати, кто-нибудь из вас знает, чей это сотовый телефон?»

Я нажал на своем смартфоне на иконку «Фейсбук» рядом со значком «видео», и только что сделанная мною видеозапись мгновенно оказалась на нашей общей со Стюартом странице. Моя сестра Пэтти, которая разбирается в подобных технических хитростях лучше, чем кто-либо другой из знакомых мне людей, каким-то образом настроила эту иконку так, что видеозаписи автоматически закачиваются на страницу в «Фейсбуке». Если бы не Пэтти, никогда бы не догадался, что можно так просто все настроить.

Я не навещал Стюарта в доме престарелых вот уже несколько месяцев. Я познакомился с ним три года назад в больнице, когда мы оба несколько недель часами просиживали в отделении интенсивной терапии. Стюарт приходил туда из-за своей внучки, которую сбил автомобиль, — девочка была при смерти. Я смешил его своими банальными шутками, и именно это помогло мне самому пережить весь тот ужас, с которым пришлось тогда столкнуться.

Отправляя на нашу страничку в «Фейсбуке» записи своих юмористических выступлений в «Дыре в стене» и анекдоты вроде этого, я чувствовал, что делаю что-то хорошее. Его внучка как-то раз сказала, что каждый день, проснувшись утром, Стюарт первым делом заходит на нашу с ним страницу в «Фейсбуке», чтобы проверить, нет ли чего новенького от меня.

Я поднял глаза от смартфона и тут же снова опустил, поскольку заметил блестящие светлые волосы Рамоны Диллавоу. Значит, она все-таки расположилась в той зоне ресторана, которая примыкает к стойке бара, — а точнее, в противоположной части помещения. Я отвернулся и переместился так, чтобы оказаться между двумя бизнесменами (что в переполненном ресторане было совсем несложно), и таким образом получил возможность тайно понаблюдать за ней.

Краем глаза я видел, что Рамона повернулась налево и с кем-то разговаривает. Она, похоже, говорила тихим голосом — будто хотела, чтобы никто посторонний ее не услышал.

Однако рассмотреть сидящего рядом с ней человека не представлялось возможным,

поскольку стойка бара была заставлена бутылками с алкоголем и они заслоняли мне картинку.

Я передвинулся левее, чтобы получить обзор под другим углом, который позволил бы мне увидеть человека, с которым она разговаривает. Я очень надеялся, что им окажется мужчина, — то есть Рамона Диллавоу, лишившись работы менеджера особняка-борделя, попытается вернуться к прежнему амплу проститутки, а я, уличив ее в этом, получу возможность сделать предложение, от которого она не сможет отказаться: «Скажи мне, где находится черная книжка, или тебе придется вернуться в тюремную камеру за нарушение условий освобождения под залог».

Я расположился позади нескольких мужчин и бросил еще один взгляд поверх стойки бара на Рамону.

Быстро подняв глаза, я снова опустил взгляд в смартфон.

Затем снова взглянул на нее.

Сердце вдруг начало колотиться сильно-сильно. Я не мог поверить в то, что только что увидел.

«Возможно, — мысленно уговаривал я себя, — мне просто показалось из-за тусклого освещения. Вероятно, я что-то недосмотрел».

Я поглядел на собеседника Рамоны снова — посмотрел долгим и пристальным взглядом. Пусть даже рисковал быть замеченным и узнанным. Пусть даже и знал уже наверняка, что зрение меня не подвело.

Тусклым было освещение или не тусклым, но я точно не ошибся.

Рамона Диллавоу разговаривала не с мужчиной — она беседовала с женщиной.

С женщиной, которую я хорошо знал.

— Пэтти, — пробормотал я себе под нос.

Я протиснулся через заполонивших бар людей к выходу и оказался в уличной толпе. Раш-стрит была очень ветреной улицей, пришлось поднять воротник. В голове роились вопросы.

Какие дела могли быть у моей сестры с Рамоной Диллавоу, менеджером особняка-борделя? Это не укладывалось в голове. Я просто... Нет, в этом не было никакого смысла.

Я резко остановился и повернул обратно к ресторану, едва не столкнувшись с парочкой, которая шла позади меня и никак не ожидала, что я вдруг заторможу. Я сделал пару шагов в сторону и посмотрел долгим взглядом на ресторан — как будто, если буду смотреть на него достаточно долго, что-то изменится. Я подумывал, а не зайти ли мне в бар снова и не посмотреть ли еще раз. Но это, конечно же, было бессмысленно. Я видел то, что видел.

«Что, черт возьми, ты делаешь, Пэтти?»

Я пошел на юг — по направлению к своему автомобилю, двигаясь среди толпы куда-то спешащих пешеходов, звуковых сигналов автомобилей, криков водителей, смеха и громкой болтовни подвыпивших людей.

Я вытащил из кармана ключи от своего автомобиля — что вполне естественно, ведь я же иду к машине, — и в этот момент натолкнулся на мужчину, обгоняющего меня справа, так что ключи выпали из рук и брякнулись на тротуар. Бормоча извинения, я наклонился, создав тем самым небольшое свободное пространство посреди снующих вокруг меня людей.

— Извините, прошу прощения, — лепетал я. — Простите бога ради.

Подняв с мокрого тротуара ключи, я выпрямился, повернулся и пошел к своему автомобилю.

Машину я оставил на Раш-стрит, заблокировав при этом выезд другому авто, припаркованному ранее. Мне повезло, что водитель до сих пор не вернулся и не вызвал эвакуатор, который точно забрал бы мой автомобиль на штрафстоянку за подобное нарушение. Ставя свою машину подобным образом, я как раз и рассчитывал на подобное везение.

И я очень надеялся, что у меня еще осталось хотя бы немножечко везения, потому что оно в скором времени должно было мне понадобиться.

Среди полицейских принято говорить о предчувствиях, интуиции. Фразы на эту тему стали своего рода клише. Впрочем, и избитые выражения тоже не всегда являются надуманными. Полицейскому в его работе приходится руководствоваться отчасти своим опытом, а отчасти интуицией. Кроме того, моя тайная работа на отдел внутренних дел способствовала тому, что я приобрел навык незаметно вести наблюдение.

В этом нет ничего сложного. Если вы уже вошли в режим, все происходит почти автоматически. Вы притормаживаете и смотрите назад через плечо, если, например, мимо прошла симпатичная женщина. Или останавливаетесь на углу улицы и оглядываетесь якобы от нечего делать, ожидая зеленого сигнала светофора.

Или же вы как бы случайно наталкиваетесь на пешехода и делаете вид, что уронили ключи.

В общем, можно придумать сотню причин для того, чтобы оглянуться. Вы при этом не смотрите ни на кого пристально, ни с кем не встречаетесь взглядом. Просто окидываете

взглядом толпу и ищите в себе ощущение, что кто-то сейчас стал буквально вами — движется в унисон и останавливается, стоит вам замедлить шаг, почти копирует ваши движения.

Я не был уверен на сто процентов и не стал бы клясться, что это действительно так, что я не ошибаюсь. Но у меня появилось довольно отчетливое ощущение, что за мной кто-то следит.

И теперь надо было решить, что с этим делать.

Я сел в автомобиль и поехал в сторону севера — это было единственное направление, куда я мог отправиться. Я сделал резкий поворот налево, затем еще один — и оказался на Стейт-стрит. Теперь я ехал уже на юг, лавируя между выбоинами на проезжей части и пешеходами, которые, рискуя жизнью, перебежали оживленную улицу (в Чикаго реагировать на красный сигнал светофора считается необязательным).

Выбоины и пешеходы заставили меня сосредоточить внимание на дороге, хотя я все же время от времени поглядывал в зеркало заднего вида, чтобы понимать, что происходит позади меня. Дорожное движение было интенсивным, и сзади в темноте маячило множество фар. Это помогало мне, когда я ехал за Рамоной Диллавоу: она не смогла бы заметить, что я у нее на хвосте. Теперь же это создавало массу неудобств мне самому — невозможно выяснить, нет ли кого на хвосте у *меня*.

Я не имел возможности увидеть в зеркале ни цвет, ни даже марку едущих сзади машин — не говоря уже о том, чтобы разглядеть водителя или пассажира. Впрочем, ничего страшного. Существуют и другие способы, позволяющие определить слежку.

По мере того как я двигался на юго-запад, прочь от района Голд-Коуст, машин сзади постепенно становилось меньше, но дорожное движение оставалось все еще довольно интенсивным, и если кто-то пристроился за мной, заметить его пока было проблематично.

Хотелось отправиться домой, чтобы побродить вокруг своего городского особняка, налить какого-нибудь крепкого напитка и поразмышлять над тем, с какой, черт побери, целью моя сестра Пэтти встречалась с менеджером борделя — женщиной, у которой, возможно, припрятана пресловутая маленькая черная книжка.

Однако я не мог сейчас поехать домой. Мне не хотелось вынуждать того, кто сидел у меня на хвосте, прекращать слежку. Если он изучил меня — а он, скорее всего, изучил, — значит, знал, где я живу. Если бы он увидел, что я подъезжаю к своему дому, то решил бы, что я собираюсь лечь спать, и стал бы держаться подальше. Возможно, даже решил бы, что следить за мной сегодня уже не имеет смысла.

А я не хотел, чтобы он прекратил слежку, поэтому домой не поехал.

Я свернул с Чикаго-авеню направо, на Дэймен-авеню, и стал двигаться с одинаковой скоростью. Дэймен-авеню, возможно, была не самым лучшим выбором, потому что теперь я ехал на север и интенсивность дорожного движения опять стала высокой: в этом районе, к северу от Норт-авеню, располагалось множество ресторанов, баров и шикарных магазинов. Лет пятнадцать назад жить в этом районе было очень круто, и там ошивалось немало художников, хиппи и прочих неформалов. Люди такого рода все еще проживали здесь, однако теперь район стал более привлекательным для яппи ^[40] и даже для обычных семей, если они, конечно, могли себе позволить приобрести недвижимость по заоблачным ценам.

Однако на данный момент меня совсем не интересовал вопрос облагораживания населения в районе Викар-Парк или Бактаун. Мое внимание гораздо сильнее привлекал автомобиль-седан, который ехал через три автомобиля от меня и каждый раз поворачивал туда же, куда и я. Дело в том, что маршрут, по которому я ехал, был весьма необычным. Я начал движение на Раш-стрит, двинулся на север, затем повернул на юг на Стейт-стрит и поехал по Чикаго-авеню, после чего направился на запад, к Дэймен-авеню, и вот теперь я ехал по Дэймен-авеню в сторону Армитидж-авеню, которая находилась всего лишь в миле к

северу от начальной точки моего маршрута, — то есть от того места на Раш-стрит, где был припаркован мой автомобиль.

Другими словами, мои передвижения были абсолютно бессмысленными. Человек, который первым сказал, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия, подумал бы, что я идиот. Зачем было ехать в сторону юга, если я вполне мог бы просто свернуть на север из ресторана «Тайсонс» на Раш-стрит? Получается, я ехал черт знает куда и черт знает как. Мой маршрут, вместо того чтобы быть прямой линией, представлял собой извивающуюся змею.

Знаете, на кого я был похож? Я был похож либо на туриста, который петляет как может по незнакомому городу Чикаго, либо на человека, пытающегося запутать следы.

И тот, кто сидел у меня на хвосте, прекрасно знал, что я не турист.

С другой стороны, я мог бы сказать то же самое о водителе седана, который ехал за мной. Единственная причина, по которой он выбрал столь странный маршрут, — слежка за мной.

Держа правую руку на руле, левой я вытащил из кобуры пистолет и, отсоединив магазин, проверил, сколько в нем патронов. Их было вполне достаточно. Обычно хватает всего лишь одного.

Я вовсе не собирался его использовать. Я ведь вообще-то человек скорее мягкий, чем жесткий. Всегда стараюсь вести себя очень вежливо. Конфронтация никогда не являлась для меня вариантом номер один. Но и избежать конфликта порой невозможно. А потому я всегда готов к наихудшему — как настоящий бойскаут.

Я свернул с Дэймен-авеню налево, на Диккенс-авеню, и снова направился на запад. Сейчас мы находились в районе, который еще не определился — станет ли он исключительно жилым или же останется полупромышленным. Я проехал еще около мили и свернул направо. Теперь мне предстояло проехать три квартала строго на север по тихой улице, а потому я имел возможность видеть картинку сзади себя довольно отчетливо.

На расстоянии одного квартала автомобиль-седан сделал точно такой же поворот.

Это не было совпадением. Мы оставили все совпадения валяться в пыли в нескольких милях отсюда.

Я заехал на заброшенный участок со зданием, в котором когда-то размещался банк, — сбоку находилась подъездная дорожка. Кое-где на территории валялся мусор. Не могло быть никаких оснований — никаких разумных оснований — заезжать сюда в вечернее время.

Я проехал по подъездной дорожке и остановился. Мне хотелось сделать так, чтобы тому, кто сидел на хвосте, было хорошо меня видно. Двигатель глушить не стал. Порывшись в бардачке, нашел пустой конверт.

Автомобиль-седан проехал по дороге мимо. Он слегка сбавил скорость: сидящий за рулем человек, по-видимому, пытался на ходу подсмотреть, чем я там занимаюсь. Если бы у него имелся какой-нибудь наблюдательный прибор и он мог бы увидеть, что происходит внутри моего автомобиля, то, по-видимому, подумал бы, что я кого-то жду.

В общем, седан проехал мимо. Выбора не было. Он слишком бросался в глаза на боковой улочке, по которой почти никто не ездил. Поскольку я сидел на заброшенной парковке и глазел по сторонам, он не мог просто так взять и остановиться.

Я написал на конверте записку, сфотографировал встроенным фотоаппаратом смартфона — чтобы не забыть подробности — и вышел из автомобиля.

Воздух здесь был холодный, как взгляд тещи. Место открытое, и ветер, казалось, дул со

всех сторон. Я нарочито внимательно осмотрелся по сторонам — будто бы хотел убедиться, что за мной никто не наблюдает.

Затем подошел к окошку кассира и засунул конверт в имеющийся под ним лоток.

Вернувшись к автомобилю, я сел в него и выехал с парковки на улицу, по которой сюда приехал, но на этот раз направился в противоположном направлении, то есть в сторону юга.

— Твой ход, — сказал я, глядя в зеркало заднего вида.

Я ехал на средней скорости, почти не отрывая взгляда от зеркала. Я находился уже более чем в двух кварталах от того места, где оставил конверт (то есть уже почти подъехал к Диккенс-авеню), но седана все еще не было видно.

Так я и думал: он не поедет вслед за мной.

Он попытается выяснить, что же я засунул в лоток под окошком кассира.

Я свернул направо, на Диккенс-авеню — то есть в направлении дома. Наверняка именно так полагал сидящий у меня на хвосте человек, поскольку я жил в двух милях на юго-запад от этого места.

Однако я не поехал домой. Я повернул на следующей улице направо и стал двигаться на север, обратно к заброшенному банку, но так, чтобы подъехать к нему с другой стороны.

Я выбрал это место не просто так. Давным-давно, когда я еще только начинал работать детективом, мы поймали вора-карманника, действовавшего в данном районе. На протяжении недели нам поступило сразу несколько жалоб. И не нужно было быть Шерлоком Холмсом, чтобы заметить, что связывало всех пострадавших от рук вора. У жертв имелась одна общая черта: последнее, что они делали, прежде чем кто-то опустошал их карманы, — это снимали деньги в местном банкомате. Не в том, до которого можно дотянуться из окна автомобиля, а внутри вестибюля со стеклянными стенами, который запирался на ночь, но был открыт в течение дня.

Особенность заключалась в том, что карманник не просто воровал бумажник, а немедленно шел к ближайшему банкомату и снимал с банковского счета жертвы столько денег, сколько позволял установленный банком лимит.

«Как может вор так быстро узнавать пин-код?» — удивлялся я, будучи тогда еще молодым энергичным детективом. Он, конечно же, мог пользоваться какой-нибудь хитромудрой компьютерной программой, однако события происходили несколько лет назад, когда программное обеспечение такого рода не было широко распространено. Кроме того, часто он оказывался у банкомата через каких-нибудь несколько минут, а то и секунд.

Я провел некоторую исследовательскую работу, в ходе которой обратил внимание, что вдоль одного края примыкающей к банку территории растут деревья. Я решил потратить немного времени на наблюдение, сидя в обычном — без опознавательных знаков — автомобиле, припаркованном чуть поодаль на этой улице. Три часа спустя белый подросток, вполне подходящий под описание подозреваемого, влез на дерево и направил бинокль на вестибюль, в котором располагались банкоматы...

Ну что же, сегодня вечером мне нет необходимости карабкаться на дерево. Бинокль, конечно, не помешал бы, но бинокля у меня не было. Я залег в кустах и притаился. Окошко кассира просматривалось отсюда довольно хорошо. На заброшенной территории было темно, но надо признать, что темно не только для меня, но и для *него*. Ему, возможно, придется воспользоваться фонариком, и, если повезет, свет от фонарика позволит мне рассмотреть лицо того типа, который за мной следит.

Автомобиль-седан, не отстававший от меня весь вечер, подъехал к перекрестку, на котором располагался бывший банк, и затормозил. Человек за рулем, возможно, решил немного подождать, чтобы убедиться, что поблизости никого нет и я отсюда уже уехал.

Затем седан заехал на парковку и подрулил к окошку кассира — тому, к которому некоторое время назад подходил я. Фары автомобиля стали светить мне прямо в лицо. Такой вариант меня совсем не устраивал. Так у меня может ничего не получиться. Впрочем, он, скорее всего, пройдет сквозь свет фар, и тогда мне удастся его рассмотреть. Все, что мне было нужно, так это возможность хотя бы на пару секунд увидеть его лицо.

Автомобиль остановился, но двигатель продолжал работать и фары светили по-

прежнему.

— Ну же! — прошептал я.

Дверь автомобиля открылась. В салоне зажегся плафон, и это давало мне шанс увидеть лицо следившего за мной человека, однако чертовы фары меня ослепляли. Поэтому было крайне важно, чтобы он прошел *перед* машиной и таким образом попал в круг света.

Но мне не повезло: он обошел автомобиль сзади. Поскольку фары светили мне в лицо, а другого освещения на парковке не предполагалось, я не видел почти ничего, кроме темной фигуры, направляющейся к окошку кассира. Фигура была облачена в теплую куртку и шапку, которые вполне соответствовали вечернему холоду.

Я отчетливо услышал что-то вроде щелчка, когда человек потянул на себя лоток под окошком. Затем последовала пауза: мой новый «друг», видимо, пытался прочесть оставленную мной записку.

— Фонарик, — пробормотал я. — Фонарик.

Он включил микрофонарик, встроенный в телефон, и направил луч на записку. Однако при этом повернулся в другую сторону, а потому от скудного освещения толку оказалось мало. Я видел лишь клочок бумаги в его руке, но лица человека, наклонившего голову и читающего мою записку, рассмотреть не смог. Все, что разглядел, — это теплая куртка и шапка на голове.

Затем свет фонарика погас. Снова раздался щелчок: это мой новый «приятель» — черт бы его побрал! — задвинул лоток обратно.

Справившись, он сел в машину. Я попытался рассмотреть его, освещаемого теперь плафоном, но фары по-прежнему били мне прямо в лицо. Когда же автомобиль отъехал и попытка светом прекратилась, я был так ослеплен, что не мог разглядеть даже свою ладонь перед самым носом.

Я вытащил смартфон, вознамерившись было включить встроенный фонарик и попытаться рассмотреть номерной знак автомобиля, но затем решил, что могу выдать себя, а я не хотел так рисковать. Седан выехал с парковки и устремился прочь.

Получалось, что я остался ни с чем.

Но это меня не сильно расстроило: скоро у меня будет еще один шанс.

Все еще сидя в кустах, я вывел на экран смартфона фотографию записки, которую оставил в лотке под окошком кассира.

Она была следующего содержания:

«Завтра в шесть часов вечера. Красная линия, станция „Джексон“, платформа для поездов, едущих в северную сторону. Возьми это с собой».

Парень, следивший за мной, прочел записку. Это я смог заметить. Если он уже интересовался мною — а он, скорее всего, интересовался, — то ему было бы очень любопытно узнать, с кем я собираюсь встретиться и *что* человек должен взять с собой.

Он будет там. И на этот раз я не упущу случая.

— Увидимся завтра вечером, друг мой, — сказал я, когда его автомобиль исчез из виду.

После всех треволнений следовало бы поехать домой, в свой городской особнячок, налить себе чего-нибудь крепкого и поразмыслить над двумя вопросами, которые я не мог выбросить из головы.

С какой целью моя сестра Пэтти встречалась с менеджером особняка-борделя?

Кто, черт побери, за мной следил?

Однако мне не хотелось ломать себе голову прямо сейчас, поэтому я отправился в «Дыру в стене». Там, как обычно, было полно полицейских и их подружек. Большинство из них уже хорошенько подвыпили, что меня вполне устраивало. Я не хотел ни с кем разговаривать. Мне нужен был общий гул посетителей бара, тепло и веселое оживление. Впрочем, парочка бокалов бурбона тоже не повредит.

Детектив Ленни Сошиа — Сош — находился в углу бара, разговаривая о чем-то с несколькими приятелями. Наверное, рассказывал очередную историю о полузащитниках команды «Чикаго Блэкхокс», но очень сомнительно, чтобы кто-то из присутствующих мог понять хотя бы половину произносимых слов. Увидев меня, Сош поднял в знак приветствия бокал, пролив в порыве чувств немного пива себе на рубашку. Самое прекрасное заключалось в том, что он этого даже не заметил.

Хотя нет, его самое замечательное качество заключалось в том, что завтра ровно в восемь утра он будет сидеть за письменным столом, готовый отправиться на любое задание. Сош был одним из тех, кто много пил исключительно ради того, чтобы на время позабыть о дерьме, с которым приходится сталкиваться на работе, но неизменно снова приходил на работу за новой порцией дерьма. Если вдруг случится, что Сош окажется при смерти, не так-то легко будет вырвать из его руки значок полицейского, даже если в другой руке он будет держать бутылку пива «Будвайзер».

Я выпил у стойки бара пару бокалов виски «Мэйкерс Марк»^[41] и окинул взглядом посетителей. До меня донесся женский смех, и я невольно отреагировал на звук. Обернувшись, увидел Эми Лентини. Она сидела за высоким столом с незнакомым мне парнем — надо сказать, весьма симпатичным. В животе у меня вдруг образовался странный комок.

«*Вот черт!* — подумал я. — *Кавалер ей под стать*». Она явно имела возможность выбирать. Вероятно, даже заставляла мужчин ползать перед ней по полу ради того, чтобы она согласилась сходить с ними в кино, ресторан или на выставку.

Пришлось признать, что я ее недооценивал. Она была ужасно умна и, по-видимому, очень хорошо проявила себя в работе. Ведь будучи когда-то федеральным прокурором, она сумела разоблачить сенатора штата Висконсин. А еще скрутила в бараний рог меня, когда устроила имитацию допроса в суде.

«*Наблюдай за ней*, — напомнил я себе. — *Наблюдай очень внимательно*».

Мы встретились взглядами, и она на мгновение замерла. Я кивнул.

Она показала мне средний палец. И улыбнулась. Я почувствовал, как что-то внутри меня поднимается. Что-то такое, из-за чего я обычно попадал в неприятности.

Парень, с которым она разговаривала, представлял собой здоровяка со светло-каштановыми волосами, толстой шеей и мощными плечами (таких обычно выбирают королем бала на вечеринках бывших выпускников, они блещут в спортивных командах

университетов), который, по-видимому, добивался успехов в карьере за счет того, что эффектно улыбался, правильно завязывал галстук и отпускал уместные и своевременные шуточки. Возможно, он тайно носил женское белье и сосал большой палец, когда спал ночью в постели с плюшевым мишкой.

Так рассуждать было нечестно с моей стороны. Я ведь совсем не знал этого парня. Возможно, в действительности он совсем не такой. Может, он всего лишь ходит по ночам на скотный двор, где занимается сексом с домашними животными.

Господи, ну что со мной такое, а? Какое мне дело до того, чем занимается Эми Лентини в свободное время? Если ей захотелось пообщаться с каким-то красавчиком, у которого коэффициент умственного развития — как у пенька, то кто может ей помешать? «Ну уж конечно не я», — мысленно сказал я себе и, осушив третий бокал бурбона, попросил подать четвертый. Меня не интересовала Эми Лентини. Совсем не интересовала. Ну просто ни капельки.

И тут я увидел, что ко мне приближается лейтенант Майк Голдбергер. Я почувствовал сильное облегчение. Гоулди был для меня своего рода портом во время бури. Всем нужен такой порт. Мне он жизненно необходим прямо сейчас.

Гоулди, несомненно, нравилось периодически опрокидывать бокал-другой, но он приходил в «Дыру в стене» совсем не поэтому. Он приходил в это место, потому что здесь много болтают — особенно после дюжины выпитых бокалов «Гиннеса». ^[42] Он предпочитал вести себя очень тихо, говорить крайне мало и лишь аккуратно направлять разговор в нужное ему русло — как будто перед вами просто очень вежливый человек, — хотя в действительности он собирал по крупицам всевозможную информацию и старался ее запомнить. Он обладал бóльшим количеством сведений и о большем числе полицейских, чем любой другой знакомый мне человек.

— Как дела? — спросил он, прислоняясь к стойке бара и заказывая бармену такой же бокал виски «Мэйкерс Марк», как у меня.

Я изменил положение тела — отвернулся от зала и, повернув голову к Гоулди, уже открыл было рот, но на пару секунд задумался. Гоулди почувствовал, что я хочу ему что-то сказать. Он знал меня очень хорошо. Приятель слегка наклонился в мою сторону.

Но о чем я мог ему рассказать? Конечно же, не хотелось, чтобы он — или кто-нибудь другой — узнал, что Пэтти встречалась с Рамоной Диллавоу. Пэтти была *моей* проблемой. Она ведь моя сестра-близнец. Мне совсем не нужно, чтобы она «засветилась» перед функционерами. Нет, упоминать о ней я не собирался.

И тут, словно подсказка с небес, в бар зашла моя сестра Пэтти.

Нет, я уже твердо решил: чего бы ни добивалась Пэтти, это будет моей и только моей проблемой.

А как насчет хвоста, который весь вечер сопровождал меня? Вот в этом вопросе Гоулди вполне мог помочь.

— Мне кажется, за мной следят, — признался я. — Завтра мне понадобится твоя помощь.

Гоулди поднял бокал, мигом осушил его и жестом показал бармену, чтобы тот подал еще один такой же. Затем вытащил из своей пачки купюр двадцатку и положил на стойку бара.

— Позвони мне, — сказал Гоулди, вполне резонно рассудив, что углубляться в подобный разговор у стойки бара нецелесообразно. Он взял второй бокал, выпил залпом и

его и, не говоря больше ни слова, вышел.

Я снова посмотрел на стол, за которым сидела Эми. Парень, с которым она общалась, обхватил рукой спинку ее стула. Эми, похоже, не возражала. Я почувствовал, как что-то обожгло меня изнутри. Возможно, бурбон, который я пил? Да, скорее всего, бурбон виноват.

Я услышал, как кто-то громко назвал мою фамилию, потом подхватили другие голоса: «*Хар-ни! Хар-ни!*» Мне совсем не хотелось идти паясничать перед микрофоном, но более интересного занятия у меня сейчас, в общем-то, не было. Да и мой друг Стюарт, зайдя завтра утром на нашу страничку в «Фейсбуке», надеюсь, будет благодарен, если я слегка взбодрю его видеозаписью анекдотов.

Пробираясь к сцене, я прошел мимо Эми — показал ей палец и подмигнул.

— Один парень заходит в исповедальню, — зубоскалил Билли, стоя на сцене в «Дыре в стене». — И говорит священнику: «Сегодня вечером у меня был самый дикий секс в жизни. Я встретился с тремя проститутками...»

Слушая побасенки брата, Пэтти пыталась протиснуться сквозь толпу людей, заполнивших бар. Она заметила среди посетителей прокурора Эми Лентини — ту самую, которая «наезжала» на Билли. Рядом с Лентини сидел парень. И не просто парень, а умопомрачительно красивый мужчина. Ну разве эти двое не представляли собой идеальную пару? Эффектная итальянская красавица и парень-модель в стиле Келвина Кляйна.

«Мы занимались сексом весь вечер, — рассказывает он священнику. — Испробовали все позы. В одной из них я висел на люстре...»

Эми, похоже, не очень-то интересовалась своим изящно причесанным красавцем: подперев подбородок кулаками, она таращилась на Билли. Такой взгляд Пэтти уже когда-то видела. Выражение лица Эми явно демонстрировало, что она не просто слушает комика и наслаждается его юмором. Блеск в ее глазах свидетельствовал о том, что она воспринимает Билли отнюдь не только как артиста.

Ну да, подобный взгляд Пэтти уже видела. Такими глазами смотрела на ее брата Кейт.

— Мы использовали цепи и кнуты, — продолжал Билли. — Мы надевали различные костюмы. Я изображал то тюремного надзирателя, то врача...

Красивый приятель Эми посмотрел на нее, затем на сцену, потом снова на Эми. Он тоже обратил внимание, что его спутница совсем забыла о нем и не сводит глаз с Билли. Он что-то сказал ей. Она рассеянно кивнула. Он поднялся со стула, взял пальто и направился к выходу. Эми, похоже, этого даже не заметила.

— В конце концов священник говорит: «Ну хорошо, хорошо, я понял — у вас весь вечер был дикий, извращенный секс. И теперь вы хотите, чтобы я отпустил вам грехи, не так ли?» А парень в ответ: «О-о, нет, святой отец — я не католик. Я даже не верю в Бога». «Зачем же вы об этом рассказали?» — удивляется священник. Парень признается: «Ну как почему, святой отец? Да я *всем* рассказываю!»

Слушатели начали громко смеяться. Все, кроме Эми. Вообще-то она снизошла до улыбки, но ей нравился отнюдь не похабный юмор — ее привлекал тот, от кого этот юмор исходил.

Пэтти тем временем приближалась к Эми, чувствуя, что вся дрожит. Она подошла к столу, за которым сидела прокурор, но ничего не сказала.

Билли, стоя на сцене, взял смартфон и нажал на иконку — иконку, которую Пэтти настроила так, чтобы можно было моментально загружать видеозаписи традиционных юмористических выступлений на страничку в «Фейсбуке», которую он делил с другом Стюартом. Билли не смог бы настроить подобным образом программу, даже если бы ему угрожали пистолетом. Для технических ухищрений ему нужна была Пэтти. Она была необходима ему для многих вещей, хотя сам он не всегда это осознавал.

Билли завершил выступление, и Эми наконец заметила Пэтти.

— Вы знаете, кто я? — спросила Пэтти.

Эми, растерявшись, отрицательно покачала головой:

— Извините, но я вас не знаю.

— Я — Пэтти. Пэтти Харни. Сестра Билли.

— А-а, понятно.

Эми протянула руку для рукопожатия, но Пэтти проигнорировала ее жест.

— Я его сестра-близнец, — добавила она.

Эми убрала руку и недоуменно уставилась на Пэтти.

— Билли прошел через мясорубку, — сказала Пэтти. — Вы знаете, что с ним произошло?

— Я... Э-э... Мне жаль, что... что такое с ним...

— Так вы знаете, не так ли? Вы, наверное, знаете о нем все. Потому что проводите расследование в отношении него. Вы знаете, что произошло с ним и его близкими родственниками?

Эми ничего не ответила, но Пэтти видела, что собеседница напряглась, приготовившись к обороне.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, Пэтти?

— Ну конечно же можете, Эми. Вы можете держаться подальше от моего брата. Это очень мне поможет.

К тому моменту Эми уже успела перейти в разговоре из режима холодной вежливости в режим враждебности:

— А вам-то какое дело?

— Большое дело, черт возьми, Эми, очень большое. И вам лучше иметь в виду, что я не шучу.

— О-о, я вижу.

— Вы когда-нибудь имели дело с полицейским, который очень зол на вас, Эми?

Эми поднялась со стула и встала лицом к лицу с Пэтти:

— По правде говоря, нет. А вы когда-нибудь имели дело с прокурором, который очень зол на вас?

Пэтти позволила себе улыбнуться. Эми, со своей стороны, выдержала ее пристальный взгляд.

— Держитесь подальше от моего брата, — повторила Пэтти, растягивая слова.

— Я буду здесь всю неделю, — пообещал я, прежде чем выключить микрофон и прикрепить его обратно к подставке. Затем я взял смартфон, нажал пальцем на иконку, чтобы загрузить видеозапись на нашу со Стюартом совместную страничку в «Фейсбуке», и сошел со сцены.

Бармен уже подготовил бокал с бурбоном и «прицеп» — бокал пива, который следовало выпить вслед за виски. Это было с его стороны своего рода выражением благодарности по отношению ко мне. Он, похоже, думал, что мои комедийные выступления притягивают людей в его заведение. Я не знал, соответствует ли это действительности. По собственному желанию я обычно выходил на сцену похохмить, чтобы спустить пар, отвлечься от того, что меня тревожило. Можно сказать, юмор был способом разобраться с самим собой. В других случаях, когда я был не в настроении, но чувствовал себя в какой-то степени обязанным подняться на сцену, я переходил на «автопилот» и попросту вытаскивал из своего «архива» анекдоты, которые накопились в памяти за много лет. Мой мозг работал именно таким образом. Спросите у меня пароль для входа в «личный кабинет» на интернет-сайте моего банка — и мне непременно придется посмотреть в записи. Спросите, какой анекдот рассказал мне Ричи Стетсафаннис в четвертом классе школы, — и перескажу его слово в слово.

Я выпил виски, затем пиво. Рядом со сценой находились двое ребят, с которыми я когда-то сталкивался на патрулировании, и они притащили меня к своему столу. Мне совсем не хотелось с ними разговаривать, но мама с детства учила быть вежливым. Мы по очереди вспоминали интересные случаи того времени, когда вместе патрулировали улицы, — истории, восприятие которых с течением времени сильно изменилось. Это позволило нам представлять себя мужественными, смелыми и решительными полицейскими, а не перепуганными сосунками, которыми мы тогда были на самом деле. Теперь мы как будто забыли, как мысленно молились, чтобы не оказаться в затруднительной ситуации и — упаси Господи! — не застрелить кого-нибудь.

Воспользовавшись небольшой паузой в разговоре, я сказал парням, что мне нужно пойти отлить — вранье, но зато самый легкий способ вырваться на свободу. Мой взгляд быстренько переместился на стол, за которым сидела Эми Лентини с приятелем. Сейчас за столом никого не было.

Я оглядел стойку бара и снова не нашел Лентини.

Я горестно вздохнул. Надо признать, я почувствовал разочарование. Не понял почему, но почувствовал. Я был похож на школьника, приревновавшего одноклассницу.

Выпил я немало, а завтра меня ждал тяжелый день. В соответствии с запиской, которую я написал на листке бумаги и положил в лоток под окошком кассира в банке, завтра вечером мне предстояло встретиться с кем-то на станции метро, и я должен надлежащим образом подготовиться: ведь нужно застукать того, кто за мной следил. Этот человек наверняка туда придет.

Поэтому я решил свалить отсюда. Своего автомобиля у меня сейчас не было: я приехал сюда, в «Дыру в стене», на такси. Толкнув входную дверь, я вышел на улицу, и на меня тут же набросился ветер. На улице было так холодно, что даже адвокат засунул бы руки в свои *собственные* карманы. Но мне холодный воздух даже понравился. Он слегка взбодрил меня,

уже полусонного. Я решил пройтись несколько кварталов и понаблюдать, как на меня подействует ночная свежесть.

Я также принял еще одно решение: достал из кармана смартфон и, прежде чем успел уговорить себя этого не делать, набрал номер Эми Лентини.

Она ответила после третьего гудка.

— Ну-ну, — сказала она.

Настроение моментально поднялось. Похоже, она внесла меня в список контактов, не поленилась записать в телефоне мою фамилию. Знаю-знаю — я вдруг стал ощущать себя, будто снова учусь в младшем классе. Видимо, следующим моим шагом будет записка ее подружке с вопросом: «*Как думаешь, я ей нравлюсь?*»

— Надеюсь, не разбудил, — произнес я вместо извинений.

— Нет, все в порядке.

Я мало что смог извлечь из ее слов. Дышала она, похоже, ровно — значит, я не оторвал ее от умопомрачительного секса с этим ее танцором из группы «Чиппендейлз».^[43]

— Я слушала сегодня ваше выступление на сцене, — призналась она.

— Да. Я собирался подойти, но вы к тому времени уже ушли. Слишком много впечатлений для одного вечера?

— Послушайте, я ведь уроженка маленького городка, затерянного в глуши штата Висконсин. Я привыкла вставать рано утром, чтобы доить корову.

Да уж куда там! Но мне понравилось, с каким юмором она к себе относится, пусть даже мы оба знали, что она всего лишь фантазирует.

— У вас, похоже, классный парень, — похвалил я.

Мне самому не поверилось, что я это сказал. Наверное, сыграли свою роль несколько выпитых бокалов бурбона.

«Тебе следует прекратить разговор прямо сейчас — ты, придурок. А иначе наболтаешь лишнего».

— Он не мой парень, — возразила она.

— Не ваш? А он об этом знает?

— Теперь знает.

«Она забывает голы один за другим!»

Я ничего не сказал в ответ. Я и без того уже выставил себя болваном, сделав ее парня темой нашего разговора.

— Вы позвонили, чтобы признаться, Билли? Сказать, что вы украли маленькую черную книжку?

Я пересек перекресток, не заметив едущего прямо на меня автомобиля. Водитель даже не сбавил скорость. Просто посигналил, ожидая, что я отскочу в сторону. Он, должно быть, родился и вырос именно в этом городе.

— Нет, — сказал я. — Думаю, что воспользуюсь своим правом не давать никаких показаний.

— Тем не менее вы мне позвонили.

Она и вправду была адвокатом. И сейчас она была права. Я действительно набрал ее номер. Хотя и сам не понимал зачем. А может, и понимал, но не хотел никому признаваться — даже себе.

— Вы когда-нибудь едите? — спросил я, чувствуя, что пульс набирает невообразимую скорость.

— Я... Да, бывало такое.

Она, похоже, собралась поломаться, да?

— Вы приглашаете меня на обед? — вдруг спросила она.

— Нет. Я просто веду наблюдение за повседневной жизнью людей.

— А-а, понятно.

— Но если бы вы захотели позвать меня пообедать, было бы замечательно.

Ей, похоже, понравился такой ход, и она захихикала:

— Прекрасно сформулировано, детектив. Так что, получается, что это я приглашаю вас в ресторан?

— Я согласен, — сказал я. — Я имею в виду, раз уж вы так настаиваете.

Пока в трубке звучал ее залиvistый смех, я нажал кнопку «отбой». Решил, что следует прекратить разговор, пока я все еще выигрываю по очкам. Моя походка стала более энергичной. Ветер ощущался как приятный морской бриз.

«У тебя нет ни малейшего представления, во что ты себя втягиваешь, — говорил я мысленно сам с собой. — Но будет прикольно выяснить».

На следующее утро мне было совсем не до веселья. Я шел пешком на станцию с таким ощущением, как будто к ногам привязали мешки с песком, а по голове барабанили, как по наковальне, малюсенькие молотки.

Кейт уже была на месте и выглядела свежей и сосредоточенной. Она почувствовала, что я приближаюсь, еще до того, как увидела меня. Она медленно повернула голову.

Кейт посмотрела на меня так, как будто раньше мы с ней никогда не встречались.

Это продлилось, правда, не дольше пары секунд — она кивнула мне в знак приветствия.

Вчера мы расстались, мягко говоря, не очень хорошо. Мы — ни больше ни меньше — обвиняли друг друга в воровстве маленькой черной книжки и не доверяли друг другу. Однако своим кивком она дала мне понять, что у нас с ней есть совместная работа и мы будем ее выполнять.

Я просто кивнул в ответ. Пока что этого было достаточно.

День тянулся очень долго. Нам пришлось заниматься убийством, совершенным в южной части Чикаго, — убийством, которое, похоже, началось как ограбление, но затем привело к гибели человека, когда один из трех подозреваемых вытащил нож. Все, что мы имели, — это труп и расплывчатые описания. На проведение судебно-медицинской экспертизы уйдет несколько дней, и она вполне может оказаться бесполезной. На месте преступления было много крови, но не вся она принадлежала жертве, а потому, если злоумышленники уже попадали в базы данных, нам, возможно, удастся установить их личности благодаря результатам анализа ДНК.

Мы начали утро с расспросов. Когда речь заходит об убийствах, совершенных в южной части города, слово «*расспросы*» чаще всего означает, что «никто ничего не видел и никто ничего не знает». Нельзя сказать, что людям попросту наплевать. Нет, им было не наплевать. Большинство людей в любом районе — даже самом криминальном — хотят, чтобы преступники сидели в тюрьме, а законопослушные граждане могли жить спокойно. Проблема заключается в том, что гангстеры держат эти районы в таком страхе и напряжении, что люди, которые дают показания полиции, вынуждены затем всю оставшуюся жизнь «оглядываться». Как-то раз я расследовал убийство, совершенное возле перекрестка Сисеро-авеню и 79-й улицы у входа в магазин «Севен-илевен».^[44] Камера видеонаблюдения внутри магазина зафиксировала все происходящее, и менеджер передал запись полиции. Три дня спустя магазин подожгли, и он полностью сгорел. На металлической двери, выходящей на задний дворик, появилось нацарапанное ножом название местной уличной банды.

Кроме того, как вы, возможно, уже слышали, некоторые люди не доверяют полиции.

Соедините страх и неприязнь — и получить свидетельские показания окажется задачей не из легких. Поэтому для нас это был тяжелый день. К пяти часам мы решили, что на сегодня хватит и я навещу родственников жертвы на следующий день — возможно, им что-либо известно.

— Увидимся завтра, — сказал я Кейт, не глядя на нее. Она слабо помахала рукой, но не сказала ни слова.

Когда она ушла, я достал смартфон и снова посмотрел на фотоснимок записки, которую засунул в лоток под окошком кассира:

«Завтра в шесть часов вечера. Красная линия, станция „Джексон“, платформа для поездов, едущих в северную сторону. Возьми это с собой».

Я выбрал именно эту платформу метро для фиктивной встречи, потому что там было бы очень сложно следить за мной, не выдав себя. Кто бы ни интересовался мною — в метро ему не удастся прятаться в темноте салона автомобиля с включенными фарами или вести наблюдение с безопасного расстояния с помощью бинокля. Если «хвосту» хотелось знать, с кем я встречу — якобы встречу, — ему придется самому прийти на чертову платформу. А еще он наверняка понимал, что я могу заскочить в вагон подъехавшего электропоезда и ему, если он захочет не упустить меня, придется сделать то же самое.

Я назначил «встречу» на шесть часов, потому что в это время на платформе будет много людей. Если бы я выбрал позднее вечернее время, платформа была бы пустой и он побоялся бы спуститься вслед за мной, потому что понимал бы — заметить его будет совсем не трудно. А в шесть часов он будет чувствовать себя более уверенно, поскольку сможет затеряться в толпе и наблюдать тайком за мной и за тем, с кем я — якобы — намеревался встретиться.

Слабое место моего плана заключалось в том, что в действительности никакой встречи я, конечно же, не планировал и никто мне ничего не принесет. В этой части предстоящих событий придется импровизировать.

Вот как раз для таких ситуаций и нужны друзья, к которым можно обратиться за помощью. А единственным моим другом был Гоулди.

Я пришел на платформу без десяти минут шесть и расположился на южном конце. Мне хотелось, чтобы я бросался в глаза. Я стоял в углу и смотрел в сторону севера. Отсюда мне было видно других людей, находящихся на платформе. Пассажиры на противоположной платформе, которые намеревались сесть в электропоезд, следующий в южном направлении, тоже были как ладони.

Видеть-то я их видел, а вот хорошенько разглядеть — и, возможно, узнать кого-нибудь из них — мне было бы сложно. В Чикаго свирепствовала зима, а потому народ одевался соответствующим образом: зимние шапки, шарфы, теплые куртки, застегнутые до подбородка, — и это лишало меня возможности детально рассмотреть то или иное лицо. Освещение на станции было довольно хорошим, но видеть сквозь одежду не дано никому.

Гоулди не собирался приходить сюда сам. Сказал, что пришлет помощника. Сообщил, что я с этим парнем не знаком и что это будет высокий афроамериканец в пальто верблюжьего цвета.

Без пяти шесть прибыл электропоезд, следующий в сторону юга, и с громким шипением остановился. Все, кто стоял на противоположной платформе, должны были в него сесть. Остаться на платформе не было никакого резона, не так ли? Единственный смысл стоять на платформе метро в том и заключается, чтобы дождаться электропоезда и сесть в него.

Когда двери электрички открылись, одни пассажиры вышли, и другие, ожидавшие на платформе, вошли. По крайней мере, мне так показалось. Людей было довольно много, и разглядеть, что делает каждый из них, мне мешал находящийся между мной и пассажирами поезд.

Когда он, зашипев и как бы тяжело выдохнув, снова пришел в движение и уехал, я окинул взглядом противоположную платформу. Почти все находившиеся на ней люди двигались по направлению к выходу.

Почти все.

Один человек задержался на платформе. Он был одет в коричневую спортивную вязаную шапочку и застегнутую аж до подбородка плотную куртку шоколадного цвета с высоко поднятым воротником. Он стоял ко мне спиной. Раньше я его на платформе не видел. Похоже, он только что сошел с поезда.

И он не двинулся по направлению к выходу, а остался стоять на платформе.

Я достал телефон и сделал вид, что разговариваю. Такая уловка позволяла мне вести наблюдение, делая вид, что я рассматриваю людей как бы между прочим, а вообще-то якобы целиком и полностью сконцентрировался на телефонном разговоре.

Боковым зрением я заметил, что ко мне кто-то приближается. Я повернул голову и увидел высокого афроамериканца в пальто верблюжьего цвета с разноцветным шарфом на шее. Встретившись со мной взглядом, он кивнул. Это был тот самый парень, которого обещал прислать Гоулди.

Я посмотрел на стоящего на противоположной платформе мужчину в вязаной шапочке и куртке шоколадного цвета. Он слегка задрал край рукава и взглянул на наручные часы. Затем — пару секунд спустя — повернул голову по направлению ко мне.

Я отвел глаза в сторону за мгновение до того, как он посмотрел на меня, — иначе бы встретился с ним взглядом.

— Я знаю, — вещал я в смартфон, делая вид, что занят разговором. — Я тоже не мог в это поверить.

Мужчина на противоположной платформе не заметил, что я наблюдал за ним, — я был уверен. Но я сумел идентифицировать его за долю секунды, прежде чем отвел взгляд в сторону.

Я его узнал. Это был не кто иной, как мой начальник.

Человеком, наблюдающим за мной с противоположной платформы, был лейтенант Пол Визневски.

Мое сердце неистово заколотилось. Получается, что за мной следил Виз. Мой начальник.

Неужели он в курсе?

Неужто узнал, что я связан с отделом внутренних дел?

Выходит, ему известно, что я не просто детектив, расследующий убийства, а тайно работаю на Гоулди и отдел внутренних дел?

А если так, то, судя по всему, он догадывался, что именно *он* был одним из основных фигурантов проводимого мною тайного расследования?

Высокий афроамериканец в пальто верблюжьего цвета и разноцветном шарфе направился прямо ко мне. Его прислал Гоулди — а значит, он, скорее всего, работает в отделе внутренних дел.

Он остановился рядом со мной с отсутствующим видом, как будто не имеет ко мне никакого отношения, а просто ждет электричку в северном направлении.

Я, продолжая делать вид, что говорю по телефону, качал головой — будто что-то в этом разговоре меня очень разочаровало.

Итак, двое мужчин, всего лишь стоящих на платформе метро в ожидании электрички.

Я имею в виду, что мы должны были вести себя так, словно пытаемся быть незаметными, правильно? Человек, который следил за мной — и которым, как я уже знал, оказался Виз, — именно этого как минимум от нас и ожидал.

Я — как можно более непринужденно — повернулся спиной к противоположной платформе и — что особенно важно — смотрел в сторону от Визневски. Мне хотелось подстроить все так, чтобы Визу было легко наблюдать за мной, и если я буду стоять к нему спиной, он сможет таращиться на меня сколько душе угодно. Он сможет даже сфотографировать меня мобильным телефоном, если возникнет такое желание.

И тут для стоящего рядом со мной человека — мистера Верблюжье Пальто — пришло время чихнуть.

И он чихнул. Сделать вид, что ты чихнул, совсем несложно, особенно когда человек, которого ты пытаешься заставить в это поверить, находится на противоположной платформе метро, то есть по другую сторону рельс. Изобразив чихание, мистер Верблюжье Пальто отвернулся в сторону, чтобы высморкаться, — как сделал бы любой воспитанный человек. Отворачиваясь, он засунул руку за пазуху и вместе с носовым платком достал конверт из желтоватой бумаги — достаточно большой для фотографий размером восемь на десять дюймов.^[45]

В этот момент мы оба стояли к Визу спиной и специально расположились на таком расстоянии друг от друга, чтобы мой начальник отчетливо видел, как Верблюжье Пальто передает мне конверт.

Затем афроамериканец без малейшей паузы высморкался — или сделал вид, что высморкался, — сложил носовой платок и снова повернулся к противоположной платформе. Он действовал очень хорошо. Когда он поворачивался, до меня донесся слабый запах его средства после бритья. Но я при этом ни разу прямо на него не посмотрел.

Я засунул конверт за пазуху и сделал вид, что закончил разговаривать по телефону. Затем тоже повернулся так, чтобы оказаться лицом к противоположной платформе.

Двое мужчин, всего лишь ожидающих электричку. Взгляд как бы совершенно случайно опущен вниз и несколько затуманен после долгого рабочего дня.

Теперь, когда мы оба вернулись в исходное положение и Виз мог видеть наши лица, для Верблюжьего Пальто настало время произнести всего одно слово.

— Когда? — спросил он.

Он произнес свое «когда?» очень отчетливо — так, чтобы его легко можно было прочесть по губам.

Теперь наступила моя очередь, и я ответил в такой же манере, стараясь казаться непринужденным, но четко артикулируя, — буквально подал свое слово на серебряном подносе лейтенанту Полу Визневски.

— Скоро, — отчеканил я.

Я вернулся в свой городской особнячок, стащил с себя верхнюю одежду, бросил на кухонный стол переданный мне мистером Верблюжье Пальто конверт из желтоватой бумаги и налил себе немного бурбона.

Резюме недавних событий было следующим: начальник за мной следит; сестра тайно встречается с менеджером особняка-борделя; напарница мне не доверяет и, возможно, даже презирает. А женщина-прокурор, которую я считаю невероятно привлекательной и о которой, сам того не желая, то и дело думаю, хочет засадить меня в тюрьму.

А в остальном все хорошо.

Взяв бокал с бурбоном и конверт, я пошел на второй этаж. Очень хотелось разобраться в происходящих событиях и понять, что к чему, однако многолетний опыт подсказывал, что сделать это так быстро, как хотелось бы, получается не всегда. Иногда приходится посидеть спокойно и понаблюдать за происходящим, пока кусочки информации не сложатся в голове в единую картинку.

Мое тайное расследование было хорошим примером. Я, вообще-то говоря, начал заниматься им случайно и увяз. Никто меня не обязывал. Это то, что как бы само подкралось, когда я не смотрел по сторонам.

А произошло все следующим образом. Примерно полтора года назад я занимался расследованием совершенного в районе Гриктаун убийства одного парня средиземноморского типа, который получил пулю ночью — уже перед рассветом — на Адамс-стрит перед одним из тамошних многочисленных ресторанов. Ну, вы знаете — рестораны с белоснежной штукатуркой, синим орнаментом, пылающим сыром и официантами, кричащими: «*Ona!*»

Как бы там ни было, убили обычного прохожего. Не ахти какое дело, правда? Однако расследование показалось мне интересным. У меня имелась пара подозреваемых. Один из них — парень, чьи родители являлись владельцами одного из тех самых ресторанов. Я обратился к архивам и выяснил, что его арестовывали восемь — целых восемь! — раз, но ни разу не выдвинули официальных обвинений. Ни разу! Восемь арестов, но никаких официальных обвинений. Несколько раз он оказывался на свободе даже раньше, чем прокурор успевал проанализировать возможные обвинения, — то есть, другими словами, полицейские отпускали его собственным решением, что показалось мне весьма необычным.

Как выяснилось позднее, к расследуемому мной убийству парень никакого отношения не имел, но я сохранил у себя копию его досье и затем на протяжении нескольких недель время от времени изучал информацию. Как парню удавалось добиваться от полиции столь благосклонного отношения к себе? Ведь в некоторых случаях полицейские даже не сообщали о задержании прокурору штата, а просто открывали камеру и отправляли подозреваемого на все четыре стороны!

Мне, естественно, пришло в голову, что парень — чей-то протеже. Кто-то неведомый лезет из кожи вон, чтобы избавить его от серьезных неприятностей.

Инциденты, фигурирующие в досье парня, происходили в общей сложности на протяжении нескольких лет, и когда я проанализировал, кто занимался расследованием происшествий с его участием и кто занимал руководящие должности в полиции в том районе, один персонаж привлек мое внимание — так сильно, как манит к себе измученного

путника стакан ледяной воды в знойной пустыне.

Персонажем этим оказался Пол Визневски, которого с тех пор уже повысили в звании до лейтенанта и перевели в мой район.

Я предположил, что Виз, видимо за вознаграждение, помогает задержанным уйти от ответственности. *«Сунь несколько купюр мне в карман — и я сделаю так, что тебя отпустят»*. Что-то в этом роде.

Провернуть такое дельце, в общем-то, проще простого. Прокуроры зависят — в первую очередь и главным образом — от полицейских, которые являются двигателями, приводящими в движение всю систему уголовного преследования. Если полицейские говорят, что парень не виноват, или заявление пострадавшего вызывает сомнения, или нет достаточных улик, то прокуроры в редких случаях будут настаивать на продолжении расследования. Зачем им это нужно? Они же за преступниками по улицам не гоняются. Если полицейский заявляет, что то или иное дело вполне можно закрыть, прокурор обычно соглашается, тем более что у любого прокурора на шее всегда полно других уголовных дел, по которым нужно сформулировать и выдвинуть обвинение.

В общем, мне показалось, что происходит нечто подобное. Я заметил это полтора года назад. Именно так и началось мое тайное расследование — с одного-единственного подозрительного досье. Я не имел ни малейшего представления, как далеко все зашло и сколько людей вовлечено в систему. Единственное, что я знал, — мне необходимо с этим разобраться.

Я пошел к Гоулди и сообщил, что мы должны начать соответствующее расследование. Гоулди, конечно же, ответил «да». Мы оба осознавали, что вопрос — очень деликатный. Деликатнее не придумаешь. А еще Гоулди произнес фразу, которую я впоследствии никогда не забывал.

«Если ты хочешь сделать это, — сказал он, — то, черт побери, лучше, чтобы ты оказался прав».

«Не торопись, — добавил он. — Прежде чем открывать уголовное дело, убедись, что есть повод».

Именно этим я и занимался много месяцев подряд в свободное от работы время. Да, на протяжении полутора лет в промежутках между выяснением, кто зарезал женщину, застрелил мужчину или задушил младенца, я — вместо того чтобы читать классику, или лепить из глины горшки, или изучать иностранный язык — снова и снова пытаюсь выяснить, не берут ли взятки сотрудники полицейского управления Чикаго. Не раздают ли они «индульгенции», позволяющие преступникам избежать тюрьмы, в обмен на «карманные» деньги, о которых никогда не сообщают в Налоговое управление США.

Иными словами, я проводил расследование относительно лейтенанта Визневски, находясь прямо у него под носом и работая под его руководством в качестве детектива, расследующего убийства.

Я полагал, что действовал незаметно. Мне казалось, что он никогда не узнает о моем расследовании и моих подозрениях в отношении него. Я не рылся у него в письменном столе, не приставлял ухо к окну его кабинета и не взламывал его электронную почту. Я действовал очень скрытно и аккуратно. Заглядывал в старые файлы, читал досье и присматривался к людям, которым удалось избежать серьезных обвинений в рамках уголовных дел, которыми занимался или которые курировал Виз. Я вел себя очень осторожно и поэтому был уверен, что он даже не догадывается о том, чем я занимаюсь.

По-видимому, я ошибался.

Получается, лейтенант Визневски знал, что я провожу относительно него расследование.

Я вскрыл конверт из желтоватой бумаги. Я предполагал, что может Гоулди положить в конверт, чтобы придать ему определенный вес. Все выглядело правдоподобно: всем, кто видел меня на платформе метро, наверное, казалось, что в конверте лежат фотографии.

Я заглянул в конверт — как и ожидалось, я увидел внутри три или четыре чистых листа бумаги. На верхнем листе Гоулди написал записку. Подписи под сообщением не было, но я узнал бы почерк Гоулди в любом состоянии.

«Позвони, когда появится возможность, — говорилось в записке. — И будь очень осторожен».

Внезапно я проснулся и резко сел на кровати. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться и отделить реальное от нереального. Мой сон развеялся — а вместе с ним исчезли и образы Кейт, Эми Лентини, пот, стоны, смех, пули, кровь и жуткие крики.

До меня донеслись звуки из телевизора, который я, видимо, включил вчера вечером, прежде чем заснуть: репортеры наперебой сообщали «последние экстренные новости».

В мою входную дверь кто-то стучал, и звуки ударов синхронизировались с биением моего сердца.

Я посмотрел на часы, стоящие на прикроватном столике. Они показывали четыре часа утра.

Я схватил пистолет, потер глаза и заглянул в смартфон. Оказывается, я пропустил два звонка от Гоулди. А еще он прислал мне две эсэмэски: «Позвони мне».

Еще одно текстовое сообщение пришло в тот момент, когда я читал предыдущие.

Оно тоже было от Гоулди.

«Открой свою чертову дверь», — писал он.

Я слез с кровати, обратив внимание, что на мне все еще та одежда, в которой я пришел домой вчера вечером. На экране телевизора женщина-репортер рассказывала об убитом полицейском.

— Представители власти полагают, что убийство стало наказанием за какие-то действия, — произнесла она на одном дыхании.

С пистолетом в руке я спустился на первый этаж, посмотрел в глазок и увидел лейтенанта Майка Голдбергера, который стоял на крыльце, освещаемый свисающим с крыши тусклым фонарем, и пританцовывал, пытаясь согреться.

Открыв дверь, я ощутил на себе порыв ледяного воздуха с улицы и схватил куртку.

— Я видел новости, — сказал я.

— Все очень плохо, — нахмурился Гоулди.

Я запер за собой входную дверь и пошел следом за ним к его автомобилю. Мчась на бешеной скорости, Гоулди раз двадцать нарушил правила дорожного движения — к счастью, предрассветные улицы были почти пусты.

Я потер глаза. Каких-то пять минут назад я еще крепко спал, а теперь прямо среди ночи мчался к месту преступления.

— Так ты вчера выяснил, кто за тобой следил? — спросил он.

— Да, — отозвался я. — Это был Визневски.

— Вот черт! Я этого опасался. Ты уверен?

— Еще как! Он стоял на противоположной платформе и тайком поглядывал на меня. И действовал он, надо сказать, толково. Приехал на электричке, едущей в сторону юга, но не стал торопиться идти к выходу. Рассчитал по времени все настолько точно, что оказался на платформе ровно тогда, когда я должен был встречаться с твоим парнем в пальто верблюжьего цвета.

— Значит, он знает, — предположил Гоулди. — Он знает, что ты проводишь расследование относительно него.

— Или же подозревает.

— Нехорошо.

Гоулди покосился на меня. Он убрал ногу с педали газа и свернул к парку Джексона примерно в миле на запад от реки и железнодорожного вокзала «Юнион-стейшн». Впереди уже виднелись большие автофургоны средств массовой информации: «Эн-Би-Си-5» с радужным логотипом, а также местных отделений «Фокс», «Эй-Би-Си» и «Си-Би-Эс». Репортеры, расположившись со своим оборудованием возле места преступления, что-то поспешно говорили в микрофоны.

Я вышел из автомобиля. Воздух снаружи был холоднее, чем ведьмин сосок в латунном лифчике.^[46] Пальцы на ногах занемели.

Я вытащил из кармана свой значок полицейского, значок Гоулди уже висел у него на шее. Мы нырнули под ленту ограждения, установленную полицией, и подошли на расстояние футов десяти от места преступления. Там стоял золотистый автомобиль-седан, припаркованный у бордюра возле парка Джексона. Дверь со стороны пассажирского сиденья была распахнута, и мы заглянули внутрь.

Ветровое стекло и приборная панель были забрызганы кровью.

Водитель — афроамериканец — сидел с пристегнутым ремнем безопасности, но при этом наклонился вправо настолько, насколько позволял ремень безопасности, и чем-то напоминал вариант Пизанской башни в виде человеческого тела. Из выходного пулевого отверстия на правом виске вытекло много крови, которая покрыла сиденье и коврик толстым, темным и уже застывающим слоем.

Правая сторона его пальто верблюжьего цвета тоже была залита кровью.

Мистер Верблюжье Пальто встретился со мной вчера вечером на платформе метро, и еще до восхода солнца пуля прошибла ему голову.

Я почувствовал, как по телу побежали холодные мурашки.

Мы с Гоулди стояли там в течение некоторого времени, выдыхая облачка пара и глядя на сидящего в автомобиле мертвого мистера Верблюжье Пальто, пока специалисты по сбору улик занимались своей работой. Репортеры что-то говорили в камеру. Несколько любопытных прохожих, почему-то оказавшихся на улице в предрассветный час, остановились поглазеть.

— Его звали Джо Вашингтон, — произнес Гоулди. — Сержант. Он был хорошим человеком. Одним из лучших моих подчиненных. — Гоулди покачал головой и прокашлялся, а затем показал жестом в сторону автомобиля. — Они обнаружили, что стекло со стороны водителя было опущено. Джо, должно быть, с кем-то разговаривал через открытое окошко машины.

— С тем, кому доверял, — добавил я. — А иначе он не стал бы опускать стекло.

— Правильно. Но когда он опустил стекло, другой парень, вместо того чтобы побеседовать с ним по-приятельски или рассказать что-нибудь интересное, нажал на спусковой крючок и пустил ему пулю прямо в левый висок. Когда мы его обнаружили, через правую часть черепа уже вытекло много крови. Но он, я думаю, умер мгновенно.

— Когда его застрелили? — спросил я, хотя, собственно, ответ был мне известен. В холодную погоду почти невозможно использовать традиционные признаки при оценке времени, прошедшего с момента смерти, — синюшность, трупное окоченение. Быть застреленным в такую вот холодную ночь — все равно что быть убитым внутри холодильника.

— Самое точное, что может предположить судебно-медицинский эксперт, — в десять часов. Но кто, черт побери, знает наверняка?

Я глубоко вздохнул.

— Получается, его застрелили через четыре часа после того, как он встретился со мной, — отметил я.

Гоулди придвинулся ко мне поближе и заговорил шепотом.

— Ты уверен в том, *что* пытаешься доказать своим расследованием? — спросил он. — Ты уверен, что Визневски занимается «крышеванием», пользуясь тем, что служит в полицейском управлении Чикаго?

— Еще как уверен. У меня есть список людей, у которых, похоже, есть своего рода неприкосновенность по части уголовного преследования. Эти люди попадали в полицию — и их тут же отпускали. Тут явно имеет место «крышевание», Гоулди. Я уверен. Среди полицейских точно есть такие, которые отпускают задержанных, не имея достаточных оснований.

— Но ты не можешь доказать, что Визневски занимался подобными делишками.

— Пока еще не могу. Но я уже близок к разгадке.

— Ну хорошо, тогда вопрос номер два, — сказал он. — Ты уверен, что человеком, который видел вас двоих вчера вечером на платформе, был именно Визневски?

— Уверен на сто процентов.

Гоулди кивнул и встряхнулся, пытаясь согреться.

— Но и это доказать ты не можешь.

Именно так. Гоулди был прав. Доказательств я не имел.

— Он находился на противоположной платформе, — попытался оправдаться я. — И держался скрытно. В метро должна висеть камера видеонаблюдения, но он наверняка постарался сделать так, чтобы его лицо не попало под ее прицел.

— Да, — согласился Гоулди. — Да, черт побери! Черт, черт, черт! Черт возьми!

Ну чем тебе не резюме состояния дел?

Я попытался собраться с мыслями, но задачка оказалась не из простых.

— Куда Верблюжье Пальто... я хотел сказать, Джо Вашингтон... Куда он направился после встречи со мной в метро? — спросил я.

Гоулди покачал головой:

— Не имею ни малейшего понятия. Мы начинаем в квадратике номер один. Я не знаю, что он делал и куда отправился. Не знаю, с кем он разговаривал. Применительно ко вчерашнему вечеру не могу «привязать» к нему ни одного человека.

Ситуация выглядела не совсем так, и мы оба это знали.

— Применительно ко вчерашнему вечеру ты можешь «привязать» к нему *меня*, — уточнил я. — И в метро я не пытался держаться скрытно. Скорее наоборот. Я *хотел* быть заметным. И на той видеозаписи буду очень хорошо виден. На ней будет отчетливо заметно, что я стою рядом с тем самым парнем, которого несколько часов спустя обнаружат мертвым.

Гоулди тяжело вздохнул:

— Очень плохо.

— Скажи мне что-нибудь такое, что для меня самого не так очевидно.

— Может, пришло время обнародовать дело Визневски, — предложил Гоулди. — Давай объявим, что отдел внутренних дел проводил расследование относительно Виза и теперь мы полагаем, что он убил того парня, потому что думал, что он твой осведомитель.

— Нет. — Я отрицательно покачал головой. — Ни в коем случае. Если я решу сейчас обнародовать имеющиеся факты, то все, что я делал в последние полтора года, развеется, словно дым. Я не хочу останавливаться. Я собираюсь действительно разоблачить Виза и всех, кто помогает ему «крышевать» преступников. И раз уж я этим занимаюсь, то я должен разоблачить Виза и относительно этого убийства тоже.

У Гоулди сделалось такое лицо, будто он только что глотнул уксуса. Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Ты сам видишь, в чем тут проблема, — продолжал наседавать он. — Ты запечатлен на записи, сделанной вчера вечером камерой видеонаблюдения в метро. Ты стоишь рядом с Джо за несколько часов до того, как кто-то загонит в его мозг кусок свинца. И, как я догадываюсь, у тебя нет никакого алиби относительно того, что ты делал вчера вечером, когда вышел из метро.

— Мое алиби относительно вчерашнего вечера — это я сам, — поморщился я. — После встречи я сразу же направился домой.

— Получается, если ты не объяснишь, что тайно работаешь на отдел внутренних дел, то у тебя нет ответа на вопрос, с какой целью вы с Джо встречались вчера вечером. Ты становишься подозреваемым номер один.

— Мне наплевать. — Я засунул руки в карманы. — Пошло оно все к черту. Рискну.

Гоулди пощипал себя за переносицу с таким видом, будто у него начиналась сильная головная боль.

— Ну почему сыплется так много дерьма? — мрачно сказал он.

В то же утро известие об убийстве сержанта Джо Вашингтона промчалось по полицейскому управлению, как электроны по проводнику. Убийства в Чикаго совершаются пачками, однако далеко не каждый день стреляют в полицейских. Моральное состояние сотрудников управления и без того опустилось ниже плинтуса. Над нашими пенсиями нависла угроза. Преступления в западной и южной частях Чикаго совершались одно за другим, но никто не видел причину происшествий в разводах, неполноценных семьях, безработице или неэффективности школ — все сваливали вину на полицию. Те, у кого имелся смартфон — то есть практически все жители города, — в любую минуту были готовы нажать кнопку «запись» на видеокамере, когда полицейский сталкивался на улице с гражданином, ведущим себя вызывающе. В половине случаев возникало ощущение, что люди умышленно провоцируют нас реагировать на их действия с чрезмерной решительностью, чтобы затем увидеть себя в репортаже «Эм-Эс-Эн-Би-Си». Болтуны, которые ни разу не патрулировали улицы с целью обеспечения правопорядка и которым никогда не доводилось испытывать страх из-за того, что их жизни угрожает опасность, наперебой злословили в наш адрес, как им заблагорассудится.

И вот теперь из ряда вон выходящий случай — полицейский, убитый вроде бы в наказание за некую провинность в миле от реки, от железнодорожного вокзала «Юнион-стейшн» и от центра города.

Поэтому я в этот вечер с нетерпением ждал встречи с Эми Лентини. Это было нечто такое, что могло заставить адреналин в крови двигаться в правильном направлении. По крайней мере, я надеялся, что направление станет правильным. Объективный наблюдатель мог бы назвать это сумасбродством с моей стороны — приглашать отобедать женщину-прокурора, которая подозревала меня в мошенничестве. И нельзя сказать, что я очень долго думал, прежде чем пригласил ее. Мой поступок был импульсивным. Более того, это была выходка подвыпившего мужчины.

Но когда она вышла из подъезда многоквартирного дома, в котором жила, я понял, что принял правильное решение.

Ее волосы были зачесаны назад, но с каждой стороны остался свободным один локон. Эти два локона нежно обрамляли ее лицо. Для такого вида прически, наверное, существовало какое-то специальное название, но лично мне при взгляде на нее пришли на ум только два слова — «сексуальная» и «классная». Эми была в серой шляпе и сером пальто, которое одновременно и хорошо сидело на ней, и — в какой-то степени — создавало впечатление некой деформации.

— Наше умопомрачительное свидание, — сказала она, пока я, разинув рот, смотрел на нее.

Мы направились в итальянский ресторан в северной части города. Мне не пришлось искать место для парковки, потому что это сделал вместо меня специальный сотрудник. За столом я чувствовал себя неловко и больше молчал, что выглядело странно. Если у меня и есть какой-то яркий отличительный признак, то это хорошо подвешенный язык. Однако сейчас я нервничал. А такого со мной не происходило очень давно.

Мы поговорили о том о сем, а больше всего об убийстве сержанта Джо Вашингтона, но я сделал вид, что никогда в своей жизни не видел парня. После второго бокала вина мы

почувствовали себя более раскованно. От выпитого спиртного в глазах Эми появился блеск, а щечки слегка порозовели.

— Я вам поначалу не понравилась, — сказала она.

Я хихикнул и отхлебнул вина «Пино».

— Если мне не изменяет память, когда мы встретились в первый раз, вы попытались оторвать мне башку.

— Я просто задавала откровенные вопросы, — напомнила она тоном, в котором не чувствовалось ни малейшего желания извиниться. — Вопросы, которые, как мне казалось, не должны были вызвать у вас затруднений. Если, конечно, вы говорили правду.

— О-о, мы начинаем все сначала, — поморщился я. — Маленькая черная книжка.

— Да, начинаем все сначала.

Мне показалось по ее выражению лица, что она слегка развеселилась. Как будто ей очень нравилось меня терзать. Она наклонилась вперед и уперлась локтями в стол.

— Хорошо, детектив, я вам кое-что скажу, — усмехнулась она. — Пожалуй, есть небольшая вероятность того, что я вела себя немножко жестко.

— *Небольшая* вероятность, — повторил я. — *Немножко* жестко. Хм, госпожа адвокат, не искажайте события.

Она подняла брови. Это были чудесные брови — не широкие и не настолько тонкие, чтобы казаться выщипанными. Ее внешность не требовала никакого вмешательства, ничего искусственного. По крайней мере, она производила впечатление, что быть красивой — очень просто.

Я прокашлялся и признался:

— Ну хорошо, Эми, раз уж вы сейчас так откровенны, то есть бесконечно малая вероятность того, что я время от времени могу вести себя как полный болван. Правда, вероятность настолько мала, что для того, чтобы ее обнаружить, нужен микроскоп.

— Нет, вы себя так не ведете.

— Еще как веду.

— Я в это не верю, — заявила она. — А вы?

Нам наконец-то принесли заказанные блюда: ей — ротини^[47] с овощами и красным соусом, а мне — цыпленка с пармезаном. Мне понравилось то, что она не заказала себе какой-нибудь салат-латук или что-нибудь подобное.

— Зато я честный человек, — сказал я. — И хороший полицейский.

Она на мгновение замерла и слегка прищурилась. Затем погрузила вилку в макароны.

— Вы не обязаны комментировать мое высказывание, — улыбнулся я.

Она снова посмотрела на меня с таким видом, как будто пыталась подобрать правильные слова. Я молча ждал. Мне не хотелось менять тему разговора. Я хотел услышать, что она скажет по данному поводу.

Осушив бокал с «Пино», она вытерла салфеткой рот и подняла на меня глаза.

— Что вы за человек — я еще не разобралась, — призналась она. — И это кажется мне странным. Обычно я могу оценить кого угодно так же легко, как щелкнуть пальцами.

Она для наглядности и в самом деле щелкнула пальцами.

— Я — загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки.

Она наклонила голову:

— Кто это сказал?

— Только что сказал я.

— Нет, я имею в виду...

— Думаю, что Джо Пеши.^[48]

Она криво усмехнулась:

— А я думаю, что это сказал Черчилль.

— Я не видел фильмов с его участием.

Моя шутка ей понравилась — или она сделала вид, что понравилась.

— Знаете, мое умение разбираться в людях подсказывает, что вы хороший человек.

Однако у меня есть подозрения относительно того, что произошло в злополучном особняке в тот вечер. Послушайте, — поспешно добавила она, увидев мое выражение лица. — Я по данному поводу высказывалась открыто. Я ничего не скрывала.

— Более того, вы высказывались вполне определенным образом. Вы полагаете, что я украл ту черную книжку.

— Я подозреваю, что вы, возможно, могли это сделать.

Я ничего не сказал в ответ.

— Так вы это сделали? — настаивала она.

— Зачем бы я стал делать нечто подобное?

— Это не ответ. Вы просто пытаетесь ответить вопросом на вопрос. Это способ манипулировать разговором. И у вас неплохо получается, вы знаете?

— У меня? — Я пожал плечами. — Я всего лишь заурядный полицейский.

— А я — всего лишь провинциальная девушка из Аплтона. — Она погрозила мне пальцем. — Что бы вы из себя ни представляли, детектив Харни, но вы отнюдь не заурядный. Я, по правде говоря, подозреваю, что вы весьма и весьма умный человек. Гораздо умнее, чем пытаетесь казаться на публике.

— И это дает мне возможность манипулировать.

Эми развела руки в стороны:

— Именно так, — подтвердила она.

— У вас все хорошо? — поинтересовался официант, подойдя к нам и разливая по бокалам остаток вина из бутылки.

— Замечательно, — заверил я. — Я очень многое узнаю о себе.

Я заказал вторую бутылку. Эми улыбнулась каким-то своим мыслям. Я вполне мог представить, о чем она думает, — наверняка о том, что я пытаюсь ее напоить.

Когда официант ушел, я продолжил разговор:

— Если вы думаете, что я украл ту черную книжку, почему вы сейчас здесь со мной? Зачем замечательному прокурору с кристально чистой репутацией и прекрасным будущим общаться с коррумпированным полицейским?

Эми некоторое время размышляла над моими словами, зыряка туда-сюда глазами и покусывая нижнюю губу. Я заметил, что на ее губах играет едва заметная улыбка, но Эми изо всех сил старается подавить свои чувства.

— Я не знаю, — наконец призналась она. — Я и сама пыталась и до сих пор пытаюсь это выяснить.

Я подъехал к подъезду многоквартирного дома, в котором жила Эми, и поставил машину на ручной тормоз.

— Я провожу вас до двери, — предложил я.

Она посмотрела на меня, подняв бровь.

— Всего лишь до двери, — заверил я. — Чтобы быть похожим на джентльмена и все такое прочее.

— Быть похожим на рыцаря, — уточнила она.

— Именно так.

На улице было довольно холодно, но я этого почти не ощущал. Охватившее меня внутреннее напряжение согревало.

Дойдя до бронированной двери подъезда, Эми повернулась ко мне.

— Это было интересно, — начала благодарить она. — Я не...

И тут я ее поцеловал. Мой поступок, я думаю, содержал в себе элемент неожиданности, причем неожиданным он стал и для меня самого. Я просто не удержался. Мне все время хотелось прижать свои губы к ее губам еще с того момента, когда я впервые ее увидел, несмотря на то что она тогда «наезжала» на меня, пытаюсь поставить крест на моей карьере и вообще засадить за решетку. Мне неизвестно, почему она так настойчиво стремилась сломать мне жизнь, и надоело уже это выяснять.

Она позволила себя поцеловать, что тоже стало неожиданностью. Правда, она лишь слегка приоткрыла губы. Наши языки не соприкасались, и вообще мы не делали ничего зазорного, стоя возле дома, в котором она живет. Однако она своим поведением давала мне понять, что она не против, что она тоже этого хочет.

Она прикоснулась ладонью, облаченной в перчатку, к моему лицу, и я притянул ее к себе.

Нет, все-таки без «зазорного» не обошлось. Она задержала дыхание и открыла рот. Я поцеловал ее очень крепко. Наши языки нашли удобный для них ритм. Я провел ладонью по ее волосам и стал сдвигать шляпу ей на лицо, пока головной убор не воздвиг стену между нашими носами. Тогда Эми схватила шляпу и отшвырнула в сторону. Затем она еще сильнее прижалась ко мне и тихонько застонала.

Я полагаю, что целоваться подобным образом — очень даже интимно. За последние три года у меня было несколько мимолетных увлечений, включая Кейт. Однако даже с Кейт интимная связь казалась в основном какой-то по-животному грубой, жадной и неистойвой: набрасывайся, хватай и трахай. Сейчас же охватившие меня ощущения были совсем другими — абсолютно другими. Я снова как бы раскрывался, впускал кого-то в свою душу, отдавал себя другому человеку. Я не чувствовал такого с тех пор, как...

С тех пор как умерла моя жена. С тех пор, как умерла Валерия.

Мысль о ней подействовала на меня как яд. Мне захотелось отстраниться от Эми. На какое-то мгновение показалось, что сердце сейчас выскочит из груди, разорвав кожу.

Вряд ли Эми заметила. Она, возможно, подумала, что мне не хватает воздуха и я просто хочу сделать вдох. Она тоже сделала глубокий вдох и приблизила лицо. Неожиданно она отпрянула и посмотрела на меня.

— Вы... плачете, — удивилась она.

— Нет. — Я вытер щеку. — Просто холодно. Просто холодно.

Она посмотрела на меня уже совсем другими глазами — словно пыталась разглядеть выражение моих глаз и как будто открывала во мне что-то новое.

— Просто холодно, — снова повторил я.

Она не поверила моим словам, но и спорить тоже не стала. Мы оба были удивлены.

«Возьми себя в руки, Харни. Что с тобой такое?»

— Билли, — прошептала она.

— От холода у меня наворачиваются слезы на глаза, — сказал я.

Она кивнула, все еще сияя, судя по выражению ее лица, что-то во мне понять.

— Я... Послушайте, — решил я. — Вы кое-чего обо мне не знаете. Я раньше был женат. Три года назад произошло... Мы...

— Я знаю, — сказала она. — Я знаю об этом все.

Я резко выдохнул.

— Хорошо. Поэтому для меня немножко странно...

Мы оба снизили обороты. Однако то, что только что произошло между нами, было восхитительно. Сегодня ночью час-другой-третий меня будет мучить бессонница.

Она прижалась ко мне всем телом.

— Я знаю, что произошло, — сказала она. — И лично меня это не касается. Я не имею права говорить, но я все равно скажу. Неважно, что меня там не было. Я все равно скажу.

Я все еще лихорадочно пытался восстановить дыхание. Она приблизилась ко мне, словно собиралась еще раз поцеловать. Но она меня не поцеловала. Она просто обхватила мое лицо руками и прошептала:

— Это не ваша вина.

Затем она в последний раз ласково поцеловала меня в губы и пошла домой.

Я ехал обратно в свой городской особнячок как будто в тумане. Мне следовало бы вести себя осторожнее. Я это осознавал. Визневски приглядывался ко мне очень внимательно, а я был уверен, что именно он убил Верблюжье Пальто — парня, с которым я встречался в метро. Причин останавливаться у него не было. Если он пытался воспрепятствовать дальнейшему расследованию, то следующей жертвой буду я.

Однако я был потрясен тем, что произошло между мной и Эми. Вроде бы безобидный ужин и поцелуй на прощанье, но... Нет, не просто поцелуй, а сильное сближение, нечто такое, что исходило не из слов или жестов, а из того, что находится глубоко внутри нас. Из чего-то такого, что мы оба подавляли, но чему потом дали волю в страстном поцелуе.

«О господи, Харни, ты что — вдруг стал романтиком?»

Я зашел в свой городской особнячок, положил ключи, снял куртку и направился на второй этаж как какой-нибудь зомби. Войдя в спальню, я посмотрел на свою громадную кровать. Правая сторона (моя) была помята, край стеганого ватного одеяла — откинут, подушка — отодвинута в сторону. Левая сторона (когда-то принадлежавшая Валерии) оставалась нетронутой.

«Это не ваша вина», — сказала мне Эми.

Чудесные слова. Но что она вообще знает?

Дрожащей рукой я дотянулся до полупустой бутылки бурбона, стоящей на комод, и прямо из горлышка выпил содержимое до последней капли. Наверное, не очень умный — и даже дурацкий — поступок, но мне было необходимо как-то закончить вечер.

Я бросил пустую бутылку на пол и услышал, как она разбилась. Глубоко вздохнув, я стал ждать, когда алкоголь вышибет из меня сентиментальные чувства. Времени на это ушло немного.

Я пошел, пошатываясь, по коридору в маленькую спальню. Там стояла детская кроватка в форме кареты принцессы, отделанная розовым и пурпурным. На полу пылился розовый ящик для игрушек, набитый плюшевыми зверушками и куклами. Стены были выкрашены в светло-зеленый цвет, хорошо сочетающийся с лежащим на полу небольшим ковром — розовым в зеленоватый горошек. Я вспомнил, как провел полдня в магазине «Менардс», чтобы подобрать краску под этот горошек.

На кроватке лежали малюсенькая замысловатая юбочка бледно-лилового цвета и белая футболка с надписью блестящими пурпурными буквами: «МОЙ ПАПОЧКА ЛЮБИТ МЕНЯ».

Я прислонился к стене и сполз на пол. Я уже больше не мог себя контролировать. Из меня потекло, и на полу образовалась лужица. А затем я зарыдал так, что у меня заболели легкие, а в животе образовалась тысяча узлов.

Я рыдал так, что даже не мог дышать.

Я рыдал так, что не слышал, как открылась входная дверь.

Однако звук шагов в коридоре донесся до моего сознания. Я их узнал. Забавно, что шаги могут иметь такой ритм и производить такой шум, что вы запросто можете ассоциировать их с тем или иным человеком. Впрочем, если вам приходилось слышать шаги этого человека всю свою жизнь...

Зайдя в спальню, Пэтти поджала губы и сложила руки на груди.

— О господи! — ужаснулась она. — Ну ты даешь, малыш...

Я вытер лицо рукавом рубашки. Она помогла мне подняться на ноги — как родитель помогает своему ребенку — и отвела обратно в спальню.

Полбутылки бурбона к тому моменту объединили усилия с вином, которое я выпил за ужином, и все в моем сознании начало переворачиваться с ног на голову.

— Тебе нужно поспать, — говорила она, укладывая меня на кровать и укрывая одеялом. — Теперь все будет хорошо.

Я закрыл глаза и стал ждать, когда придет сон. Слышал, как Пэтти пошла на первый этаж, а затем вернулась и убрала осколки разбитой бутылки виски «Мэйкерс Марк». Чуть позже я почувствовал на своем лице ее дыхание.

— Теперь все будет хорошо, братик, — убаюкивала она меня. — Все будет хорошо.

Сон уже витал вокруг меня со всех сторон, делая расплывчатыми изображения, которые появлялись перед глазами...

...маленькая девочка в шапочке, которую надевают в день рождения, задувает одну-единственную свечу на пурпурном торте...

...Валерия со слезами на глазах показывает первую ультразвуковую фотографию...

«*Это не ваша вина*».

...вой полицейских сирен...

...мой друг Стюарт сидит рядом в отделении интенсивной терапии и говорит, что нужно продолжать верить...

Затем мое внимание концентрируется на словах сестры, и все остальное оттесняется в сторону: «*Теперь все будет хорошо*»...

Когда я снова открыл глаза, будильник звонил вовсю, пытаюсь меня разбудить. Через окно в комнату падал безжалостный солнечный свет. Пэтти уже ушла.

Но зато был включен телевизор, причем на том новостном канале, который я обычно смотрю.

Женщина-телерепортер стояла перед натянутой полицией лентой ограждения возле дома в районе Линкольн-Парк. Вверх и вниз по ступенькам, ведущим к входу в дом, сновали полицейские и технические специалисты из Управления судебно-медицинских экспертиз.

— ...Представители правоохранительных органов полагают, что прежде чем убить, ее пытали... — протараторила женщина-репортер.

Я узнал этот городской особняк. Некоторое время назад я проводил в доме *обыск* и перевернул в нем все вверх дном.

Дом, который принадлежал Рамоне Диллавоу, менеджеру особняка-борделя.

Я остановил машину за два квартала от дома Рамоны Диллавоу. Второе утро подряд я приезжал на место преступления, окруженное автофургонами средств массовой информации и репортерами. Патрульный полицейский пытался направлять поток машин утреннего часа пик в объезд заграждений.

Первым, кого я увидел, был Гоулди. Он, конечно же, находился здесь. Этот парень успевал везде. Он кивнул мне и показал жестом в сторону входной двери.

— Горничная обнаружила ее сегодня утром. — Он начал вводить меня в курс дела. — Она отправилась на тот свет вчера вечером.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Зайдя в комнату, я увидел, что Рамона Диллавоу, сидя на стуле, смотрит прямо на меня безжизненными глазами. Ее голова была наклонена вправо, а на лице застыло выражение безнадежности.

Ее окровавленный рот натолкнул меня на мысль, что, возможно, ей отрезали часть языка, но это всего лишь мое предположение.

Шелковая блузка Рамоны была полностью расстегнута, бюстгальтер снят. Один из сосков отсутствовал, а на его месте виднелась засохшая кровь. В средней части тела имелось множество порезов, по характеру которых становилось ясно, что их наносили не быстрыми, а медленными, аккуратными движениями, доставляющими дикую боль.

Ее руки, крепко привязанные к подлокотникам стула, тоже изрядно пострадали. На некоторых пальцах длинные накрашенные ногти были полностью вырваны, левый мизинец отрезан в районе сустава.

Но в самом жутком состоянии оказались ее голые ступни. На отдельных пальцах ногтей также не было, а остальные были просто размозжены — так, что они стали похожи на картофельное пюре.

Проводить полномасштабную следственную работу не требовалось — и так понятно, что Рамону Диллавоу жестоко пытали.

— Кто-то устроил для нее тюрьму в Гуантанамо,^[49] — процедил Гоулди.

Я подошел поближе, внимательно глядя под ноги. На запястьях и ступнях Рамоны я увидел странгуляционные борозды^[50] — довольно тонкие и кое-где переходящие в порезы на коже.

— Ее запястья и лодыжки прикрепили наручниками к стулу, — прокомментировал я. — Так было легче ее пытаться.

— Кто-то очень хотел найти маленькую черную книжку, — раздался голос сзади.

У меня по телу побежали холодные мурашки. Я обернулся и увидел лейтенанта Пола Визневски. Он пристально смотрел прямо на меня, и слова его прозвучали как обвинение.

— У нас, возможно, будут кое-какие вопросы к тебе относительно этого, — сказал он, кивая в сторону жертвы.

«В самом деле? Ну что же, у меня имеется немало вопросов и к тебе, Визневски».

И тут до меня дошло. Возможно, из-за того, что я сейчас увидел Виза в той же комнате, в которой находилась Рамона Диллавоу. Как бы там ни было, но до меня внезапно — как будто кто-то неожиданно ударил наотмашь — дошло то, о чем следовало бы догадаться давным-давно.

Я вспомнил вечер, когда впервые встретился с Рамоной Диллавоу во время облавы в

особняке-борделе.

Облавы, от которой Виз пытался меня отговорить.

Я ведь в тот вечер вроде бы как не должен был устраивать облаву в особняке. Никто не знал о моих намерениях. Черт возьми, даже я не знал. Я ведь не из отдела нравов. Я — детектив, расследующий убийства. Я направился к особняку только потому, что там бывал мой подозреваемый по делу об убийстве в Чикагском университете.

Я лишь случайно натолкнулся на бордель, куда представители власть имущих и прочей элиты Чикаго приходили хорошенечко «оттянуться».

Меня всегда поражал тот факт, что такие известные люди — миллионеры и политики — не боятся навещать публичный дом. Но теперь я осознал — они не считали, что чем-то рискуют.

Они знали, что их не арестуют. Потому что их кто-то прикрывал.

Но тут совершенно внезапно — так сказать, без объявления войны — появился я, полицейский, занимающийся расследованием убийства с небольшой группой надежных коллег. И мы задержали целую толпу клиентов борделя.

Вот почему Визневски в тот вечер пытался отговорить меня от проведения облавы. Когда я стал упорствовать, ему не оставалось ничего другого, кроме как согласиться (потому что уж слишком много мы увидели), но поначалу он все же настойчиво пытался меня отговорить.

«Мы ведь не полицейские из отдела нравов, — говорил он мне в тот вечер. — Арестовывать тех, кто таскается по шлюхам, — в общем-то, не наше дело».

«Если ты сейчас напортачишь, — предупреждал он, — это может оказаться последним арестом, который ты произведешь. Это может бросить тень на твоего отца. И на твою сестру. Тебя могут начать поливать грязью. Тебе это совсем не нужно, Билли. Тебя ведь и так ждет блестящее будущее».

Я тогда подумал, что он просто трусит и потому пытается не позволить мне лезть на рожон и арестовывать известных политиков и архиепископа. Я подумал, что он просто хочет избежать рискованных действий.

Но в действительности все оказалось совсем иначе: он всячески старался помочь людям, которые платили ему за помощь.

Особняк-бордель был частью его системы «крышевания».

Никто не знал это лучше, чем Рамона Диллавоу. Она знала, что полицейские ее прикрывают, а также лично знала клиентов борделя, которых тоже «крышевали». У нее в мозгу имелась очень ценная информация — настоящий клад.

И вот теперь она была мертва. Теперь она уже ничего не сможет рассказать, не назовет ни одного имени.

Я посмотрел Визу прямо в глаза. Я был уверен, что он убил Верблюжье Пальто — парня, с которым я встречался в метро. Таких совпадений не бывает.

И вот теперь я осознал, что, возможно, Рамону Диллавоу тоже убил он. А теперь пытался замести следы.

— Давай начнем с такого вопроса, — сказал Виз. — Когда ты в последний раз видел жертву?

Когда я в последний раз видел Рамону Диллавоу? Хм, в последний раз я видел ее, когда она тайно встречалась в ресторане «Тайсонс» на Раш-стрит с моей сестрой.

И тут, как будто режиссер сказал в микрофон: *«Быстренько выходи на сцену»*, моя

сестра — детектив Пэтти Харни — взошла вверх по ступенькам и посмотрела на мертвую истерзанную жертву.

Затем она взглянула на меня.

«Теперь все будет хорошо, братик, — успокаивала она меня вчера вечером, когда я напился вдрызг и впал в ступор. — Все будет хорошо».

«Нет», — мысленно уговаривал я себя. Нет. Это не могла быть Пэтти. Кто угодно, но не Пэтти.

— Я жду ответа, — нетерпеливо сказал Виз.

Я посмотрел сначала на Визневски, затем опять на свою сестру.

Что, черт возьми, происходит?

Запах братвурстов, ^[51] шипящих на гриле, настраивает мой желудок на позитив, а голос моего брата Айдена возвращает меня к приятным воспоминаниям. Брат наклоняется над грилем и страшно ругается, когда мелкие брызги жира попадают ему в глаз.

— Почти готово, — объявляет Айден, сходя с настила на мягкую траву, растущую на заднем дворике, и вытирая пот со лба. — Они, похоже, будут *идеальными*.

Айден показывает пальцами знак, означающий, что все классно.

— Можно подумать, братвурсты так уж трудно приготовить, — бурчит себе под нос Брендан, бросая футбольный мяч в сторону Айдена. — Эй, шеф-повар Пьер, нужно всего лишь немного их поджарить, а затем положить на кусок белого хлеба.

Это шестьдесят первый день рождения моего отца. Мы отмечаем его скромно: просто устраиваем на заднем дворике пикник с мясными блюдами. Участвуют только ближайшие родственники. Брендан прилетел из Далласа, а Айден приехал на автомобиле из Сент-Луиса. Папа сказал, что не хочет организовывать ничего особенного, потому что мы и так уже на славу погуляли в прошлом году (как-никак, юбилей — шестьдесят лет!). Но я знаю, что истинная причина — это я. Все уделяют особое внимание мне — младшему сыночку, пострадавшему от черепно-мозговой травмы и, между прочим, единственному, кто остался в живых после перестрелки, которая унесла жизни детектива Кэтрин Фентон и заместителя прокурора штата Эми Лентини. Ко мне относятся так, как будто я — хрупкая фарфоровая кукла. *«Давайте не будем устраивать грандиозного празднования, потому что Билли к нему не готов»*, — говорили они, наверное, друг другу.

Физически я вроде бы уже вернулся к нормальной жизни — а точнее говоря, почти нормальной. Я могу ходить без посторонней помощи. Я могу отжаться от пола одиннадцать раз. Я могу спать в течение пяти часов непрерывно. Ко мне вернулся аппетит, хотя я и не в состоянии есть овощи — по крайней мере, я заявляю об этом Пэтти каждый раз, когда она мне их предлагает.

Умственно — это уже совсем другая история. Я сильно скучаю по Кейт, потому что она довольно долго занимала важное место в моей жизни. Она была напарницей, другом и — хотя и очень короткое время — даже кем-то более близким, чем друг. Я видел ее почти каждый день на протяжении нескольких лет. Однако потом все странным образом переменялось. Наши отношения стали напряженными. Мы перестали друг другу доверять.

А затем появилась Эми. Последнее, что я о ней помню, — тот вечер, когда мы ужинали вдвоем. В конце вечера мы поцеловались, и я почувствовал, как внутри меня что-то взорвалось — как будто через ее и мои губы проскочил электрический разряд. Я почувствовал себя так, как никогда раньше — с тех пор, как умерла Валерия. Я помню, что это взбудоражило и даже напугало меня. Помню, мне показалось, что Эми испытывает такие же чувства по отношению ко мне.

Но теперь все, что я имею, — это тупая боль. Боль, которую я не могу идентифицировать, и я не в состоянии понять, откуда она исходит. Возможно, такую боль испытываешь, когда теряешь человека, в которого уже начал влюбляться? Или это ощущение вины, что не уберег?

Мне очень хотелось вспомнить, что тогда произошло.

— Мы всю зиму ворчим по поводу холодов, а когда наступает лето, мучаемся от жары.

Отец, держа бутылку пива «Бэд лайт», вытирает лицо. Хотя солнце уже начинает исчезать за деревьями, растущими на заднем дворике, в середине июля даже вечером еще жарко.

Папа ведет себя сдержанно. В таком поведении проявляется охватившая его озабоченность. Его представление о том, каким образом отвлечь меня от мрачных мыслей, состоит в том, что нужно говорить о погоде. Так ведут себя Харни. Мы не очень-то любим открыто выражать эмоции.

— Как проходит расследование? — спрашиваю я.

— Какое расследование? — недоумевает он.

Будучи начальником следственного управления, отец одновременно занимается бесчисленным множеством уголовных дел. В основном он контролирует их все.

Я посмотрел на него пристальным взглядом.

— Двойное убийство, — говорю я. — Ты, возможно, помнишь о нем. То самое происшествие, во время которого я получил пулю в голову.

Папа напрягается.

— Никто ничего не рассказывает, — вздыхает он.

Поскольку расследование имеет отношение ко мне — то есть к его близкому родственнику, ему не разрешают в нем участвовать и даже контролировать его.

— Если я все правильно помню, — возражаю я, — твои уши все еще функционируют.

Что мой папа, что Гоулди — трудно представить, что они не найдут возможности сунуть свой нос в расследование, если только захотят. А они хотят.

— Я уверен, что с тобой все будет в порядке, — говорит папа, явно пытаясь уйти от ответа и успокоить меня. — Лично я полагаю, что в данном случае все понятно. Кейт зашла и увидела тебя с Эми, у нее начался приступ ревности, она открыла огонь, а вы стали стрелять в ответ. В результате два человека погибли, а тебе повезло. С моей точки зрения, единственным человеком, совершившим в той комнате преступление, была Кейт, и она уже мертва. Если бы принимать решение доверили мне, я закрыл бы уголовное дело без предъявления обвинения.

В его голосе сквозит надежда. Но он все еще не ответил на мой вопрос.

Папа смотрит на меня с таким видом, словно может мне кое-что сказать и пытается решить, стоит ли говорить. Я жду, пока он поборет свои сомнения.

— Вот черт!.. — начинает нервничать он. — Я не хотел упоминать об этом сейчас. Когда угодно, но не сегодня вечером.

— Упоминать о чем?

Он шумно выдыхает.

— Они... Расследование теперь проводит другой полицейский.

— Кто?

Отец качает головой.

— Визневски, — говорит он.

Я делаю шаг назад:

— Как это...

— Он сам вызвался. Ходил к суперинтенданту полиции.

— К суперинтенданту, который желает, чтобы мою голову принесли ему на блюде.

— Да, именно к нему.

— Он передал проведение расследования Визу? Тому, который ради наживы занимался

«крышеванием»? Тому, который пытался отговорить меня от проведения облавы в борделе, ибо он прикрывает политиков, которых я задержал? Тому, который убил менеджера борделя, чтобы она не указала на него? Который убил полицейского, встречавшегося со мной на платформе метро, — убил потому, что благодаря ему я уже подбирался к...

— Билли, Билли. — Папа поднимает руку в успокоительном жесте. — У нас нет доказательств. Я знаю, что ты прав. Но то, что думаю я, не имеет значения. Нам необходимо *доказать*, что Визневски — коррумпированный полицейский.

Он бросает в сторону пивную бутылку. К счастью, она попадает на траву, а не разбивается о крыльцо.

— Я бы уволился из полиции из-за того, как они с тобой обошлись, — признается он. — Но как это тебе поможет? Как частное лицо я не смогу быть тебе полезным. А вот в своей должности, даже если меня будут всячески сдерживать, возможно, смогу *что-нибудь* сделать.

Через заднюю дверь заходит Пэтти. Она несет салат в огромной стеклянной чаше. Никто из мужчин не станет его есть — если только Пэтти не выхватит и не наведет на них свой пистолет, что, вообще-то, вполне может произойти.

— Вы, ребята, оба упускаете один важный момент, — говорит она — говорит так, как будто все время участвовала в нашем разговоре — от начала и до сего момента. Я оглядываюсь и замечаю открытое окно на кухню. Возможно, через окно она все слышала.

— Какой момент? — спрашиваю я.

— А тот момент, — уточняет она, — что тебе необходимо вернуть память. И пока этого не произойдет, ты будешь игрушкой в руках у Визневски.

Доктор Джилл Ягода, щуря глаза, внимательно всматривается в меня. Она откидывается назад на высокую спинку обитого кожей стула, скрещивает ноги и снимает очки в черной оправе. Затем заводит за ухо прядь пепельных волос, свисающих сегодня ей на плечи.

— Это все? — спрашивает она. — Все, что вы помните?

— Да, пожалуй, все, — отвечаю я.

— У вас была встреча с Эми Лентини, которая вызвала у вас множество эмоций. Вы вернулись домой и утопили свою печаль в алкоголе. К вам в дом зашла сестра. У нее есть ключ?

— От моего дома? Да, конечно. У Пэтти есть ключ.

— А на следующее утро женщину, которая заведовала борделем, — Рамону Диллавоу — обнаружили мертвой. Перед смертью ее пытали.

— Именно так.

— Получается, что в течение двух дней были убиты двое — та женщина и полицейский, с которым вы встречались на платформе метро.

— Правильно. Как будто кто-то пытался убрать свидетелей и тем самым замести следы.

— А затем... — Она наклоняется вперед.

— А затем — ничего, — говорю я. — Я не помню ни одного события. Занавес закрывается. Конец представления. Надеюсь, что вам понравилось. Спасибо, что пришли. Желаем без происшествий добраться домой.

Она закатывает глаза:

— Это произошло... за две недели до того, как вы получили пулю в голову.

— Я знаю.

— И две недели полностью выпали из памяти?

Я сжимаю ладонь в кулак, а затем резко разжимаю и поясняю:

— *Вжик — и нету.*

— Вы даже не помните судебное разбирательство относительно секс-клуба? — спрашивает она. — Когда мэр, архиепископ и все остальные, арестованные в том особняке, предстали перед правосудием...

— Нет, — говорю я. — То есть я читал о нем позже — как и все остальные в этой чертовой стране. Но читал как будто не о себе, а о каком-то другом человеке. Судебное разбирательство выпало из памяти полностью.

— Я... Ну хорошо.

Женщина-психиатр с образованием, полученным в университетах, входящих в Лигу плюща, ^[52] закусывает нижнюю губу.

На ней сегодня еще одно длинное платье без рукавов — на этот раз ярко-синего цвета. Она, надо сказать, прямо-таки наряжается, когда идет на работу. Обручального кольца на пальце что-то не видно. Я замечаю детали просто в силу привычки — как детектив и как мужчина, не утративший *основного инстинкта*... Но вообще в известном смысле она меня не интересует. Может, заинтересует при других обстоятельствах.

— Скажите мне что-нибудь, — прошу я.

— Ну, это всего лишь... Причины, провоцирующие потерю памяти, могут быть физиологического и психологического характера, — объясняет она. — К потере памяти

могут привести травматические повреждения. Например, вы попадаете в дорожно-транспортное происшествие и затем не помните момента столкновения. От удара вы потеряли сознание, и теперь у вас ретроградная амнезия.

— Это, видимо, физиологические причины.

— Да. Или же неврологическая амнезия — потеря памяти, вызванная черепно-мозговой травмой. Она тоже физиологического характера. Вы могли бы полностью утратить память в результате столь тяжелой травмы.

— Да, мог бы, — соглашаюсь я, — но ведь не утратил.

— Именно так. Не утратили. Ваш случай — очень специфический. У вас, похоже, прочная, отчетливая память, которая в определенный момент вдруг резко обрывается — как по щелчку пальцами. Вы переходите от полноцветной трехмерной памяти к абсолютно черной дыре.

— Верно. Я помню, как находился в квартире Рамоны Диллавоу, а затем, как я уже говорил: «*Вжик — и нету*».

— Ваши причины — не физиологические, — подытоживает она. — Они эмоциональные. Дело не в том, что вы *не можете* вспомнить, Билли. Что бы тогда ни произошло... Вы *не хотите* вспоминать.

Я гуляю по улицам — или, как я это называю, прохожу физическую терапию, которая предполагает, что я должен ходить пешком не меньше двух миль в день (если мое ковьяление с частыми остановками можно назвать ходьбой). Я двигаю ногами и руками и надеюсь, что они совместными усилиями высвободят что-то в моем мозгу и в голове внезапно прояснится. Я не прошел еще и одного квартала, а мое лицо уже покрылось потом, а рубашка — опять же от пота — стала прилипать к груди.

Потерять память — все равно что положить какой-то предмет в укромное место и забыть о нем, с той лишь разницей, что вы не только не можете найти нужную вещь, но еще и не помните, *что* это была за вещь. Поэтому вы продвигаетесь сквозь туман, надеясь на то, что натолкнетесь на нечто и сразу узнаете, что оно такое.

Или, как я уже сказал, вы проходите физическую терапию.

Сейчас лето, а потому везде полно детей. Они бросают друг другу через дорогу бейсбольные мячи, бегают по воде, хлещущей из открытого пожарного гидранта, съезжают вниз с металлических горок, карабкаются по подвесным веревочным лестницам и играют в песочницах. Куда ни глянь — везде предвыборные плакаты и баннеры, обернутые вокруг столбов или прикрепленные к заборам. Чаще всего попадаются на глаза ярко-зеленые с желтоватым отливом плакаты, на которых огромными белыми буквами написано: «МАРГАРЕТ — В МЭРЫ».

Когда мэр Фрэнсис Делани опозорился и был вынужден оставить свой пост, а законодатели штата приняли закон о досрочных выборах мэра, все полагали, что кандидатом номер один на должность градоначальника будет конгрессмен, представляющий северную часть города, а именно седовласый и симпатичный Джон Тедеско, который проработал в палате представителей четырнадцать лет. В его «сундуках» водились миллионы, которые он мог потратить на предвыборную кампанию. У него были связи, возникшие за долгие годы службы в государственном аппарате. Однако он, сославшись на ухудшающееся здоровье, добровольно выбыл из предвыборной гонки и стал поддерживать свою приятельницу — прокурора штата Маргарет Олсон.

В преддверии внеочередных выборов, связанных с отставкой мэра Делани, Максималистка Маргарет занимает теперь ведущие позиции среди кандидатов. Три члена совета района и два выборных окружных администратора тоже выдвинули свои кандидатуры, но Маргарет — единственная женщина. Кроме того, у нее намного больше денег, а ее репутация борца с преступностью, стремящегося положить конец коррупции, уже берет, похоже, верх.

Маргарет Олсон — везде: на телевидении, в Интернете, на ламинированных брошюрах в моем почтовом ящике... Самый свирепый и амбициозный прокурор из всех, которых когда-либо видели в округе, почти наверняка станет следующим мэром Чикаго.

Я потратил на ходьбу больше часа. Отправляясь на прогулку, прихватил с собой бутылку воды, но полчаса спустя она опустела. Я дошел до пересечения Норт-авеню с Дэймен-авеню и Милуоки-авеню, где хорошо одетые яппи и различные неформалы «зависали» в уличных кафе или тащили пакеты с покупками после шопинга на Дэймен-авеню.

Я все еще молод, но чувствую себя пожившим. Я уже побывал в браке, я был при смерти и сейчас иду как восьмидесятилетний старичок, прихрамывая и кряхтя во время кратких

остановок, которые я делаю, чтобы собраться с силами. Когда возвращаюсь в свой квартал, то уже едва не валюсь с ног.

И вдруг я резко останавливаюсь.

На подъездной дорожке к моему дому и на проезжей части возле бордюра припаркованы три полицейские машины и два автомобиля без опознавательных знаков. То есть в общей сложности пять автомобилей, набитых полицейскими. Это может означать только одно.

По мере того как я приближаюсь, несколько полицейских, которые знают меня, кивают с извиняющимся выражением на лице. Я киваю в ответ. Это ведь не их вина. Они всего лишь выполняют приказ, делают свою работу.

Я подхожу ближе, и лейтенант Пол Визневски выходит из машины и протягивает мне лист бумаги. Честно говоря, мог бы по крайней мере скрыть свою радость по данному поводу.

— Уильям Харни? — спрашивает он — спрашивает так, как будто мы с ним не работали вместе на протяжении нескольких лет. — У нас ордер на обыск в вашем доме.

— Ой, как жаль, что я не знал заранее, — сокрушаюсь я. — Я мог бы навести там порядок. И испечь для вас печенье.

Визневски подходит ко мне так близко, что мы оказываемся почти нос к носу.

— Подумай лучше о приготовлении омлета,^[53] — советует он. — Мы будем здесь весь день и всю ночь. Я найду то, что ищу, Харни. Это так же верно, как то, что я сейчас стою здесь.

Пэтти Харни выходит из своего автомобиля и направляется быстрым шагом к полицейским машинам, стоящим у дома Билли. Она узнает одного молодого полицейского в лицо, хотя и не знает его имени.

— Где он? — спрашивает она. — Где мой брат?

— В машине, детектив, — отвечает полицейский, кивая в сторону седана цвета ржавчины, припаркованного на проезжей части возле бордюра.

Пэтти видит Билли на заднем сиденье. Он прислонил голову к подголовнику и выглядит изможденным. Он изнурен в значительной степени именно физически. Он все еще не восстановился, ему не хватает сил. Врачи сказали, что может пройти целый год, пока он хотя бы приблизится к прежней форме и сможет делать то, что раньше.

Пэтти легонечко стучит костяшками пальцев по стеклу. Билли слегка поворачивает голову и смотрит на нее. Она открывает дверь.

— Хочешь подышать свежим воздухом?

— Я лучше останусь здесь, — отмахивается Билли. — А ты присмотри там за всем.

Пэтти садится в машину, захлопывает дверь и придвигается поближе к нему. Они склоняются головами друг к другу.

— Ты нормально себя чувствуешь, братик?

Он пожимает плечами.

— Я как в тумане, Пэтти. Я не знаю, как себя вести: то ли нервничать, то ли злиться, то ли грустить, то ли... что-то еще.

— Я понимаю, понимаю. Все будет в порядке. Просто Визневски так развлекается.

Она видит через окошко, как полицейские выходят из дома с коробками в руках. Один несет в руках старенький компьютер.

— Мне повезет, если они не вырвут из стены печку, — шутит Билли.

Сарказм Билли наводит Пэтти на мысль, что брат снова становится самим собой. Однако до полного восстановления еще далеко. Он раньше все время улыбался: всеобщий друг, комик... Бокал у него всегда был наполовину полным, а не наполовину пустым, и казалось, куда бы он ни пошел, за ним всегда следует солнце. Сейчас же он пребывает в удрученном состоянии. Бокал стал наполовину пустым, а солнце закрыла черная туча.

«Теперь ты знаешь, что я чувствую, Билли. Не очень-то весело, не так ли? Жизнь уже не столь прекрасна, когда блага не падают с неба прямо в руки, а люди не твердят без умолку, какой ты интересный и остроумный».

— Я никогда у тебя не спрашивал, — хмурится Билли. — Хотел спросить, но... Не знаю.

Она поворачивается к нему.

— Не спрашивал о чем?

— За сутки до того, как я получил пулю, я следил за Рамоной Диллавоу, — признается он. — И видел ее в ресторане «Тайсонс» на Раш-стрит в компании с тобой.

Пэтти напрягается.

— С какой целью ты встречалась с ней? Я никогда не спрашивал.

«Вообще-то спрашивал, Билли. Ты задавал мне этот вопрос. Ты просто не помнишь».

— Я пыталась раздобыть маленькую черную книжку, — отвечает она. — Я пыталась

тебе помочь.

— Каким образом? Заплатив за ее выпивку? Ты думала, этого будет достаточно?

Пэтти вздыхает и ласково гладит Билли по ноге.

— Билли-Билли, — говорит она. — Ты всегда отталкиваешь людей, которые хотят тебе помочь, и тянешься к тем, кому не нужен.

— Это не ответ.

Пэтти качает головой и снова смотрит в окошко. Из дома выходит еще один полицейский с коробкой в руках.

— Не переживай ни о чем. — Она гладит его по руке. — Я не допущу, чтобы с тобой произошло что-либо плохое. Твоя сестра тебя защитит.

— Меня не нужно защищать. Я просто хочу узнать правду.

Она снова поворачивается и смотрит на своего измученного и сломленного младшего братика — братика, который моложе на несколько минут. Она для него старшая сестра, но всю жизнь казалось, будто *она* младше и *ей* требуется его помощь, поддержка и защита от опасностей окружающего мира.

— Помни, — шепчет она, — тебе не следует говорить ни одного слова этому Визневски. Не говори ему вообще ничего.

Я сижу в комнате для допросов. От меня не ускользает ирония происходящего: в этой комнате я сам за несколько лет допросил десятки подозреваемых. Я даже знаю, в каком месте на полу есть щели. Я знаю, куда и каким образом нужно посадить подозреваемого, чтобы он находился как раз под струей воздуха, исходящей из кондиционера, или же чтобы солнце светило сквозь шторы прямо в глаза.

Дверь открывается, и я вижу круглолицую физиономию лейтенанта Пола Визневски и чувствую исходящий от него сигарный запах. У него в руках — простенькая коричневая коробка. Он кладет ее на стол между нами.

— Ты, конечно же, понимаешь, что не арестован, — объясняет он. — И понимаешь, что можешь встать и уйти.

— Я понимаю, что ты говоришь это только для того, чтобы не зачитывать мне «права Миранды»^[54] и не записывать разговор на вон тот видеомэгнитофон.

С этими словами я киваю в сторону видеокамеры, стоящей на треноге в углу комнаты. Визневски криво улыбается и садится на свое место за столом.

Хоть зачитывай, хоть не зачитывай, а я, конечно же, свои права знаю. А еще я знаю, что и Пэтти, и мой папа, и Гоулди — все они советовали мне ничего не рассказывать полиции.

Однако есть одно обстоятельство: я сейчас снаружи и лишь пытаюсь заглядывать внутрь. Я не могу просто поднять телефонную трубку и спросить Виза о текущем статусе расследования. Даже моему отцу и то не скажут, как обстоят дела. Поэтому единственный способ, который заставит полицейских что-то говорить и поможет мне получить информацию, заключается в том, чтобы согласиться отвечать на вопросы.

— Что ты делал два-три последних дня после того, как мы виделись в предыдущий раз? — спрашивает он.

— После того как ты перевернул мой дом вверх дном? Я пытался навести порядок. Даже после трех дней уборки там все выглядит так, как после урагана.

— Да, ужасно. Послушай, я хочу тебе кое-что показать, — говорит он. — Это видео, сделанное на станции метро «Джексон».

Виз достает планшет и, повернув его так, чтобы я видел экран, нажимает на кнопку «воспроизведение».

Я не просматривал видеозапись, но помню, как встречался с Верблюжьим Пальто — сержантом Джо Вашингтоном. На ней запечатлены все наши действия в тот вечер, когда мы делали вид, что у нас конспиративная встреча: вели себя как тайные агенты и сержант незаметно для окружающих передал мне конверт.

— Ты знаешь его?

Я ничего не отвечаю.

— Это сержант Джо Вашингтон, — говорит Виз. — Ты, возможно, помнишь, что через несколько часов после того, как вы с ним изображали Джеймсов Бондов, его обнаружили убитым в результате выстрела в голову в собственной машине, припаркованной около парка Джексона. Может, тебе хочется что-нибудь сказать?

— Да, — соглашаюсь я. — Мне хочется сказать, что я не в восторге от запаха твоего лосьона после бритья.

— Если мне не изменяет память, в то утро ты приезжал на место преступления, —

напоминает Виз. — Подумать только — я видел тебя и на месте убийства Рамоны Диллавоу днем позже. Ну да ладно, давай вернемся к Джо Вашингтону. К вашей с ним встрече на платформе метро.

— *Если мне не изменяет память*, — говорю я, передразнивая его, — то я видел тебя на противоположной платформе, Виз. И ты наблюдал за нашими действиями.

Его лицо расплывается в улыбке:

— Это установленный факт?

— Да.

— Хм. А на видеозаписи, похоже, не видно.

«*Да, потому что ты старался держаться в тени и прятал свое лицо*».

— Как бы там ни было... — Он не заканчивает фразу.

Виз с самым непринужденным видом протягивает руку к лежащей на столе коробке и достает из нее прозрачный полиэтиленовый пакет. Он приподнимает и держит его так, чтобы находящийся в нем пистолет оказался перед моим лицом.

— Знакомая штука? — спрашивает он.

— Основываясь на своих навыках детектива, я бы сказал, что это — огнестрельное оружие.

— Да, но вышло так, что оружие я обнаружил внутри старой коробки для сигар в твоём подвале.

Внутри меня что-то начинает закипать.

— У нас, черт возьми, ушло немало времени, чтобы найти эту штуку. Ты ее хорошенько припрятал.

— Это не мой пистолет, — возражаю я.

— Мы получили результаты баллистической экспертизы, — напирает он.

— Что-то очень быстро. Всего три дня — и у вас уже есть результаты баллистической экспертизы?

— Да — представь себе! Видишь ли, прокурор штата, как ты, возможно, заметил, — небезызвестная Максималистка Маргарет — баллотируется на пост мэра.

— Да. Я, помнится, видел пару предвыборных плакатов.

— Ну конечно видел. «Маргарет — в мэры». И это для нее первостепенная задача. Знаешь, ведь Эми Лентини была приближена к ней. Маргарет «натаскивала» Эми. Возлагали на нее большие надежды.

Визневски глубоко и как бы с удовольствием вздыхает.

— Ну да ладно. — Он снова поднимает пакет с пистолетом. — Итак, мы получили результаты баллистической экспертизы пистолета, который мы нашли в твоём подвале. Угадай, какие мы получили результаты? Не угадаешь за миллион лет. Поверь мне, они оказались прямо-таки ошеломительными.

Я щипаю себя за переносицу. Я понимаю, *что* он сейчас сообщит. Визневски уж слишком радостный, чтобы можно было предположить нечто иное.

— Ну давай, выкладывай побыстрее, — предлагаю я.

— Было установлено, что пистолет, который мы нашли в *твоем* подвале, — вещает он, тряся пакетом, — имеет самое прямое отношение к огнестрельному ранению сержанта Вашингтона. Именно из этого оружия убили Джо Вашингтона.

— Позволь-ка я кое-что угадаю, — вступаю я. — Нет отпечатков пальцев.

Виз грозит мне пальцем:

— Именно так. У тебя хватило ума их стереть.

— Но не хватило ума не прятать пистолет в собственном подвале.

Виз разводит руки в стороны и пожимает плечами. Да уж, он получает сейчас огромное удовольствие.

— Поступки людей — одна из великих тайн в этом мире. Возможно, где-то в глубине души ты хотел, чтобы тебя поймали, Харни. Может, ты пожелал покаяться в своих грехах, искупить вину и все такое прочее.

Я молчу. Он, можно сказать, схватил меня за горло. Мы оба это знаем. Но, сидя здесь, я не могу предпринять ничего, что могло бы улучшить ситуацию, в которой я оказался. Пусть он наслаждается моментом. Будет и на моей улице праздник. По крайней мере, я снова и снова мысленно повторяю это.

— Возможно, именно потому ты не избавился от него, — строит догадки Виз, снова засовывая руку в коробку и доставая из нее еще один прозрачный пакет, в котором лежит обычный кухонный нож — такой, каким чистят яблоки. Вот только на кончике ножа видна засохшая кровь.

— А это еще что за вещица? — спрашиваю я невозмутимым тоном.

— Я задал себе точно такой же вопрос, — говорит Виз, прикладывая палец к своей голове. — Я сказал себе: «Зачем детектив Билли Харни стал бы прикреплять скотчем кухонный нож к крышке унитаза в подвале?» Но, видишь ли, затем мы провели экспертизу, точнее, анализ ДНК.

— И получили результаты анализа ДНК буквально через три дня, — догадываюсь я.

— Ну, нас поторапливала Максималистка Маргарет. Вообще-то мы получили отчет по исследованию ДНК даже раньше, чем результаты баллистической экспертизы. В этом уголовном деле полно сюрпризов. — Он поднимает пакет так, чтобы я его получше видел. — Угадай с трех раз, что я обнаружил.

Я отодвигаюсь от стола.

— Кровь на ноже принадлежит Рамоне Диллавоу, — провозглашает он. — Этим тупым кухонным ножом пытали и убили менеджера особняка-борделя.

«Старайся не ввязываться в спор, — мысленно говорю я себе. — Ты не выиграешь ничего, если будешь реагировать на его слова».

— А знаешь, что здесь самое интересное? — спрашивает Визневски. — То, что на этом ноже *есть* твои отпечатки пальцев.

Лейтенант Пол Визневски выжидательно смотрит на меня. Его брови подняты, а на лице — ярко выраженное ликование. Он хочет, чтобы я стал возражать. Ему нужно, чтобы я произнес какие-то слова, которые впоследствии можно было бы использовать против меня.

Мне очень многое хочется ему сказать. *«Это не мой пистолет и не мой нож. Ты просто подставил меня, Визневски. Ты знал, что я собираюсь уличить тебя в том, что ты ради наживы занимаешься „крышеванием“, и потому ты решил остановить меня таким бесчеловечным способом... И это вторая попытка остановить меня. Первая заключалась в том, чтобы меня застрелить... Но я не умер. Тебе не удастся повалить меня и со второй попытки. Во всяком случае, я обязательно буду сопротивляться».*

Но я не произношу ни слова. Пользы от этого все равно не будет. Моему поврежденному рассудку необходимо оставаться сосредоточенным. Я не могу прямо сейчас остановить то, что на меня надвигается. Однако здесь идет и какая-то гораздо более масштабная игра.

— Давай поговорим об Эми Лентини и твоей напарнице Кейт, — меняет тему Визневски.

Он достает из коробки папку и раскладывает передо мной фотографии места преступления.

Я вижу на снимке мертвую Кейт, лежащую на ковре возле дверного проема.

На другом снимке — мертвая Эми, лежащая в постели. Кто-то перевернул ее, и она лежит спиной к фотоаппарату на самом краю кровати, едва не падая.

Меня на этих фото нет. К тому моменту, когда делались снимки, медики прощупали у меня пульс и унесли с места преступления.

— По просьбе твоего отца мы провели повторную баллистическую экспертизу, — торжествует Виз. — Тот же самый результат. Из твоего пистолета — то есть из пистолета, обнаруженного в твоей руке, — были убиты Эми и Кейт.

Я качаю головой. Это не может быть правдой.

Я крепко сжимаю веки — как будто, если закрыть глаза, ко мне моментально вернется память. Но память не возвращается: все в тумане.

— Взгляни на спину Эми, — говорит Виз. — Видишь, как разбрызгана кровь?

Я открываю глаза. Я, конечно же, вижу кровь в центре и нижней части спины.

— Это твоя кровь, Харни, — сообщает он. — Ты ведь знаешь, что это означает, не так ли?

Ну конечно знаю. Значит, Эми перевернули — возможно, уже мертвую — еще до того, как выстрелили в меня и полилась моя кровь. А иначе она забрызгала бы переднюю часть ее тела.

— Прорисовывается следующая последовательность событий, — рассказывает Визневски. — Сначала ты выстрелил в Эми. Затем Кейт выстрелила в тебя, а ты в ответ — в нее. Она умерла, а ты выжил. Получается, что та чушь, в которую все пытались заставить меня поверить: что, дескать, Кейт застала вас с Эми занимающимися сексом и сильно приревновала, — на самом деле полный бред. Ты выстрелил первым. Первым огонь открыл ты.

То, что он сейчас говорит, звучит вроде бы логично. Но это не может быть правдой.

Мне очень-очень нужно, чтобы ко мне вернулась память.

Визневски обходит стол и наклоняется надо мной. Исходящий от него запах табака заглушает аромат его лосьона после бритья.

— Кейт тебя в чем-то обвинила, — высказывает предположение он. — Эми при этом присутствовала, она все слышала, а потому превратилась для тебя в такую же угрозу, как и Кейт. Тебе пришлось убить обеих. Лично я выстрелил бы в первую очередь в Кейт. Она ведь была вооружена. А ты дал ей возможность выхватить свой пистолет и выстрелить. Это было ошибкой. Но люди склонны совершать ошибки, не так ли?

— Все произошло совсем не так, — говорю я.

— Я думал, что ты ничего не помнишь, Харни.

— Не может быть, чтобы произошло именно так.

Он наклоняется и говорит мне почти прямо в ухо.

— Кейт тебя раскусила. Она поняла, чем ты занимался.

— И чем же я занимался, Виз?

Он тихонько хихикает с таким видом, как будто мы оба знаем ответ на этот вопрос.

— Ты торговал своим значком полицейского, — говорит он. — Ты занимался «крышеванием». И тебя вот-вот должны были уличить.

— Нет, — говорю я.

Визневски выпрямляется и вздыхает.

— Нет? — переспрашивает он.

— Нет, — повторяю я.

— А мы ведь так и не смогли найти смартфон Кейт. Тебе это известно.

— Да, известно.

— А твой смартфон был разбит вдребезги и валялся на ковре.

Я бросаю взгляд на фотографии с места преступления. На них видно, что рядом с кроватью — там, где я находился, когда получил пулю в голову, — лежит мой смартфон. Его дисплей разбит, да и корпус треснул — едва не развалился на две части.

— Мне известно и это, — соглашаюсь я.

— Как же так получилось? Ты что, выбросил ее смартфон в окно? И зачем ты разбил свой смартфон? Полагал, что уничтожишь доказательства?

— Доказательства чего? — недоумеваю я.

— Ты, должно быть, впал в отчаяние и стал действовать безрассудно, Харни. Тебе следовало знать, что мы в конце концов восстановим все СМС. Даже если телефоны уничтожены физически. Это называется «технологии».

Я качаю головой, но внутри меня что-то опускается.

— СМС? — переспрашиваю я.

Визневски хихикает:

— Как будто ты не знаешь.

— Я не знаю. Я не пом...

— Ну, ты точно знаешь, что следователь, расследующий убийства, полагает, что перестрелка произошла приблизительно в десять часов вечера, не так ли?

— Да, — говорю я. — Правильно.

— Так вот, взгляни-ка на обмен эсэмэсками между тобой и детективом Кейт Фентон за несколько минут до перестрелки.

Визневски кладет передо мной лист бумаги с распечатанным журналом текстовых сообщений, сгенерированным компьютером. В журнале содержится информация о времени,

отправителе, получателе и содержании сообщения. Я нахожу глазами «21:49» — время того дня, когда произошла перестрелка.

Кейт, мне: *«Мне нужно с тобой поговорить».*

Мой ответ: *«Не сейчас».*

Кейт: *«Я у входной двери открой».*

Мой ответ: *«Ты у двери квартиры Эми?»*

Кейт: *«Да открой дверь прямо сейчас».*

Мой ответ: *«Зачем мне это».*

И, наконец, последнее адресованное мне сообщение Кейт: *«Потому что она знает о тебе идиот. Она знает и я знаю».*

Я бросаю листок на стол и вскакиваю со стула. Визневски на всякий случай делает шаг назад.

— Нет, — закипаю я. — Невозможно. Такого... просто не может быть.

Убийственные лазерные лучи пронизывают мой мозг. Все переворачивается вверх дном, смешиваясь в невообразимую кучу — слова, факты, отрывочные воспоминания — и улетающая в черную дыру...

— Все еще думаешь, что перестрелка началась на почве ревности? — ухмыляется Визневски. — А вот мне так не кажется. Я полагаю, что Эми Лентини тебя раскусила. Да и Кейт тоже.

— Нет... нет.

Я чувствую, что в прямом смысле слова валюсь на пол. В переносном же смысле чувствую, как все выскользывает из рук. Мне очень нужно, чтобы ко мне вернулась память. Очень-очень нужно.

«Дело не в том, что вы не можете вспомнить, Билли, — сказала мне тогда женщина-психиатр. — Что бы тогда ни произошло... Вы не хотите вспоминать».

— Билли Харни, — сообщает Визневски, — вы арестованы.

Я вышел из дома Рамоны Диллавоу, который теперь стал местом преступления — местом совершения жестокого убийства, сопряженного с пытками. Пока я находился в доме, отбиваясь от вопросов Виза и переглядываясь со своей сестрой, прибыли представители прессы. Они собирались кучками возле дома, возились со своими фотоаппаратами и телекамерами и забрасывали вопросами всех, кто, по их мнению, мог обладать какой-то информацией. Сложно упрекать их в том, что они толпятся здесь: распорядительнице особняка-борделя навечно заткнули рот в ту самую неделю, когда должно было начаться судебное разбирательство относительно секс-клуба.

Пэтти, выскользнувшая наружу раньше меня, быстро пошла по тротуару мимо орды репортеров к своему автомобилю. Я ускорил шаг и окликнул ее. Она никак не отреагировала. Я пошел еще быстрее. Она ведь не перейдет на бег: это выглядело бы слишком странно, особенно на виду у репортеров. В конце концов я ее догнал. Схватил ее за руку и подтолкнул к дорожке, ведущей к другому дому — за полквартила от места преступления.

Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, взгляд ее был пристальным. Она слегка приоткрыла рот, из которого при дыхании вырывался парок, похожий на дым.

— Стало быть, женщина с маленькой черной книжкой уже вне игры, — сказала она. В голосе чувствовалось обвинение в мой адрес.

— Да, ты права. Ты хочешь мне что-то сказать, Пэтти?

Она слегка прищурилась и сжала челюсти.

— Когда я увидела тебя вчера вечером, ты пребывал в полном смятении, — проговорила она. — Пьяный и расстроенный. Плакал в комнате дочери. А ведь ты отнюдь не плакса, Билли.

— А что ты там вчера делала? — спросил я. — Зачем ты пришла ко мне домой вчера вечером? Что — просто случайно оказалась рядом и зашла?

Она кивнула — не в знак согласия, а просто давая понять, что услышала мои слова и задумалась над ними.

— Тебе следовало бы радоваться, что я побывала у тебя, — сказала она.

— Почему?

— Потому что я — твое алиби, — ответила она. — Я могу подтвердить, что ты вчера вечером был дома. И что ты не убивал Рамону Диллавоу.

Я отступил на шаг:

— Что?

— Люди будут думать именно так, — нахмурилась она. — Не будь наивным, Билли. Все в курсе твоей возни по поводу маленькой черной книжки, и вдруг женщину, у которой хранилась книжка, обнаруживают мертвой. Я видела, как смотрел на тебя Визневски. Он думает, что убийца — ты.

Меня бросило в жар.

— Значит, ты — мое алиби? — переспросил я.

Она кивнула:

— Именно так.

— Мне кажется, это улица с двусторонним движением, — огрызнулся я.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, — пояснил я, — что я, в свою очередь, *твое алиби*.

Ее глаза вспыхнули, а тело — напряглось. Она бросила взгляд направо — на скопление телекамер, фотоаппаратов и микрофонов.

— Именно поэтому ты зашла в мой дом? — поинтересовался я. — Чтобы я мог тебя выгородить? Чтобы я совершенно честно расставил все по своим местам: «Пэтти была со мной бóльшую часть вечера, укладывала меня спать, устраняла бардак, который я устроил, пела мне колыбельные и держала меня за руку»?

Пэтти наклонила голову, словно пыталась получше меня рассмотреть.

— Ты устал, — вздохнула она. — Перенапрягся. Говоришь то, во что сам не веришь.

— Ну а теперь скажу то, во что верю, — разозлился я. — Недавно я следил за Рамоной Диллавоу. Обычная слежка в надежде на то, что, может быть, удастся обнаружить что-нибудь интересное. Угадай, Патрисия, *что* я обнаружил в ресторане «Тайсонс» на Раш-стрит? Я увидел, что Рамона Диллавоу ужинает там в компании с *тобой*.

Пэтти на несколько секунд стала абсолютно неподвижной — как будто окаменела. Лишь облачка пара при дыхании вырывались изо рта. Щеки у нее побледнели — стали такого же цвета, как сахарная вата.

— Я пыталась уговорить ее отдать маленькую черную книжку, — призналась она. — Хотела помочь тебе. Разве это преступление?

— Нет, — ответил я. — *Это* не преступление.

— Кто-нибудь еще видел меня с ней? — спросила она.

— Только я.

— Ты фотографировал?

Я отрицательно покачал головой.

Пэтти бросилась ко мне и схватила меня за руки.

— Скажи правду — ты сделал какие-нибудь снимки смартфоном? Ты даже не знал бы, как им пользоваться, если бы не я, — горько усмехнулась она.

— О господи, нет. — Я оттолкнул ее. — Но, может, мне следовало бы сделать пару снимков.

— А может, и *не следовало*. — Она взяла себя в руки и начала говорить уже тише. — Может, пора уже начать разбираться, кто на твоей стороне, а кто — нет.

Для выразительности она ткнула указательным пальцем мне в грудь.

— А ты на моей стороне, да?

Она снова посмотрела на меня. Глаза наполнились слезами, но выражение лица оставалось невозмутимым.

— Ты — мой брат-близнец, — пробормотала она. — Ты — мой близкий родственник. Мы всегда держались друг за друга. Мы не рассказывали никому свои секреты. Не так ли, братик?

Я покачал головой.

— Это уже выходит за пределы родственных связей.

— *Ничто* не выходит за пределы родственных связей. Ничто.

— Ты убила ее, Пэтти?

Теперь уже она отступила на шаг — всего лишь на маленький шаг, как будто для того, чтобы лучше видеть меня.

— Вчера вечером я прихожу к тебе домой и обнаруживаю, что ты — в состоянии полного замешательства, а на полу валяется пустая бутылка от виски «Мэйкерс Марк» — в

общем, все выглядело так, как будто ты недавно прошел через что-то ужасное, — и ты спрашиваешь меня, убила ли ее я?

Я кивнул.

— Именно об этом я и спрашиваю, — подтвердил я.

— Неправильный вопрос, — возразила она.

— Да? А какой вопрос правильный?

Пэтти снова посмотрела направо — в сторону места преступления и толпы репортеров.

— Правильный вопрос, — нравоучительным тоном сказала она, — следующий: сдала бы ты меня полиции, если бы это сделал я?

Я начал было что-то говорить в ответ, но услышал, как кто-то произнес мою фамилию. Мы оба повернулись и увидели Ким Бинс — репортера. Она бежала к нам с диктофоном в руке.

Пэтти придвинулась поближе ко мне.

— Так вот знай, мой маленький братик, — прошептала она, — что я никогда-никогда не сдала бы тебя полиции.

Повернувшись на каблуках вокруг своей оси, она оказалась ко мне спиной и пошла дальше вдоль по улице.

— Здравствуйте, Билли Харни.

— Здравствуйте, Ким Бинс, — сказал я, глядя, как Пэтти идет по улице, унося ноги от женщины-репортера, которая только что подошла ко мне. Я развернулся к Ким — красивой женщине, которая когда-то работала телерепортером, а теперь готовила материалы для интернет-газеты «Чикаго-П-П». Ее пышные курчавые волосы были слегка «укрошены» шерстяной повязкой, закрывавшей лоб и уши. Длинное черное шерстяное пальто в такую холодную погоду было застегнуто до самого подбородка.

— Итак, — завела она разговор, — Рамона Диллавоу убита. Какие-нибудь комментарии на этот счет? — Она выставила вперед диктофон.

— Только самые общие сведения, — попытался отделаться я.

— Ой, не надо так говорить. Скажите что-нибудь такое, что бы я смогла записать. Событие огромной важности. На этой неделе — судебное разбирательство десятилетия, а одного из ключевых свидетелей только что убили. Говорят, что ее пытали.

Я посмотрел на Ким.

— Только самые общие сведения, — повторил я. — Выключите свою дурацкую штуку.

— С вами не очень-то интересно.

Однако она подчинилась, выключила записывающее устройство и запихнула его себе в карман.

— Мне очень понравились ваши фотографии всех крупных игроков, заходящих один за другим в особняк-бордель и выходящих из него, — забросил удочку я. — Где вы их взяли?

Снимки продолжали появляться в рубрике, которую вела Ким. Член совета района из западной части Чикаго. Выборный окружной администратор, отвечающий за состояние улиц и канализацию. Высокопоставленный управленец одной из крупных технических компаний Чикаго. «Позорное шествие» — так называла это в своих статьях Ким. На всех фотографиях запечатленные люди неизменно подходили к особняку с таким видом, как будто сильно стеснялись и хотели остаться незамеченными: голова опущена, взгляд — настороженный. Особняк, по-видимому, приносил баснословный доход, пока не появился я и не испортил им «вечеринку».

Интенсивность публикаций постепенно снижалась: поначалу Ким выкладывала что-то новенькое ежедневно, а теперь — раз в неделю. Каждую неделю в день, когда на сайте должна была появиться очередная фотография, люди во всем Чикаго — да и во всей стране — с нетерпением заходили на страничку «Чикаго-П-П», чтобы узнать, кто еще из «очень важных людей» поднимался, случалось, вверх по ступенькам печально известного особняка-борделя.

Ким изобразила жеманную улыбку:

— Вообще-то вроде я начала задавать вопросы. Вам ведь известно, что я обязана держать источник информации в тайне.

— Пресловутая Первая поправка,^[55] — с пониманием отметил я.

— Да. Но кое-что я вам все же скажу, — смилостивилась она. — От фотографии, которая появится на этой неделе, у вас глаза станут круглыми.

Возможно. Лично мне было наплевать, но, в принципе, подобные фотографии явно приковывали к себе внимание всего Чикаго. Ким мастерски держала в напряжении своих

читателей, растягивая историю насколько возможно, чтобы достичь максимального эффекта — а заодно и прославиться.

— Итак, Билли, как, по-вашему, отразится смерть Рамоны на данном уголовном деле?

Я пожал плечами.

— Она в любом случае не собиралась давать показания. Она не сообщила нам абсолютно ничего — ни одного слова. Тут же обратилась за помощью к адвокатам и держала рот на замке. Еще одна пресловутая поправка — Пятая.^[56]

Ким нахмурилась — такое впечатление, что она мне не верила. Видимо, по ее мнению, я что-то утаивал.

— Я слышала другое, — сообщила она. — Прокуроры пообещали ей иммунитет, если она даст показания. Вы ведь знаете приткую женщину-следователя, которой прокурор штата поручила заниматься данным делом? Ту самую, которую они притащили сюда из штата Висконсин после того, как она разоблачила сенатора. Эми Лентини.

Что-то внутри меня зашевелилось.

— Ну и что она?

— Я слышала, что она обещала Рамоне полностью снять с нее обвинения, если она отдаст маленькую черную книжку. Полный иммунитет.

Я посмотрел на Ким ничего не выражающим взглядом. По крайней мере, я надеялся, что мой взгляд ничего не выражал. Однако в действительности то, что она только что сказала, было для меня новостью. Я об этом слышал впервые.

— Говорят, что вся эта возня — уголовное дело — заиклилась на маленькой черной книжке, — продолжала Ким. — Якобы женщина-прокурор — Лентини — побеседовала отдельно с каждым из арестованных, даже с мэром, и поклялась, что снимет обвинения, если они расскажут о маленькой черной книжке.

Я покачал головой, но это не означало, что я не доверяю ее словам. Просто они показались мне бессмысленными.

А затем вдруг меня осенило. Ведь после того, как я арестовал посетителей особняка-борделя, все, что хотела знать Эми Лентини, — местонахождение маленькой черной книжки.

— Даже... с мэром? — переспросил я. — Она предложила мэру иммунитет?

Ким кивнула.

— Мои источники говорят, что прокурор Лентини вела переговоры с мэром: если он обеспечит ей доступ к черной книжке и согласится уйти в отставку, они снимут обвинения.

Я провел ладонью по губам, но промолчал.

— Вы об этом не знали, — сделала вывод Ким. — Вы — главный свидетель по данному делу, и вам ничего не было известно.

Нет, не знал, и меня это больно укололо.

Я мог понять, почему Эми считала маленькую черную книжку очень важной уликой, но мне было невдомек, почему это более важно, чем привлечение к уголовной ответственности людей, пойманных в борделе. Ведь она и без того поймала довольно крупную рыбу. Разве мэр и архиепископ — недостаточно большие трофеи?

Кто, черт возьми, мог быть выше их?

Я пошел прочь — хотелось сосредоточиться и поразмыслить над вновь открывшимися обстоятельствами. Я и сам не понимал, что меня раздражало больше: то, что Эми ничего мне не сказала, или то, что я так сильно из-за этого распереживался.

Ким семенила по тротуару рядом со мной.

— Получается, теперь вы у меня в долгу, — начала ныть она. — Так что не отмалчивайтесь. В нашем городе это самая шумная история за несколько лет. Кое-кто жаждет крови мэра. Я слышала, что конгрессмен Тедеско дожидается, пока мэра признают виновным, и сразу же выставит свою кандидатуру на освободившееся кресло. Вот это будет предвыборная гонка, правда? Конгрессмен Тедеско против Максималистки Маргарет.

Я остановился и воззрился на Ким.

— Что вы имеете в виду? Максималистка Маргарет? Кандидат на пост мэра?

— Ого, да вы вообще не в курсе. — Ким ухмыльнулась, довольная собой. — Я слышала, что ее политические механизмы уже приходят в движение. Она собирается добиться признания мэра виновным и затем попытаться занять его место. Она подождет до суда, а затем выставит свою кандидатуру. Она ведь как-никак слывет борцом с преступностью и позиционирует себя как сильного человека, который сможет навести порядок в городе. Такой у нее имидж.

Выглядело вполне правдоподобно. Но вот только мне самому почему-то это в голову не пришло. Впрочем, я, хотя и прожил в Чикаго всю жизнь, смотрел на местную политическую возню как бы издалека, со стороны. Не интересовался, не участвовал и не собирался участвовать.

— Вы уверены, что занимались этим уголовным делом, Билли? — удивилась Ким. — Похоже, я знаю о нем гораздо больше, чем вы.

Да, она явно владела большим количеством информации, чем я. Эми была ближайшим соратником Маргарет Олсон, ее правой рукой, но я ни разу не слышал от нее ни одного высказывания ни о политических амбициях Маргарет, ни о компромиссных сделках с обвиняемыми. *«Возможно, меня это и не должно было касаться. — Я мысленно попытался себя убедить. — Эми не упоминала ни о чем таком, потому что мне знать и не следовало».*

Но мне все равно было неприятно. Каждый раз, когда казалось, что я полностью раскусил Эми, я тут же узнавал о ней что-то новое.

И если она так старательно скрывала от меня важную информацию, то что еще она утаила?

Я вошел в кабинет Эми в заранее оговоренное время, то есть в десять часов, чтобы заняться подготовкой к грандиозному судебному разбирательству. Моя голова все еще гудела от попойки, которую я устроил для себя прошлым вечером. А еще — от того, что мне только что сообщила Ким Бинс. Ну и, конечно, от разговора с моей сестрой Пэтти неподалеку от места преступления. Да уж, моей голове было от чего гудеть.

Около своего кабинета Эми поздоровалась со мной довольно холодно: *«Доброе утро, детектив, очень любезно с вашей стороны, что пришли»*, — но когда она закрыла за собой дверь и мы оказались наедине, положила ладошки мне на грудь.

— Привет, — прошептала она.

Я буквально отшатнулся, чем очень удивил ее. Когда мы поцеловались прошлым вечером, это явно было нечто большее, чем обычный поцелуй, и вызвало у меня ощущения, которых я не испытывал годами. Ее охватили такие же чувства. Во всяком случае, мне так показалось. Она впилась в меня взглядом, ожидая объяснений.

— Мне необходимо вам кое-что сказать, — пробормотал я.

Она посмотрела на меня с недоумением. Кстати, выглядела она великолепно: светло-серый костюм, волосы искусно зачесаны назад. Эми была умной — очень умной — и красивой женщиной. Такая комбинация была для меня убийственной.

— Вы предлагали Рамоне Диллавоу иммунитет в обмен на маленькую черную книжку?

Эми моргнула — всего лишь разок, — а во всем остальном лицо осталось невозмутимым.

— Да, — ответила она.

— А другим обвиняемым? Архиепископу? Мэру? Знаменитостям и бизнесменам? Вы обещали снять обвинения, если они помогут найти маленькую черную книжку?

— Да, обещала, — не стала отрицать она.

— А мне об этом вы не сообщили?

Она покачала головой.

— Я — прокурор. Вы — свидетель. Как прокурор я не обязана держать вас в курсе своих действий, относящихся к стратегии правоохранительной деятельности. — Не отрывая от меня взгляда, она наклонила голову. — К тому же это было до того, как... как я начала...

— Начала что? — Я поймал себя на том, что хочу побыстрее услышать, что она скажет.

— ...доверять вам, — договорила она. — До того, как стала к вам равнодушна.

Мне очень захотелось пойти у нее на поводу, поверить ее словам, ослабить бдительность и пустить ее в свою душу. Но я ничего не ответил. Я заметил на ее лице обиженное выражение из-за того, что я промолчал, однако сначала мне нужно было получить от нее более подробные ответы на мои вопросы.

— Вам известно, что я подозревала вас в воровстве маленькой черной книжки, — заговорила она. — Я от вас не скрывала. Мне нужна была черная книжка. И я не видела разницы, каким способом ее раздобыть.

— И вы по-прежнему так думаете? — поинтересовался я.

— Как именно?

— Как и раньше, считаете, что я взял маленькую черную книжку?

Она пару секунд помолчала, а затем ответила:

— Нет, я так уже не думаю.

— Но она вам все еще нужна. Вы все еще хотите ее заполучить.

Она подняла брови.

— Вообще-то нет. То есть я-то хочу, но решаю в данном случае не я.

— Что это означает?

Она завела прядь волос за ухо.

— Дело в том, что мне сказали, будто это теперь не так уж важно. Мне поручено пока отставить этот вопрос и сфокусироваться на победе в судебном разбирательстве относительно секс-клуба.

— А с чего вдруг? — наседал я. — Почему произошли такие перемены?

— Почему? Да потому, что вся страна следит за тем, что происходит в рамках уголовного дела — дела о секс-клубе. Это очень громкое дело. И проиграть его нам никак нельзя. Почему же еще?

— Может быть, вы хотите выиграть процесс, чтобы ваша начальница Маргарет Олсон могла занять место мэра после того, как добьется признания его виновным?

Эми поморщилась:

— Просто смешно. Маргарет не собирается выставлять свою кандидатуру.

— Не собирается?

— Нет. И мне, кстати, не нравится, что вы расспрашиваете меня о мотивах. Я занимаюсь расследованием этого дела, потому что считаю это необходимым.

Она на пару секунд задумалась, а затем спросила:

— Кто вам сказал, что Маргарет хочет занять кресло мэра?

Я покачал головой:

— На этот вопрос я ответить не могу.

— Ну неважно, кто бы ни сказал, он ошибается. Маргарет Олсон не будет выставлять свою кандидатуру на пост мэра. Хотите, повторю еще раз? Маргарет Олсон не будет выставлять свою кандидатуру на пост мэра!

Я не знал, что и думать. Эми подтвердила одну из новостей, которые сообщила Ким Бинс, и опровергла вторую. Мне хотелось верить Эми. Хотелось больше, чем чего-либо другого, — впервые за долгое время.

— Когда дело о секс-клубе завершится, я опять займусь поисками маленькой черной книжки, — пообещала она. — А вот на ближайшее время планирую выиграть это судебное разбирательство. И поскольку Рамона Диллавоу мертва, вы играете в данном деле еще более важную роль, чем раньше.

Я кивнул. Уж что-что, а это точно правда.

Она снова приблизилась ко мне и снова положила руки на грудь.

— Вы знаете, после того, что произошло между нами вчера вечером, я никак не ожидала, что сегодня утром моя встреча с вами начнется с расспросов. Я ожидала чего-то вроде этого.

Она потянулась вперед и легонько меня поцеловала. Я почувствовал, как во мне все растаяло.

Она приблизилась настолько, что ее губы оказались рядом с моими, я мог их ощущать, и мы продолжили разговор.

— Итак, — сказала она уже более спокойным тоном, — у нас все еще хорошие отношения?

Мое сердце заколотилось как бешеное. Я притянул ее к себе и поцеловал, но уже отнюдь не легонько.

Эми Лентини — хорошо ли, плохо ли — зачаровала меня.

После двухчасовой подготовки к судебному разбирательству я вышел из Дейли-центра и пошел по Дейли-плаза. Я чувствовал себя изможденным. В животе урчало — желудок требовал обеда. Погода была холодной и сумрачной, и одетые с ног до головы пешеходы шли опустив головы. Среди служебных автомобилей, припаркованных на Дейли-плаза, я заметил ярко-красный, как пожарная машина, «Корветт».

Заметить его было совсем не трудно. Все равно как огненный шар на фоне темного неба.

Замечательная тачка. Нечто такое, чего я никогда не смогу себе позволить. Тот, кто хочет заработать много денег, не идет в полицейские.

Дверца машины со стороны водителя открылась, и перед моим взором предстал не кто иной, как моя напарница — детектив Кэтрин Фентон.

Мне, правда, потребовалось несколько секунд, чтобы ее идентифицировать. Гибкая, атлетически сложенная; стильное пальто, суженное в талии; длинные ноги; сапоги высотой до колен с широкими каблуками. В этих пределах все оставалось таким же, как раньше. Это была все та же Кейт. А вот от шеи и выше она стала совсем другой. Она была коротко подстрижена, почти без челки, а кончики волос сильно завиты у щек. Цвет волос тоже изменился: красноватый оттенок стал более темным и насыщенным. Он теперь был больше похож на цвет крови.

И «Корветт».

Она заметила выражение моего лица.

— Нравится? — спросила она, но не так, как будто она вежливо напрашивается на комплимент. Нет, в ее голосе прозвучал вызов — что-то вроде: *«Да пошел ты к черту, если не нравлюсь»*.

Кроме того, я не был уверен, что конкретно она имеет в виду — свою новую тачку или новую внешность. Возможно, и то и другое. Вероятно, ее интересовало мое мнение о Кейт в версии 2.0.

— Ну конечно, — не стал отрицать я. — Ты получила наследство? Или что-то еще?

Она продолжала идти по направлению ко мне своим характерным уверенным шагом. Ее каблуки громко цокали по тротуару, а губы расплылись в соблазняющей улыбке. Со своей новой обалденной внешностью она, по моему мнению, явно перегнула палку. Дело в том, что улучшать тело было уже некуда, как ни старайся, — оно и так идеально. А со своими чертами лица и высокими скулами она излучала *сексуальность* в любой момент дня и ночи. Но это, как я всегда думал, происходило потому, что она не прилагала никаких усилий. Теперь же она попыталась некие усилия приложить. Она, можно сказать, повесила у себя на груди объявление по этому поводу.

Она заперла дверцу своего нового автомобиля при помощи пульта дистанционного управления.

— Насколько я знаю, — огрызнулась она, — мне не требуется твое разрешение на покупку машины.

Она остановилась и посмотрела на меня вызывающим взглядом: что, и такой я тебе не нравлюсь?

— Итак, Рамоны Диллавоу больше нет, — констатировала она. — Кто, по-твоему,

приложил к этому руку?

Кого мы подозреваем в убийстве Рамоны Диллавоу? До этой минуты моего мнения никто не спрашивал, да и уголовное дело — не мое. Хотя мне не хотелось ломать голову, но в глубине души я понимал, что свою сестру из личного списка подозреваемых еще не вычеркнул.

Однако для меня было вполне очевидно, что убийство Диллавоу имело отношение к маленькой черной книжке, и я не исключал, что Кейт могла забрать книжку с места преступления.

Это означало, что она тоже находилась в моем черном списке.

— Понятия не имею, — сказал я. — А ты?

— *Мне-то* откуда знать? — В ее голосе снова зазвучали враждебность и вызов. Она кивнула в сторону Дейли-центра. — Как прошел сеанс подготовки? Я — следующая.

В этом был смысл. Она тоже являлась свидетельницей по делу о секс-клубе. Однако я даже не знал, что ее сюда вызвали, и сей факт лишь подчеркивал отчужденность, возникшую между мною и Кейт. Мы все еще каждый день работали в паре, но наше общение теперь ограничивалось исключительно работой. Больше никаких разговоров в машине о том о сем, никакого обмена сокровенными мыслями или секретами. Не так давно я знал о Кейт все. Я был в курсе, чем она ужинала прошлым вечером, знал ее планы на уик-энд, все мысли и суждения, появлявшиеся в ее голове. Теперь мне не было известно даже то, что она, оказывается, встречается с прокурором по одному из наших дел.

— Твоя подружка Эми сегодня в хорошем настроении? — спросила Кейт.

Я закатил глаза.

— Хм, по крайней мере, ты больше не отрицаешь, что она — твоя подружка, — сказала Кейт с таким видом, будто одержала маленькую победу, которой была совсем не рада.

Мне не пришло в голову, чем бы попытаться погасить этот огонь, а потому я решил никак на него не реагировать и попросту промолчал.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не трахался с ней в ее кабинете, — паясничала Кейт. — Мне ведь придется там *сидеть*. — Я опять ничего не ответил, потому что она не нуждалась в моих ответах. — Немножко опасного секса в офисе, по ту сторону двери стоят какие-то люди, ты заставил ее наклониться над письменным столом...

— Кейт, ради бога, перестань!

Она продолжала таращиться на меня.

— Я просто проверяю. Мне ведь известно, что Билли любит иногда почудить по части секса.

Она напомнила о нашем недавнем прошлом, нашей мимолетной интимной связи с ледяным спокойствием. Однако за показным равнодушием таилась серьезная обида: «*Эми и в самом деле нравится тебе больше, чем я?*»

Я ничего не мог с этим поделать прямо сейчас, стоя посреди Дейли-плаза на холоде и на сильном ветру. Совсем неподходящее место для того, чтобы поговорить по душам. Здесь хорошо разве что ругаться.

Мне пора было идти, возвращаться в полицейский участок, но она со мной еще не закончила.

— Она по-прежнему достает тебя по поводу маленькой черной книжки? — поинтересовалась она. — Возможно, мне следует быть готовой к очередным расспросам?

— Нет, — успокоил ее я, втайне радуясь смене темы. — Просто факты, относящиеся к

нашему делу. Они пока что отложили вопрос о черной книжке.

Кейт стала молча смотреть на меня, пытаясь что-то прочесть по выражению моего лица. Из наших ртов вырывалось что-то похожее на серый туман. Ветер то и дело набрасывался на меня, пытаясь проникнуть под пальто.

— Ее больше не интересует маленькая черная книжка? — в конце концов отреагировала Кейт. В ее словах чувствовалось неприкрытое удивление, хотя она и попыталась задать вопрос как бы между прочим. — Я думала, книжка — единственное в жизни, что мотивирует нашу мисс Эми. А теперь она ее не интересует?

Я пожал плечами. Говорить от имени Эми — не моя работа.

— Ну что же, Билли, поздравляю: ты отвлек ее внимание от этого предмета. Ты, должно быть, трахал ее очень хорошо.

— Кейт, хватит.

Она наклонила голову и подняла брови.

— Не говори, что она изображала из себя недотрогу. Невинная девочка из Висконсина с наивными глазками? Которая не хочет спешить, желает подождать подходящего момента, потому что это имеет для нее большое значение? Которая вертит тобой как хочет, обращается с тобой как с каким-то щенком...

— Я с этим закончил, — отрезал я, уходя. — Я не играю в эту игру.

— Нет, — громко возразила она. — Ты играешь в *ее* игру. И даже не знаешь об этом.

Лейтенант Майк Голдбергер разрезал яичницу на части ножом и вилкой с таким видом, как будто он — генерал, реализующий стратегию «разделяй и властвуй». Он суетился — что было для него необычным, — и суета эта проявлялась, в частности, в той манере, в которой он кромсал яичницу. Мы когда-то частенько ходили с ним перед работой завтракать в «Митчеллс». Правда, в последний раз это было очень давно, но в начале недели Гоулди вдруг решил возродить нашу традицию — возможно, потому что совсем скоро должно было состояться судебное заседание, посвященное секс-клубу.

— Какие последние новости относительно Рамоны Диллавоу? — поинтересовался я. — И относительно Джо Вашингтона? Есть какие-то зацепки по убийствам?

— Кто бы их ни совершил, он действовал толково, — нахмурился Гоулди. — Никаких улик на месте преступления. Сработано чисто. Почти профессионально.

Он перешел к своей сосиске и стал разрезать ее так энергично, как будто от этого зависела его жизнь.

Я взял со стола свою чашку кофе, но тут же поставил обратно.

— Черт побери, Гоулди, ты заставляешь меня нервничать. Мне ведь придется давать показания.

— Вот это-то меня и беспокоит, — признался Гоулди, а такое он говорил весьма редко. Когда Гоулди волновался, он не показывал этого — наоборот, всячески старался казаться абсолютно невозмутимым. — Если дело примет невыгодный оборот и судья решит, что у тебя не было достаточных оснований врываться в особняк, то, мой мальчик Билли, виноватым станешь ты. Ты — и никто другой.

— Ты полагаешь, что я не догадываюсь?

— Если догадываешься, то почему же ты не нервничаешь, парень? — Гоулди помахал рукой перед моим носом. — Сидишь с таким видом, как будто тебе абсолютно на все наплевать. Ты всегда себя так ведешь. Ты и *раньше* так себя вел. Когда ты был ребенком, твои братья делились с тобой и друг с другом всеми мыслями, которые только приходили им в голову. А Пэтти? Пэтти вечно о чем-то переживала, боялась, что ее будут ругать. Ты же всегда хохмил, но никогда не выказывал своих эмоций — как будто все, что происходило, ты знал заранее. Ты вел себя всегда так, будто тебе уже все известно.

Это была всего лишь моя обычная манера поведения. Мне следовало бы стать игроком в покер.

— Вообще-то я *нервничаю*, — признался я. — Но Эми полагает, что нам есть чем крыть. Лично я бы сказал, что руководствовался исключительно своей интуицией, когда я устраивал облаву в особняке. Но она придала моим показаниям такой вид, как будто я составил себе целый список достаточных оснований, прежде чем вломился туда. Она толковая, Гоулди. Она замечательный адвокат.

Гоулди вытер рот матерчатой салфеткой и покосился на меня.

— Ну ты на меня и посмотрел! — Я откинулся на спинку стула. — Говори, что там у тебя за мысли.

— Почему бы тебе попросту не признаться, что ты влюблен? — спросил Гоулди.

Я уже открыл было рот, чтобы возразить, но передумал.

— Вообще-то это замечательно, — продолжал Гоулди. — Прекрасно. Великолепно.

Настало время прийти в себя после утраты Валерии. Никто так не рад за тебя, парень, как я.

Я наклонился к нему:

— Чувствую, что следующую фразу ты начнешь со слова «но».

Гоулди вздохнул, отхлебнул кофе и поставил чашку обратно на стол.

— Но, — сказал он, — неужели это обязательно должна быть Эми Лентини? Я не хочу никого обижать, но она — настоящая акула. Она сжует тебя и выплюнет.

— Не хочешь никого обижать? А что же тогда это было — комплимент?

— Эй, послушай. — Он поднял руки, как будто хотел сдаться. — Она умопомрачительно шикарная дама. По шкале от одного до десяти она соответствует отметке «сто». Тут никаких сомнений. Желаю хорошо провести с ней время. Однако, Билли, эта женщина не переживает о твоих кровных интересах.

— Неужели?

Гоулди на несколько секунд задумался, наклонился вперед.

— Она в конце концов найдет маленькую черную книжку. Ты сказал, что она отложила вопрос до того момента, когда закончится судебное разбирательство. Однако судебное разбирательство состоится уже на этой неделе. И когда оно завершится, она снова займется черной книжкой. Я прав?

— Да, — согласился я.

— И она думает, что ее взял ты. Я опять прав?

— Она говорит, что так не думает.

— Она говорит, что так не думает. Она говорит, что так не думает. — Гоулди покачал головой. — А ты, конечно же, веришь, потому что она никогда от тебя ничего не скрывала.

Справедливый упрек. Но я и в самом деле верил ей. Я был не способен отделить свой мозг от своего сердца.

— Ты думаешь, что маленькая черная книжка — у меня, — предположил я. — Ты думаешь, что ее забрал я. Это — единственная причина, почему ты так встревожен.

Гоулди вдруг переключил свое внимание на кофе: опустошил чашку и снова налил доверху из чайничка цвета меди, который официантка оставила на столе.

— Я никогда не спрашивал тебя об этом, — напомнил он. — Ни единого раза.

— Так возьми и спроси.

Он покачал головой.

— Не имеет значения. Забрал ты ее или не забрал, ты — лучший полицейский из всех, кого я знаю. Ты делаешь честь полиции тем, что работаешь здесь. Да и вообще ты офигенно классный парень.

Его лицо покраснело, а по выражению глаз было видно, что он говорит искренне. У Гоулди никогда не было собственных детей. Его жена умерла от рака в возрасте двадцати девяти лет, и они не успели обзавестись детьми до ее болезни. Гоулди был лучшим другом моего отца и, можно сказать, дядей для меня и моих братьев с сестрой. Но он оставался полицейским: всегда старался быть невозмутимым и не выказывать своих чувств. Поэтому пришлось признать, что сегодняшняя его откровенность меня обезоружила.

— Звучит так, как будто ты составляешь мой некролог, — хмыкнул я.

Он позволил себе на секунду улыбнуться.

— Если ты и в самом деле ее взял, у тебя были на то свои причины, и я их знать не хочу. Понятно? Вот на этом давай и остановимся.

— Спроси у меня, — сказал я. — Спроси, взял ли я ее.

— Да заткнись ты уже. Я не собираюсь спрашивать. — Он положил руку на стол. — Сделай мне одно одолжение, хорошо? Не позволяй никому другому спрашивать тебя об этом. Ни Пэтти, ни Кейт, ни, *конечно же*, Эми.

Не съев ни крошки, а только яростно искромсав еду, Гоулди посмотрел на счет и бросил на стол несколько купюр. Я попытался добавить десять баксов, но он жестом остановил меня, как будто я оскорбил его до глубины души.

Заплатив по счету, он посмотрел мне прямо в глаза.

— Просто помни: кто-то убивает людей ради того, чтобы найти маленькую черную книжку, — предупредил он. — Поэтому, если она у тебя, друг мой, то будь очень осторожен.

Расставшись с Гоулди, я пошел к своему автомобилю, чтобы отправиться на работу. При этом я почти машинально зашел в мобильный Интернет на своем смартфоне и просмотрел новости — так делают в наше время почти все.

Я пролистал заголовки и остановился как вкопанный. Ким Бинс опубликовала новую фотографию в рамках еженедельного скандального разоблачения клиентов, посещавших особняк-бордель. Она обещала мне — как же она тогда выразилась? — что от следующей фотографии глаза у меня «станут круглыми».

Она оказалась права.

Во многих отношениях в этой фотографии не было ничего особенного. У большинства запечатленных на подобных снимках людей было схожее положение тела: голова опущена, как будто они не хотели бросаться в глаза, боялись, что их заметят. Таких разоблаченных накопилось не один десяток: власть имущие и прочие известные люди, причем как очень знаменитые, так и не очень.

На новом снимке был запечатлен один из членов городского совета Чикаго — по моим подсчетам, уже четвертый. Да, четыре члена городского совета попали в кадр, поднимаясь по ступенькам особняка-борделя, и теперь публично разоблачены Ким Бинс. Мне не были знакомы ни лицо, ни фамилия этого мужчины. В городском совете состоит пятьдесят человек, и я не знал их всех. В сопроводительной статье говорилось, что он представляет северо-западную часть Чикаго.

За опубликованием фотографии последует обычная шумиха, традиционные возражения. *«Фотография ничего не доказывает... Идти по улице в районе Голд-Коуст — вовсе не преступление... Я толком не помню, что происходило в тот вечер — возможно, я ходил по магазинам».* Один из «героев», которого недавно назначили в комитет по вопросам образования города Чикаго, заявил, что он прогуливался с собакой — которая, разумеется, была не на поводке — и фотограф специально сделал так, чтобы она в кадр не попала. Еще один из «застуканных» — актер из числа не самых знаменитых, который в детстве был телезвездой, а вот во взрослом возрасте не добился на телевидении оглушительного успеха, — заявил, что его поместили на фотографию при помощи фотошопа — «приделали» его голову к телу другого человека.

Запечатленный на только что опубликованном фото человек тоже, видимо, будет давать опровержение — аргументированные или не очень, — ничего сверхъестественного.

Однако в этой конкретной фотографии имелось кое-что необычное — нечто такое, что дало основание Ким выделить снимок среди прочих.

На фотографии была запечатлена *женщина*.

Патрисия Брэдфорд — член совета района, которая, судя по статье Ким, являлась разведенной матерью троих детей, работающей в городском совете четвертый срок.

В общем, женщина. А почему бы и нет? Почему секс-клуб, в котором люди видят укромное место, позволяющее им реализовывать сексуальные фантазии, должен быть предназначен только для мужчин?

Я начал было прятать смартфон в карман, но мысли о районе Голд-Коуст и шопинге напомнили мне один анекдот. Давно я не радовал старика Стюарта анекдотами, а ведь бедняга в доме престарелых, по словам его дочери Грейс, каждое утро заходил на нашу совместную страницу в «Фейсбуке» и проверял, нет ли чего-нибудь новенького от меня.

Я нажал на смартфоне на иконку «запись», которую мне соответствующим образом настроила Пэтти, и стал рассказывать в микрофон.

— Один мужчина заходит в магазин и говорит продавщице: «Я ищу перчатки для своей жены, но не знаю ее размера». Продавщица — очень симпатичная женщина — предлагает: «Послушайте, давайте я примерю». Она надевает на руку перчатку и говорит: «Вот эта мне как раз. Ваша жена примерно моей комплекции?» Мужчина отвечает: «Да, она примерно вашей комплекции, вы мне очень помогли, спасибо!» Продавщица спрашивает: «Что-нибудь еще?» Мужчина не растерялся: «Да. Мне только что пришло в голову, что ей нужны еще лифчик и трусики».

Я снова нажал на иконку, и только что сделанная мною запись была тут же отправлена в «Фейсбук». Не самый смешной анекдот из тех, которые я когда-либо рассказывал, но Стюарту такой юмор нравится.

Я еще держал в руке смартфон, когда он вдруг зазвонил. От неожиданности я едва не выронил его.

На дисплее появилось имя звонившего: «Стюарт».

Ого, очень странно. Не потому, что я только что он нем думал, а потому, что Стюарт вдруг решил мне позвонить. Мы никогда не говорили с ним по телефону. Иногда он помещал какой-нибудь свой комментарий на нашей странице, но вообще общение с ним ограничивалось моими визитами в дом престарелых. Однако заведение находилось к северу от Чикаго, в городе Эванстон, а я в последнее время в тех краях бывал редко.

Как бы там ни было, я ответил на звонок.

— Стюарт? — Я старался говорить радостным голосом.

— Билли?

Голос оказался женский. Его дочь?

— Это Грейс, — послышалось из смартфона.

Ну да, его дочь Грейс — та самая, чья дочь находилась тогда в отделении интенсивной терапии.

— Привет, Грейс, — сказал я, чувствуя, как в груди похолодело от неприятного предчувствия.

— Билли, у меня плохие новости. Мой отец умер.

— О-о, Грейс. О-о, мне так жаль!..

— Послушайте, я прошу прощения, что не сразу позвонила — не смогла найти ваш номер. В моем списке контактов вас нет. Но я в конце концов выяснила, что у папы в телефоне записан ваш номер. Просто так сложилось, что он никогда не пользовался телефоном, а мы и вовсе забыли о его существовании...

— Ничего страшного, Грейс.

— Похороны запланированы на завтра, — сообщила она. — Он умер четыре дня назад, а я звоню только сейчас. Я думаю... Ну, учитывая, при каких обстоятельствах вы с ним

встретились и через что прошли, думаю, он понял бы, если бы вы не пришли на его похороны — для вас это слишком тяжело. Но мне захотелось, чтобы решение приняли вы сами.

Завтра. Катастрофически неподходящий день. Завтра мы с Эми собирались детально обсудить, *что* следует говорить на судебном заседании, когда мне станут задавать вопросы, а затем, возможно, устроят перекрестный допрос. Но это не имело большого значения.

— Конечно, я приду, — пообещал я.

Похоронное бюро в деревне Уиннетка ничем не отличалось от других подобных заведений: тишина, чистота, аккуратность. Люди, работающие здесь, оказались вежливыми и обходительными. Стены бюро были выкрашены в неяркие оттенки пурпурного и розового цвета. И цветы — точно в таких же красках.

Когда я вошел, мне сразу же бросилась в глаза стоящая на подставке большая фотография Стюарта. На ней Стюарт был запечатлен совсем не таким, каким я его помнил: черно-белый снимок, по-видимому, сделан в день его свадьбы, то есть в начале пятидесятых годов. Я заметил лишь отдельные черты того Стюарта, которого я знал: глаза, кривая улыбка... Но при этом у него была густая шевелюра и крепкие, как у атлета, плечи.

За те несколько недель пребывания в отделении интенсивной терапии я довольно много узнал о нем. Он женился на своей подружке по колледжу, которую звали Энн-Мари. Они прожили в браке сорок шесть лет и назвали четверых детей и тринадцать внучат. В то время я, пожалуй, даже мог бы перечислить их всех по именам. Теперь же, три года спустя, я уже не помнил имен, и это почему-то вызывало у меня чувство вины.

Народу собралось много, и я был рад, что столько людей пришло почтить память Стюарта. В подобных ситуациях я всегда задавал себе вопросы, на которые невозможно ответить, — как, например, имеет ли значение, сколько народу собралось на похороны; знает ли Стюарт, что мы все сейчас здесь, чтобы почтить его память; смотрит ли на нас с небес, или же он не более чем труп, лежащий в гробу.

Стюарт как-то раз сказал мне, когда у нас вдруг зашел разговор об этом (неприятная тема, но на тот момент неизбежная), что похороны нужны не мертвым, а живым, потому что они дают им возможность дать выход своему горю.

Но мне хотелось убедить себя в том, что я делаю это сейчас для него. Я не хотел находиться здесь, но все же пришел — пришел ради него. Я был у него в долгу: ведь Стюарт тогда в отделении интенсивной терапии в некотором смысле спас мне жизнь.

Я разыскал Грейс — его дочь, которая три года назад потеряла свою дочь — девочка умерла в реанимации. Лицо женщины было сильно заплаканным, и ее движения свидетельствовали о том, что она измождена. Но она мне ласково улыбнулась, и мы обнялись. Она представила меня своим родственникам, с одним из которых я раньше уже встречался.

— Это тот полицейский-детектив, о котором я часто рассказывала, — сообщила она. Они, видимо, и в самом деле обо мне уже слышали, потому что стали благодарить меня за анекдоты. Они напомнили мне — каждый из них — о том, что Стюарт, проснувшись утром, первым делом включал свой ноутбук и проверял, не разместил ли я в «Фейсбуке» новые видеозаписи.

— Вы очень сильно поддержали его, когда умерла Аннабель, — сказал мне один из его сыновей, отведя меня в сторонку и заговорив о погибшей внучке Стюарта. — Он считал, что, если бы не вы, он не смог бы этого пережить.

Я пошел в комнату для посетителей и стал ждать своей очереди, чтобы подойти к открытому гробу. Лежащий в нем мертвый Стюарт был более-менее похож на того Стюарта, которого я знал. Лицо, правда, казалось восковым и неестественным, но визажист все же неплохо сделал свою работу. Я прикоснулся к гробу и произнес молитву, сам толком не

понимая, какая от этого может быть польза. Затем я опустился на стул и сидел молча. Я здесь больше никого не знал, да и задерживаться долго не собирался. Я вообще-то уже кое-куда опаздывал, но пока еще не был морально готов встать и уйти.

Мне припомнились слова, сказанные сыном Стюарта. На самом деле я не чувствовал, что чем-то помог Стюарту в отделении интенсивной терапии. По-моему, все было как раз наоборот: это он помогал мне. Он дал мне возможность излить свое горе: подставил плечо и позволил поплакаться в жилетку. Я рассказывал ему какие-то дурацкие анекдоты, чтобы не терзаться непрерывно в течение двадцати трех мучительных дней (если быть более точным, то в течение 561 часа). Он помог мне не мучить себя ежеминутно вопросом, что если, как говорится, на все есть воля Божья, то неужели эта воля заключается в том, чтобы моя трехлетняя дочь — моя милая девочка — умерла.

Стюарт был настырным, сварливым человеком, который не стеснялся в выражениях. Он требовал от врачей, чтобы сообщали все без утайки. *«Перестаньте нянчиться со мной, — бывало, говаривал он, — расскажите, как есть на самом деле»*. Он не раз повторял, что в жизни человека наступает определенный момент, когда ему надоедает слушать всякую ерунду. Ему нужна только правда, только то, что происходит на самом деле. *«Реши для себя, что для тебя в жизни важно, — наставлял он, — и сконцентрируйся на этом. Все остальное — ерунда»*.

Я уже задумывался, а не достиг ли и я в своей жизни того самого момента, хотя я и был намного моложе Стюарта. Мне ведь тоже надоела ложь! Хватало и того, что я в своей профессиональной деятельности гонялся за нехорошими людьми — а иногда и дрянными полицейскими. С лихими людьми я вполне мог справиться. Кто-то ведь должен отделять нас от них, и я делал это не хуже любого другого полицейского.

Но вот теперь у меня на линии прицеливания находились близкие люди. Хуже того, я тоже находился на их линии прицеливания. Мы с Пэтти едва ли не обвинили друг друга в убийстве Рамоны Диллавоу. С Кейт практически перестали разговаривать из-за взаимных намеков-обвинений в воровстве маленькой черной книжки. Эми поначалу хотела снести мне голову, а теперь при каждом прикосновении друг к другу у нас возникает ощущение, будто начался фейерверк.

Я уже не знал, кому могу доверять. Не понимал, как себя вести. Не ведал, как любить. Я поступал как-то не так даже по отношению к Стюарту — моему другу Стюарту, к которому не испытывал других чувств, кроме глубочайшей благодарности и крепкой привязанности. Да, я поддерживал с ним связь, но делал это дистанционно. Я ведь давно перестал навещать его в доме престрелых, не водил его куда-нибудь пообедать, выпить пива или просто подышать свежим воздухом. Нет, я просто отправлял видеозаписи своих спонтанных выступлений в баре и пересказанных анекдотов. Это, конечно, его развлекало и подбадривало, да, но я делал это на расстоянии, через Интернет. Я был комиком — человеком, который поднимет вам настроение, стоя на сцене, держа в руке микрофон, разговаривая со слушателями, сидящими в темном помещении бара, или же размещая видеозаписи своих выступлений в «Фейсбуке». Я чувствовал, что делаю что-то хорошее, но в этом не было ничего личного, милого, душевного.

Я все делал дистанционно. Потому что сближение причиняло слишком много боли...

Я встал и, чувствуя слабость в коленях, повернулся, чтобы направиться к выходу.

И тут я увидел Эми Лентини: она сидела в трех рядах от меня и была одета в черное.

Я подошел к ней.

— Я пришла на случай, если вам понадобится поддержка, — сказала она.

Она вложила свою руку в мою. Я взял ее вторую руку, крепко сжал и посмотрел прямо ей в глаза. Из моего рта, сжимающегося от волнения, невольно вырвались слова — жесткие и шершавые, как наждачная бумага. Я произнес их шепотом — возможно, из-за того, что мы находились на похоронах, но скорее всего, из-за того, что я придавал им необычайно большое значение и опасался ответа, который мог услышать.

— Я могу вам доверять? — прошептал я. — Я имею в виду, доверять в полной мере?

Она впиалась взглядом в мои глаза. Она не знала, какие мысли витают у меня в голове, но в данных обстоятельствах, памятуя, как я познакомился со Стюартом, и всю мою предысторию, вполне могла обо всем догадаться. Она, похоже, почувствовала, что для меня чрезвычайно важно то, о чем я спрашиваю, и что ничего более серьезного давно не было в моей жизни.

— Вы можете доверять мне, Билли, — едва слышно ответила она. — Клянусь вам, что можете.

Я ехал на своем автомобиле следом за Эми. Завтра должны начаться предварительные слушания в деле об особняке-борделе, фигурантами которого стали мэр и архиепископ третьего по величине города страны, а также добрый десяток других важных особ. Вся страна будет наблюдать за этим судебным разбирательством. Все глаза будут прикованы к прокурору, к Эми и ко мне — ключевому свидетелю, когда адвокаты из всех уголков Соединенных Штатов (самые высокооплачиваемые практикующие адвокаты) будут по очереди пытаться расцедить на куски мои показания, как лейтенант Майк Голдбергер разрезал яичницу на своей тарелке за завтраком.

Весь сегодняшний день адвокаты будут точить ножи, устраивая тренировочные перекрестные допросы с коллегами и пытаясь спрогнозировать, какие трещины можно найти в плотине моих показаний. Они будут выискивать способы убедить судью, что у меня не было оснований устраивать облаву в борделе, что произведенные мною аресты нарушили Четвертую поправку^[57] и что их клиентов следует отпустить на свободу в связи с нарушением юридических формальностей при аресте.

Мы с Эми тоже собирались провести своего рода генеральную репетицию.

Однако, направившись из Уиннетки по магистрали Лейк-Шор-драйв, она не поехала сразу по кратчайшему маршруту до центра города — туда, где находился ее кабинет. Она свернула раньше — в районе Ирвинг-Парк, и мне пришлось ехать следом за ней по каким-то боковым улицам в районе Ригливилль, пока она не остановилась.

Она вышла из машины, повесила сумочку на плечо и подошла к не очень высокому многоквартирному дому. Я тоже вышел из автомобиля и отправился за ней. Она набрала на кодовом замке комбинацию цифр, и входная дверь, заверещав, открылась.

Я молча следовал за Эми. Мы прошли через вестибюль к лифту, поднялись на шестой этаж и, миновав коридор, оказались около ее квартиры. Она отперла дверь, и мы зашли внутрь. Едва я закрыл за собой дверь, Эми повернулась ко мне и прижалась своими губами к моим.

Мы медленно раздевались, наслаждаясь процессом. Я помогал ей снимать блузку, и мои руки ласково гладили ее плечи. Опустившись на колени, чтобы стащить с нее брючки, я стал водить ладонью по изгибу ее ноги. От нее пахло чем-то свежим. Я не мог точно определить, что это за запах, но он был ярким, чистым, новым.

Мы прошли вместе в спальню — она впереди, я сзади — и рухнули на кровать. Мы продолжали делать все очень медленно, наслаждаясь каждым моментом, каждым прикосновением к коже, каждым тихим стоном. Ее рука скользнула к моим интимным местам — от ее прикосновений я стал возбуждаться сильнее, и вот уже пришло время ускорить наши действия. Но я не хотел ничего ускорять, не хотел торопиться. Я наслаждался каждой секундой, желая хорошенько запомнить прекрасные моменты. Я мечтал, чтобы время остановилось и то, что сейчас происходит, стало единственным в моей жизни... Ни лжи, ни подозрений, ни боли. Только *это*.

Когда я вошел в нее, она тихонько охнула, глядя мне прямо в глаза. Затем откинула голову назад и стала дышать быстрее. Я почувствовал внутри себя так много тепла, так много энергии, что мне показалось, я сейчас взорвусь. Мы двигались абсолютно синхронно, наши тела вздымались и опускались вместе. Я чувствовал и кое-что еще — что-то такое, что

можно назвать не иначе, как душевным спокойствием.

Я почувствовал себя в полной безопасности, причем, насколько помню, впервые в жизни.

Когда это произошло, когда больше не было сил сдерживаться, я подавил в себе невольное желание ускорить темп. Я позволил, чтобы все происходило как бы само по себе, я позволил этому медленно высвободиться из меня. Я слышал как бы со стороны, как вскрикивал я сам и как повизгивала Эми. Возникло ощущение, что мы сидим на «американских горках» и крепко держимся за поручни, а вагончик стремительно летит вниз.

— О господи, — прошептала она, когда мы закончили.

В тот день мы еще не скоро приступили к подготовке к судебному заседанию. Эми сказала, что мы уже и так готовы отразить самые изощренные выпады против нас, и она, возможно, была права. Вместо того чтобы заняться мозговым штурмом, мы заказали китайскую еду и, сидя на диване, с удовольствием поглощали курицу «гунбао» и лапшу. Мы болтали не о судебных разбирательствах, а о музыке, литературе и путешествиях. Я узнал, что она когда-то была концертирующей скрипачкой. Она целый год училась за границей — во Флоренции, а ее младший брат прошел отбор для участия в Олимпийских играх как конькобежец. А еще она не умеет плавать и считает, что в ее возрасте уже стыдно учиться.

Это был лучший день за очень длительный период.

Мы снова легли в постель. Теперь я чувствовал себя более самоуверенным, действовал по привычной схеме, и наше физическое слияние получилось уже совсем другим — стремительным и по-животному агрессивным. У меня появилось отчетливое ощущение, что каждая интимная встреча с Эми Лентини будет не похожей на другие, уникальной — как уникальна каждая снежинка.

Мы решили, что ночь лучше провести порознь. На следующий день нужно было с утра пораньше подготовиться к судебному заседанию. Потому мы договорились встретиться за час до начала заседания возле здания суда — на перекрестке 26-й улицы и Калифорния-стрит.

Я ехал в машине домой, что-то напевая себе под нос и чувствуя, что конечности стали резиновыми, а тело — невесомым. В моих ощущениях что-то изменилось. Мне стало казаться, что, совершив поступок, который окружающие так или иначе мне пророчили, я «повернул за угол».^[58]

Приехав домой, я достал из почтового ящика корреспонденцию и только потом увидел, что в щель между дверью и косяком вставлен конверт размером восемь с половиной на одиннадцать дюймов. Никаких надписей на нем не было.

Я положил почту на стол и открыл конверт. Внутри оказалась одна-единственная глянцевая фотография. Я без труда узнал особняк и ступеньки, ведущие к его входу. Похоже, это была очередная из скандальных фотографий, которые периодически публиковала в интернет-издании Ким Бинс. Запечатленный на снимке человек вел себя очень осторожно: низко опустил голову и высоко поднял воротник пальто. Видимо, не хотел, чтобы его заметили и узнали.

Но от фотоаппарата скрыться не удалось. Фотограф сумел снять крупным планом лицо этого человека.

Отрицать бесполезно. На снимке отчетливо видно, что человеком, который поднимается по ступенькам особняка-борделя, является не кто иной, как Эми Лентини.

— Вот. Ешь.

Я бросаю взгляд на тарелку с макаронами, которую поставила передо мной Пэтти. Киваю ей, но даже не притрагиваюсь к еде. Своими макаронами она прежде всего пытается отвлечь меня от телевизора.

Маргарет Олсон, лидирующий кандидат на пост мэра, стоит перед составленными вместе микрофонами. За ее спиной — флаг Чикаго: белые и голубые полосы, красные шестиконечные звезды. Она выглядит как настоящий профессиональный политик — хорошо одетая и аккуратно причесанная. Ее голубой костюм безупречен. Она — претензия на идеальную комбинацию настойчивого борца с преступностью и высокопоставленного чиновника.

— Хотя я буду всеми силами бороться за пост мэра, — говорит она, — моя работа в качестве прокурора штата по округу Кук отнюдь не закончилась, и я не позволю политике мешать мне выполнять служебные обязанности. Преступления, совершенные детективом Харни, находятся в центре проблем этого города. Если принесший присягу полицейский не только не оправдывает доверия наших граждан, но еще и убивает, чтобы скрыть то, что он совершил, то более тяжкого преступления я не могу даже придумать. Я поклялась положить конец коррупции.

— Почему бы тебе не положить конец болтовне? — взывает Пэтти к экрану.

— По этой причине я лично возглавлю сторону обвинения в уголовном деле против детектива Уильяма Харни, — продолжает вещать Маргарет Олсон.

Ее слова прозвучали в моей гостиной как раскат грома, после чего на пару секунд воцарилась напряженная тишина. Мне показалось, что она говорит сейчас непосредственно со мной и хочет, чтобы до меня в полной мере дошел смысл ее слов. *«Я уже иду по твою душу, Харни. Тебе от меня не удрать».*

— Уильям, — передразнивает Пэтти — как будто мое имя является самой интригующей частью того, что она только что услышала. — Кто, черт возьми, называл тебя когда-нибудь Уильямом?

В прессе тоже взяли за моду называть меня полным именем. Даже Ким Бинс, с которой я знаком несколько лет и которая всегда называла меня «Билли», теперь упоминает обо мне не иначе как о «детективе Уильяме Харни». После арестов в секс-клубе Ким сделала резкий скачок вверх в журналистской карьере и сейчас работает в местном отделении телекомпании «Эн-Би-Си» в качестве репортера, освещающего расследование преступлений. Так вот, иногда мне самому больше нравится полный вариант — как будто все происходит не со мной, а с кем-то другим. Уильям Харни? Нет, не знаю. Это не я, потому что я — Билли. Очевидно, какого-то неизвестного мне парня обвиняют в убийстве четырех человек и хотят упрятать в тюрьму на всю оставшуюся жизнь.

— Мама называла меня Уильямом, — отзываюсь я. — Когда сердилась.

— На тебя? Мама никогда на тебя не сердилась. Ты был ее маленьким ангелочком.

Это должно было прозвучать как комплимент, как нечто ободряющее, но на самом деле в ее реплике просматривался и другой смысл. Пэтти всегда казалось, что я не шел по жизни, а стремительно скользил по гладкой ровной дороге, почти не касаясь ее ступнями, тогда как она, бедняжка, с трудом продвигалась по тропинке с рытвинами и крутыми поворотами.

Лично я никогда так не считал. Жизнь у нас была одинаковой. Мы занимались одним и тем же делом.

— Такое развитие событий не предвещает ничего хорошего, — комментирует увиденное отец. Он заходит в общую комнату и прислоняется к стене. Папа всегда отличался прямоотой — говорит что думает.

Пэтти делает небрежный жест рукой:

— Что эта чертова Маргарет Олсон знает о сложных уголовных делах? Она — политик. Она не адвокат, выступающий в суде.

Папа не ввязывается в спор. Препираться с Пэтти — занятие утомительное. Если ей что-то втемяшится в голову, она от этого уже не откажется. И чем менее обоснованно ее утверждение, тем больше она за него цепляется.

Впрочем, в данном конкретном случае она права. Маргарет Олсон отнюдь не является опытным адвокатом, выступающим в суде. Она была членом совета района, а затем ее избрали главным прокурором округа. Она — совсем не Клэрэнс Дэрроу.^[59] Однако смысл папиных слов заключается в том, что, если уж Маргарет делает себя центральным нападающим в расследовании и судебном процессе, она не может себе позволить проиграть. *Не может.* На кону — пост мэра. И если что-то пойдет не по ее плану в моем деле, она будет выглядеть как дилетант, а не как внушающий доверие борец с коррупцией, который, как утверждалось в агитационных плакатах, «спасет этот город».

Папа бросает взгляд в сторону Пэтти, но в его взгляде не чувствуется ни раздражения, ни разочарования. Мы все уже изрядно измучены. Прошло целых семь недель — тягостных недель — с того момента, как меня арестовали и предъявили обвинение в четырех тяжких убийствах первой степени. Меня выпустили под залог в миллион долларов, и это стало хотя и единственной, но все же хорошей новостью, потому что довольно часто бывает так, что подозреваемых в убийстве отказываются отпускать даже под залог. Тут сыграло свою роль мое физическое состояние — а точнее, тот факт, что я еще не восстановился после огнестрельного ранения в голову. Окружная тюрьма — это вам не клиника Майо,^[60] и врачи сказали судье, что мне необходима еженедельная терапия.

Как бы там ни было, а папа выставил свой дом в качестве залога и вытаскил меня из тюрьмы. В течение первых двух недель мне пришлось буквально скрываться то у себя в особнячке, то в доме отца, потому что меня везде подкарауливали репортеры. Даже на то, чтобы спуститься к почтовому ящику, требовались определенные ухищрения — лишь бы не попасться им на глаза.

Сейчас, примерно через два месяца после моего ареста, ажиотаж вокруг меня немного поутих. Внимание журналистов привлекли более свежие события: еще один уик-энд, в течение которого цифра совершенных в городе убийств стала двухзначной, пенсионный кризис в городе, грозящий парализовать местную власть, и, конечно же, выборы мэра, сообщения о которых ежедневно мелькают в заголовках (то один из кандидатов сделал глупое заявление, то другой кандидат наступил на кучу какашек). Однако репортерам известно, что суд надо мной уже не за горами: он состоится через несколько недель, и скоро у них появится шанс снова помусолить скандальную тему.

— Как у тебя продвигается дело с психиатром? — спрашивает папа.

Я пожимаю плечами:

— Мы испытали все методы. Пока что никакого результата.

Мы с доктором Джилл Ягодой и в самом деле испробовали все, что могло бы пробить

дырку в стене, перекрывающей мою память, и помочь вспомнить. Мы провели множество длительных сеансов, разбирая в деталях мои отношения с отцом, матерью, сестрой и братьями. Одна встреча была полностью посвящена Кейт. Несколько посещений — Эми.

Мы даже попытались прибегнуть к гипнозу. Когда сеанс подошел к концу и я вышел из гипноза, лицо доктора Ягоды ничего не выражало. Она всего лишь слегка покачала головой. Она все еще полагает, что мои эмоции подавляют память.

Если это действительно так, значит, я *и в самом деле* не хочу знать, что случилось.

Папа, что-то бурча себе под нос, выходит из комнаты. Оставшись со мной наедине, Пэтти прикасается к моей ноге.

— Эй, — шепчет она.

У меня создается впечатление, что мы с ней снова дети и, как раньше, шепчемся за спинами родителей, обмениваясь многозначительными взглядами и незаконченными репликами, договаривая друг за друга. Так частенько ведут себя близнецы.

Маргарет Олсон на экране уже нет: телеведущий рассуждает о надвигающейся буре. Я поворачиваюсь к Пэтти.

— А может, даже лучше, что ты ничего не помнишь, — говорит она.

— Почему?

— Ну... Кто докажет, что память к тебе не вернулась? — спрашивает она.

Я не понимаю, что она имеет в виду. И вдруг до меня доходит.

Она делает гримасу, демонстрируя, что не хочет, чтобы я отвергал идею сразу, а советует поразмыслить над ней и взвесить, стоит ли ее использовать.

— Никто не может прочесть твои мысли. Если ты говоришь, что помнишь, — значит, помнишь.

Я меняю позу и поворачиваюсь к ней.

— И, я полагаю, ты хочешь, чтобы я «вспомнил», что никого не убивал?

Пэтти проводит ладонью по подушке сзади меня. Она старается не встречаться со мной взглядом. Ее брови приподняты, что означает: я должен подумать над таким вариантом.

— Это может быть лучше правды, — говорит она.

Я сижу, подавшись вперед, на кожаном сиденье в джипе доктора Джилл Ягоды, рассматривая в окно улицы и пешеходов. Подростки, мамочки с детишками, люди, выгуливающие собак, любители выпить, спешащие в какой-нибудь бар (в это время суток алкогольные напитки продаются со скидкой), — я таращусь на них, пытаюсь сконцентрироваться, щура глаза и фокусируюсь одновременно на всем и ни на чем конкретно.

— Не насилуйте себя, — советует доктор Ягода. — Пусть оно придет к вам само.

Мы находимся в районе, где жила Эми Лентини, хотя я знаю об этом только по рассказам. Не помню, чтобы я когда-либо заходил в ее квартиру. Я даже не припоминаю дом, в котором она жила.

Эми появляется перед моим внутренним взором, словно призрак, однако ее образ такой расплывчатый, что кажется мне прозрачным и развеивается, когда я пытаюсь за него ухватиться. Мы влюбились друг в друга? Мы занимались сексом?

Мне кажется, что ответ на оба вопроса — «да». Однако последние две недели до перестрелки все еще остаются для меня черной дырой. Я знаю, что меня обнаружили голым в постели с Эми после того, как мне в башку угодила пуля. Значит, нельзя отрицать того, что мы были вместе, однако я *не помню*, я узнал об этом от других людей. Примерно как озоновый слой: говорят, что он существует, но я не могу ни прикоснуться к нему, ни почувствовать его запах. Где-то там, далеко, есть другие галактики, но я не могу их увидеть. Говорят, мы с Эми были любовниками, но я этого не помню.

В мозгу у меня снова и снова появляются странные вспышки: томительное, глубокое ощущение утраты и боли. Это я чувствовал вполне отчетливо. Сродни какой-то таинственной болезни, какой-то аморфной боли, источник которой врачи не могут найти.

— Я хочу кое о чем спросить, — говорит доктор Ягода.

— Валяйте.

— Почему вы так торопитесь с этим судебным заседанием? Некоторые подсудимые затягивают судебные процессы на долгие месяцы и даже годы. Вы тоже могли бы так поступить. Ведь вас выпустили под залог. Вроде бы спешить некуда.

— Вы говорите как мой адвокат.

Мой защитник настаивал на том, что следует затягивать разбирательство, дожидаться, пока Маргарет Олсон выберут в мэры и шумиха в прессе утихнет, — и тем самым дать себе время на восстановление памяти.

Это было бы разумно. Я знаю. Но я не могу жить подобным образом. Да, меня выпустили под залог, но я в ловушке, я сижу за невидимой решеткой и мучаюсь вопросами, на которые не нахожу ответов. Это даже хуже, чем самый жуткий страх. Страх — нечто такое, с чем я уже сталкивался, когда вламывался в дверь квартиры, где скрывался человек с дробовиком. И когда я гнался за вооруженным подозреваемым, осознавая, что вот-вот загоню его в тупик и тогда вопрос встанет ребром — либо он, либо я. И когда смотрел прямо в глаза подозреваемому, зная, что он совершил заранее обдуманное убийство, а подозреваемый при этом осознавал, что я *знаю*. Уголки его губ были слегка приподняты, а пристальный взгляд говорил: «*Да, я убийца. Я забрал чужую жизнь, и мне на это начхать*».

С этим я справиться могу. Мне гораздо труднее — если вообще возможно — смириться

с постоянной неопределенностью, нависающей надо мной жуткой тенью, с неприятным чувством в животе, с назойливыми подозрениями относительно себя. Возможно, я в самом деле сотворил что-то ужасное и теперь не могу, не хочу и не позволяю себе вспомнить об этом, теща себя надеждой, что все неправда и существует какое-то другое объяснение.

Меня мучает страх, что ответ, который я так отчаянно ищу, мне совсем не понравится и что, когда я пробью стену незнания, меня поглотит испепеляющий огонь...

Доктор Джилл Ягода останавливает «Лексус» и кивает:

— Здесь.

Я оглядываюсь по сторонам:

— Где?

— Многоквартирный дом. С навесом.

Я смотрю на здание. Там жила Эми. Там она была убита. Она и Кейт.

Ничего не помню. Черная дыра. Для меня это всего лишь какой-то дом — одна из множества высоток, каких в нашем городе тысячи.

Я таращусь на навес и на окна на верхних этажах, требуя от здания подсказки: *«Ты проходил через эту дверь. Ты поднимался на этом лифте. Ты шел по этому коридору. Ты был в этой квартире».*

Я видел множество фотографий из квартиры Эми — квартиры, ставшей местом преступления. Однако комнаты выглядели так же, как другие подобные помещения: кухонька, одна спальня, хорошо обставленная гостиная.

«Ты заходил в квартиру. Заходил туда вместе с Эми...»

Что я там делал вместе с Эми? Не помню, чтобы переступал порог ее жилища.

— Не напрягайтесь, — говорит доктор Ягода. — Не насилуйте себя.

Я качаю головой:

— Поехали.

— Почему бы нам не пройтись? Это ведь чудесный...

— Я хочу отсюда уехать.

— Билли, это все, что у нас осталось. Мы уже беседовали о чувствах и эмоциях, о вашем детстве и отношениях с другими людьми. Говорили о дочери и о жене, о ваших надеждах и опасениях...

— Я знаю, доктор, знаю.

— Ну хорошо. Понимаете, необходимо задействовать другие органы чувств. Ваш рассудок борется. Нужно прикоснуться, почувствовать запахи, слышать — вернуть себя сюда, попытаться реконструировать события. Это наш последний шанс отпереть страшную дверь.

— Давайте отсюда уедем, — настаиваю я.

Она некоторое время молчит. Я глазею на навес, пока мне не начинает казаться, что он движется, машет мне и дразнит меня.

— Бояться — это вполне нормально.

Я поворачиваюсь к ней.

— Мне не нужен психиатр, который говорит банальности. Что бояться — нормально, я понимаю без вас. Страх — единственная эмоция, которая у меня осталась. Я просто... Я просто прекращаю борьбу. Понятно? — Я поднимаю руки вверх. — Я, черт побери, сдаюсь.

— Нет. До суда у нас есть еще четыре недели. Я не разрешаю вам прекращать борьбу.

— Вы мне *не разрешаете*? У вас вдруг появилось такое право?

Она сдвигает брови. Без своих очков в роговой оправе, которые она снимает, когда

садится за руль, она выглядит более молодой и наивной.

— Я сомневаюсь, что вы убийца, — говорит она.

— В таком случае надеюсь, что вы будете в составе присяжных.

Ей моя реплика не показалась смешной.

— Давайте реконструируем события, — предлагает она. — Это все, что у нас осталось.

— Как далеко мы зайдем в своей реконструкции? Мне придется в вас стрелять? Или вы пальнете в меня?

— Судя по вашему поведению, у меня может возникнуть такой соблазн.

Я снова смотрю на здание, на навес, на окна. Может, попытка реконструировать и даст какие-то результаты. Она, похоже, в это верит, а она ведь специалист.

Но я припоминаю, что сказала мне Пэтти.

«А может, даже лучше, что ты не помнишь... Кто может доказать, что память к тебе не вернулась?.. Никто не может прочесть твои мысли. Если ты говоришь, что помнишь, — значит, помнишь».

Возможно, она права. Возможно, это мой единственный шанс сказать то, что необходимо сказать для того, чтобы спасти свою задницу. Нужно что-нибудь придумать. Что-нибудь правдоподобное. Я способен это сделать, правда? Ну конечно способен. Я же самый искусный лгун из всех, кого я знаю.

«Это может быть лучше правды».

— Спасибо вам за все, — обращаюсь я к доктору Ягоде, — но я хочу отсюда уехать.

Я прогуливаюсь по улицам. Моя походка улучшается с каждым днем, и я уже меньше хромаю. Повышается и моя выносливость. Еженедельная терапия и ежедневные прогулки пошли мне на пользу. Гулять сейчас приятно. Я ощущаю во время прогулок, как постепенно заканчивается лето и начинается осень — воздух становится более прохладным по мере того, как сгущаются сумерки.

К черту память. Я чувствую себя более свободным, когда выбираюсь из этой запертой комнаты — моей памяти. Чтобы одержать победу в ходе судебного процесса, не нужно помнить о том, что произошло. Все, что мне необходимо, — убедительная история.

К тому моменту, как я дохожу до Саутпорта к северу от Эддисона, уже совсем стемнело. В этом районе не так многолюдно, как центре города, но я тем не менее оказываюсь в довольно плотном потоке людей. Я занимаюсь сейчас только тем, что прогуливаюсь и просто существую. Я осознаю, что просто существовать — уже счастье. Я запросто мог умереть после огнестрельного ранения — ведь я в течение нескольких минут находился в состоянии клинической смерти. По сравнению с этим все остальное — какие-то пустяки, не так ли?

Я снова и снова повторяю про себя, как мне повезло, что я дышу, хотя, вероятно, совсем скоро дышать и существовать придется в тюрьме «Стейтвилл».

Я бросаю взгляд на витрину и невольно замираю: я отчетливо увидел, что из-за стекла на меня смотрит Эми. Секунду спустя до меня доходит, что женщина с короткими иссиня-черными волосами, одетая в модный костюм, — всего лишь манекен.

Со мной иногда случаются подобные неожиданности. Нет, призраки ко мне не являются, так что устраивать спиритические сеансы или изгонять нечистую силу пока еще рано. Но иногда мне чудится Эми. Посмотрю в какую-нибудь сторону, а там она.

В такие моменты я ощущаю что-то странное за спиной — какое-то дуновение воздуха. И как будто неведомое движение сзади меня прекращается в ту же секунду, когда я замираю.

Я вращаю головой то в одну сторону, то в другую. И не вижу ничего, кроме людей, беспорядочно движущихся по направлению ко мне. Никто не отскакивает, не пригибается, не отводит взгляд в сторону.

Никто за мной не следит.

Тем не менее по коже время от времени пробегают холодные мурашки.

Я устал оглядываться через плечо.

Я утомился оттого, что постоянно нахожусь в оборонительной позиции, пытаюсь зацепиться за свою память. Чувство беспомощности меня измотало. Похоже, пришло время перестать обороняться — пора переходить в наступление.

Я остановил такси и поехал в северном направлении.

«Дыра в стене». Я не был там целую вечность. Когда-то давно все происходило на уровне рефлекса: если хотелось выпить и было свободное время, я отправлялся в «Дыру в стене».

Я выхожу из такси, слышу гул поезда, проезжающего высоко надо мной по Коричневой линии. Сверху сыпятся малюсенькие кусочки ржавчины. Я протягиваю руку к двери бара и замираю. Затем делаю глубокий вдох — и открываю ее.

Когда я захожу в бар, там моментально становится тихо. Как в каком-нибудь фильме:

музыка стихает, разговоры обрываются на середине фразы. Или как будто с пластинки сняли иглу проигрывателя и музыка резко стихла.

Все взгляды направлены на меня, и ни одного — дружественного. Я узнаю около ста лиц — это люди, с которыми я общался и вместе работал. Пэтти, стоя у стойки, уже поднесла бутылку пива к губам, чтобы сделать глоток, но, увидев меня, застыла.

— Этот бар — для полицейских, — кричит кто-то, — а не для убийц полицейских.

Мои ладони сжимаются в кулаки, челюсти сдавливаются. Я иду напрямиком в уголок, который когда-то считал своим, где люди хором выкрикивали мою фамилию, слушали меня и смеялись. Я поднимаюсь на сцену, беру микрофон и щелкаю по нему пальцем, дабы убедиться, что он работает.

— Нам не нужны твои анекдоты, — слышится из толпы.

— Это не анекдот. Я не убивал полицейских, — говорю я в микрофон. — Я не убивал никого.

— А куда же подевалось твое «Я ничего не помню?» — выкрикивает кто-то из зала.

Я окидываю помещение взглядом — сердце лихорадочно колотится, в животе все скручивается в сотни узлов.

— Теперь я помню, — заявляю я. — И я этого не делал.

Я роняю микрофон, раздается громкое «бум» — на все помещение. Я схожу со сцены.

— Эй!

Направляясь к выходу, оборачиваюсь. В поле зрения появляется круглая физиономия Визневски.

— Тебе здесь не рады. Ты знаешь, *что* ты сделал, и *мы* знаем, *что* ты сделал.

— А я знаю, что сделал *ты*, — парирую я.

Повернувшись, направляюсь к нему. Он, готовясь к столкновению, поднимает руки. В свои лучшие времена я действовал бы более проворно, но теперь я двигаюсь очень медленно, и, прежде чем я успеваю отбить в сторону руки Виза, он хватает меня за горло. Толкает меня назад и прижимает к столу — так, что моя спина выгибается и глаза поневоле глядят на потолок. Меня охватывает гнев и отчаяние. В баре поднимается шум. Передо мной маячит противное лицо Виза. Пытаюсь высвободиться, и ничего не получается...

«*Ба-бах!*» Стол, к которому Визневски прижал меня, резко наклоняется — и бокалы летят на пол. Виз отпускает меня и отступает. В течение двух-трех секунд я не могу сообразить, что же произошло. Это было как землетрясение большой силы, но ограниченное рамками маленького стола.

Я вижу Пэтти с бейсбольной битой, которую она, должно быть, взяла за стойкой бара. Она держит битку на плече, но ее локоть выставлен в сторону — так, как будто она готовится нанести удар. Ее губы поджаты, она ведет себя вроде бы спокойно, но глаза сверкают.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тебе нравится бороться с людьми, у которых не все в порядке со здоровьем? — говорит она Визу достаточно громко, чтобы слышали все. — Может, попытаешься сразиться с теми, кому не стреляли в голову?

Визневски — тяжело дыша, с красным, как помидор, лицом — сердито смотрит на Пэтти:

— Эй ты, сучка на колесиках, ты и в самом деле хочешь вмешаться в разборки тех, у кого есть пистолет?

Пэтти берет битку уже обеими руками и, держа горизонтально, толкает ею Виза в грудь.

Тот защищается и бьет по бите ладонью, не пытаясь схватить, и она, выскользнув из рук Пэтти, падает на пол у наших ног.

Пэтти мгновенно выхватывает пистолет и, расставив для устойчивости ноги, выставляет его вперед — дуло оказывается в дюйме от носа Виза.

— Да, какой толк от биты? — говорит она. Говорит таким голосом, как будто ей на все наплевать и она сейчас запросто может нажать на спусковой крючок.

Обступившие ее посетители бара не знают, как реагировать. Вообще-то они все полицейские, и, хотя большинство из них сейчас не на работе, у многих при себе оружие. Тем не менее практически все отступают на шаг-другой. Лишь некоторые тянутся рукой к поясу — к кобуре с пистолетом. Инцидент может закончиться как угодно. В том числе и очень плохо.

— Черт возьми, что ты делаешь? Успокойся, Пэтти, — бледнеет Визневски, хотя и не очень верит, что Пэтти и в самом деле может выстрелить. Тем не менее ситуация опасная: стоит ей чуть-чуть согнуть указательный палец — и его мозги разлетятся по потолку. Это заставляет его резко сменить тон.

— Мы закончили? — спрашивает она.

— Да, да, черт побери, мы закончили, закончили.

— Тогда извинись перед моим братом.

— Я извиняюсь.

Пэтти опускает пистолет:

— Пойдем, — командует она.

Лишь секунду спустя я осознаю, что это адресовано мне. Мы выходим из «Дыры в стене», в которой царит мертвая тишина.

— Что значит «теперь помню»? — спрашивает она, когда мы уже идем по улице.

— А что значит это размахивание пистолетом?

— Я первой задала вопрос.

— Ты сама сказала: никто не сможет доказать, что память ко мне не вернулась, — оправдываюсь я. — Я пытаюсь, черт побери, вернуться к жизни. Я просто решу, что помню тот или иной эпизод, и буду считать, что действительно помню.

— Хорошо, — кивает она. — Даже замечательно. Но это вовсе не означает, что нужно объявлять об этом целой толпе полицейских. Это, по-твоему, разумно?

«*Может, и нет*, — рассуждаю я, поднимая руку, чтобы позвать такси. — *Может, и не разумно*».

В окно спальни я наблюдаю за тем, как мужчина и женщина — молодые любовники — медленно бредут домой после разгульной ночи. Дама держит в руках туфли, а кавалер кривляется, напевая фальцетом незатейливую песенку, стараясь петь как можно хуже. На морозном воздухе их смех отлично слышен. Я делаю большой глоток пива, но его вкус кажется мне каким-то горьким, отвратительным. Алкоголь перестал мне нравиться после той перестрелки — точнее, после того, как я вышел из комы. Да и еда тоже начала казаться безвкусной — как будто, пока я пребывал в бессознательном состоянии, нарушилась связь между клетками мозга и вкусовыми рецепторами.

Чтобы вернуться к своему номинальному весу, мне необходимо принимать пищу четыре раза в день, но меня едва хватает на три раза. Бывают дни, когда я ем только хлеб, запивая его водой. Возможно, я таким своеобразным способом готовлю себя к тюрьме и к безвкусной пище, которую мне будут накладывать в тарелку каждый день.

Я смотрю на пистолет, лежащий на прикроватном столике. Не стану отрицать, что я подумывал о пистолете в самые тяжелые моменты, когда утрата памяти гнала меня в пропасть, когда хотелось рвать на себе волосы, сдирать кожу и вопить до тех пор, пока не охрипну. В такие минуты я и сам начинал верить, что совершил убийство (ибо все показания свидетельствовали об этом) и проведу всю оставшуюся жизнь в тюремной камере. Я мысленно представлял себе, как засуну ствол пистолета в рот (так глубоко, что меня даже начнет тошнить), как почувствую вкус стали на языке, зажмурюсь покрепче и нажму большим пальцем на курок.

Да, я подумывал о пистолете. Но уж слишком я упрям, чтобы решать свои проблемы таким способом. Мы, ирландцы, не совершаем самоубийств — мы позволяем себе мучиться бесконечно долго.

У меня есть своя версия относительно произошедших событий. Я такого вообще-то не помню, и версия может быть провальной, но она как минимум есть: Кейт застала нас с Эми в постели и в приступе ревности начала стрелять. Поначалу все так и думали, пока не поступили результаты экспертиз и не завершилось расследование.

И пока не стало известно, что Эми убита из *моего* пистолета, а не из пистолета Кейт.

И не были восстановлены эсэмэски из исчезнувшего телефона Кейт.

Однако ничего лучшего я придумать не смог. Версия в какой-то степени соответствует месту преступления и в то же время весьма проста и понятна. Приступ ревности, униженная женщина, у которой оказалось при себе оружие как раз в момент унижения, — все это не требует подтверждения различных фактов. Даже если присяжные, возможно, и не поступили бы так сами, они вполне способны понять то мучительное чувство, которого возникает у женщины, которую предали, и желание отомстить — убить человека, который украл любовника прямо у тебя из рук, а заодно пристрелить и изменника. Об этом показывают фильмы, поют песни и пишут романы — и отнюдь не без причины: каждый человек в той или иной степени сталкивался в жизни с проявлениями ревности.

Таким образом, либо я буду придерживаться этой версии, либо вообще не стану защищаться — и, конечно же, потерплю на суде поражение. Или такой вариант: я располагаюсь на месте для дачи свидетельских показаний, сижу там с глупым видом, в ответ на вопросы Маргарет Олсон пожимаю плечами и просто говорю: «Хороший вопрос. Хотел

бы я знать на него ответ. Не помню. Не могу с вами поспорить. О господи, я согласен, что, конечно же, выглядит ужасно, но это могло иметь вполне логичное объяснение, *если бы я мог, твою мать, хоть что-нибудь вспомнить*»...

Хватит. Хватит этой чуши.

Я еще раз просматриваю распечатку СМС, которую Визневски показал мне с таким удовольствием. Сообщения прислала мне Кейт, когда стояла у входной двери квартиры Эми — за несколько минут до перестрелки.

Требуя, чтобы я открыл дверь, она написала: *«Мне нужно с тобой поговорить»*.

«Зачем мне это», — написал я, видимо, имея в виду, что Кейт выбрала неподходящее время для разговора.

И ответ Кейт — ее простые слова, напечатанные черным по белому на листе, который я держу в руке. Буквы кажутся мне не черными на белом, а огненными от вложенного в них гнева. Мне чудится, что они выпрыгивают с бумаги и плывут передо мной, приплясывая и дразня: *«Потому что она знает о тебе идиот. Она знает и я знаю»*.

Я пытался расшифровать сообщение в течение семи с половиной недель, прошедших с того момента, когда мне предъявили обвинение в убийстве. Я пытался вспомнить, старался рассуждать логически. Но память и логика тесно взаимосвязаны. Я не могу сложить части пазла, если у меня *нет* этих частей, то есть если я не помню, что произошло. Чем больше я взываю к своей памяти, уговаривая и даже умоляя ее вернуться, тем дальше она уползает в темноту.

Мне придется научиться с этим жить — как пациент с поврежденным позвоночником вынужден смириться с тем, что уже никогда не сможет ходить. Мне необходимо привыкнуть, что я никогда не вспомню и никогда не узнаю, *что* на самом деле произошло, и это будет тяжким грузом лежать у меня на душе, пока не умру.

Я буду хорошим солдатом. Я научусь с этим жить. Но тем не менее буду терзаться сомнениями — ежедневно и ежечасно много лет подряд.

Что знала обо мне Эми? Что я мог такого сделать, что выглядело столь ужасно?

— Клянетесь ли вы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, и да поможет вам Бог?

Я клянусь. По крайней мере, я заявил об этом клерку, прежде чем расположиться в месте для дачи свидетельских показаний. Я поправил галстук. Окинул взглядом зал суда, в который набилось столько репортеров и зрителей, что, кажется, сейчас стены выгнутся наружу. На местах, предназначенных для представителей защиты, полно адвокатов. Их клиенты — в том числе мэр Фрэнсис Делани, архиепископ Майкл Ксавьер Фелан и ряд других важных лиц — сидят чуть сзади на передних рядах.

Первый адвокат — представляющий интересы мэра — встал и застегнул пиджак. Это еще не судебное заседание как таковое — только предварительные слушания, во время которых защита будет пытаться убедить судью в том, что я не имел достаточных оснований вторгаться в особняк. Если им это удастся, аресты станут недействительными, и всех проштрафившихся ребяташек отпустят. Это их единственный шанс. Мы ведь поймали подозреваемых кого полуголым, а кого и совсем обнаженным в компании с молодыми женщинами. Они не смогут сказать ничего вразумительного в свою защиту: никто не поверит, что они тайком ходили в престижный секс-клуб для того, чтобы поиграть с нагими женщинами в парчиси.^[61] Их единственная надежда — на Билль о правах,^[62] на Четвертую поправку. Иначе говоря, их единственная надежда — порвать меня на куски.

Эми посмотрела на меня, но я отвел взгляд в сторону. Сейчас нужно сконцентрироваться на данном конкретном мероприятии, у меня нет времени на обсуждение других вопросов — как, например, цветная глянцевая фотография размером восемь на десять дюймов, на которой запечатлена Эми, поднимающаяся по ступенькам особняка-борделя. Та самая фотография, которую кто-то положил в простенький конверт и засунул в щель между моей входной дверью и косяком. Фотография, которую я взял сегодня с собой, но, поскольку она не помещается в карман, положил в портфель рядом с местами для представителей обвинения. Она хорошо припрятана, засунута во внутренний кармашек портфеля, но мне чудится, что от нее исходят радиосигналы, предупреждающие, что все немного не так, как кажется...

Но сейчас нет времени для анализа своих ощущений. Нужно сконцентрироваться на заседании.

— Детектив...

Адвокат мэра Шоу Декремер при президенте Джордже Буше-старшем был генеральным прокурором. Затем работал в некой мощной юридической компании (вроде «Заходи — не бойся, выходи — не плачь» или «Нафиг, нефиг, пофиг»), участвовал в различных судебных разбирательствах по всей территории Соединенных Штатов — обычно в громких делах, в которых фигурировали известные политики и прочие знаменитости.

— У вас не было ордера на обыск, когда вы вошли в особняк, не так ли? — спросил он.

— Верно.

— Не могли бы вы... — Декремер слегка махнул рукой и сделал пару шагов вперед от того места, где сидели адвокаты. — Не могли бы вы описать особняк?

Я постарался припомнить детали: сказал, что это старинное здание, стоит отдельно, построено из песчаника и темной древесины, вход в виде арки, три этажа.

— Сколько выходов и входов? — продолжил он.

— Один вход на фасадной стороне, еще один — на тыльной.

— И больше ничего? Возможно, какие-нибудь потайные тоннели или другие специфические ходы, по которым можно было бы покинуть особняк?

Я пожал плечами.

— Насколько я понимаю, нет. Но я не знаю этого наверняка.

— Получается, что вы *не знали*. Во время устроенной облавы у вас не было никаких оснований полагать, что существует некий специфический способ, при помощи которого находящиеся в особняке люди могли бы скрыться.

— Согласен.

— В действительности, детектив, вы никогда не заходили в особняк, не так ли? Я имею в виду, *до* облавы.

Было вполне очевидно, к чему он клонит, если, конечно, понимать смысл Четвертой поправки к Конституции (а поскольку я полицейский, то, естественно, прекрасно понимал). Эми не раз обращала на это мое внимание во время подготовки к судебному заседанию. Если вы врываетесь в здание, не имея соответствующего ордера, то желательно иметь достаточные основания. То есть вы должны быть уверены, что совершаются преступные действия: например, увидели в окно наркотики или оружие и опасаетесь, что, если не зайдете в здание немедленно, а потратите время на обращение к судье за ордером, правонарушители успеют уничтожить улики, а то и вообще скрыться. Декремер сейчас пытался доказать, что в тот вечер, когда я проводил облаву, у меня таких опасений не было.

— До облавы я никогда не заходил в особняк, — подтвердил я.

— Вообще-то, — сказал он, слегка помахав пальцем с таким видом, как будто эта мысль только что пришла ему в голову, — основание, по которому вы находились рядом с особняком, поначалу не имело никакого отношения к проституции, не так ли?

— Нет, не имело.

Я объяснил, в чем первоначально заключалось основание для ведения наблюдения за объектом, а именно: я расследовал убийство, у меня был подозреваемый и я хотел застать его с проституткой, чтобы иметь козырь, который поможет разговорить его.

— Похоже на хитроумный план, — улыбнулся Декремер.

Когда адвокат делает комплимент, будьте начеку. Возможно, он уже приготовил гильотину, которая снесет вам голову с плеч.

— Спасибо, — проявил акт вежливости я.

— Итак, у вас был подозреваемый в убийстве, и неделей раньше вы видели, как он заходит в особняк, поэтому ваш план заключался в том, чтобы застать его... скажем так, в компрометирующей ситуации, да?

— Верно.

— Вынашивая план целую неделю, вы, однако, не обратились к судье за соответствующим ордером.

— Нет, не обратился.

— И не попросили офис прокурора штата помочь вам получить такой ордер.

— Нет, не попросил.

— Вы не сделали этого потому, что не собирались открывать уголовное дело против подозреваемого за связь с проститутками. Вас интересовало нечто большее, а именно убийство.

— Именно так.

Декремер кивнул и бросил взгляд вниз, на свои блестящие туфли «Феррагамо». На сегодняшних слушаниях не было присяжных. Если дело перейдет к стадии судебного заседания и в зале появятся двенадцать присяжных, он уже не будет щеголять в туфлях за тысячу долларов. Он попытается одеться так, как одеваются простые люди.

— Если бы вы *собирались* открывать уголовное дело против того мужчины за то, что он пользовался услугами проституток, если бы вы планировали сделать именно это, вы обратились бы за ордером, правильно?

— Протест.

Эми Лентини приподнялась со стула. Она знала, что вопрос вполне корректен, но попыталась слегка нарушить ровный ход рассуждений адвоката и заодно дать мне сигнал — если я сам не почувствовал, — что ситуация становится опасной.

— Может, и обратился бы, — сказал я после того, как судья отклонил протест. — Но вы пытаетесь представить все так, как будто у меня имелся заранее продуманный подробный план. А его у меня не было. Я просто искал возможность прищемить хвост подозреваемому в убийстве. Я увидел такую возможность и воспользовался ею. А еще попросил о помощи нескольких коллег-детективов. Вот и все.

Декремер кивнул, давая понять, что ожидал подобного ответа. На самом деле он такого ответа не ожидал, и слова Билли ему не понравились, но он ни в коем случае не признается ни в одном, ни в другом. Такие адвокаты, как он, всегда ведут себя как ни в чем не бывало.

— Вполне разумно, — согласился он. — Давайте поговорим о том, каким образом вы узнали, что в особняке располагается публичный дом.

— Позвольте мне разобраться, правильно ли я понял, — продолжал Шоу Декремер. — Неделей раньше вы следили за своим подозреваемым. Видели, как он вошел в особняк, а через час вышел оттуда.

— Да.

— Вы пробыли некоторое время возле особняка и понаблюдали за ним.

— Да.

— Вы видели, как из здания вышли несколько привлекательных молодых женщин, одетых в провокационной манере.

— Да.

— Но вы не видели, что происходило внутри.

— Нет.

— Ни одного человека.

— По-моему, я только что ответил на вопрос. У меня не было с собой рентгена, и я не мог видеть сквозь стены. Я находился снаружи здания.

Такой ответ моего адвоката вполне устраивал. Эми Лентини начала вертеть в руках карандаш.

— Затем вы еще пару раз наблюдали за особняком в течение следующей недели.

— Да, именно так. В течение недели я два раза парковался на той улице и вел наблюдение.

— И картинка была та же. В здание входили немолодые мужчины. Затем наверх поднимались провокационно одетые женщины.

— Верно.

— Вы наблюдали, как кто-нибудь из них занимался сексом?

— Конечно нет.

— И заметили процесс передачи денег?

— Не заметил.

— Вы не видели, на какой этаж шли эти люди, не так ли? Здание ведь трехэтажное.

— Нет, не видел, но вооруженный охранник встречал каждого из гостей у входной двери. Женщин он просто пропускал внутрь — как будто давно с ними знаком. Что касается мужчин, то он проверял их личности по списку в планшете. Мужчины низко опускали головы и явно не хотели быть узванными, они проходили секретную процедуру идентификации — следовательно, они приходили туда отнюдь не для того, чтобы навестить больную бабушку.

— Но вы все же не видели, чем они занимались внутри здания...

— Мужчины заходили в здание один за другим, а некоторое время спустя в таком же порядке один за другим выходили, мистер Декремер. Женщины же оставались в особняке в течение всего вечера. Большинство мужчин проводили в здании ровно один час — прямо как по расписанию, — но некоторые задерживались на два часа. Затем они покидали здание и вели себя так же настороженно, как и при входе. По вашему, это было тайное собрание масонов? Или, может, тапперуэровская вечеринка?^[63] Вполне возможно, но мне особняк показался похожим на публичный дом.

— Он вам *показался* похожим на публичный дом.

Я повернулся, удивившись, что в разговор вступил сам судья. Мужчина, которого звали Уолтер Маккейб и который бросался в глаза своими изящно причесанными черными волосами и пышными усами, работал судьей более двадцати лет.

Судье дозволяется задавать вопросы. Он вообще может делать все, что захочет. Это ведь его маленькое феодальное владение. Однако обычно судьи не вмешиваются в допрос свидетелей, а значит, это плохой знак.

— Он *показался* вам похожим на публичный дом, — снова сказал судья, глядя на меня, — исходя из интенсивности перемещения мужчин, которые входили в посещение, а через час выходили?

— И исходя из того, как они себя вели. А также исходя из того, что туда заходили молодые женщины.

Судье, похоже, мои доводы показались неубедительными. Он был когда-нибудь в шкуре полицейского? Ему хоть раз в жизни доводилось действовать по наитию? И, кстати, кого-то интересует тот факт, что все продиктованное моей интуицией оказалось на сто процентов *правильным*?

— Детектив, пока вы вели наблюдение за особняком или в тот вечер, когда была проведена облава, в какой-либо момент времени вы видели совершаемое преступление? — наступал судья Маккейб.

— Каждый раз, когда какой-то мужчина заходил в особняк, я видел совершаемое преступление.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, детектив. Заходить в то или иное здание — не преступление.

— Преступление, если это здание — публичный дом.

— Но вы *не знали* наверняка. Вы сами сказали, что оно *показалось* похожим на злчное место.

— Но...

— Вы видели, что кто-то занимается сексом? Или передает деньги? Вы застучали хотя бы одну из молодых женщин в компании с одним из посетителей-мужчин? Может быть, они касались друг друга или махали в знак приветствия? Вы уверены, что они были вместе на одном этаже?

— Нет, господин судья. И если бы туда зашел всего один мужчина или несколько, я не придал бы значения. Но это был целый поток. А охранник у двери всячески старался обеспечить анонимность. Он устраивал все так, чтобы никто на входе не встретился друг с другом. Он выглядывал из двери, убеждался, что на улице никого нет, и только после этого выпускал очередного гостя из дома. Все это выглядело весьма необычно.

— Может, и необычно, — сказал судья. — Но неужели это выглядело как преступление?

— С моей точки зрения — да. И у меня не было времени на получение ордера. К тому моменту, как я нашел бы судью и получил соответствующую бумагу, клиенты уже ушли бы. Так что времени у меня не было. Это одно из преступлений, когда хватать преступников необходимо быстро, иначе они скроются. Я был вынужден действовать немедленно.

Судья откинулся на спинку своего стула. Судя по его виду, мое объяснение его не удовлетворило.

«*Черт бы его побрал*», — подумал я. Полицейским часто приходится руководствоваться в своей работе интуицией. Все, что я видел около особняка, подсказывало, что это элитный

публичный дом. И я оказался прав — да, прав. Неужели это ничего не значит? Но вот я сижу здесь, в чистеньком зале суда с отделкой из орехового дерева и блестящими полами, и слушаю разглагольствования судьи, который никогда не проводил целый день на улице. Адвокат пришел сюда в одежде, на которую не хватит моей двухмесячной зарплаты, и тоже никогда не копошился целый день в дерьме. И оба типа ведут себя так, как будто знают все лучше, чем я.

Слушания еще не закончились — по крайней мере, формально. Еще не вступала в игру Эми. Но я видел по выражению лица судьи, что я его не убедил. Он полагал, что я не имел достаточных оснований. Похоже, он собирался счесть произведенный мною обыск незаконным. Он собирался принять решение не в мою пользу.

И тем самым поставить крест на моей карьере.

Лейтенант Голдбергер аккуратно закрыл за собой дверь и повернулся ко мне и Кейт, которой предстояло давать свидетельские показания завтра. Мы находились в комнате опроса свидетелей, расположенной на том же этаже, что и зал суда, где мне только что вручили мою голову.

Я стоял и разминал суставы — устал сидеть весь день. Сначала меня в течение семи часов забрасывали вопросами шесть адвокатов, затем Эми подробно допрашивала относительно каждой детали. Но это уже ничего не меняло: с той секунды, как судья обратился ко мне с вопросами, стало ясно, что он не на нашей стороне.

— Похоже, все прошло не слишком хорошо, — констатировал Гоулди.

Все равно что сказать, будто во время первого рейса «Титаника» имели место некоторые трудности.

— Произведенный мною обыск был вполне обоснованным, — настаивал я.

— *Мне*, черт побери, это известно, — сказал Гоулди. — Но судья не на нашей стороне.

Очевидный факт.

Я покачал головой.

— Какой-то шут в мантии, который не...

— *Который* не занимался такой работой ни одного дня, — пробурчал Гоулди. — Я знаю, знаю... Но время хорохориться прошло. Наступило время искать выход из сложившейся ситуации.

Я посмотрел на него. Гоулди ничего не говорил просто так.

Он показал на Кейт:

— Детектив Фентон, вы вместе с другими полицейскими вели наблюдение за особняком в течение двух вечеров до облавы. Когда наблюдение закончилось, Билли отправился домой. А что делали вы?

Кейт, ни на миг не задумываясь, ответила:

— Я тоже уехала, но затем вернулась к особняку.

Я резко повернулся и бросил взгляд на Кейт:

— Что?

Кейт продолжала смотреть вперед, на Гоулди, стараясь не встречаться со мной взглядом:

— Я приехала обратно к особняку. Подождала, пока начнут выходить женщины. Я проследила за двумя из них до самого дома.

Я слышал об этом впервые. Потому что в действительности ничего подобного не происходило.

— И что случилось дальше? — продолжал Гоулди, делая вид, что выступает в роли прокурора на судебном заседании и уже знает ответ.

Потому что он действительно знал ответ. Сейчас он услышит его не в первый раз.

— Две женщины приехали в свою квартиру, расположенную на втором этаже многоквартирного дома, — рассказывала Кейт. — Я подошла к их дому и осмотрела звонок, относящийся ко второму этажу. Рядом с ним фигурировали две фамилии — Санчес и Дэниелс.

— Чушь собачья, — не выдержал я. — Бред.

— На полу около почтовых ящиков лежала почтовая открытка, — продолжала Кейт. — Это оказался рекламный проспект. Какая-то распродажа в «Мейсис» или что-то в таком роде. На открытке был указан адресат — Эрика Дэниелс.

— То есть вы узнали имя и фамилию одной женщины и только фамилию второй, — сказал Гоулди. — Что произошло затем?

— О-о, я вас умоляю! — взвыл я. — Даже я могу закончить *эту* историю. — Я посмотрел на Кейт. — Ты приехала в полицейский участок и проверила, не числится ли каких-либо правонарушений за женщинами с такими фамилиями. Оказалось, что Эрику Дэниелс уже уличали в занятиях проституцией. Относительно Санчес ты обнаружила то же самое. На фотографиях в досье ты увидела, что это они и есть — две женщины, за которыми ты следила. Таким образом, получается — о господи, как все удивительно удачно для нас сложилось! — нам стало известно, что по меньшей мере две из женщин, которые находились в тот вечер в особняке, были проститутками. — Я резко поднял руки вверх. — Аллилуйя! У нас теперь есть достаточные основания!

Гоулди прислонился к стене:

— В общем-то, лучше и не скажешь.

— Да, кроме того, что в действительности ничего подобного не происходило. Кейт не следила за женщинами до самого дома. — Я опустил руки. — Так что о чем мы, ребята, сейчас разговариваем, а? — Я снова повернулся к Кейт. — Гоулди тебя надоумил, да? Я понимаю, что он хочет нас защитить, но ведь существует...

— Кто сказал, что идея принадлежит Гоулди? — взвилась Кейт, будто оскорбившись, что я приписываю лжесвидетельство ему, а не ей.

Она встала и подошла ко мне, оказавшись со мной лицом к лицу:

— Если мы проиграем это дело, всему конец, — прошипела она. — Мэр останется на своем посту, правильно? Ну конечно останется. Он выйдет на свободу. И его лучший друг Тристан Дрискол, назначенный им на должность суперинтенданта полиции, тоже останется.

— Сколько у суперинтенданта уйдет времени, чтобы найти причину для твоего увольнения? — как бы между прочим поинтересовался Гоулди. — А может, хуже того, он отправит тебя регулировать уличное движение на всю оставшуюся жизнь? Если дело будет проиграно, это отразится на твоём будущем, приятель.

— Я рискну, — нахмурился я.

— Ага, а вот я рисковать *не буду*. — Кейт пихнула меня в бок. — Это касается не только тебя, напарник. Моя карьера тоже может вылететь в трубу. У меня что, нет права голоса?

Я вздохнул:

— Кэти...

— О-о, теперь я уже «Кэти».

Она показала пальцами знак кавычек.

Я посмотрел на Гоулди:

— Когда вы все придумали? Я имею в виду вашу дурацкую историю...

— Ты имеешь в виду дурацкую историю, которая спасет карьеру не одного, а целых двоих полицейских — лучших полицейских из всех, кого я знаю? — спросил он. — Ту нелепейшую историю, которая поможет отправить плохих людей туда, где они и должны находиться? Именно эту дурацкую историю?

Я тяжело вздохнул. Сердце Гоулди всегда находилось в правильном месте. Ради меня он бросился бы останавливать приближающийся поезд. С его точки зрения, невинная выдумка

была всего лишь маленьким отклонением от правды, безвредной уловкой с целью не допустить судебной ошибки и, что более важно, защитить меня. Он всегда меня оберегал.

— Кейт, — попросил Гоулди, — дай нам поговорить с глазу на глаз буквально минуту, хорошо?

Это показалось ей неплохой идеей. Она схватила свою сумочку и с раздраженным видом вышла в коридор, даже не взглянув на меня.

Гоулди слегка поднял руку:

— Ты сейчас подержи свое хлебало закрытым и послушай меня хотя бы раз. Мне это не нравится не меньше, чем тебе. Идея — не моя. Все придумала Кейт. Она — человек решительный. Я не смог бы ее остановить, даже если бы захотел. Я молил Бога, чтобы твои показания оказались убедительными и больше ничего не потребовалось. Однако ситуация повернулась по-другому. И нам выбирать не приходится.

Я сердито покачал головой.

— Это даст нам справедливый результат, — продолжал он. — Справедливый с точки зрения правосудия. Ты, как полицейский, хорошо выполнил свою работу. Все предположения, которые у тебя возникли, оказались правильными. Поэтому с какой стати все должно закончиться тем, что подонки выйдут на свободу, а два хороших полицейских получают нож в живот?^[64] Какое же это, черт побери, будет правосудие?

Я не в первый раз давал свидетельские показания в суде и понимал, что можно представить информацию в таком свете, какой тебе выгоден. Своего рода ожесточенная борьба — кто кого. Однако сейчас мне предлагали пустить в ход ложные показания. Такого я никогда не делал.

Гоулди словно прочитал мои мысли:

— Я никогда за миллион лет не попросил бы тебя говорить такое в качестве свидетеля. Я, черт возьми, не попросил бы и Кейт. Но она сама предложила. Я пытался ее отговорить. Ты когда-нибудь пробовал переубедить Кейт?

Тут я с ним спорить не стал. Питбуль и тот менее упрям, чем моя напарница.

— Послушай, иногда в конце дня, когда я опускаю голову на подушку, я пытаюсь мысленно положить правильное и неправильное на весы и посмотреть, что из них перевешивает... В общем и целом, я считаю, *то*, что она задумала, позволит правильному в данном случае перевесить неправильное. Это самое лучшее, что я могу сделать, дружище.

Я все еще негодовал, но ничего поделать не мог. Свои свидетельские показания я уже дал. Никто больше не собирался ничего у меня спрашивать под присягой.

— Это не твое решение и не мое, — резюмировал Гоулди. — Пусть она сделает это, приятель.

Судья Уолтер Маккейб поправил очки и окинул взглядом переполненный зал суда.

— Суд готов вынести решение, — объявил он.

Слушания длились три дня. На мои свидетельские показания ушел весь первый день. На показания Кейт — второй день и часть третьего. Адвокаты забросали Кейт всевозможными вопросами, подвергая сомнению неожиданное заявление, что она проследила за двумя женщинами из особняка, собрала сведения и выяснила, что за ними числится грешок. *«Почему вы никак не задокументировали данную информацию? — наперебой интересовались адвокаты. — Почему не сообщили своему напарнику — детективу Харни? А может, мы впервые слышим об этом только потому, что показания детектива Харни оказались не совсем удачными для обвинения?»*

В зале суда воцарилась тишина. Я почувствовал в ушах еле заметный звон, который часто возникает при подобной тишине. А может, что-то звенело в моей голове. Ведь решение судьи отразится на моей дальнейшей карьере.

— Суд считает обыск особняка законным, — сообщил судья. Точнее, не сообщил, а начал читать уже заготовленный текст.

Я глубоко вздохнул.

— Наблюдение, осуществляемое детективами, дало им определенные основания полагать, что особняк представляет собой не жилой дом, а бордель, то есть публичный дом. Еще более важно то, что показания детектива Фентон — относительно того, что она проследила за двумя женщинами, находившимися в особняке, проверила их по базе данных и выяснила, что они являются проститутками, — заслуживают доверия, и это вполне позволяет констатировать наличие достаточных оснований. В тот вечер, когда была проведена облава, у полицейских имелись достаточные основания полагать, что совершается преступление и за то время, которое понадобится на получение ордера, гости особняка уже покинут место преступления и, так сказать, улики исчезнут. Суд считает, что достаточные основания имелись и что действовать необходимо было безотлагательно. Стремление защиты опровергнуть факты не возымело действия. Обвинение?

Эми Лентини поднялась со стула.

— Обвинение готово к судебному заседанию, Ваша честь.

— Мистер Декремер? — обратился судья к адвокату мэра, который, похоже, был де-факто руководителем бригады адвокатов.

Шоу Декремер встал.

— Можем ли мы отложить выбор присяжных заседателей до завтра, Ваша честь?

Судья медленно кивнул. Он понял. Поняла и Эми. Суда не будет. Обвиняемые и их адвокаты попытались сделать ставку на нарушение юридических формальностей, но у них ничего не получилось. Если начнется суд, будут допрошены дюжина полицейских и дюжина проституток (всем был гарантирован иммунитет в обмен на согласие дать показания), и они обнародуют подробности происходящего в тот вечер за закрытыми дверями спален. А это — весьма пикантные и унижительные подробности. Потенциальный позор сильно перевешивает мизерную вероятность вынесения оправдательного приговора. Поэтому все обвиняемые признают себя виновными.

Шоу Декремер подошел к Эми, а за ним потянулись и остальные адвокаты. Они

выстроились перед ней, как покупатели перед входом в магазин «Тойс-ар-ас» в надежде приобрести последнюю модель игровой приставки в Черную пятницу.^[65]

— Мэр признает себя виновным, — заявил Декремер, стараясь говорить потише. Однако я сидел в переднем ряду и слышал все, *что* он шепчет Эми.

— Я подготовлю соответствующие бумаги, — сказала она, пожимая ему руку. Она вполне могла бы громко спросить: «Кто там следующий?» — потому что все эти адвокаты, которые сегодня, фигурально выражаясь, наточили ножи и пытались искромсать меня на кусочки, теперь один за другим стали заявлять, что их подзащитные признают свою вину. Таким образом они надеялись договориться о той или иной поблажке для них со стороны прокурора.

Я посмотрел назад, на Кейт. Она встала и произнесла три слова:

— Не за что.

Мне следовало бы насладиться произошедшим в гораздо большей степени. Внимание едва ли не всей страны было приковано сейчас к этому залу суда, и мы выиграли дело. Возможно, дорожка, по которой мы пошли, была немного скользкой, но лично я не сказал ничего, кроме правды, и Гоулди прав — правосудие восторжествовало.

Однако у моих ног стоял портфель, в котором лежала фотография размером восемь на десять дюймов, на которой была запечатлена Эми Лентини, поднимающаяся по ступенькам в особняк. Я пока не сказал Эми ни слова, потому что хотел сконцентрировать все внимание на слушаниях, но теперь они закончились, и я почувствовал, как что-то в моем животе забурлило и закипело.

Когда последний из адвокатов переговорил с Эми и зал суда опустел, она посмотрела на меня. В ее взгляде чувствовались одновременно облегчение и неудовлетворенность.

— Я бы отдала что угодно ради того, чтобы узнать, как возникли показания Кейт, — призналась она.

— Сомневаюсь, что ты отдала бы что угодно, — возразил я.

Ее брови сошлись на переносице:

— Она поклялась мне, что это правда.

— Я знаю, что она поклялась. Она поклялась и под присягой тоже.

Когда Кейт в первый раз рассказала Эми о том, *что* она планирует сказать под присягой, Эми отнеслась к идее не очень хорошо. Она давила на Кейт снова и снова. Она убеждала Кейт, что не одобряет лжесвидетельства и не позволит дать ложные показания. Однако Кейт никогда не давала задний ход. Она поклялась, что ее утверждения — правда. Они препирались подобным образом больше часа. Эми отнеслась к заявлениям Кейт скептически, но она не знала наверняка — и не могла знать, — что Кейт лжет.

Эми даже отвела меня в сторонку и спросила, можно ли верить Кейт. Однако Кейт довольно толково вывела меня из игры, заявив, что не сообщила мне о слезке. Таким образом, врать мне не пришлось. Я сказал Эми правду: лично мне это кажется чушью, и я не уверен, что Кейт не лжет, но собственными глазами не видел, следила она за теми женщинами или нет. Я тогда уехал домой. А чем после этого занималась Кейт, мне неизвестно.

В конце концов Эми сдалась. Впрочем, выбора у нее не было.

Судя по выражению лица Эми, она чувствовала себя примерно как картежник, который только что выиграл краплеными картами, но не знал наверняка, что они крапленые, а потому играл как получится.

— Ну вот и все, — подытожила она, воодушевляясь своей победой и позволяя чувству радости наполнить ее душу. — Может, отпразднуем?

Я окинул взглядом зал суда, чтобы убедиться, что мы одни. Затем полез в свой портфель, достал из него конверт и вытащил глянцевую фотографию, на которой была запечатлена Эми, поднимающаяся по ступенькам особняка. Я протянул фотографию Эми, но когда она попыталась ее взять, отдернул руку: у меня ведь всего одна такая фотография.

Выражение ее лица стало унылым, она напряглась:

— Где ты...

— Где я взял снимок? Этот вопрос вряд ли является самым важным. Хм, он, пожалуй, не входит даже в первую десятку.

Эми сильно заморгала и сделала шаг назад. Она заскользила взглядом по полу, но затем — после бесконечно долгих нескольких секунд, в течение которых мое сердце колотилось так сильно, что даже сжалось горло и я не смог бы выдать ни слова, — она выпрямилась и посмотрела мне прямо в глаза.

Слегка прищурившись, она прошептала ничего не выражающим голосом:

— Не здесь.

От здания суда на перекрестке 26-й улицы и Калифорния-стрит я поехал следом за Эми к ее многоквартирному дому в районе Ригливилль. Я вел машину и слушал разговорное радио.^[66] Новости у нас, как обычно, распространяются со скоростью молнии, и все уже обсуждали результаты слушаний. Мэр Фрэнсис Делани, выйдя из зала суда, объявил, что уходит со своего поста.

Поэтому все живо выдвигали предположения, кто же станет его преемником. Несколько членов совета района и выборных окружных администраторов были заинтересованы в том, чтобы побороться за кресло мэра, однако считалось, что фаворитом на предстоящих выборах будет конгрессмен Джон Тедеско.

А причиной всеобщего оживления на политической арене стала та каша, которую заварил я. Мне теперь, наверное, следовало бы ощутить прилив адреналина, почувствовать себя важным и значительным, но вместо этого я испытывал страх.

Мы с Эми припарковали свои автомобили один за другим у тротуара, прошагали под навесом и далее через входную дверь, поднялись на шестой этаж и прошли по коридору к ее квартире. Все это мы делали молча — без единого слова. Мы потратили немало дней — даже недель — на подготовку к судебному разбирательству, в котором нам сегодня удалось одержать победу, но сейчас мы вели себя так, как будто присутствуем на похоронах.

Это навело меня на мысли о моем друге Стюарте, которого недавно похоронили и который, наверное, уже встретился со своей женой на небесах. Мне вспомнились его слова о том, что в определенный момент жизни человеку надоедает слушать всякую ерунду — его интересует только правда.

Но в данный момент я ничего подобного не ощущал. Когда мы вдвоем с Эми заходили в угрюмом молчании в ее квартиру, я не хотел *правды*. Я хотел красивой сказки. Я жаждал наладить с Эми личные отношения. И уже сильно сожалел, что мне попала в руки фотография, на которой она запечатлена около особняка. Я уже был готов выбросить все из головы, сделать вид, что никогда не видел никаких фотографий, и зажить счастливо. Представление окончено, включайте музыку, актеры — выход на поклон.

Эми зашла в квартиру, сняла пальто и повесила на вешалку. Затем прошла в центр гостиной и, обернувшись, отчеканила голосом, в котором не чувствовалось ни малейшего сожаления или смущения:

— Я хочу знать, откуда у тебя фотография. Где ты ее взял?

— Нетушки, — сопротивлялся я. — Теперь моя очередь задавать вопросы. Я хочу знать, что, черт побери, происходит.

Эми показала жестом на портфель, в котором лежала та фотография.

— Это преступление, — сказала она.

— Расскажи мне. По-моему, мы только что добились признания вины целой дюжины людей.

Она нахмурилась, на лбу появились морщины:

— Я говорю не об *этом*. Что, по-твоему, демонстрирует фотография? Думаешь, она доказывает, что я иду заниматься сексом с проституткой, да?

У меня не было ответа на поставленный вопрос. Правда заключалась в том, что я понятия не имел, как истолковать подброшенный снимок.

— Я говорю о препятствовании отправлению правосудия, — уточнила она. — Тот, кто дал тебе фото, виновен в препятствовании отправлению правосудия.

Я не сразу понял, что она имеет в виду:

— О чем ты? Это было частью какого-то расследования?

Эми опустила голову и, подбоченившись, глубоко вздохнула. И, видимо, приняла какое-то решение.

— Билли, — подняла она голову, — ты когда-нибудь задавался вопросом, почему я так стремлюсь найти маленькую черную книжку? Как только закончилась облава, мы вызвали тебя и Кейт в кабинет Маргарет и все очень суетились по поводу черной книжки. Тебе это не показалось странным?

— Показалось, — признался я. — Но я подумал, что вы просто пытаетесь смешать нас с дерьмом. Чтобы защитить мэра. И Маргарет Олсон, и суперинтендант полиции Дрискол — они оба получили место благодаря мэру. Им требовалось, чтобы он остался на посту, тогда и *они* не слетят со своих должностей.

Выслушав, Эми сделала кислое лицо, всем своим видом давая понять, что политические махинации ниже ее достоинства. Неожиданно выражение ее лица изменилось, и брови взлетели вверх.

— Ну и ну, — протянула она. — Похоже, ты был обо мне весьма невысокого мнения.

А она — невысокого мнения обо мне. Но это мы уже проехали. Мы проплыли через опасные воды и нашли на другом берегу что-то теплое и успокаивающее — такое, от чего мое сердце колотится, как у школьника, впервые в жизни поцеловавшего девочку. Я не мог этого отрицать. Я влип. Я был влюблен в Эми Лентини.

— Расскажи мне, — попросил я.

Она кивнула и снова глубоко вздохнула — по-видимому, укрепляясь в своем решении.

— В течение последнего года офис прокурора штата проводил расследование, — начала она. — У нас были основания полагать, что чикагские полицейские занимаются тем, что за деньги освобождают правонарушителей от ответственности.

Я даже не пошевелился. Никак на эти слова не отреагировал. Не стал сообщать о том, что я тоже проводил подобное расследование, тайно работая на отдел внутренних дел.

Два разных правоохранительных органа расследовали, черт побери, одно и то же, ничего не сообщая друг другу.

— В рамках расследования особняк находился в центре нашего внимания, — продолжала Эми. — Влиятельные люди нашли место, где можно хорошо оттянуться, дать волю своим фантазиям и так далее... Но это место должно быть безопасным, не так ли? Они не могли допустить, чтобы их там заметили. Слишком большой конфуз. Такая женщина, как Рамона Диллавоу, это прекрасно понимала. Она не стала бы заманивать богатых и знаменитых в свой секс-клуб, если бы им угрожала полицейская облава, правильно?

— Правильно, — выдавил я.

— Рамона Диллавоу платила полицейским. Платила за то, что они ее «крышевали».

— Кому она платила? — резко спросил я. — Каким полицейским?

Она пристально посмотрела на меня. Ее лицо стало абсолютно неподвижным. Оно стало похоже на умопомрачительный по своей красоте портрет: моя итальянская красавица, мое произведение искусства. Недоставало только позолоченной рамки и подписи художника в углу.

— Кому платила Рамона? — снова спросил я.

Чем дольше молчала, стоя неподвижно, Эми, тем сильнее билось мое сердце.
— Кейт, — наконец сказала она. — Детективу Кэтрин Фентон.

С моих губ уже готово было сорваться слово «нет», но я его не произнес.

— Кейт? — пробормотал я. Мой мозг пытался работать в такт с моим бешено колотящимся сердцем, пытался соединять разрозненные штрихи в одну линию. — Ты уверена?

— Доказать я не могу, если ты имеешь в виду юридические доказательства, — призналась она. — Я пришла к такому выводу методом исключения. Это должна быть она.

Я поднес руку к лицу. Неужели женщина, с которой я работал в паре и делил горе и радости на протяжении стольких лет, брала взятки, а я не знал?

— Мы вот-вот должны были это выяснить, — продолжала Эми. — Мы отслеживали банковские счета Рамоны, снятие ею наличных. Мы уже почти к ней подобралась. Я готовила документы, необходимые для получения ордера на обыск. Еще несколько дней — и мы устроили бы в особняке облаву.

Я опустил голову:

— Но я опередил вас.

— Да, ты устроил облаву раньше нас.

Теперь для меня кое-что начинало проясняться.

— Ты подумала, что полицейские узнали, — догадался я. — Ты подумала, что до «крышевателей» дошел слух о расследовании, поэтому они — чтобы «отмазать» себя — сами устроили облаву. Разоблачили очень важных особ. Испортили Рамоне красивую жизнь. Сорвали всю вашу затею.

— И украли маленькую черную книжку, — добавила она.

Правильно. Именно так. Маленькая черная книжка, бухгалтерская книга, жесткий диск компьютера или что-то еще — предмет, что бы он собой ни представлял, был нужен Эми не для того, чтобы узнать имена и фамилии важных фигур, наведывавшихся в особняк. Ее не интересовали личности похотливых мужчин.

Эта вещь нужна была Эми для того, чтобы узнать имена и фамилии полицейских, которым платила Рамона Диллавоу.

— Ага, и ты подумала, что я — один из коррумпированных полицейских, — сказал я. — Ты подумала, что я принимаю участие в «крышевании».

Я произнес фразу, можно сказать, обиженным тоном, хотя упрекать ее, конечно же, не в чем. Как бы я ни возмущался, нельзя отрицать, что ее первоначальная реакция была вполне логичной. До того как она познакомилась со мной поближе, она вполне имела право так реагировать. Она собиралась устроить облаву в публичном доме и добыть маленькую черную книжку, как вдруг — опа-на! — я опережаю ее всего лишь на несколько дней, и маленькая черная книжка таинственным образом исчезает. Да, если бы я был на ее месте, я бы тоже подозревал Билли Харни.

— Ты или Кейт, — уточнила Эми. — Вы организовали облаву. Поэтому я подозревала в «крышевании» вас обоих. Я думала, что ты украд маленькую черную книжку. Но теперь я это исключаю.

— Почему?

Вопрос ее, похоже, ошеломил и даже обидел.

— Да потому, что теперь я тебя знаю.

Слишком много. Перегрузка. Слишком много эмоций, мечущихся в разных направлениях и затуманивающих общую картину. Мне нужно было все обдумать, как-то рассортировать.

— Кейт в тот вечер занималась сбором улики, — напомнила Эми. — И именно ей было легче всего заграбастать чертову книжку. Она могла запросто положить ее в карман, причем так, что никто бы не узнал.

Я стал вспоминать тот вечер.

С каким рвением Кейт торопилась провести облаву.

Как у меня возникло сомнение, не следует ли позвонить в отдел нравов, потому что это его сфера ответственности, а Кейт сказала: «К черту отдел нравов. Это дело — наше».

Как Кейт руководила обыском в кабинете Рамоны Диллавоу.

Кейт и в самом деле запросто могла сделать то, в чем ее подозревала Эми.

— Кейт, — снова пробормотал я, но теперь это был уже не вопрос.

— Фотография, которую ты мне показал — ну, на которой я иду к двери особняка, — она лишь подтверждает мои предположения, — сказала Эми. — Снимок сделан за неделю до вашей облавы. По-другому быть не может, потому что я была там только один раз. Мне просто захотелось посмотреть на это место собственными глазами. Мы потратили уйму времени на расследование, но особняк я на тот момент еще не видела. А когда наконец добралась, внутрь не заходила. Просто поднялась по лестнице на несколько ступенек и несколько минут разглядывала здание. — Она слегка помахала пальцем. — Но фотография подтверждает, что кто-то знал о моем визите.

— Тот, кто сделал снимок, знал, что ты — один из ведущих прокуроров в офисе прокурора штата — проявляешь интерес к особняку.

— Они знали, что мы подбираемся к ним, Билли. Коррумпированные полицейские знали, что мы близко. И вдруг, когда мы вот-вот должны были перейти к решительным действиям, вы с Кейт устраиваете в особняке облаву, возглавив целую группу полицейских. И маленькая черная книжка исчезает в неизвестном направлении.

Она права. Все выстраивалось в одну цепочку.

— Но Кейт действовала не в одиночку, — делилась Эми. — Это слишком масштабная работа для одного человека. Поэтому возвращаюсь к вопросу, который я задала, как только увидела в твоих руках фотографию: где ты ее взял?

— Я нашел ее у своей входной двери, — признался я. — Мне ее подбросили. Простенький конверт из желтоватой бумаги, никаких сопроводительных записок. Просто конверт, и в нем — фото.

Эми стала медленно ходить туда-сюда по гостиной, размышляя над моими словами. Ее, похоже, разочаровало, что я больше ничего не знаю о фотографии.

— Тот, кто подкинул мне, так сказать, фотофакт, не хочет, чтобы я тебе доверял, — предположил я.

Эми посмотрела на меня:

— Тот, кто подкинул ее тебе, — сообщник Кейт.

Я достал фотографию из портфеля, внимательно посмотрел на нее и повернул лицевой стороной к Эми, чтобы она тоже могла ее разглядеть. Эми подошла поближе.

— Она — как и все остальные снимки, которые опубликовала Ким Бинс, — заметил я. — Сделана под тем же углом, с такой же фокусировкой. В общем, все то же самое.

— Их делал один и тот же фотограф, — чуть слышно прошептала Эми.

Мы посмотрели друг на друга. Мысль о фотографии пришла нам обоим одновременно.

— Снимками Ким снабжал какой-то полицейский, — сказала Эми.

Я кивнул.

— Мы найдем источник информации Ким, — пообещал я. — И найдем нашего коррумпированного полицейского.

— Снимки передавались из рук в руки, — рассуждал я. — Информатор Ким не стал бы отправлять их по электронной почте или при помощи смартфона. Это ведь можно потом отследить. Обычная почта тоже не подошла бы: фотография может помяться, да и точно рассчитать, когда ее доставят адресату, невозможно. Он не стал бы пользоваться и курьерской почтой, потому что пришлось бы «засветить» свою кредитную карточку или зайти в одно из отделений, а там все записывает камера видеонаблюдения.

Эми какое-то время размышляла. Она была прокурором, а не полицейским, но уже участвовала в довольно крупных расследованиях федерального уровня, а потому имела кое-какое понятие о том, к каким мерам предосторожности могут прибегать те, кто совершает коррупционные действия.

— И ты полагаешь, что Ким получила еще не все сделанные снимки? — спросила она.

Я кивнул:

— Именно так. Кем бы ни был этот «крышеватель», он использует Ким с какой-то целью, и он...

— Или она... — уточнила Эми.

— Согласен. Этот полицейский — он или она — наверняка хочет по-прежнему держать ситуацию под контролем. Отдать сразу все фотографии Ким — значит выпустить ситуацию из рук, отдать все козыри ей и тем самым позволить распорядиться ими, как ей заблагорассудится. Нет, — продолжал я, — наш коррумпированный полицейский — человек умный. Он, скорее всего, решил держать Ким на коротком поводке. Он будет передавать ей по одному фото в неделю, чтобы сделать ее зависимой и заставить плясать под его дудку.

Эми кивнула в знак согласия:

— Хм, следующая статья Ким выходит через три дня. Поэтому, если хочешь поймать ее с поличным в момент передачи фотографии от своего куратора...

— То мне нужно прямо сейчас отправиться следить за ней, — договорил вместо Эми я.

— Я поеду с тобой, — с готовностью поддержала Эми.

— Нет. В одиночку я работаю эффективнее.

Уголки рта у Эми опустились.

— Возможно, и Кейт эффективнее работает в одиночку, — предположила она. — Может быть, она самостоятельно занимается грязными делишками. Вероятно, тот, кто передает Ким фотоматериалы, и тот, кто украл маленькую черную книжку, — один и тот же человек, и этот человек — Кейт.

— Или, возможно, Кейт не делала ни того, ни другого.

Эми подняла брови:

— Я тебя все еще не убедила?

— Не имеет значения, убедила ли ты меня, — сказал я. — Я все выясню, когда выслежу Ким. Кстати, раз уж речь зашла...

— Тебе пора, — кивнула Эми. — Обещай, что будешь осторожным. Людей, бывало, убивали в результате такой слежки.

— Осторожный — мое второе имя, — улыбнулся я.

Я вышел из квартиры. Я не хотел устраивать долгое прощание с Эми, потому что, зная себя и свое слабование, я осознавал, что прощание со стопроцентной вероятностью

закончится тем, что мы начнем стаскивать с себя одежду, а мне сейчас нужно поторопиться. Я очень хотел узнать правду. Неужели за всем этим и в самом деле стояла Кейт? Неужто она брала деньги с Рамоны Диллавоу? Правда ли, что она во время облавы в тот вечер украла маленькую черную книжку? Если рассуждать логически, то именно она являлась подозреваемым номер один. Но... неужели действительно всем заправляла Кейт?

Не успел я сесть в машину и завести двигатель, как вдруг раздался звуковой сигнал с моего смартфона. Пришло сообщение от... Ну, как говорится, черта помянешь — он и появится. Это была эсэмэска от Кейт.

«Ты так и не поблагодарил меня. Когда я получу свой подарок?»

К СМС прилагалась фотография — так называемое селфи. Кейт была запечатлена лежащей в постели в бюстгальтере и трусиках. Снимок был сделан сверху, чтобы можно было получше рассмотреть тело. Зазывное выражение лица, озорная улыбка. В общем, стандартная мужская фантазия.

Ее действительно искренне тянуло ко мне? Или это была своего рода хитрость с целью запудрить мне мозги? Я не понимал, что она делает — пытается реанимировать мимолетную и, как теперь оказалось, опрометчивую интимную связь или же просто дурачит меня.

Она на самом деле ревновала или пыталась меня обмануть?

— Ну что же, давай разберемся, Кэти, — прошептал я. — Давай выясним, кто дал фотографию Ким.

Шел второй день, полностью посвященный наблюдению за Ким Бинс. Вчера я проследил, как она поехала на работу, заглянула в бар в Украинской деревне, [67] съездила в «Хоул фудс» в районе Линкольн-парка и вечером посетила матч «Чикаго Буллз». Попасть на стадион оказалось не так-то просто, но я прорвался туда при помощи значка полицейского (все-таки в работе в полиции есть кое-какие преимущества). При этом я не заметил, чтобы Ким что-то передавали — будь то фотография или что-нибудь еще.

Сегодня утром Ким приехала в свой офис в районе Деарборн-Парк ровно в восемь часов. Офис располагался отнюдь не в небоскребе, каких полно в центре города: «Чикаго-П-П» представляло собой небольшую контору онлайн-новостей, а потому офиса среднего размера с окном из зеркального стекла ему вполне хватало.

Я взял с собой термос с горячим кофе и коробку с батончиками гранолы, [68] а потому был готов пробыть на своем «наблюдательном посту» сколько потребуется. За полтора часа, которые я «просидел» около офиса, я не видел, чтобы туда входил или оттуда выходил кто-нибудь из полицейских, но я на это и не рассчитывал. Если ты — анонимный источник, то не станешь шастать в отдел новостей популярного средства массовой информации. Более того, никто из людей, проходивших в том или ином направлении через входную дверь офиса, ни капельки не был похож на копа. В основном это была молодежь в возрасте от двадцати до тридцати лет, с волосами, стянутыми на затылке в хвостик, с пирсингом и колечками в носу, в беретах и наушниках. Новая эпоха в журналистике.

Раздался звуковой сигнал смартфона. Пришло сообщение от Кейт: *«Еще один нерабочий день для Билли? Ты болен или развлекаешься?»*

Я уже второй день подряд не появлялся на работе. Подумал, что и Кейт, возможно, после грандиозного судебного разбирательства возьмет себе пару-тройку выходных, но она, похоже, не нуждалась в отдыхе. Это стало еще одним напоминанием о том, какая пропасть возникла между нами, напарниками по работе, которые раньше согласовывали друг с другом все свои действия, а теперь не могут утрясти даже график работы.

«Просто личные дела», — ответил я на сообщение Кейт.

«Компания не требуется?» — почти сразу же пришло новое СМС.

Мне хотелось вести переписку в непринужденной, даже небрежной манере, но после эротической фотографии, которую она приложила к первому сообщению, было сложно делать вид, что я ничего не замечаю и не понимаю. Я ведь даже никак не отреагировал на фото — вообще никак.

«У меня все в порядке, просто кое-какие дела», — написал я и добавил: *«Скоро пообщаемся».* Это был мой способ прекратить обмен сообщениями. Я нажал иконку «отправить» и услышал, как дзинькнул смартфон, отправляя через киберпространство мою эсэмэску Кейт.

Двумя часами позже Ким вышла из офиса и быстрым шагом отправилась через улицу в деликатесный магазин, находившийся в двадцати ярдах от моей машины. Наступило время обеда, а обед — хорошее прикрытие для конспиративной встречи. Я вышел из автомобиля и стал наблюдать за Ким через большое окно магазина. Ни с кем из посетителей она не контактировала, ни к кому близко не подходила, не брала ничего, что оставил бы кто-то другой. Просто вытаснула какой-то салат из охлаждаемого прилавка, поставила возле

кассира, расплатилась кредитной карточкой и вышла из магазина.

С чувством разочарования я вернулся в машину, чувствуя, что пора сходить по малой нужде.

Снова оживился смартфон. Еще одно сообщение от Кейт: *«Ты имеешь право молчать»*.

И снова фотография. Еще одно селфи. Здесь Кейт уже в униформе патрульного полицейского, которую она не надевала лет сто. Рубашка расстегнута до пупка, открывая обнаженное тело. На бедре — пистолет. С пальца свисают наручники. Образ сексуальной женщины-полицейского.

Она, похоже, нажимала на все кнопки, какие только знала, чтобы попытаться меня раззадорить. Почему? Я, конечно, классный парень и все такое прочее, но не такая уж ценная находка.

Я убрал в сторону смартфон, словно пытаюсь отгородиться от всего этого.

Прошел час. Ким села в такси и поехала в салон красоты. К счастью для меня, я могу видеть через венецианское окно салона, как парикмахер подрезал ее курчавые волосы на один дюйм. Вряд ли салон был для нее местом встречи. В принципе, возможно, но маловероятно.

Снова раздался звуковой сигнал, и я уже с опасением посмотрел на дисплей смартфона. Да, именно оно. Новое сообщение от Кейт: *«Не заставляй меня просить»*.

— О господи, Кейт, — пробормотал я, когда один за другим раздались еще два сигнала, возвестивших об очередных сообщениях: *«Если только не хочешь, чтобы я просила с громким смехом»*; *«На четвереньках?»*

Во время нашей недолгой интимной связи мне такое, наверное, понравилось бы, но сейчас абсолютно не до забав.

Я набрал слово «прекрати», но не отослал. Долго смотрел на экран, не зная, что делать. Не хотелось ухудшать и без того затруднительную ситуацию, подливать масла в огонь. Однако и обнадеживать Кейт желания не было.

Полтора часа спустя Ким снова появилась в своем офисе в районе Деарборн-Парк. Прилетело еще одно СМС от Кейт: *«Это все какая-то фигня»*.

Да, очень похоже на какую-то фигню — я почти проникся настроением Кейт, ибо безрезультатность слежки начинала уже выводить из себя. Слово «прекрати» все еще висело на дисплее смартфона с того момента, как пришло последнее сообщение от Кейт.

Я все-таки надавил на иконку «отправить». И, вздохнув, приготовился получить что-то резкое в ответ. Я был абсолютно уверен: Кейт не понравится, что от нее требуют что-то там прекратить.

Следующие полтора часа я не получал от нее сообщений. Вообще никаких. Солнце постепенно стало прятаться за домами района Саут-Ап, и небо начало темнеть. Ничего нового о Ким, и ничего нового от Кейт.

Наконец смартфон подал следующий сигнал. Новое сообщение от Кейт гласило: *«Тебе нравится что-нибудь из того, что ты видишь?»*

К сообщению прилагалось еще одно селфи. Кейт сидела внутри своего автомобиля «Корветт» абсолютно обнаженная, если не считать распахнутой кожаной куртки. Это была третья фотография, достойная какого-нибудь эротического веб-сайта.

Однако была одна деталь — она приставила к виску дуло пистолета.

Снимок произвел на меня такое сильное впечатление, что мне вдруг показалось, будто между ушами ударили в гонг, а в живот вонзили копье. Кейт было хорошо известно, каким

образом ушла из жизни моя жена.

С Кейт явно что-то происходило. Я не понимал что. Но я не мог это игнорировать.

В этот момент Ким Бинс вышла из офиса и направилась к автомобилю.

«*Вот черт!..*» Мне необходимо продолжать следить за Ким. Ее следующая публикация должна была появиться уже завтра. Если она планировала встретиться со своим источником, то никак не позже завтрашнего утра. Я не мог сейчас отвлечься от нее. Вот именно *сейчас* — не мог.

Я набрал на смартфоне — а затем стер — несколько сообщений:

«*Это не смешно*»;

«*Надеюсь, ты шутишь*»;

«*Не принимай опрометчивых решений*».

Ни одно из них не показалось мне подходящим. Увидев, что Ким уже рванула куда-то на своем автомобиле, я поехал за ней. Быстренько набрав на смартфоне «*Скоро поговорим я обещаю*», я нажал на иконку «отправить». Это, конечно же, не самое лучшее для данной ситуации сообщение, но оно, как мне казалось, было вполне приемлемым.

Я не знал, дурачит она меня или и в самом деле катится к какой-то крайности. Я надеялся, что мне представится возможность это выяснить.

Я вышел из машины и стал переминаясь с ноги на ногу, пытаюсь согреться. Уже давно стемнело. От холода пощипывало лицо. Я уже и не помнил, когда в последнее время в начале апреля было так холодно. Холодина такая, что проститутки, наверное, могли брать деньги только за то, что подуют клиенту на руки, чтобы согреть.

Я находился в торговом центре на углу Огден-авеню и Гранд-авеню в районе Вест-Таун. Это было одно из моих любимых местечек. Я довольно хорошо знал местное заведение «Твистед споук» — один из лучших гамбургер-баров города: там подавали густые ароматные коктейли «Кровавая Мэри». Мне со страшной силой захотелось оказаться сейчас там: заказать себе сочный гамбургер и выпить виски или пива.

Но нет, я находился по другую сторону улицы и стоял с биноклем в руках укутанный до подбородка. Из рта при выдохе вырывалось облачко пара. Зрение у меня довольно хорошее, поэтому, пока Ким Бинс просто сидела за столиком в «Твистед споук» спиной к окну, прихлебывая что-то из бокала, бинокль я не использовал. Однако если к столику кто-нибудь подойдет, я тут же вытащу оптику. Прошло пока что тридцать минут, и единственным человеком, подходившим к ней ближе чем на десять футов, был официант — угрюмый толстяк с усами и бородой и лысым черепом.

Двигатель в моем автомобиле работал. Фары и плафон были выключены, а обогреватель работал на полную мощность. Примерно каждые десять минут я нырял в машину, чтобы немного согреться, но при этом не отводил взгляда от Ким.

Я пританцовывал на месте и подпрыгивал. Я был похож на рыбака, который решил совместить подледный лов с аэробикой.

Ким посмотрела на часы и неспешно отхлебнула из бокала. В прозрачной посудине плескалось что-то желтоватое — видимо, фруктовый напиток. Ким сидела в «Твистед споук» уже сорок пять минут. Я решил вернуться в автомобиль — там я буду не так заметен, если придется воспользоваться биноклем, да и видно оттуда было неплохо. Угол обзора, правда, не позволит хорошенько разглядеть того, кто, может быть, сядет за ее столик, но вот саму Ким я видел прекрасно, и если она сдвинется хотя бы на дюйм, я сразу выскочу из машины, и угол обзора расширится. А пока я не видел особой необходимости переохладить организм.

Час спустя Ким наконец-таки пошевелилась на тот самый дюйм. Она заказала что-то из меню — возможно, хумус и питу. ^[69] Нужно было сделать вид, что она и в самом деле пришла поужинать, чтобы не раздражать хозяина заведения, — мол, столик заняла, а ничего не заказывает.

К половине двенадцатого Ким стала барабанить пальцами по столу. Она сидела ко мне почти спиной, и я мог видеть ее лицо только тогда, когда она смотрела на дверь. Однако в те немногие мгновения, когда лицо было видно, мне передавалось ее *раздражение*. Брови сведены вместе, а губы поджаты. Она нервничала.

Я — тоже.

К полуночи она выглядела уже обескураженной. Вариант, что она торчит там в ожидании подруги или ухажера, явно исключался. Не стала быть она ждать два часа от предполагаемого начала встречи. Или позвонила бы по телефону и сказала что-нибудь вроде: «Привет, я уже здесь. С тобой все в порядке?» — тем самым вежливо намекая

приятельнице или кавалеру, что пора бы и поторопиться.

Но она никому не позвонила. Не позвонила по той простой причине, что не имела телефонного номера человека, с которым должна была встретиться. Ее информатор, конечно же, не хотел, чтобы она могла так просто его разыскать. Никакой электронной почты. Никаких сообщений. Никаких телефонных звонков.

Ким заплатила по счету и вышла на улицу. Она села в такси и отправилась к себе домой в район Линкольн-Парк. Приехав туда вслед за ней, я увидел, как она вошла в дом и поднялась в свою квартиру на третьем этаже. Мое сегодняшнее дежурство, похоже, закончилось.

Я не получил того, чего ожидал, но зато узнал две вещи.

Первая: Ким на самом деле должна была встретиться со своим источником. Это было понятно, и это было приятно — получалось, что я на правильном пути.

А вот еще одно открытие было не столь радостным. Оно чем-то напоминало злокачественную опухоль. Это могло быть не более чем уродливым изъяном, но ощущалось больше как раковая опухоль, которая медленно распространяла свой ужасный яд, — опухоль, которая становилась тем больше, чем дольше я наблюдал, как Ким Бинс тщетно ждет своего «гостя».

Затренькал телефон. Дисплей подсказал, что звонит Эми. Сердце заколотилось так, как будто меня долбанули электропогонялкой для скота.

Я слегка прикоснулся к кнопке, затем решил, что не стану отвечать, но секундой позже все же нажал на кнопку.

— Как дела? — спросила Эми.

Я думал над ответом пару мгновений:

— Ложная тревога. Она лишь поужинала и поехала домой.

Формально это была правдой, но я, однако, умолчал о том, как долго просидела Ким, ожидая кого-то. Умолчал я и о том, что был уверен: она ждала человека, являющегося ее источником.

Потому что вторая вещь, которую я узнал сегодня вечером, заключалась в том, что источник Ким каким-то образом узнал, что сегодня лучше не приходиться.

Кто-то подсказал ему, что я буду следить за Ким.

И единственный человек, которому было об этом известно, сейчас разговаривал со мной по телефону.

«Нет, — мысленно сказал я себе, когда вернулся домой. Я стал ходить взад-вперед по спальне. — *Не может быть*». Эми не стала бы никому рассказывать о затеянной мною слежке. Но откуда же тогда информатор Ким узнал?

Разве я не вел себя осторожно? Разве я не был осмотрительным? Я ведь мастер по части слежки. Это, можно сказать, мой конек.

Но я, по-видимому, как-то себя выдал. Это было единственное объяснение. Где-то я допустил ошибку. Источник Ким сам провел — или *сама* провела — кое-какую разведку, заметил меня и решил не появляться.

Я дал маху. И второго шанса у меня не будет.

«Да, — размышлял я. — *Видимо, именно так*». Эми тут ни при чем. Это моя собственная халатность.

Я проверил свои сообщения. После того как я пообещал Кейт, что в скором времени с ней пообщаюсь, от нее больше ничего не приходило — ни эротических фотографий, ни фото с пистолетом у виска, ни сердитых сообщений, ни заигрывающих, ни нервных.

Меня внезапно охватил страх. Одна вероятная причина того, почему я не получал больше СМС от Кейт, могла быть очень-очень нехорошей. В голове сразу возникло селфи, на котором Кейт приставляла к голове пистолет.

К черту эсэмэски! Я набрал номер Кейт.

После четырех безрезультатных попыток дозвониться я отправил ей голосовое сообщение: «*Просто пытаюсь с тобой связаться. Пожалуйста, позвони*».

Для верности добавил еще и текстовое сообщение: «*Как у тебя дела?*»

Я ходил взад-вперед по комнате с таким рвением, как будто хождение туда-сюда — это такой олимпийский вид спорта и я сейчас участвую в соревнованиях. Меня терзали мысли — не прыгнуть ли в автомобиль и не помчаться ли к Кейт домой. Однако в два часа ночи такая идея выглядела нелепо. Но... но вдруг Кейт и в самом деле решила наложить на себя руки, вдруг она — пусть это и маловероятно — не просто ради шутки направила дуло пистолета себе в голову?..

Я написал еще одно СМС: «*Напиши, что с тобой все в порядке*».

Меня охватила паника. Внезапно я стал винить себя в том, что не воспринял всерьез ее вчерашнюю фотографию, хотя, возможно, это был крик о помощи, а я, сконцентрировавшись на своей слежке за Ким Бинс, не обратил на него должного внимания...

Получается, уже второй раз в жизни я не заметил сигнала тревоги...

«*Отзовись, Кейт, пожалуйста, отзовись*».

Я снова надел куртку и схватил ключи, лежащие на столике у входной двери. Зашел в гараж, открыл ворота. Внутри тут же ворвался холодный ветер. Я сел в машину и завел двигатель.

И вдруг запищал смартфон. Я поспешно схватил его, но он выскользнул из рук и упал на пол автомобиля. Наклонившись, я поднял его и посмотрел на дисплей. Сообщение от Кейт: «*Да пошел ты*».

Я облегченно вздохнул. Никогда в жизни я не был так рад, что меня послали. Кейт, слава богу, не сделала ничего... ужасного.

Я вытер пот со лба и положил голову на руль.

Собравшись с духом, набрал текст: *«Хочешь, чтобы я приехал?»*

Я не был уверен, что сейчас предложение выглядело уместным, а потому добавил: *«Просто поговорить»* — и нажал на иконку «отправить». Тут же послышался сигнал, подтверждающий, что мое сообщение умчалось к Кейт.

Несколько секунд спустя смартфон запищал в очередной раз, затем еще и еще...

«Да я поняла что просто поговорить ты дал понять что тебе неинтересно мне и так уже все ясно».

«Мне нет необходимости с тобой говорить».

«У тебя был шанс. Помни что я давала тебе шанс».

Выходит, что она больше не хочет меня видеть? В течение последних двух дней горела желанием со мной встретиться и всячески старалась привлечь мое внимание, а теперь уже не желает иметь со мной никаких дел. Что, интересно, так внезапно изменилось?

Ну, кое-что уж точно изменилось: я перестал следить за Ким Бинс.

Мое тело охватил озноб. Мне показалось, что все, что происходило вокруг меня в этом мире, вдруг остановилось.

Я заглушил двигатель и остался сидеть в автомобиле. Я сидел так долго, что датчик освещения, «не заметив» никакого движения внутри гаража, «погасил» свет. Стало темно.

Только Эми знала, что я слежу за Ким. Она знала, чем я занят, сколько времени это будет продолжаться и в какой момент закончится.

Кейт предприняла огромные усилия, чтобы заставить меня с ней встретиться как раз тогда, когда я наблюдал за Ким. Список усилий включал в себя как обычное предложение встретиться, так и сердитые ремарки, эротические фотографии и намеки на самоубийство. В общем, она делала все возможное, чтобы привлечь мое внимание. Но как только слежка прекратилась, я вдруг стал абсолютно не нужен Кейт. Она стала сторониться меня, как прокаженного.

Сидя в автомобиле в кромешной тьме и в абсолютной тишине, я вдруг рассмеялся. Да, рассмеялся, потому что все произошедшее показалось мне таким нелепым, что было вполне уместно громко и от души расхохотаться.

Нелепость ситуации заключалась в том, что Эми и Кейт ну никак не могли действовать в сговоре друг с другом.

Я отправился на работу, чувствуя себя как после похмелья, хотя прошлым вечером не выпил ни капли алкоголя. Однако я не спал всю ночь — пытался осмыслить события минувшего вечера, стараясь оставаться объективным и здравомыслящим, но на каждом повороте наталкивался на каменную стену.

Настало время поговорить с Кейт и во всем окончательно разобраться.

Уже подъезжая к работе и остановившись на перекрестке на красный сигнал светофора, я зашел на смартфоне на веб-страничку «Чикаго-П-П» и разыскал еженедельную рубрику, которую вела Ким Бинс. Конечно же, никакой фотографии сегодня не было — впервые за долгое время. Да, впервые за долгое время там не появилось изображение очередного известного человека, поднимающегося по ступенькам особняка-борделя. Ким начала свою статью так:

«Сегодня без фотографии! Прошу прощения! Но, как говорится, реже видишь — больше ценишь!»

Попыталась отшутиться. Это, дескать, все пустяки. Вчера вечером, однако, когда ее источник не пришел на назначенную встречу, она не была такой беззаботной.

Да и я тоже.

Придя на работу, я увидел, что на письменном столе Кейт, как всегда, чистота и порядок. Ее настольная лампа была выключена, а куртки на вешалке не было. Получается, Кейт еще не пришла. Я посмотрел на часы — я слегка опоздал на работу, значит, Кейт опаздывала еще больше. Такого с ней раньше никогда не случалось: Кейт всегда приходила на службу вовремя.

— А-а, вот и он, — услышал я голос Соши.

— Крутой полицейский, который одержал победу в грандиозном судебном процессе. Поэтому он теперь думает, что уже может не ходить на работу.

Сош стоял возле письменного стола вместе с моим «любимым» лейтенантом — Полом Визневски. Они оба что-то разглядывали на компьютере Соша.

— Где Кейт? — спросил я, снимая куртку.

— А вы что, друг с другом больше не общаетесь?.. Она взяла несколько выходных.

Ну конечно, взяла выходные.

— Замечательно, что хоть ты появился на работе, — сказал Виз, кивая.

Я переделал целую гору работы в неурочное время и уже целый год не был в отпуске. В общем, оснований отдохнуть пару дней я имел предостаточно. Но я никак не отреагировал на реплику Виза. Он ведь с удовольствием обвинил бы меня в нарушении субординации.

— Что вас там так сильно заинтересовало? — поинтересовался я, кивая на компьютер Соша. — Появилась новая серия мультфильма «Мой маленький пони»?

— Не-а, — не заметил иронии Сош. — С минуты на минуту наш любимый конгрессмен расскажет, как он собирается осчастливить нас, став новым мэром.

А-а, ну да. Конгрессмен Джон Тедеско — предполагаемый фаворит на предстоящих выборах, который сменит Фрэнсиса Делани. После того как главу города три дня назад признали виновным в связях с проститутками, он ушел со своего поста. А Тедеско, в свою очередь, заявил, что изучает возможность участия в выборах мэра и общается с избирателями, — словом, начал говорить то, что и все кандидаты, прежде чем официально

заявить о своих намерениях.

Я тоже подошел к компьютеру, хотя вдыхать сигарный запах, исходящий от Виза, было неприятно. Визневски даже не посмотрел в мою сторону — что, впрочем, меня вполне устраивало.

Я успел как раз вовремя: это была прямая трансляция, и конгрессмен Тедеско — симпатичный седоволосый мужчина — только что подошел к микрофонам, прикрепленным к подставке представителями различных средств массовой информации.

— Я собрал пресс-конференцию, чтобы объявить о своих намерениях относительно предстоящих выборов мэра, — начал конгрессмен. — На протяжении нескольких последних недель я поговорил со многими из вас, живущих в этом прекрасном городе...

— О-о, чтоб ты провалился!.. — выругался Сошиа. — Хватит трюндеть.

— Но за последние несколько дней я пришел к другому выводу. Я проанализировал состояние города и решил, что он нуждается в кардинальных переменах. Он нуждается в человеке из другого поколения. Ему нужен руководитель, который не боится принимать смелые решения и борется с коррупцией, которая наводнила город.

Я затаил дыхание: Тедеско не будет участвовать в выборах?

— Этот город нуждается в Маргарет Олсон, прокуроре штата по округу Кук.

Что-что? Я не верил своим ушам.

— Да чтоб ты провалился вместе с ней!.. — пробормотал Сошиа.

Конгрессмен Тедеско сделал рукой широкий приглашающий жест. К нему — и, соответственно, к микрофонам — подошла Маргарет Олсон. Она, улыбаясь, обнялась с конгрессменом.

— Ты, черт бы тебя побрал, наверное, меня разыгрываешь, — решил поговорить с компьютером Сош. — Максималистка Маргарет?

Я тоже не мог поверить: Маргарет Олсон выдвигает свою кандидатуру на пост мэра?

Я взглянул на Виза. Тот не произнес ни слова. Его, похоже, происходящее ничуть не удивляло.

— Я так волнуюсь, что мне трудно подобрать подходящие слова, — пропела Олсон в микрофоны.

— Ты, похоже, выполнил за нее грязную работу, — отозвался Визневски. — Ты вышиб мэра из кресла, чтобы освободить место для нее. Что она тебе пообещала?

Я не клюнул на гнилую приманку со стороны Виза. При других обстоятельствах это, может быть, и произошло бы, но я был все еще слишком ошеломлен, чтобы что-то говорить.

— Когда конгрессмен Тедеско предложил мне выдвинуть свою кандидатуру на предстоящих выборах, моя первая реакция заключалась в том, чтобы отказаться, — трещала Олсон в телекамеру. — Но затем я подумала об этом городе и его проблемах, и мне пришло в голову, что именно я могла бы навести здесь порядок.

— Ах ты чертова акула!.. — Сош плюнул в экран.

Акула. То же самое Кейт сказала об Эми. Той самой Эми, которая, можно сказать, клялась и божилась, что Маргарет Олсон преследует мэра не по политическим причинам и никогда-никогда ни за что в жизни не станет и пытаться избираться на пост мэра.

Я почувствовал, как внутри что-то опустилось. У меня опять возникло сжимающее грудь и обжигающее горло ощущение, что я упустил что-то важное, что мне известно отнюдь не все.

А еще в душе образовалась какая-то пустота — я снова не понимал, где искать правду.

Эми Лентини вышла из лифта в Дейли-центре, когда рабочий день уже давно закончился и город погрузился в темноту. Она шла, с напряженным видом глядя куда-то вниз и о чем-то размышляя. Ее, похоже, что-то удручало. Она шла так быстро, что запросто проскочила бы мимо Пэтти, не заметив ее.

Поэтому Пэтти просто взяла и преградила ей путь.

Эми резко остановилась, подняла глаза и вздрогнула от неожиданности.

— Пэтти, — выдохнула она.

— Эми, я же вам говорила. — Пэтти специально растягивала слова. — Я хочу, чтобы вы держались подальше от моего брата.

Эми окончательно вышла из задумчивости. Ее глаза сузились. То, что давило ей на психику до того, как она увидела Пэтти, смешалось с этим вот внезапным противостоянием, и смесь получилась взрывоопасной. Эми находилась уже почти в точке кипения.

— Вы знали, что три года назад умерла его маленькая дочка? — спросила Пэтти. — Он вам рассказывал? Готова поспорить, что нет. Он не любит об этом вспоминать...

— Он мне не говорил, — призналась Эми, — но я знала. Я просмотрела его личное дело.

— А вы в курсе, что его жена Валерия не смогла перенести горе? Вам известно, что, пока Билли в течение нескольких недель фактически дневал и ночевал в больнице, ожидая, что дочь выйдет из комы, жена не пришла туда ни разу? Она стала пить так, что едва не умерла.

Эми внимательно посмотрела на Пэтти, поправила висящую на плече сумочку:

— Я знаю многое о трагедии. Знаю, что она вскоре покончила с собой.

— Не вскоре, а сразу же, — уточнила Пэтти. — После смерти дочки Билли приехал из больницы домой и обнаружил в ванной мертвое тело жены.

— Пэтти...

— Она взяла из сейфа Билли его табельное оружие, зашла в ванную и выстрелила себе в голову.

— Хорошо, но...

— В общем, мало того что он потерял свою малышку, что он в буквальном смысле *жил* в больнице неделями в надежде, что дочь хотя бы разок откроет глаза, он еще и чувствовал себя *виноватым* за то, что не уделил должного внимания жене.

Эми ничего не сказала в ответ.

— Он сломлен, Эми. Эти события разломали его пополам. Он делает вид, что с ним все в порядке. Он вроде бы шутит, выполняет свою работу, поддерживает со всеми приятельские отношения, но в действительности все не так хорошо, как кажется.

Эми отступила назад.

— То есть у него уже никогда не может быть личной жизни? Никогда?

— Во всяком случае, не с вами, — сказала она. — Не с той, которая его использует.

Глаза Эми вспыхнули. Пэтти даже показалось, что ее слегка обожгло зажегшимся в них огнем.

— Я его использую?

— Вы *проводите расследование* в отношении него, — с вызовом заметила Пэтти. —

Уже давно. Сейчас ваша начальница вознамерилась стать мэром? Думаю, около нее найдется тепленькое местечко и для вас, раз уж вы сыграли свою роль и расчистили ей дорогу.

— Пэтти, послушайте меня...

— Я слышала, что конгрессмен Тедеско сегодня утром отказался от борьбы в ее пользу, — перебила собеседницу Пэтти. — Очень мило с его стороны. И очень удобненько для нее. Явный лидер среди кандидатов на пост мэра вдруг решил, что кресло, к которому он так стремился, — то есть пост мэра Чикаго — не очень-то ему и нужно. А еще он объявил, что именно Маргарет Олсон будет *идеальным* кандидатом!

Эми ничего не отвечала. Пэтти подошла к ней поближе — так близко, что они почувствовали дыхание друг друга.

— Именно так все было, да, Эми? У вашей компании нашелся на него компромат? Может, конгрессмен Тедеско фигурировал в маленькой черной книжке? Вы пригрозили предать этот факт огласке, если он не отойдет в сторону и не поддержит Маргарет? Именно ради этого Ким Бинс публиковала в своей рубрике крамольные фотографии? Чтобы застрашать Тедеско? Ежедневные угрозы? *«Ты можешь быть следующим, конгрессмен. На очередной фотографии можешь быть ты. Тебе такое нужно?»*

Эми, чье лицо находилось так близко от Пэтти, что та не могла его разглядеть, замерла — будто превратилась в каменное изваяние.

— Я двигаюсь в правильном направлении, да, Эми? Все теплее и теплее? Уже даже горячо?

Эми по-прежнему стояла молча и абсолютно неподвижно. Она смотрела не на Пэтти, а куда-то вдаль, но взгляд ее был не затуманенным, а напряженным и сосредоточенным — как будто она пыталась рассмотреть какой-то предмет вдалеке.

«Ты ломаешь голову над тем, каким образом я все выяснила, — подумала Пэтти. — Возможно, малышка Пэтти — маленькая девочка, с которой всем приходилось нянчиться, которая уступала во всем брату-близнецу и была черной овцой в семье, — не такая уж и глупая».

Пэтти схватила Эми за руку. Их взгляды встретились. Пэтти была уверена, что Эми теперь осознает, что она не шутит и предупреждает уже отнюдь не по-дружески.

— Держитесь подальше от моего брата, — прошипела она. — Говорю в последний раз.

Пэтти повернулась и вышла из здания. Она пересекла Дейли-плаза, где ее встретили холод и ветер. Остановившись, она вдруг обернулась и посмотрела сквозь большие стеклянные окна Дейли-центра.

Эми все еще стояла в коридоре, но теперь уже смотрела назад — на лифт, из которого недавно вышла. Она стояла так, прикованная взглядом к лифту, довольно долго.

В конце концов Эми снова пришла в движение, но направилась не к выходу, а нырнула обратно в лифт. Она поднялась на свой этаж, зашла в кабинет. Было довольно поздно — все сотрудники давно ушли домой.

Стоять в ожидании на улице было слишком холодно, поэтому Пэтти снова села в машину, вырулила на противоположную сторону и, развернувшись, припарковалась возле Дейли-плаза.

И стала ждать. Прошло два часа. Даже больше двух часов.

Лишь около десяти вечера, когда в центре города стало очень холодно и пустынно, Эми Лентини появилась снова. Она быстро прошла через вестибюль, вышла на улицу и

остановила такси.

Пэтти подумала немного, стоит ли ехать следом за Эми к ее дому, но решила не утруждаться. Она ведь уже знала, где живет Эми.

Это оказалось не так сложно, как Пэтти предполагала вначале.

На следующий день Эми Лентини отправилась на работу в семь утра. Выходит, что встать ей пришлось очень рано, но Пэтти это не удивило. Эми не ленилась прилагать дополнительные усилия, была решительной, амбициозной и целеустремленной. Она приходила на работу первой, а уходила последней, что и продемонстрировала вчера, покинув кабинет в десять часов вечера.

Проникнуть за запертую дверь квартиры Эми было задачей непростой, но вполне решаемой — важен только точный расчет и некоторые меры предосторожности. Точно рассчитать время не представляло большой сложности. В многоквартирном доме жили молодые специалисты, работающие в разных учреждениях и фирмах, а также студенты, которые отпраивались на занятия в разное время. Поэтому вероятность встретить людей на входе существовала в любое время дня.

Пэтти подождала до полудня, а затем решила, что ждать идеального момента, чтобы проникнуть в квартиру Эми, не стоит. В мире вообще не существует ничего идеального.

Она набралась мужества и вышла из машины. Ветер стал хлестать ее по лицу, а холод, пробравшись сквозь одежду, заставил съежиться.

Прошло несколько минут, прежде чем входная дверь открылась изнутри. Из подъезда вышел молодой юркий парень с козлиной бородкой и серьгой в носу — похоже, студент. Через плечо перекинут рюкзак.

Пэтти распределила движения так, чтобы успеть схватиться рукой за еще не закрывшуюся дверь. Вот это и был точный расчет.

Что касается мер предосторожности, то она катила за собой на колесиках небольшой чемодан, делая вид, что она — молодой специалист, вернувшийся из поездки, и стараясь не походить на человека, который собирается незаконно проникнуть в чужую квартиру.

Второй рукой она держала телефон возле уха и трещала в трубку:

— *Я наконец-то* приехала домой! Какая это была кошмарная поездка!

Эти два обстоятельства — наличие чемодана и мнимый телефонный разговор (а также тот факт, что она — женщина) — позволили ей не вызвать ни малейших подозрений у парня-студента. Он равнодушно скользнул по ней взглядом и даже придержал дверь.

И вот она оказалась внутри!

Она продолжала делать вид, что разговаривает по телефону: *«Ты шутишь! Она и в самом деле такое заявила?»* — со смехом сказала она на случай, если в коридоре окажется кто-то еще.

Но там никого не было. Оказавшись в вестибюле одна, она быстро «просканировала» просторное помещение. В первую очередь она высматривала камеры видеонаблюдения. Таковых здесь не оказалось. Тем хуже для жильцов и тем лучше для нее.

На одной стене висели запертые на ключ почтовые ящики, похожие на бронированные ячейки в депозитарии банка. На полу лежали в целлофановой обертке несколько газет: «Чикаго трибьюн», «Чикаго сан-таймс» и «Уолл-стрит джорнал».

Слева от себя Пэтти увидела какую-то дверь. Закрыто или нет? Это можно вполне безопасно проверить, пока в вестибюле все еще никого нет. Через эту дверь она, наверное, попадет туда, куда ей нужно.

Дверь оказалась незапертой. Пэтти и в самом деле попала куда следует, а именно на лестницу, по которой можно подняться на шестой этаж. Лифт в данной ситуации не подходил. Внутри лифта могла оказаться камера видеонаблюдения. Кроме того, в тесной кабинке люди могут поневоле рассмотреть друг друга. Поэтому уж лучше подняться по лестнице. Пэтти взяла чемодан в руку — он, кстати, был почти пустым — и зашагала вверх по ступенькам.

Дойдя до шестого этажа, она остановилась. Прислушалась... И не услышала вообще ничего. Открыв дверь, она увидела перед собой дешевое ковровое покрытие. И длинный коридор.

Сориентировавшись, Пэтти сообразила, что квартира Эми находится справа от лестницы.

Открыть замок отмычкой оказалось самым простым делом. Это был дешевенький замок со штырьковым реверсивным механизмом. Как пользоваться отмычкой, ей показал один подозреваемый, которого она как-то раз допрашивала по поводу взлома с проникновением. Он пытался ей понравиться. Кстати, не он один — многие подозреваемые пытались, и Пэтти не понимала, на что они надеялись. Она затаила дыхание и, прислушиваясь к малейшим звукам, принялась за работу. Если бы кто-то вышел из соседней квартиры, ей пришлось бы снова разыграть спектакль: она быстро поднесла бы мобильный телефон к уху и стала бы со смехом рассказывать воображаемому собеседнику, что *не может найти проклятые ключи*. В общем, ей пришлось бы говорить и делать что-нибудь такое, что не вызвало бы подозрений.

Это у нее получалось хорошо. Так хорошо, что иногда даже пугало.

К счастью, орудовать отмычкой ей никто не помешал: ни из одной из квартир никто не вышел. Пэтти аккуратно открыла входную дверь и замерла в напряженном ожидании — не проявит ли себя последнее возможное препятствие, а именно сигнализация.

Нет, сигнализации здесь не было. Она зашла в квартиру в абсолютной тишине. Люди, живущие в многоквартирных домах, зачастую думают, что запираемая дверь подъезда с переговорным устройством на первом этаже — вполне достаточная защита для их жилища.

Пэтти закрыла за собой дверь и почувствовала облегчение. Она глубоко вздохнула, сняла зимние перчатки и надела вместо них перчатки резиновые.

Затем сняла ботинки — от мокрых грязных подошв могли остаться следы по всей квартире. Позднее, когда придет время отсюда уходить, она вытрет грязь возле входной двери бумажными салфетками и заберет салфетки с собой. Она не оставит после себя никаких следов.

— Ну что же, Эми, — сказала она, обращаясь к пустой квартире, — давай приниматься за работу.

Она не знала толком, с чего начать. Может, поискать в выдвижном ящичке для носков? В кухонном шкафу? В прикроватной тумбочке? В шкафчике с медикаментами? Под ковриком? Предмет, который она искала, мог находиться где угодно.

Она начала наугад, полагая, что такая вещь не будет лежать на виду. Она осмотрела шкафчик в ванной, пошарила руками под раковиной, открыла бутылочки с медикаментами и флаконы с лосьонами и заглянула внутрь. Она посмотрела под кроватью и отдернула шторы. Тихонько постучала ногой по ковровому покрытию в спальне и по паркету в гостиной, выискивая фальшивые полы и потайные полости.

Ничего. Она осмотрела маленький письменный стол, который стоял в углу гостиной и на котором лежал ноутбук поверх каких-то бумаг. Мини-офис в тесной квартирке. Место, которое на виду. Настолько на виду, что она не стала с него начинать. Но теперь дошла очередь и до него.

Она вытащила один из выдвижных ящиков и достала из него несколько блокнотов, паспорт, какие-то письма, бумаги-документы и журнал, открытый на той странице, на которой начиналась статья о знаменитом расследовании в отношении одного сенатора в штате Висконсин. Слева внутри письменного стола лежали несколько ручек и карандашей и маленькая черная флешка.

Пэтти взяла ее и стала разглядывать так внимательно, как будто сам вид этой флешки мог ей о чем-то сказать. Однако на ней не было ни маркировки, ни какой-нибудь наклейки.

Пэтти, чувствуя дрожь в руках и ногах, достала из сумки, которую принесла с собой, свой ноутбук. Она села на стул возле письменного стола Эми и аккуратно вставила флешку в порт.

Запуская компьютер, она буквально затаила дыхание. На экране появилось меню, в котором отображалось содержимое флешки. А хранился на ней только один файл в формате PDF.

На титульной странице было написано: БУХГАЛТЕРСКАЯ КНИГА.

Чувствуя, как тело пронзило что-то вроде электрического разряда, Пэтти щелкнула мышкой, и компьютер начал шелестеть и поскрипывать. На экране появилось содержимое файла.

— О господи, это она, — прошептала Пэтти. — Это маленькая черная книжка.

Было немало предположений по поводу того, в каком виде существует маленькая черная книжка. Некоторые думали, что Рамона Диллавоу — менеджер особняка-борделя — старалась не использовать компьютеры и просто записывала сведения от руки в каком-нибудь блокноте. Другие полагали, что она вряд ли смогла устоять перед простотой и удобством использования с данной целью компьютера.

Но все сходились в одном: Рамона Диллавоу наверняка ведет учет оплаты со стороны клиентов особняка-борделя.

Пэтти впиалась взглядом в светящийся экран компьютера. Документ, на который она сейчас смотрела, казался ей едва ли не священным Граалем. На его поиски были потрачены сотни человеко-часов, и при этом погибли люди.

Выяснилось, что оба предположения были правильными — Рамона Диллавоу вела записи от руки на страницах блокнота, но затем страницы сканировались, и полученные файлы сохранялись на флешку.

Всего на ней имелось более сорока страниц, похожих на бухгалтерскую книгу и рассортированных по датам, самая первая — трехлетней давности. На каждой строчке были коды: буквы, за которыми следовали цифры, а за ними, в свою очередь, следовало число, отражающее, по-видимому, сумму в долларах, уплаченную за предоставленные услуги: «ВВВ-14-5000»; «JJ-21-7500»; «Q-17-10000». Такого рода записи фигурировали на многих и многих страницах. Никаких имен — только коды.

Однако, просмотрев около сорока страниц, Пэтти обнаружила ключ ко всей этой зашифрованной информации. Каждый номер символизировал ту или иную проститутку. У каждой указывалось только ее имя и первая буква фамилии. Под номером 14 фигурировала девушка, которую звали Эйва Дж., под номером 21 — Марни Б. В общей сложности упоминалось более пятидесяти проституток (Криста К., Кортни Дж., Лиэнн Л.), которые работали в особняке-борделе в последние три года.

Каждая буква символизировала клиента, причем обозначались только фамилии. Когда все буквы были заняты, начали писать по две одинаковые, затем — по три.

Пэтти нашла архиепископа Фелана под буквой «К» — что означало, что он был одним из самых давних клиентов. Под буквами «RR» фигурировал Делани — теперь уже опозоренный бывший мэр Фрэнсис Делани.

Кодом «YY» обозначался Тедеско, и это был не кто иной, как конгрессмен Джон Тедеско — человек, который совсем недавно, можно сказать, отдал ключи от кабинета мэра начальнице Эми — Маргарет Олсон.

Пэтти просмотрела список клиентов. Некоторые уже были разоблачены при помощи фотографий, опубликованных Ким Бинс. Тех, чье грязное белье еще не вытащили на свет, оставалось довольно много — около ста человек.

Пэтти дошла до последней из фамилий и остановилась. Сейчас она находилась на сороковой странице, а всего страниц было сорок две. Ей оставалось прочесть еще две страницы. Она не знала точно, что же там будет — на последних двух страницах, но догадывалась. Рамона Диллавоу, по всей видимости, была очень педантичной по части учета своих транзакций, относящихся к клиентам, которые платили определенную сумму за реализацию тайных сексуальных фантазий. А раз так, почему бы ей не быть столь же

педантичной применительно к выплатам, которые она делала полицейским, прикрывающим ее незаконный бизнес?

Пэтти вздохнула и перешла к следующей странице. В самом верху было написано почерком Рамоны: *«Исходящие платежи»*.

Ага. Откупные. Взятки. Рамона вела также учет взяток.

И здесь фигурировала одна и та же фамилия — строка за строкой — на протяжении последних трех лет. Выплаты делались ежемесячно: сначала в размере двух тысяч долларов, затем — четырех тысяч и в конце концов — десяти тысяч долларов в месяц.

Одна и та же фамилия в каждой строке. Все платежи — одному и тому же лицу.

— Значит, Эми знает, — прошептала Пэтти пустой комнате. — Это проблема.

Она таращилась на экран компьютера, пока слова перед глазами не начали расплываться и подергиваться. Она продолжала смотреть на экран, хотя там уже появилась экранная заставка в виде астероидов, проносящихся через черный экран. Она все еще не сводила глаз с монитора, когда за окнами квартиры Эми Лентини начали сгущаться сумерки.

Она смотрела на экран до тех пор, пока не решила, как ей поступить.

Затем она осторожно закрыла ноутбук — так осторожно, как будто это был взрывоопасный предмет, — и, вытащив из него флешку, засунула ее в карман штанов.

— Пожалуй, я вырву это из твоих рук, Эми, — зловеще прошипела она. — Как говорится, кто нашел — того и вещь. И все такое прочее.

Она положила ноутбук в чемодан, который притащила с собой, и закрыла застежку-молнию.

— Не переживай, братишка, — сказала она, надевая ботинки. — Я это все почищу. Впоследствии скажешь мне «спасибо».

— Детектив Кэтрин Фентон была отвергнутой женщиной, — говорит мой адвокат Стилсон Томита, прислонившись к краю оконного проема в своем офисе. За ним в окне видно реку Чикаго и мост Уэллс-стрит. — Женщиной, которая хотела Билли Харни, но не смогла его добиться. А если не смогла она, значит, не смог никто.

Ух ты! Это круто.

— У нее была мимолетная связь с Билли, но она хотела большего, а Билли — нет. Более того, Билли начал встречаться с другой женщиной, а именно с Эми Лентини. Воспрепятствовать этому у Кейт никак не получалось, поэтому она пошла на крайности. Она перепробовала все. Эдакая Гленн Клоуз в фильме «Роковое влечение». Если не считать того, что она — полицейский, который живет в мире оружия и насилия. Когда у нее ничего не получилось, она не стала горевать и злиться, стоя перед кухонной плитой, а решила поквитаться с Билли посредством совершения убийств. Она убила Рамона Диллавоу, зная, что Билли будет подозреваемым. Она убила Джо Вашингтона после того, как Джо встретился с Билли в метро, — опять же понимая, на кого падет подозрение. Затем она подложила орудие преступления в подвал дома Билли, зная, что это его погубит. Если он сломал ей жизнь, то она, в свою очередь, испортит жизнь ему.

А я было подумал, что его *вступительные слова* звучат круто.

— Всего лишь за несколько дней до перестрелки она присылала Билли свои фотографии в полуобнаженном виде — в том числе и снимок, на котором она приставляет дуло пистолета к голове, угрожая самоубийством, если он ее проигнорирует. И когда он не ответил взаимностью, *что* она написала ему в сообщении? «*У тебя был шанс. Помни что я давала тебе шанс*».

Я не помню этой эсэмэски. Не помню сексуальных фотографий, которые она вроде бы мне присылала. Они — где-то внутри черной дыры, образовавшейся в моей памяти. Единственная причина, по которой мы о них знаем, — нам сообщили представители обвинения.

— Двумя днями позже, — продолжает Стилсон, — она направляется на квартиру Эми Лентини и обнаруживает Билли и Эми лежащими в постели. Это стало последней каплей. Она выхватывает пистолет. Билли, чей пистолет лежит рядом, на прикроватном столике, тоже хватается за оружие, чтобы открыть ответный огонь. Его пистолет выстреливает, и в начавшейся суматохе пуля случайно попадает в Эми — еще до того, как Кейт и Билли стреляют друг в друга.

Стилсон ослабляет узел на галстуке, тянет его вниз и расстегивает верхнюю пуговицу рубашки. Я знаком со Стилсоном Томитой еще с тех времен, когда был ребенком, а он и мой отец — новоиспеченными полицейскими, работающими в поте лица. Затем он закончил юридический факультет и стал прокурором, но впоследствии, когда возникла необходимость платить за обучение в колледже своих четырех отпрысков, «переметнулся» к адвокатам. Стилсон представляет собой классического жителя Чикаго со смешанной кровью: его отец — иммигрант первого поколения из Японии, который открыл швейную мастерскую в районе Линкольн-Парк; мать на все сто пятьдесят процентов ирландка из южной части Чикаго, в роду которой были сплошь и рядом полицейские еще со времен Великой депрессии. [70] Глядя на него, видишь больше Ирландии, чем Азии, но черты его лица недостаточно

отчетливы, чтобы понять его происхождение. Он, бывало, шутил, что люди при первой встрече не могут для себя решить, кто он — итальянец, грек или латиноамериканец.

Но кто бы он ни был по национальности, он все еще выглядит как полицейский, которым когда-то был, — красноватый цвет лица, глубоко посаженные глаза человека, выдавшего мерзопакостный отстой системы уголовного судопроизводства, ее уродство, безысходность, горечь и в конечном счете безнадежность. Он и сажал людей за решетку, и защищал их. По обе стороны баррикад есть свои трудности, и это заметно по его осунувшемуся лицу.

Я обвел взглядом собравшихся в офисе близких мне людей: сестру Пэтти, отца и лейтенанта Майка Голдбергера, который для меня, можно сказать, почти второй отец. Все они размышляют над тем, что только что прозвучало, — то есть над кратким изложением речи Стилсона на суде в мою защиту.

До суда остается меньше недели, и обвинение уже представило доказательства. Мы вдвоем со Стилсоном ломали голову над общими версиями построения моей защиты в течение нескольких недель, но теперь пришло время перейти к конкретике. Теперь нам известно все, что у них имеется против меня. Пришло время окончательно выработать план, проверить и перепроверить его — так сказать, прицениться и вылепить из имеющихся сведений, как из глины, самые лучшие доводы, на какие мы только способны.

— Мой пистолет *случайно* выстрелил и пуля угодила в Эми? — спрашиваю я. — Это был несчастный случай?

— Ну, Эми была убита из твоего пистолета, а не из пистолета Кейт. Они могут это доказать. — Стилсон пожимает плечами. — Если у тебя имеется объяснение получше, я слушаю очень внимательно.

Когда твое самое лучшее объяснение — просто какая-то чушь, то ситуация выглядит не очень обнадеживающей.

Стилсон, видя выражение моего лица, слегка наклоняет голову и кивает.

— Мы используем то, что у нас есть, — говорит он, — и это самая лучшая из имеющихся версий, Билли.

— Единственная версия, — уточняет Пэтти.

— Нет, не единственная, — возражаю я. — Они утверждают, что я был коррумпированным полицейским, так? Они утверждают, что я «крышевал» бордель, получая за это деньги, что прокурор штата вела относительно меня расследование и что я убил всех, чтобы замести следы. Мы могли бы сказать то же о Кейт. Или о Визе. Или о них обоих.

— Да, но никаких улик против них нет. — Пэтти отталкивается от стены, к которой она прислонилась, и опускает руки, которые только что были скрещены на груди. — Нет доказательств, что кто-то занимался «крышеванием». Нет никакой маленькой черной книжки. Это выдумка.

— Нет никакой маленькой черной книжки? — переспрашиваю я.

— Они ее так и не нашли, — отвечает она. — Значит, для присяжных ее не существует.

— Я согласен с Пэтти, — говорит Стилсон. — Послушай, Билли. Мы начнем с того, что скажем: обвинение сплошь и рядом основывается на домыслах. Нет доказательств, что имело место «крышевание», а значит, невозможно доказать, что имела место попытка замести следы. Затем мы дадим присяжным вполне привлекательную альтернативу. — Стилсон берет увеличенные копии эротических фотографий, которые Кейт присылала мне на смартфон. — Это — женщина, чье сердце было разбито и которая отчаянно пыталась

привлечь твое внимание. У каждого из присяжных заседателей, я тебе гарантирую, в какой-то момент их жизни сердце было разбито. Все они знают, как тяжело быть отвергнутым. От переживаний они, по-видимому, никого не убивали и не подставляли — с этим я соглашусь, но они вполне могут себе представить, какие чувства она испытывала.

Я смотрю на Гоулди — он опускает глаза в пол и морщится.

Затем бросаю взгляд на отца — тот, прищурившись, подносит ладонь к лицу.

И, наконец, поворачиваюсь к Пэтти — она кивает в знак согласия.

— Кейт была психически неустойчивой женщиной, потерявшей контроль над собой, — говорит она. — Вот твоя версия. Не было никакой коррупции. И не было никакой маленькой черной книжки.

Пэтти бежит по прогулочной дорожке в сторону севера. На нее то и дело набрасывается яростный ветер. Справа от нее беснуется, словно разыгравшийся непослушный ребенок, озеро Мичиган, а слева снуют туда-сюда по магистрали Лейк-Шор-драйв автомобили. Погода все еще теплая, но если находиться рядом с озером, кажется, что ты совсем в другой климатической зоне. Это была одна из особенностей Чикаго, которая ей всегда очень нравилась: возможность удрать из бетонных джунглей и оказаться на песчаном берегу огромного водоема, где можно послушать, как шелест накатывающихся на берег волн и шуршание шин мчащихся по дороге автомобилей сливаются в одну своеобразную симфонию.

Пэтти чувствует себя здесь в одиночестве, но не физически. Вокруг нее полно людей на велосипедах, роликовых коньках и просто прогуливающих пешком. Ей на этой бетонной прогулочной дорожке встречаются и веселые компании, ноздри периодически щекочет запах марихуаны.

Пэтти чувствует себя здесь в одиночестве совсем в другом смысле. Она ощущает себя полностью, абсолютно одинокой в самом важном смысле.

Она вбегает по дорожке в парк Линкольна. Ветер ослабевает. Ее ступни — можно сказать, с радостью — начинают ощущать под собой мягкий песок на берегу озера, резко контрастирующий с неумолимым бетоном дорожки. Она, как любой хороший бегун, испытывает удовольствие от своих занятий. В груди у нее, правда, ощущение жжения. Расплата за долгий бег. Но у нее возникает желание бежать до тех пор, пока ноги не вспыхнут от напряжения ярким пламенем и пока ее сердце не взорвется.

Суд над Билли начнется через два дня.

Пробежав в сторону севера через парк Линкольна мимо района Лейквью, она сворачивает в сторону гавани Монтроуз-харбор. Там она останавливается на минутку, чтобы отдохнуть, и, восстанавливая дыхание, наклоняется вперед и упирается руками в колени.

Гавань все еще почти полностью забита яхтами, катерами и прочими прогулочными судами, потому что, хотя лето заканчивается, погода по-прежнему теплая. Большинство из владельцев судов попытаются использовать для прогулок по озеру едва ли не каждый погожий день сезона, прежде чем отправят свои катера на зимний отдых.

Пэтти идет вдоль причала: узкая полоса бетона, перпендикулярное ответвление футов на сто дальше в озеро, маяк в конце причала. Здесь нет ничего, кроме этой узкой полосы твердого покрытия, хлещущего ветра и озерной воды — глубокой и беспокойной.

Пэтти останавливается и осматривается по сторонам. К югу от нее высятся строения города — массивные и внушительные. Рядом с ними чувствуешь себя очень маленьким. Иногда.

А перед ней — озеро, похожее на бесконечно большую черную дыру.

«Я смогу это сделать, — размышляет Пэтти. — Нужно всего лишь на пару секунд поддаться соблазну — и все закончится. Никто никогда не узнает».

Они как-то раз приходили сюда вдвоем с Билли — после окончания средней школы. Они были тогда такими молодыми и полными энергии и надежд! Они уселись на краю причала, свесили ноги, открыли бутылку «Джонни уокер ред» и стали отхлебывать из нее, болтая ногами. Ветер ерошил им волосы. Они пообещали друг другу, что станут полицейскими, как их отец, и будут работать вместе и прикрывать друг другу спину. Всегда.

Пэтти начинает дрожать: сильный ветер и холодный воздух быстро остужают ее тело.

А озеро словно бы танцует вокруг нее и зовет.

«Я смогу это сделать. Никто не узнает».

«Да, — решает она. — Следовало сделать это уже давно».

Она засовывает пальцы в кармашек своих шорт. Кармашек такой маленький, что в него можно положить разве что ключ или несколько свернутых в трубочку банкнот. Или флешку.

Флешку, которую она украла из квартиры Эми Лентини за день до ее гибели. Флешку, хранящую в себе маленькую черную книжку.

«Просто сделай это», — мысленно подзадоривает себя Пэтти.

Она держит малюсенькую флешку на ладони. Затем обхватывает ее пальцами и сжимает ладонь в кулак. Глядя вдаль на темное, бесконечное озеро, отводит руку назад и изгибается, как подающий в бейсболе.

Ветер подхватит флешку, но она не настолько легкая, чтобы не утонуть после того, как шлепнется в воду. Да, она достаточно тяжелая. Она опустится на самое дно озера Мичиган — туда, где глубина воды футов сто, а потом ее унесет подводное течение, и она исчезнет навсегда.

Пэтти отводит руку еще дальше назад. У нее всегда были довольно сильные и ловкие руки («довольно сильные и ловкие как для девочки» — всегда добавляли те, кто об этом говорил). Но Билли сложен лучше.

Раньше Билли вообще был лучше во всем.

Раньше, но не сейчас.

Вечером накануне суда я иду на прогулку.

Шагаю в сторону северо-востока по направлению к району Бактаун, петляя среди других прохожих и выискивая признаки жизни — оживленные разговоры в ресторанах под открытым небом, запах жареного мяса и лука, визг автомобильных шин и звуки клаксонов. Иногда я все еще вижу мелькнувшее в толпе лицо Эми или слышу ее голос в своих грезах, но это постепенно увядает, случается с каждым днем все реже и реже и становится все менее отчетливым.

Мои ноги в хорошем состоянии: я уже почти не хромаю. Бедрa, правда, в последние дни побаливают. Врачи говорят, что я уж слишком стараюсь переносить вес тела на здоровую ногу, чтобы ослабить нагрузку на больную. А в общем и целом чувствую себя хорошо. Стилсон, мой адвокат, советует войти в зал суда с тростью, хромая и сутулясь. Он хочет, чтобы я выглядел пострадавшим — дескать, я жертва, а не убийца. Ну, как те гангстеры, которые грабят, запугивают и убивают, а угодив за решетку, появляются в зале суда в инвалидных колясках и с кислородными баллонами.

Пройдя мили четыре, не меньше, я направляюсь обратно в свой район. Я чувствую себя довольно хорошо. После прогулки мышцы размялись и частично ушло психическое напряжение. Но ожидание предстоящего суда все еще заметно давит на плечи.

Я знаю, чем все закончится. Мы будем доблестно сражаться, и присяжные, возможно, поверят, что Кейт в своих домогательствах по отношению ко мне зашла уж слишком далеко. Но кто кого сможет обмануть? Только чудо могло бы спасти меня от обвинения в четырех убийствах, и только чудом можно убедить присяжных в том, что это Кейт совершала преступления и инсценировки, потому что не смогла меня добиться.

«Опять это ощущение...»

Я остановился на тротуаре как вкопанный и повернулся на сто восемьдесят градусов. Позади меня никого не видно. Я никого не могу схватить за руку. Я никого не вижу и не слышу. Но я чувствую это.

За мной кто-то следит.

Я опять повернулся на 180 градусов и пошел дальше. На перекресток выезжает — и, похоже, замедляет ход — золотистый джип. Водитель, как мне кажется, поглядывает на меня. Мне его не очень хорошо видно, поскольку уже сгустились сумерки, и он уезжает прочь, прежде чем мне удастся что-либо рассмотреть. Я даже не успеваю заметить номерной знак.

Я поворачиваю за угол, чтобы направиться непосредственно к своему дому, и снова останавливаюсь.

На пороге дома кто-то сидит.

Я подхожу ближе. Уже так темно, что я никак не могу разглядеть...

Ой, да это же мой папа. Я не сразу узнал его в бейсбольной кепке.

— Ты не против, если я погуляю вместе с тобой? — спрашивает он, когда я подхожу совсем близко.

Он поднимается, и мы идем мимо моего дома дальше по улице. Воздух приятный. Такое в Чикаго бывает не всегда. Обычно у нас после лета почти сразу начинается зима — лишь с очень коротенькой осенью между ними.

— Мы с твоей матерью когда-то частенько гуляли вместе, — рассказывает он. — После того как вы с Пэтти уехали учиться в колледж, а мы остались вдвоем. Она говорила, что такие прогулки меня успокаивают. Они изгоняли из меня всех демонов, которые вселялись за долгий рабочий день.

Ветер усиливается. Он приносит запах дождя. Папа крутит большое кольцо с ключами вокруг своего пальца.

— Я не хотел, чтобы ты стал полицейским, — признается он. — Ты это знал?

Нет, я не знал. Я полагал, что ничто не вселит в него столько гордости, как тот факт, что сын пошел по его стопам.

— А затем, — продолжает он, — когда ты принес присягу, я поклялся, что не буду вмешиваться в твою карьеру. Не буду дергать за веревочки, помогая тебе продвигаться вперед. Не буду тебя опекать. — Он кивает как бы самому себе и вздыхает. — Я подумал, что это лучший из подарков, которые я мог бы тебе сделать. Позволить тебе всего добиваться своими силами, чтобы ты осознавал, что я не расчищал перед тобой дорожку. Но мне все же следовало присматривать за тобой повнимательнее. Нужно было добиваться...

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему. Отец смотрит прямо мне в глаза.

— Папа, я вовсе не коррумпированный полицейский, — уверяю я. — Я никогда не брал взятки — даже десяти центов. Я никого не «крышевал». Я никого не убивал.

Он смотрит на меня долгим одобряющим родительским взглядом.

— Я знаю, — говорит он.

— Нет, ты не знаешь. Ты на это *надеешься*. Потому что думаешь, если я — коррумпированный полицейский, то вина лежит на тебе, потому что не присматривал за мной.

Он ничего не отвечает. Он сжимает челюсти и прищуривается. Мне на мгновение кажется, что он сейчас не удержится и расплачется, хотя мой отец никогда себе такого не позволял. Однако сейчас эмоции рвутся на поверхность, как пузырьки воздуха в воде.

Я не могу себе отчетливо представить, каково это — видеть, как твой сын предстанет перед судом по обвинению в убийстве. Я могу лишь смутно догадываться. Могу предположить, что папа вспоминает обо всех играх Малой лиги, концертах на фортепиано и школьных пьесах, которые он пропустил, потому что был очень занят на работе и стремился к продвижению по службе. В те времена он вполне мог взять меня на руки и рассказать, как сильно меня любит, вместо того чтобы сдержанно кивнуть в знак одобрения или слегка похлопать по плечу.

Сейчас он играет в жестокую игру под названием «*А что, если...*». А что, если бы он проводил со мной больше времени? А что, если бы он внимательнее присматривался, как я работаю?

— Я пришел сюда не для психоанализа, — меняет тему отец.

— Нет?

— Я пришел сюда, — говорит он, — потому что хочу предложить тебе выход из ситуации.

— Выход из ситуации, — эхом отзываюсь я. — И как же из нее выйти?

— Вопрос состоит не в том, как, — уточняет он, — а в каком направлении.

— Вопрос состоит... — И тут до меня доходит: — Ты предлагаешь мне пуститься в бега?

Он вздыхает и переминается с ноги на ногу.

— Если ты сам захочешь, — произносит он, глядя на тротуар.

— Ты шутишь.

Он снова поднимает глаза на меня и качает головой:

— Нет, я не шучу.

— Меня выпустили под залог, и этот залог — твой дом, — напоминаю я. — Если я дам деру, ты потеряешь...

— Ты думаешь, для меня так важен дом? — Он сплевывает. — Пусть они забирают чертов дом. Мне он уже все равно больше не нужен. Я — вдовец, а живу в хоромах с пятью спальнями...

— Они посадят тебя в тюрьму.

Папа смотрит в небо и почесывает затянувшийся порез от бритвы.

Я отступаю на шаг назад и окидываю его взглядом.

— Похоже, ты говоришь серьезно, — вздыхаю я.

— Никогда в своей жизни я не говорил ничего более серьезно, сынок. Мы можем вывезти тебя сегодня вечером. Вывезти за границу. Для начала, я так подумал, в Мексику. У одного бывшего полицейского там есть домишко возле Плая-дель-Кармен. Сначала мы отвезем тебя туда, а затем, возможно, в Южную Америку.

— Я сдал свой паспорт.

— Да, ты его сдал. Но мы можем достать тебе документы. А затем нам придется...

— Я не хочу этого слышать, папа. Я даже не хочу...

Я запинаясь на середине предложения:

— А кто это «мы»?

Папа кивает на свою «Тойоту», припаркованную у противоположного тротуара. Я ее даже не заметил. Но теперь, присмотревшись, увидел на переднем сиденье Гоулди.

Папа и Гоулди готовы поставить на кон свою карьеру и свою свободу. Ком подступает к горлу от осознания того, как сильно они за меня переживают. Выходит, что жертвами всех этих событий могут стать не только те, кто погиб, и тот, кому грозит тюрьма — то есть я, но и кое-кто еще.

— Билли, мы вполне можем это сделать. Сегодня вечером. Я могу раздобыть автомобиль и документы, и ты сможешь пересечь границу до того, как станет известно, что ты уехал. У меня есть кое-какие деньги. Не очень много, но есть. Их хватит. У нас обоих есть одноразовые телефоны — мы можем общаться и координировать действия. Это вполне можно сделать, сынок. Ты и сам знаешь, что можно.

Пока он все это говорил, во мне все больше и больше росло неприятие его слов. Я поднимаю руки вверх:

— А что будет с тобой?

— Не переживай по поводу того, что будет со мной. Я... — Он пожимает плечами. —

Конечно, меня будут подозревать. Просто нужно действовать по-умному. Не оставлять следов. — Он кивает. — Я готов рискнуть.

— А Пэтти? Я даже не попрощаюсь с Пэтти? И никогда ее больше не увижу?

Папа смотрит куда-то вдаль и морщится. Когда он показывает, что ему больно, он напоминает мне мою сестру.

— Твоей сестре явно приятнее будет знать, что ты живешь на каком-то пляже, навещаешь бар и трахаешь местных женщин, чем общаться с тобой через стеклянное окно в тюрьме «Стейтвилл» до конца твоих дней. Она будет рада, что у тебя есть хоть какая-то, но жизнь.

Я щипаю себя за переносицу и хмыкаю.

Свобода. Похожая на теплый бриз. Я чувствую ее на своем языке. Чувствую, как она растекается во мне вместе с кровью. Еще один шанс. Новая жизнь.

Отец подходит ближе и хватает меня за руку.

— Позволь мне сделать это для тебя, — шепчет он, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Ты ведь не зря выжил, сынок. Ты мог умереть в той спальне. Ты должен был умереть от такого ранения, но ты не умер. Ты преодолел все трудности и вернулся к нам. Ты сделал это не для того, чтобы провести остаток своей жизни в бетонной камере. У тебя есть второй шанс. У *меня* есть второй...

Я вырываю свою руку.

С неба слышатся какие-то звуки. Первые признаки надвигающейся непогоды, тучи темнеют.

Он прокашливается, вытирает глаза рукавом, берет себя в руки и снова загоняет эмоции в привычное место — туда, где их не видно.

— Тебе нечем защититься, — сетует он. — На суде ты проиграешь. Судья будет вынужден приговорить тебя к пожизненному заключению. Если ты попытаешься сбежать и тебя поймают, то какая разница? Они не могут приговорить тебя к чему-то большему, чем пожизненное.

Мы оба это прекрасно понимаем. Мое дело — проигрышное, потому что я не могу ничего вспомнить. Я — немощный. Меня толкают на боксерский ринг со связанными за спиной руками.

— Такого же мнения была бы и твоя мама, — продолжает убеждать он.

— Нет, не... — Я поднимаю палец. — Мама не захотела бы, чтобы я брал на себя то, чего не делал.

Отец резко опускает руки и смотрит на меня так, как смотрел, когда я был ребенком — ребенком, который натворил что-то такое, что вызывает у него сильное раздражение.

Выражение разочарования и мольбы на его лице медленно меняется на что-то более темное и холодное. Что-то навязчивое и очень-очень грустное.

— Откуда ты знаешь, что не делал? — шепчет он. — Откуда ты знаешь?

Прокурор штата Маргарет Олсон стоит перед присяжными и застегивает пиджак своего мягкого серого костюма. Все стулья в зале суда заняты. Сидящие на них люди молчат в напряженном ожидании. Уже вторая половина дня. Первая половина ушла на выбор присяжных. Времени сегодня остается только на вступительную речь обвинения.

Олсон слегка поворачивается — так, чтобы можно было показывать в мою сторону жестами. Стилсон предупредил, что она будет это делать. Она, выдвигая против меня обвинения, будет показывать на меня рукой.

— Детектив Уильям Харни был коррумпированным полицейским, — говорит она. — Коррупционером, который знал, что его вот-вот разоблачат. Поэтому он попытался замести следы единственным способом, на какой был способен. Он убил ключевого свидетеля, убил своих коллег-полицейских, которые уже подбирались к нему, и убил прокурора, которому поручили проводить расследование.

Она поворачивается и показывает на меня, выставив указательный палец.

— Подсудимый убил четырех человек, поэтому обвиняется в четырех убийствах.

Я качаю головой, но не в нарочитой манере: «Клянусь, я этого не делал!» — а с ошеломленным видом. Так, как будто ее заявления настолько абсурдны, что они даже не заслуживают, чтобы на них отвечали.

— Подсудимый совершал одно из старейших из оговоренных в законодательстве преступлений, — продолжает она. — Он занимался «крышеванием». Если вы — полицейский, а кто-то занимается чем-то противозаконным, вы говорите ему: дай мне немного денег, а я сделаю так, что тебя не арестуют. Я буду твоей «крышей».

Она кивает и делает паузу, давая присяжным возможность вдуматься в ее слова. Убедить присяжных, являющихся жителями Чикаго, что какой-то полицейский коррумпирован, не сложнее, чем убедить Дональда Трампа, что он — яркая личность. Более того, половина из присяжных живут в пригородной части округа Кук, а многие жители пригорода считают, что мы в Чикаго только то и делаем, что занимаемся коррупцией.

Олсон рассказывает им про особняк-бордель в районе Голд-Коуст, показывает какую-то фотографию, напоминает о том, о чем они уже слышали на протяжении года из средств массовой информации, — о бывшем мэре, архиепископе и прочих богатых и знаменитых клиентах особняка-борделя.

— Подсудимый «крышевал» этот элитный публичный дом, — вещает она, — и до его разоблачения оставалось уже *вот столечко*. — Она разводит указательный и большой пальцы на расстояние в один дюйм, показывая, насколько мало оставалось до моего «разоблачения». — Офис прокурора штата по округу Кук — мой офис — проводил расследование относительно борделя. Прокурором, которому поручили руководить расследованием, была женщина, которую звали Эми Лентини.

Олсон кладет на высокую подставку огромную фотографию обаятельно улыбающейся Эми в форменной одежде прокурора.

— Эми вот-вот должна была разоблачить преступный бизнес. Она уже собиралась нагрянуть в бордель с облавой. Мы покажем вам запрос на ордер на обыск, который она составила. Из документа станет понятно, *что* она хотела найти в первую очередь: учетные записи. Маленькую черную книжку. Если вы занимаетесь каким-то бизнесом, вам

необходимо вести учет совершаемых транзакций, не так ли?

Несколько присяжных в знак согласия кивают.

— Но это — *незаконный* бизнес, — продолжает она. — Вы берете с клиентов деньги за секс. Часть из этих денег даете полицейским за то, что вас прикрывают. Все это — незаконные действия. Такие учетные записи вы не доверите бухгалтеру и не покажете сотрудникам налогового управления.

Двое из присяжных смеются. Я всегда считал Маргарет Олсон упрямым тугодумом, но, надо признать, она сейчас умело перетягивает присяжных на свою сторону. Она говорит с ними простым языком, представляющим собой изящную смесь драматизма и непринужденности. Она — хороший политик.

Я недооценил ее, причем в очень неподходящее время.

— У Эми имелась информация, что менеджер секс-клуба ведет учетные записи прямо в особняке — то есть у нее есть так называемая маленькая черная книжка. Эми буквально через несколько дней собиралась устроить облаву в борделе и заполучить черную книжку. Иначе говоря, всего лишь через несколько дней у нее должны были появиться доказательства, в которых она нуждалась для разоблачения некоего коррумпированного чикагского полицейского. — Олсон делает шаг вправо. — Мы покажем вам ходатайство об ордере на обыск, которое готовила Эми. Вы выслушаете показания одного из прокуроров, привлеченных к тому расследованию. Но вы не услышите показаний Эми — прокурора, возглавлявшего расследование. Вы не услышите ее показаний, потому что подсудимый позаботился о том, чтобы уже *никто и никогда* не услышал никаких показаний Эми.

Она поворачивается и бросает на меня испепеляющий взгляд и медленно кивает.

— Подсудимый хитер, — продолжает она. — Да, очень хитер. Ему стало известно о расследовании, проводимом прокурором штата. Он узнал, что мы вот-вот устроим облаву в этом секс-клубе. Как же он в такой ситуации поступил? Он сделал нечто очень-очень умное.

Олсон делает выразительную паузу, в течение которой присяжные теряются в догадках, что же такого умного я сделал.

— Он сам устроил там облаву, — наконец говорит она. — Именно так: подсудимый, который являлся детективом, расследующим *убийства*, и должность и работа которого не имели абсолютно *никакого* отношения к нравам, проституции и всему такому прочему, внезапно устроил облаву в борделе и задержал всех, кто там находился.

Она разводит руки в стороны.

— Это была блестящая идея, позволившая достичь двух целей. Во-первых, замести следы. Из всех полицейских мира, которых вы могли бы заподозрить в «крышевании» публичного дома, вы лишь в самую *последнюю* очередь заподозрили бы того, кто сам устроил там облаву и разоблачил злочное заведение, не так ли? Это позволило подсудимому выглядеть невиновным.

Несколько присяжных кивают и что-то записывают в свои блокноты.

— Он поступил хитро, — трясет крючковатым пальцем Олсон. — Вторая цель — еще более важная — заключалась в том, чтобы найти записи публичного дома. Ворвавшись в особняк раньше Эми, подсудимый не позволил ей добраться до маленькой черной книжки. Он тайком забрал документ и уничтожил его.

Присяжные кивают: все вроде бы сходится.

— Но ведь есть еще и менеджер секс-клуба, не так ли? Я имею в виду, что, даже если маленькая черная книжка и пропала, о взятках полиции может рассказать менеджер. Эту

женщину-менеджера звали Рамона Диллавоу. Именно она — Рамона Диллавоу — заведовала публичным домом.

Олсон ставит снимок Рамоны, сделанный на какой-то вечеринке, на вторую подставку — рядом с фотографией Эми, тем самым как бы устраивая своего рода парад жертв.

— Рамона все еще представляла для подсудимого угрозу. Более серьезную опасность, чем когда-либо раньше. Но и она, госпожа Диллавоу, тоже не сможет дать показаний по данному уголовному делу. Потому что подсудимый заставил ее замолчать навеки.

Я снова качаю головой, но я понимаю — и все в зале суда понимают, — что Маргарет Олсон сейчас искусно припирает меня к стенке.

Один адвокат как-то раз сказал, что 90 процентов судебных разбирательств выигрываются или же проигрываются в зависимости от того, какой была вступительная речь.

Олсон выставляет вперед руку и, согнув пальцы, начинает один за другим их разгибать.

— Факт: относительно подсудимого проводилось расследование на предмет коррупции, — говорит она, разгибая большой палец. — Факт: подсудимый, воспользовавшись служебным положением, ворвался в особняк, не позволив поставить точку нашим сотрудникам, проводившим вышеупомянутое расследование, и главная улика исчезла. Еще один факт: прокурор, который руководил расследованием, убит. И еще один: главный свидетель, который мог дать показания против подсудимого, убит.

Маргарет Олсон, сделав паузу, кивает.

— И мы еще только начинаем, — предупреждает она.

— Я говорила вам, что подсудимый хитер, — обращается Олсон к присяжным. — Он очень-очень коварен. Он знал, что Эми уже у него на хвосте. Он знал, что она подозревает его в похищении маленькой черной книжки. Вы выслушаете показания главного полицейского города — суперинтенданта полиции Тристана Дрискола. Он предстанет перед вами в качестве свидетеля, даст клятву говорить правду и только правду и расскажет, как Эми расспрашивала подсудимого после устроенной им облавы и обвиняла в том, что он украл маленькую черную книжку.

Олсон делает пару шагов в сторону и возвращается на место. Для человека, который тратит больше времени на участие в политических кампаниях, чем на работу в зале суда, она выступает просто блестяще. Ее явно кто-то тщательно подготовил. Сейчас она ведет себя как профессионал. Выступает со вступительной речью перед присяжными в суде надо мной и одновременно ведет агитацию в предвыборной борьбе за пост мэра, ибо внимание прессы и общественности приковано сейчас к этому процессу.

— И что же сделал подсудимый? Что сделал этот очень хитрый и довольно умный мужчина? Он начал встречаться с Эми. Он очаровал ее, соблазнил. Вам известна старая поговорка: «Держите друзей близко к себе, а врагов — еще ближе»? Подсудимый действовал именно так. Он приблизил к себе врага насколько возможно. Таким образом он мог контролировать Эми и быть в курсе ее расследования. Их отношения приобрели сексуальный характер и стали очень интенсивными. Эми влюбилась в подсудимого. — Олсон кладет ладонь себе на грудь. — Я не прошу вас верить мне на слово. Мать Эми — Мэри Энн Лентини — предстанет здесь перед вами и поведаст, что рассказывала ей о подсудимом дочь. Эми призналась матери, что впервые в жизни влюбилась.

Эти слова подействовали на меня как внезапный удар в живот. Я отвел взгляд от Олсон и присяжных, как будто это могло как-то отдалить меня от услышанного.

— Надо выдержать, — шепчет мне Стилсон.

— Однако были ли их отношения по-настоящему близкими? Испытывал ли подсудимый искренние чувства к Эми или морочил ей голову исключительно ради того, чтобы быть в курсе расследования? Это в конечном счете предстоит решить вам. Но имейте в виду следующее: Эми была не единственной женщиной, которую подсудимому удалось затащить в постель. Он спал еще с одной. И знаете, с кем?

Олсон кладет на третью подставку большую фотографию Кейт.

— Детектив Кэтрин Фентон, его напарница, — провозглашает она. — Девушка работала с ним в паре более шести лет, и все эти годы их отношения были исключительно платоническими. Их, безусловно, можно назвать близкими, но никак не романтическими, не сексуальными. Затем произошла облава в особняке-борделе. Кэтрин находилась рядом с подсудимым. Где же ей еще быть — она же его напарница. А еще она стояла рядом с ним в офисе прокурора штата, когда Эми обвинила подсудимого в том, что он украл маленькую черную книжку. Кэтрин осознавала, что подозрение может пасть и на нее. Еще как может. Над ней нависла угроза стать соучастницей, не так ли? Поэтому Кэтрин Фентон начала смотреть на ситуацию с собственной точки зрения. И у нее появилось подозрение, что, возможно, ее напарник не такой, каким кажется, и что, возможно, Эми говорила правду — то есть что подсудимый *и в самом деле* украл маленькую черную книжку.

Олсон с легким хлопком сводит ладони вместе.

— И как подсудимый отреагировал, когда осознал, что у напарницы имеются кое-какие задние мысли относительно него?

Она поворачивается и смотрит на меня.

— Точно так же, как он поступил по отношению к Эми, — произносит она. — Он соблазнил ее. Установил с ней романтические отношения. И тоже очень интенсивные. Вы увидите и услышите подтверждение того, что — по крайней мере с Кэтрин — отношения подсудимого стали *очень* активными.

Ловко. Она схватила наши потенциальные доводы в мою защиту и, выставив в выгодном для себя свете, заткнула их нам в глотку.

— Но в конечном счете его личного обаяния оказалось недостаточно, — продолжает она. — Эми Лентини была хорошим прокурором, и она продолжала свое расследование. Кэтрин Фентон числилась хорошим детективом, и она тоже попыталась во всем разобраться. Хотя они обе были равнодушны к подсудимому, улики против него накапливались. В конце концов детектив Фентон бросила обвинение подсудимому в лицо в квартире Эми. Вы увидите последний обмен эсэмэсками между Кэтрин и подсудимым, состоявшийся за несколько минут до того, как он убил обеих женщин.

На четвертую высокую подставку — рядом с фотографиями трех жертв якобы моих преступлений — Олсон водружает увеличенную распечатку сообщений, которыми в тот роковой день обменялись мы с Кейт.

Фентон: *«Мне нужно с тобой поговорить».*

Харни: *«Не сейчас».*

Фентон: *«Я у входной двери открой».*

Харни: *«Ты у двери квартиры Эми?»*

Фентон: *«Да открой дверь прямо сейчас».*

Харни: *«Зачем мне это».*

Фентон: *«Затем что она знает о тебе идиот. Она знает и я знаю».*

Олсон делает паузу, тем самым давая присяжным время прочесть сообщения. По мере ознакомления с текстом их брови поднимаются вверх, а рты слегка приоткрываются.

— *«Она знает»*, — читает Олсон слова из последнего сообщения. — *«Она знает о тебе... И я знаю».* Подсудимого прижали к стенке две женщины, которых он пытался запутать и очаровать, чтобы они не заметили его преступлений. Его прижали к стенке, и у него не оставалось выбора. Он ликвидировал их обеих с интервалом в несколько минут... А теперь давайте поговорим о вещественных доказательствах, которые мы предъявим, — воодушевляется она.

Таких доказательств оказывается немало. Но это всего лишь сахарная глазурь на прекрасном торте, который только что испекла Маргарет Олсон. По реакции присяжных на ее слова и по их мрачным взглядам в мою сторону становится ясно, что я одной ногой в могиле. И свою лопату земли на эту мою могилу бросит каждый из них.

На следующее утро мой адвокат Стилсон Томита выступает с нашей вступительной речью, суть которой он уже изложил мне в своем офисе. Кейт, по его словам, представляла собой классическую «отвергнутую женщину». В составе присяжных было семь дам, и я больше всего переживал по поводу того, как они отреагируют на эти слова. Пэтти всегда говорила — и один раз мне подтвердила моя жена, — что никто не относится к женщинам более критично, чем другие женщины. Возможно. А если критика исходит от мужчины? Тут уж я не знаю. Стилсон использует имеющиеся у него доказательства — сексуальные фотографии и сообщения, в том числе и то из них, в котором сквозила скрытая угроза: *«У тебя был шанс. Помни что я давала тебе шанс»*.

Но присяжным, похоже, это не кажется убедительным. Они весь прошедший вечер размышляли над тем, что услышали от Маргарет Олсон: что я был непорядочным, манипулировал людьми, соблазнил Кейт ради возможности держать ее в поле своего зрения — «держат врага поближе к себе». И каждый из доводов Стилсона, которые тот приводил в доказательство отчаяния и безумия Кейт, которая всеми способами помогала мне, кажется им еще одним подтверждением, что мои манипуляции сработали.

Слово снова переходит к обвинению. Маргарет Олсон в течение трех последующих дней устраивает прямо-таки парад свидетелей, тщательно обосновывая обвинения в мой адрес.

Первой выступает Нгози Макнамара, заместитель прокурора штата, — красиво одетая молодая афроамериканка родом из Йоханнесбурга, что в Южно-Африканской Республике. Судя по фамилии, она вышла замуж за какого-то местного ирландца.

— По указанию Эми Лентини я помогала составлять запрос на ордер на обыск в особняке, — рассказывает она.

Маргарет Олсон кивает:

— Первое предложение третьего абзаца документа. Не могли бы вы прочесть, что там написано, чтобы это внесли в протокол, госпожа Макнамара?

Макнамара смотрит на свой экземпляр документа:

— «Нижеподписавшемуся лицу стало известно от ТО, что сделанные от руки записи, относящиеся к занятию проституцией и взяткам чикагской полиции, хранятся внутри здания».

— А что означает «ТО»?

— «Тайный осведомитель».

— А за чьей подписью был бы отправлен запрос?

— За подписью Эми Лентини, — отвечает Макнамара.

— Получается, у нее имелся тайный осведомитель?

— Да, имелся. Он сообщил, что Рамона Диллавою ведет учетные записи внутри особняка. Нас прежде всего интересовали пометки о взятках, которые давались полицейскому управлению Чикаго.

— Эми говорила вам, кто был ее тайным осведомителем?

Макнамара, вспомнив что-то, улыбается и качает головой:

— Вытащить из нее эти сведения не помогли бы даже «Челюсти жизни». [\[71\]](#)

— Не помогли бы?

— Ей, конечно, в конце концов пришлось бы рассказать об информаторе судье, от

которого она хотела получить ордер на обыск. Но если бы такой необходимости не было, Эми скорее забрала бы информацию с собой в могилу.

Олсон бросает взгляд на присяжных:

— Насколько вам известно, Эми *действительно* забрала ее с собой в могилу, не так ли?..

Суперинтендант полиции Тристан Дрискол, мой старинный «друг», одетый в униформу — хотя не провел ни одного дня на улицах города, борясь со всяким дерьмом, — заявил, приподняв подбородок и проговаривая слова очень четко и доходчиво, что Эми Лентини была убеждена в том, что именно я украл маленькую черную книжку во время облавы в особняке.

— Госпожа Лентини однозначно заявила, что детектив, расследующий убийства, не имел никаких оснований арестовывать кого бы то ни было за причастность к проституции, — вступает он. — И я согласился. Оснований действительно не было.

— А как отреагировал подсудимый?

— Он очень разволновался. Уже в самом конце разговора резко поднялся со стула и подскочил к ней почти вплотную. Я поначалу подумал, что он собирается напасть на нее.

— Протест, — поднимает руку Стилсон, стараясь в полной мере отработать высокую почасовую оплату. — Необоснованные нападки.

Судья удовлетворяет протест, тем самым отбивая выпад, который Тристан сделал в мою сторону, но как можно ликвидировать звон колокола, который уже зазвонил? *«Сделайте вид, что вы его не слышали, господа присяжные (подмигивание), пусть даже нам всем и известно, что вы его слышали!»*

Мэри Энн Лентини (мать Эми, очень похожая на нее — такие же темные глаза и черные волосы) со слезами на глазах сообщает, что дочь приехала ее навестить в город Аплтон в штате Висконсин и рассказала о знакомстве с одним мужчиной.

— Эми призналась, что впервые в жизни нашла человека, с которым могла бы связать будущее, — говорит мать Эми. — Она сказала, что влюбилась в полицейского, которого зовут Билли Харни.

Затем выступает Марк Мэдисон — специалист по сбору улик из полицейского управления Чикаго. Эдакий коренастый толстяк, который покрасил — причем неудачно — остаток волос на полулысой голове. Я знаю Марка далеко не один год. Чего ему меньше всего хочется — так это давать в суде показания против меня. Сейчас он даже не решается взглянуть в мою сторону.

— Да, — говорит он. — Я присутствовал во время обыска в доме Билли. Но лично я оружия в подвале не находил.

— Но, поскольку вы являетесь одним из специалистов по сбору улик, вам показали обнаруженное оружие?

— Да. Меня сначала позвали в некое помещение в подвале, похожее на кладовую. В коробке для сигар на одной из полок было обнаружено огнестрельное оружие.

— То самое оружие, описание которого вы только что дали? — спрашивает Олсон, показывая на пистолет в прозрачном пакете.

— Да, это оно, — соглашается Марк. — Я положил его в пакет и прикрепил бирку.

— Вы...

— Я инвентаризировал его, — не дает договорить он.

Олсон кивает:

— А было ли там какое-нибудь другое оружие?

— Был нож — обычный старый кухонный нож, который обнаружили под крышкой туалета в подвале, — отвечает он. — Я тоже его инвентаризировал.

— Этот? — Появляется еще один прозрачный пакет, в котором лежит нож.

— Да, это он.

— Насколько нам известно, вы получили указанные единицы оружия из рук человека, который их обнаружил?

— Думаю, да.

— И кто этот человек? — задает следующий вопрос Олсон. — Кто обнаружил пистолет и кухонный нож в подвале подсудимого? Один и тот же человек?

— Да, один и тот же, — говорит Марк. — Лейтенант Пол Визневски.

Доктор Жаклин Коллинз-Лайтфорд — судебный эксперт в криминалистической лаборатории чикагской полиции. После ее фамилии в документах фигурируют многочисленные аббревиатуры, символизирующие ученые звания, и другие аббревиатуры, обозначающие профильные группы экспертов, в состав которых она входит. Много букв и всевозможные заумные слова. К тому моменту, как она наконец расшифровала присутствующим все закодированные аббревиатурами знаки, мы, я думаю, несколько раз прошлись по всему алфавиту.

С этим свидетелем беседует уже не Олсон, а один из ее заместителей — женщина-прокурор, которую зовут Лоретта Скоупс. Я когда-то видел ее у здания суда, и не раз, но никогда не общался. Она выглядит как положено: серьезная, резкая, никакого словоблудия — только факты.

— Доктор, каким образом вы определяете, имеется ли на вещественном доказательстве кровь?

— Проводятся два отдельных анализа, — объясняет она. — Во-первых, так сказать, предварительный анализ, который называется анализом по методу Оухтерлони. Он позволяет узнать, является ли обнаруженное пятно кровью. Если исследование дает положительный результат, я провожу уже основной этап, чтобы окончательно убедиться, что это и в самом деле кровь, и кровь человеческая.

Прокурор кивает:

— Вы проводили анализы применительно к вещественному доказательству номер четыре, под которым фигурирует нож?

— Да.

— И какие получили результаты?

— Они подтвердили наличие крови, а также то, что она принадлежала человеку.

(Ну вот, дошла очередь до предположения, что нож использовался для ритуального жертвоприношения нашего козленка.)

— Доктор, вы брали образец крови для анализа ДНК?

— Да.

— И подготовили образец крови жертвы — госпожи Рамоны Диллавоу. И, получив соответствующий запрос, сделали анализ ДНК применительно и к данной крови?

— Да.

— Вы сравнили образцы?

— Да.

— Каким образом вы это делали?

Ответ на вопрос занимает бóльшую часть второй половины дня. Все слышали о ДНК, но никто толком не знает, что это такое. А лаборанты в белых халатах имеют об этом четкое представление. И один из таких выходит на место для дачи свидетельских показаний и в течение девяноста минут читает своего рода лекцию об анализе ДНК, бросаясь выражениями типа «короткие тандемные повторы», «полиморфизм длины амплифицированных фрагментов» и «полимеразная цепная реакция». А мы делаем вид, что присяжные в состоянии понять, о чем идет речь. Позволил бы кто-нибудь присяжному заседателю, прослушав двухчасовую лекцию, провести кардиохирургическую операцию?

Разрешил бы кто-нибудь присяжному заседателю, обученному подобным образом, скажем, осмотреть уши *собаки*? Черт возьми, нет. Допустимо ли, чтобы присяжный признал человека виновным в убийстве и засадил его до конца дней в тюрьму после краткого объяснения о том, как выполняется анализ ДНК? Еще как! Никаких проблем!

Заключительный тезис доктора Коллинз-Лайтфорд: кровь на ноже, найденном в моем подвале, схожа с кровью Рамоны Диллавоу и может принадлежать лишь одной из трех целых шести десятых квадрильона белых женщин. Поскольку на нашей планете не наберется столько белых женщин — три целых шесть десятых квадрильона, — то, по всей видимости, можно утверждать, что это кровь Рамоны Диллавоу.

Присяжный в дальнем левом углу — бывший профессор физики, — похоже, придерживается такого же мнения: он бросает в мою сторону ледяной взгляд.

Затем наступает очередь баллистической экспертизы, и слово получает судебный эксперт из полиции штата Иллинойс, которого зовут Спенсер Липскомб.

— Нарезы — это спиральные желобки, сделанные в стволе огнестрельного оружия при его изготовлении, — монотонным голосом вещает Липскомб. — Нарезы делаются в стволе по спирали либо в левую, либо в правую сторону. Цель состоит в том, чтобы пуля в полете вращалась — это обеспечит ей стабильность. Не занятая нарезом внутренняя поверхность ствола называется полем. Когда пуля пролетает через ствол, поля и нарезы оставляют на ней следы. Поэтому пуля, на которой имеются следы от пяти полей и нарезов, идущих влево, не могла быть выпущена из пистолета, например, с *шестью* полями и нарезам *с левым* направлением.

— Безусловно.

— Мы называем это характеристиками нарезов.

— Понятно. Вы обнаружили, что пули, которыми стреляли в Эми Лентини и Кэтрин Фентон, имеют характеристики нарезов, подобные тем, что имеются на служебном оружии, зарегистрированном на подсудимого?

— Да.

— И что вы сделали дальше?

— Я обследовал бороздки на поверхности пули. Это, в общем-то, царапины. Если вы посмотрите на поверхность ствола под очень большим увеличением, вы увидите, что она похожа на край лезвия пилы. Микроскопические выступы контактируют с пулей и оставляют на ней малюсенькие царапины. Поэтому, если у вас есть оружие — а оно у нас есть, — вы можете выстрелить из него и сравнить под очень большим увеличением бороздки на пуле с бороздками на пулях, найденных на месте преступления. То есть вы попросту сравниваете пули, чтобы выяснить, не одинаковые ли на них царапины.

— Они оказались одинаковыми?

— Да.

— И какой вы сделали вывод?

Он делает вывод, что Эми и Кейт были убиты из моего пистолета. Мы наняли эксперта, чтобы тот провел свою экспертизу, и эксперт пришел к такому же выводу.

— А что вы можете сказать по поводу пули, которой был убит детектив Джо Вашингтон? Вы проводили экспертизу с целью выяснить, не была ли она выпущена из оружия, найденного в доме подсудимого?

Он, конечно же, такую экспертизу проводил и пришел к такому же выводу: детектива Верблюжье Пальто убили из пистолета, обнаруженного в моем подвале.

Нашему эксперту нечего возразить. Значит, это мы тоже оспаривать не будем.

Итак, из моего пистолета убили Кейт и Эми. Мы это уже выяснили.

Ножом, найденным у меня, убили Рамону Диллавоу, а из пистолета, обнаруженного все там же, в подвале, уничтожили Верблюжье Пальто. Но это еще не означает, что убивал именно я. У нас имеются свои кандидатуры — люди, которые могли использовать оружие, а затем подбросить его мне.

Одной из таких кандидатур является Кейт, которая сейчас мертва.

Еще одним из кандидатов на роль убийцы мы назначили того, кто «обнаружил» пистолет и нож в моем подвале. И человек этот живет всех живых.

— Для дачи показаний вызывается лейтенант Пол Визневски, — провозглашает Маргарет Олсон.

— Пожалуйста, назовите имя, фамилию произнесите по буквам — для протокола.

— ...Вэ... И... Зэ...

Здесь следовало бы остановиться и сказать: *«Меня все называют Визом. Но вряд ли из дружеских чувств. Большинство людей думают, что я — самодовольный и лицемерный придурок».*

Первая тема: облава в особняке. Олсон сразу же переходит к ней.

— Я пытался убедить детектива Харни, — говорит Визневски, — что это будет очень странно, если детектив, занимающийся расследованием убийств, вдруг устроит облаву в публичном доме. Для подобных дел существует отдел нравов. Я предложил ему позвонить туда — он не должен был устраивать облаву сам.

Чушь собачья. Единственное возражение Виза заключалось в том, что люди, находившиеся внутри особняка, — важные особы вроде мэра или архиепископа. И если их арестовать, это может иметь последствия для меня и, что более важно, для него.

— И что ответил подсудимый? — поднимает брови Маргарет Олсон.

Виз вздыхает и поворачивается к присяжным:

— Он однозначно дал понять, что облаву должен провести именно он и обязательно в тот самый вечер.

— А подсудимый объяснил, почему это для него так важно?

— Нет, ему нечем было обосновать свои действия.

Олсон кивает, делает паузу, смотрит на свои туфли.

— Особняк, в котором он намеревался устроить облаву... — поднимает она глаза, — особняк впервые попал в зону вашего внимания?

— Нет, не впервые, — говорит Виз.

Я перемещаюсь вперед на своем сиденье, и у меня в горле начинает першить.

— Я полагал, что особняк «прикрывали», — вытаскивает свой козырь он. — Я проводил расследование относительно того, что сотрудники чикагской полиции занимались «крышеванием», получая за это деньги.

Я смотрю на Стилсона. Впервые слышу о расследовании Виза. Стилсон замечает мой взгляд и, написав что-то на листке бумаги, слегка постукивает по нему карандашом. *«Никаких эмоций»*, — написано на листке.

— И главным объектом моего расследования был детектив Билли Харни, — наносит последний удар Виз.

Я закусываю губу и поворачиваю голову. Получается, что я проводил расследование относительно своего начальника, а он в это время подозревал меня. И параллельно офис прокурора штата по округу Кук держал под прицелом всех нас? Без диаграммы Венна^[72] за всем не уследишь.

— В течение последних восемнадцати месяцев, — продолжает Виз, — детектив Харни брал из архива и просматривал старые отчеты об арестах. Это не было частью его работы и, конечно же, не имело никакого отношения к убийствам, которые ему надлежало расследовать.

Да, верно, потому что я проводил расследование относительно тебя, Виз. Я брал из архива и просматривал старые отчеты об арестах по тем уголовным делам, где

подозреваемым, как мне казалось, чудесным образом удавалось избежать уголовного преследования. И много раз выяснялось, что цепочка обрывается на тебе. И я, черт бы тебя побрал, делал это незаметно, потому что тайно работал на отдел внутренних дел.

— Я полагаю, это были задокументированные сведения о людях, которых он «крышевал», — строит догадки Визневски. — Их задерживали за различные правонарушения, но отпускали еще до того, как сведения о них доходили до прокурора штата. Злоумышленников освобождали без всяких на то оснований.

Это были сведения о тех, кого «крышевал» ты, Визневски.

Я чувствую, как кровь закипает, а ноги под столом начинают слегка подергиваться.

Мой адвокат снова постучал карандашом по листку бумаги со словами: «*Никаких эмоций*».

— Я запуталась, лейтенант, — вступает Маргарет Олсон, которая на самом деле, конечно же, ничуть не запуталась. — Зачем бы он стал изучать архивные отчеты об арестах, подтверждающие его коррумпированность?

Виз кивает:

— Видите ли, когда вы берете из архива старые отчеты об арестах, делается определенная отметка. Ведется учет того, что вы взяли и что вернули. Прямо на обложке папки. При каждом обращении в архив необходимо указывать имя-фамилию, а также номер полицейского значка. И вы при этом видите, кто еще брал из архива данные материалы.

— То есть можно отслеживать предыдущие запросы?

— Да, конечно. Можно видеть список тех, кто интересовался материалами до вас.

Олсон кивает. Вместе с ней кивают и несколько присяжных, для которых картина постепенно проясняется.

— Я полагаю, что детектив Харни брал из архива отчеты, чтобы выяснить, не брал ли их кто-нибудь еще, — предполагает Виз. — Он хотел знать, не проводит ли кто-нибудь расследование относительно него.

Блестяще — ничего не скажешь! Я едва ли не скрежещу зубами, ладони сжимаются в кулаки. Я сижу в зале суда и стараюсь казаться невозмутимым, потому что необходимо быть спокойным, но внутри — настоящий фейерверк.

И все таки — блестяще. Визневски использует мое тайное расследование против меня же — все выглядит так, что я виновен.

Стилсон наклоняется ко мне, что для него вообще-то нехарактерно:

— Ты обязан держать маску невозмутимости, — шепчет он, и каждое его слово — как вонзающийся в меня дротик.

— Вы сообщали о своих подозрениях вышестоящему начальству? — спрашивает Олсон.

— Можно сказать, что да, — морщится Виз. — Я имел разговор с начальником отдела внутренних дел лейтенантом Майклом Голдбергером.

Я смотрю на Виза, затаив дыхание.

— Отдел внутренних дел? Разве там находится ваше руководство?

Визневски поднимает плечи:

— Давайте сформулируем так: я время от времени передавал информацию. Официально я не работал на отдел внутренних дел — если вы это имеете в виду.

— Хорошо. Значит, вы ходили в кабинет к лейтенанту Голдбергеру?

— О-о, нет, вовсе нет. Мы встретились в одном из баров для полицейских. Он называется «Дыра в стене» и находится неподалеку от станции метро «Рокуэлл».

— Расскажите о вашем разговоре.

— Я ему все рассказал, — выкладывает как на духу Виз. — Сообщил, мол, у меня вызывает удивление тот факт, что Билли Харни частенько куда-то пропадает в рабочее время — судя по всему, сует свой нос куда не положено. То есть занимается тем, что не имеет никакого отношения к расследованию убийств.

— И что же ответил лейтенант Голдбергер?

— О-о, он заткнул мне рот. Заявил, что Билли Харни — неподкупный полицейский. Сказал, что знает его всю жизнь и что Билли — честный и прямолинейный, как стрела.

Это мой Гоулди.

Но Олсон совсем не нужно, чтобы мой облик хорошего полицейского слишком долго маячил перед присяжными.

— Лейтенант Голдбергер знает подсудимого всю жизнь?

— Да. Эти двое — закадычные друзья. Он для Билли Харни — как второй отец. Я понял, что со стороны Голдбергера помощи не будет. Он был явно предвзятым.

Олсон разводит руки в стороны.

— И что вы сделали?

— Я отправился в единственное место, куда мог пойти, — признается Виз. — Я отправился в офис прокурора штата.

Он отправился в... Он отправился к...

— Я был тайным осведомителем Эми Лентини, — добивает меня Виз.

Экран оживает: появляется нечеткая черно-белая видеозапись, сделанная на станции метро.

— Этот человек — Билли Харни. — Визневски сходит с места для дачи свидетельских показаний и берет в руки лазерную указку.

На видеозаписи видно, что я стою в ожидании на платформе метро — как и все остальные находящиеся на ней люди.

— А вот этот приближающийся к нему джентльмен, одетый в бежевое пальто...

Я предпочитаю называть парня Верблюжьим Пальто.

— ...детектив Джо Вашингтон.

— А где в это время находились вы, лейтенант?

— Я находился по другую сторону рельс, то есть на противоположной платформе. Я пытался прятать свое лицо. Старался наблюдать так, чтобы они не заметили.

— Вы пришли туда вслед за подсудимым? Вы следили за ним?

— Да.

— И что же произошло потом?

— Ну, как вы сами можете видеть...

Визневски комментирует для судебного протокола то, что демонстрирует видеозапись, но присяжным его комментарии не нужны. Они и сами видят на экране, как Верблюжье Пальто приближается ко мне и останавливается. Мы с ним оба ведем себя так, как будто не имеем друг к другу никакого отношения. Просто двое мужчин, ждущих электропоезд. Я разговариваю по телефону — точнее говоря, делаю вид, что разговариваю, — а затем поворачиваюсь спиной к камере видеонаблюдения и к Верблюжьему Пальто.

Мы проделываем свой трюк — так естественно, как будто заранее тщательно отрепетировали. Верблюжье Пальто чихает и тоже поворачивается спиной к Визу и к камере видеонаблюдения. Теперь мы оба стоим спиной.

Верблюжье Пальто быстренько передает мне конверт.

Олсон делает на этом эпизоде стоп-кадр, чтобы присяжные могли получше рассмотреть момент передачи. Визневски возвращается на место для дачи свидетельских показаний.

— Вы знаете, какую информацию детектив Вашингтон передал подсудимому? — спрашивает Маргарет Олсон.

— Нет. Но очень хотел бы знать. Я подозревал, что Харни замечает следы, и вот он, получается, тайно встречался с кем-то из отдела внутренних дел.

Именно так, потому что мы пытались вывести на чистую воду *тебя*, Визневски. Мы хотели вывести на чистую воду мой «хвост» — то есть того, кто вел за мной слежку.

Спектакль в метро был просто уловкой с целью *изобразить* тайную встречу ради того, чтобы выяснить, кто же за мной следит. Но для присяжных все выглядит так, как будто я и в самом деле тайно встречался с Верблюжьим Пальто.

Таким образом, Виз снова использовал мою тайную деятельность *против* меня же, и в результате кажется, что виновен не он, а я.

Он разыграл все блестяще, как по нотам.

— Лейтенант, вам удалось выяснить, *что* находилось внутри конверта, который детектив Вашингтон передал подсудимому на платформе метро?

— Нет, не удалось.

— Почему?

— Потому что позднее в тот же вечер Джо Вашингтон был убит. — Визневски поворачивается ко мне и смотрит пристальным ледяным взглядом. — Убит из пистолета, который мы впоследствии нашли в подвале Билли Харни.

Визневски смотрит на меня, а я — на него.

Я все еще не помню, что произошло в тот вечер, когда я, Кейт и Эми получили по пуле в голову. И предшествующие этому событию две недели полностью стерлись из памяти. Ничего не помню. Но мне это и не нужно. Уже не нужно.

Он знал, что я провожу в отношении него расследование. Ему было необходимо меня остановить. Что может быть лучше, чем повернуть стрелки в мою сторону? Он стал тайным осведомителем Эми Лентини. Он добился, чтобы они начали расследование относительно *меня*. И затем подвел к тому, что якобы я совершил эти убийства.

Все это сделал он, Визневски. Абсолютно все.

Но я не могу доказать. И теперь уже слишком поздно.

— Ваша честь, — говорит Маргарет Олсон судье, — у обвинения больше нет вопросов к свидетелям.

Я лежу в постели. Шторы на окне полностью задернуты, и в моей спальне темно.

Я плотно зажмурил веки, очень хочу заснуть, жажду спокойствия, молюсь о том, чтобы демоны перестали издавать истошные крики, чтобы страх, наполняющий грудь, отступил и чтобы дыхание снова стало нормальным. Мое тело измождено, оно отчаянно нуждается в отдыхе, а мой мозг дает сбой — как будто в нем перегорели какие-то провода. Мои мысли путаются. Воспоминания миксуются с фантазиями, реальные события — с вымыслом, факты — с плодом воображения. Прошое врывается в настоящее и смешивается с ним, как грязь смешивается с водой, в какую-то мутную слякоть...

«Она знает о тебе... Она знает и я знаю».

«У тебя был шанс. Помни что я давала тебе шанс».

Стюарт, похлопывающий меня по плечу в отделении интенсивной терапии.

Эми, смеющаяся с неприятным и глупым выражением лица: *«Ты застрелил меня, Билли! Ты убил меня и даже не помнишь!»*

Визневски, отговаривающий меня устраивать облаву в борделе. *«Если ты сейчас напортачишь, это может оказаться последним арестом, который ты произведешь».*

«Я был тайным осведомителем Эми Лентини».

Нож, который нашли в моем подвале и которым до этого убили Рамону Диллавою. Пистолет, который опять же нашли в моем подвале и из которого застрелили Верблюжье Пальто.

Открывающаяся дверь, тихий щелчок. Дуновение воздуха, похожее на тихий выдох.

Голова Кейт, резко поворачивающаяся вправо. Удивленное выражение на ее лице. Это выражение затем исчезает, и Кейт кивает.

«Что ты здесь делаешь?»

Открывающаяся дверь, тихий щелчок.

Голова Кейт, резко поворачивающаяся направо.

Открывающаяся дверь. Тихий щелчок. Тоскливый скрип старой двери. Старой двери, которую моя жена сочла забавной, как только мы переехали, но потом уговаривала заменить, потому что дверь скрипела немилосердно.

Задняя дверь моего городского особняка.

Я открыл глаза. Больше никаких грез.

Теперь это реальность: в моем доме кто-то есть.

Органы чувств напрягаются до предела. Сердце колотится так сильно, что сейчас выскочит из груди, ударится о потолок, и во все стороны полетят брызги крови и малюсенькие кусочки плоти.

Я протягиваю руку к пистолету на ночном столике и чувствую облегчение, когда пальцы прикасаются к холодной гладкой полимерной раме пистолета. Хватаю его и ставлю указательный палец на спусковой крючок.

Сползаю с кровати и аккуратно ставлю ступни на мягкий ковер. Мое тело медленно перемещается вниз, и я оказываюсь на полу.

Перед мысленным взором снова начинают мелькать изображения, я слышу какой-то шум и человеческие голоса.

Эми: *«Вы можете доверять мне, Билли. Маленькая черная книжка — у меня».*

Пэтти: *«Нет никакой маленькой черной книжки».*

Кейт: *«Она знает и я знаю».*

Звуки шагов, скрип половицы возле лестницы. Он сейчас поднимется на второй этаж. Голова Кейт, резко поворачивающаяся вправо. Удивленное выражение на ее лице. Это выражение затем исчезает.

И Кейт кивает.

«Что ты здесь делаешь?»

«Нет никакой маленькой черной книжки».

«Маленькая черная книжка — у меня».

— Нет, — шепчу я себе, качая головой. Нет, нет, нет, нет...

«Дело не в том, что вы не можете вспомнить... Вы не хотите вспоминать».

Мое тело медленно перемещается по ковру: я отползаю в темноте в дальний угол спальни, словно гусеница.

Слышу, как кто-то делает шаг.

Я перестаю дышать. Держу пистолет двумя руками перед собой — ладони дрожат, по лицу течет пот и заливает глаза, кожа горит...

Слышу еще один шаг. Половицы тихонько скрипят под ногами незнакомца. Он все ближе и ближе.

Чувствую между ушами шум. И движение воздуха — как будто на меня дунуло от проходящего товарного поезда.

— Нет, — шепчу я беззвучно.

В дверном проеме появляется фигура. В тусклом свете, падающем на дверной проем через окошко в коридоре, видно, что силуэт — мужской.

Мужчина всматривается в темноту моей спальни.

Высокий, плотно облегающий шею воротник. Лыжная маска. Мне вспоминается, как в детстве нас предупреждали об опасности, которая может исходить от незнакомых взрослых людей. А этот незнакомец уж точно опасен.

«Опасный незнакомец», осмелев, ставит ногу на ковер. По мягкому идти сподручнее, чем по деревянным половицам.

Два уверенных шага, и он поднимает пистолет, нацеливая на кровать — точнее, на подушку, где должна находиться моя голова.

Пауза. Его глаза привыкают к темноте. Он замечает — тут что-то не так. Его цели на кровати нет.

Он резко поворачивается и смотрит в угол, в котором нахожусь я.

Голова Кейт, резко поворачивающаяся вправо.

«Что ты здесь делаешь?»

Я нажимаю спусковой крючок раз, два, три раза. Малюсенькая вспышка дульного пламени, разрывающая при каждом выстреле темноту. Четыре, пять, шесть.

Не останавливаюсь до тех пор, пока магазин не становится пустым.

Ответный огонь из его пистолета. Вспышки из дула гораздо крупнее, оранжевые облачка устремляются вниз, словно падающие кометы, пока «опасный незнакомец» не шлепается на пол и не замирает.

Я роняю свой «Глок» и сосредоточиваюсь на мыслях и ощущениях. Пальцы впиваются в ковер, как будто я цепляюсь за свою драгоценную жизнь, сопротивляясь набегающей на меня смертельно опасной волне воспоминаний.

Воспоминаний. Не грез.

Воспоминания — яркие и отчетливые сцены, звуки и запахи, страх, ненависть и дикий ужас — все это набрасывается на меня с разных сторон, мешая дышать и вызывая жжение в груди.

Я с трудом восстанавливаю дыхание, делаю блаженные глубокие вдохи, хриплю и издаю нечленораздельные звуки.

А когда ко мне возвращается дар речи, единственное, что я могу сказать, — «нет».

«Нет, нет, нет, нет, нет, нет...»

— Нет!

Туман рассеивается и заменяется негромким шумом, звуками шагов и разговоров спящих по дому полицейских и специалистов по сбору улик.

— Давай-ка я вытащу тебя отсюда. — Пэтти, просунув руку под мышку, тянет меня вверх. — Пусть они делают свою работу.

Мы осторожно обходим «опасного незнакомца», все еще лежащего на ковре в моей спальне. Он по-прежнему держит в руке пистолет 45-го калибра. Его черный свитер испещрен окровавленными дырками.

Лыжная маска поднята до уровня лба. Белый мужчина, на вид — около тридцати лет. Однодневная небритость на щеках, шрам на щеке, безжизненные глаза смотрят вверх. Он умер еще до того, как повалился на ковер.

— Мы выясним, кто это, — обещает Пэтти. — Я уверена, что о нем имеются какие-нибудь сведения.

Мой отец и Гоулди стоят в коридоре, наблюдая за тем, как специалисты по сбору улик делают свою работу внутри спальни и вдоль коридора, цепляя бирки, фотографируя и посыпая специальным порошком, чтобы затем снять отпечатки. Я подхожу к отцу, он обхватывает меня одной рукой. Пэтти идет с другой стороны. Они поддерживают меня, как будто я инвалид.

Мы направляемся вниз по лестнице в гостиную. Детектив будет брать у меня показания. Однако рассказать я могу немного: я услышал, как задняя дверь открылась, спрятался в углу спальни, выпустил весь магазин в человека, который забрался в мой дом.

Раньше я его никогда не видел.

Два моих брата — Айдэн и Брендан, которые приехали в Чикаго на суд, пытаются отремонтировать замки, взломанные сегодня ночью: с задней дверью потрудился человек в лыжной маске, а переднюю выбили прибывшие полицейские.

Мой адвокат, Стилсон Томита, приезжает через пару часов после инцидента и обнаруживает меня и Пэтти сидящими на крыльце, а моего отца и Гоулди — беседующими с детективами о расследовании и требующими для меня круглосуточной охраны.

Я сижу на диванчике с закрытыми глазами, откинув голову на подушку. Люди вокруг разговаривают тихо, думая, что я сплю, и надеясь, что сон поможет мне немного расслабиться и отдохнуть.

Но я не могу уснуть. И расслабиться тоже не удастся.

Я напряженно размышляю. Думаю о том, что произошло там, на втором этаже.

Но мысли мои заняты не «опасным незнакомцем». И не перестрелкой. Я анализирую мысли и картинки, которые навалились на меня непосредственно перед появлением незнакомца и не отпускали после. Они хлынули таким потоком, что у меня перехватило дух.

Теперь они отвердели, превратились в лед, образовав в груди прочные неровные глыбы.

— Билли, — слегка толкает меня Стилсон.

Я поднимаю голову и открываю глаза. В окне за Стилсоном видны первые признаки восхода солнца: блеклый расплывчатый свет.

— Мы получим отсрочку судебного разбирательства, — обещает Стилсон. — После того, что произошло, судья не откажет.

— Нет, — твердо говорю я.

— Тебе нужно отдохнуть, — вмешивается Пэтти.

— Послушай, есть еще один момент, — уговаривает Стилсон. — Я знаю, то, что случилось сегодня ночью, ужасно, но мы можем использовать это в своих целях. Инцидент показывает, что кто-то хочет закрыть тебе рот.

Я бросаю взгляд на Пэтти, пытаюсь встать с диванчика.

— Куда ты собрался?

— Хочу принять душ и одеться, чтобы отправиться на суд, — поясняю я.

— Стой! — в один голос восклицают Пэтти и Стилсон.

Адвокат преграждает мне путь:

— Билли, это наверняка дело рук Пола Визневски. Дело именно его рук.

Я киваю и похлопываю его по плечу.

— Нам нужно время, — говорит он. — Нам нужно время для того, чтобы это доказать. Собрать все воедино. После событий сегодняшней ночи мы можем запросить дополнительное время.

Я отодвигаю его в сторону.

— Мне не нужно дополнительное время, — возражаю я.

— Билли, ты не прав, — нервничает Пэтти. — Ты не можешь пойти в суд. Ты не можешь сегодня давать показания. Как ты собираешься давать показания?

Я поворачиваюсь и смотрю на сестру-близнеца — человека, который знает меня лучше других.

Мне казалось, что я, со своей стороны, знаю *ее* лучше всех.

Я думал, что мы доверяем друг другу.

— Стилсон, тебе нужно съездить домой и принять душ. Увидимся в здании суда.

Пэтти и адвокат пытаются возражать и хватают меня за руку, но я, освободившись, прохожу мимо и иду на второй этаж, чтобы принять душ и переодеться.

Сегодня, всего лишь через пару коротеньких часов, я буду давать показания на суде.

И я расскажу правду.

Двумя часами позже я уже в суде. Все смотрят на меня с удивлением. Весть о том, что произошло прошлой ночью в моем доме, разлетелась быстро.

Судья обещает Стилсону предоставить нам отсрочку в судебном разбирательстве. Я требую, чтобы он отказался. Судья давит на Стилсона, вынуждая его демонстративно отвергнуть великодушное предложение. Судья печется о том, чтобы его затем не обвинили, что он при рассмотрении дела упустил важную деталь.

— Он хочет давать показания сейчас, господин судья, — пожимает плечами Стилсон. — Вопреки моему совету, — добавляет он, защищая свою репутацию.

Я иду к месту для дачи свидетельских показаний. Ноги еле держат, тело дрожит.

Но мой рассудок — впервые за долгое время — ясен как божий день.

— Клянетесь ли вы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, и да поможет вам Бог?

Я клянусь. Я расскажу правду.

Я заявлю — и абсолютно честно, — что раньше не помнил ничего о том, что произошло в спальне с Кейт и Эми.

Затем я заявлю — и тоже абсолютно правдиво, — что теперь я все вспомнил.

События выплыли из глубин моей памяти. Они возникли в голове, когда я услышал, как задняя дверь со скрипом открылась, и стал прислушиваться к звукам шагов. По лестнице, а затем по коридору крался человек в лыжной маске, чтобы убить меня. Хаос, кошмар, адреналин — эмоции не просто открыли дверь в глубины моей памяти. Воспоминания хлынули сквозь нее, сорвав с петель.

Теперь я помню все.

— Мистер Харни, — говорит Стилсон. — Вас обвиняют в убийстве четырех человек.

— Да, обвиняют.

— Мистер Харни, вы действительно убили четверых?

— Нет, — отрицаю я. — Я не убивал Рамону Диллавоу. Не убивал Джо Вашингтона. Не трогал ни Кейт, ни Эми.

Я бросаю взгляд на Пэтти, которая, затаив дыхание, сидит в переднем ряду — прямая, как натянутая тетива.

Ей сейчас придется нелегко.

— Я не убивал перечисленных мною людей, — говорю я. — Но теперь я знаю, кто это сделал.

Стилсон Томита быстро просматривает свои записи, отчаянно пытаюсь уследить за ходом моих показаний. Он не виноват. Он не знал, что именно я собираюсь сегодня рассказать. Я, черт побери, и сам еще несколько часов назад не знал, пока ко мне внезапно не вернулась память о тех событиях.

Все утро я очень подробно рассказывал обо всех обстоятельствах, которые привели к четырем убийствам. Но присяжные продолжают слушать очень внимательно, слегка подавшись вперед и сузив глаза.

Очень внимательно слушают и остальные. Журналисты лихорадочно делают записи в блокнотах, что-то набирают на смартфонах — по-видимому, кусочек за кусочком обнародуют полученную информацию через «Твиттер». Моя сестра напряжена. Такое впечатление, что она сделала вдох три часа назад и больше не дышала.

— Итак, кто-то положил на ваше крыльцо фотографию, на которой Эми Лентини поднимается по ступенькам в особняк. — Стилсон повторяет за мной. Это лучшее, что он может сделать, придавая моим показаниям формат вопросов и ответов. Иначе я бы говорил непрерывно в течение нескольких часов. — И что произошло потом?

— Я обратил внимание, что фотография сделана точно под таким же углом, с таким же ракурсом и местоположением объекта, как и прочие снимки, которые еженедельно публиковались журналисткой Ким Бинс в интернет-издании. Мне стало ясно, что фото сделано тем же человеком, который передавал Ким Бинс предыдущие фотографии.

— И что вы предприняли?

— Я поговорил с Эми. Спросил, что, черт возьми, происходит.

— И... что она вам ответила? — спрашивает Стилсон, терзаемый любопытством не меньше, чем присяжные.

— Она рассказала о своем расследовании, — поясняю я. — Она наконец призналась, что офис прокурора штата проводит расследование в отношении менеджера особняка, которая, возможно, дает взятки чикагским полицейским в обмен на то, что они закроют глаза на существование борделя и на мужчин, заходящих туда. И тот, кто оставил фотографию Эми на пороге моего дома, был, возможно, тем же человеком, который передавал снимки Ким Бинс.

— Поэтому...

— Я задался вопросом: кто бы мог передавать компромат репортеру? И понял, с какой целью это делается.

— Когда... когда вы поняли?

— Когда Маргарет Олсон объявила, что выдвигает свою кандидатуру на пост мэра.

Максималистка Маргарет, и без того напряженная, напрягается, как мне кажется, еще сильнее. Она упирается руками в стол, готовясь встать и высказать протест. Сидящие в зале начинают удивленно перешептываться, поднимается гул. Заместителю шерифа приходится громко потребовать тишины.

— Конгрессмен Тедеско считался кандидатом номер один на пост мэра, — объясняю

я. — У него достаточно денег, он пользовался всесторонней поддержкой. Он наверняка занял бы этот пост. И вдруг он выбывает из предвыборной гонки и заявляет, что поддерживает кандидатуру прокурора штата. С какой стати?

— Ваша честь, протест, — вскакивает Маргарет Олсон. — Заявление подсудимого неуместно и ничем не обосновано.

Стилсон — большое ему спасибо — тут же вмешивается, действуя не по заранее продуманному плану, а экспромтом:

— Он объясняет ход рассуждений, господин судья. Он не утверждает, что так происходило на самом деле.

— Именно так, — подтверждаю я.

Судья бросает на меня пристальный взгляд. То же делает и Стилсон.

— Показания допустимы в пределах, которые не выходят за рамки рассуждений подсудимого о подозрениях, — говорит судья — хрупкий старичок по имени Брэдфорд Битти. — Это не может считаться установленным фактом, о котором известно наверняка. Однако вы, мистер Томита, — добавляет судья, слегка грозя пальцем, — контролируйте своего подзащитного, иначе этим займусь я. Даже в стремлении доказать свою невиновность подсудимый должен понимать, что существуют законные ограничения.

— Как бы там ни было, — говорю я, — я рассуждал именно так. Думал, что прокурор штата использует снимки, чтобы шантажировать конгрессмена Тедеско. У нее ведь была соответствующая фотография и его самого. Конгрессмен был клиентом особняка-борделя.

— Понятно, — кивает Стилсон. — Поэтому вы...

— Поэтому я стал следить за репортером Ким Бинс, чтобы выяснить, кто же является ее источником информации. Я следил за ней три дня. Я видел, как она в течение нескольких часов сидела в кафе «Твистед спрук», ожидая кого-то. Да, было очень похоже на то, что она кого-то ждала. Однако безрезультатно. Ее информатор так и не появился. — Я мотаю головой. — Ее источник знал, что я слежу за Ким. Кто-то ему сообщил. Это показалось мне странным и неправдоподобным. Единственным человеком, который знал, что я слежу за Ким, была Эми.

Стилсон приподнимает подбородок:

— Так. И что происходило дальше?..

— У меня, конечно же, возникли подозрения относительно Эми, — продолжаю я. — Ведь она была главным помощником Маргарет Олсон. Она была ее правой рукой. Эми уверяла, что Маргарет Олсон не будет претендовать на кресло мэра. И вдруг я вижу в средствах массовой информации, что прокурор штата выдвигает свою кандидатуру. Я... Я не знал, что и думать.

Стилсон кивает и ждет продолжения. При подготовке к даче показаний адвокаты любят тщательно обговаривать все заранее, репетировать несколько раз. В данном случае Стилсон не имеет ни малейшего понятия, что я скажу в следующий момент. Поэтому он вынужден задавать вопросы вроде «*И что происходило дальше?*». Такой вопрос присяжные могли бы задать и без него.

— И что происходило дальше, Билли?

— В тот день, когда Маргарет Олсон объявила о выдвижении своей кандидатуры на пост мэра, ничего особенного не происходило, — говорю я. — Я пребывал в тумане. Не знал, кому верить, а кому — нет.

Я киваю Стилсону, давая понять, что закончил очередную мысль. Эдакий маленький

сигнал, который, похоже, выработался у нас сам по себе.

— А на следующий день?

Стилсону — и, по-видимому, присяжным — известно, что именно на следующий день были убиты Эми и Кейт.

— На следующий день, — продолжаю я, — позвонила Эми и попросила приехать к ней домой.

Я ехал на своей машине к дому, в котором живет Эми. Движение было весьма интенсивным. По разговорному радио без умолку обсуждали новый поворот в предвыборной борьбе за пост мэра: конгрессмен Тедеско снял свою кандидатуру и теперь кандидатом номер один стала прокурор штата Маргарет Олсон.

Об этом было объявлено вчера, и новость взбудоражила меня не меньше, чем журналистов, но совсем по другим причинам. Мне очень хотелось обсудить тему с Эми. Но вчера я не стал пытаться встретиться с ней — требовалось некоторое время, чтобы переварить информацию. Эми уверяла, что Маргарет не пойдет на выборы, и вдруг я узнаю, что, оказывается, еще как пойдет. Более того, она неведомо как заручилась поддержкой Тедеско.

Многое указывало на некий сговор между Маргарет и Эми с самого начала. Именно поэтому они так интересовались маленькой черной книжкой. Именно поэтому кто-то передавал Ким Бинс фотографии клиентов борделя. Своего рода замаскированное предупреждение конгрессмену Тедеско, что *его* фотография станет следующей, если он не будет послушным мальчиком.

И если это правда, то замысел, конечно, блестящий. Они выпихнули мэра из его кресла, а затем стали шантажировать главного кандидата, чтобы кресло досталось не кому-нибудь, а Маргарет.

Я размышлял об этом весь вчерашний вечер. Мысли не покидали меня и весь сегодняшний день. Все указывало на то, что Эми *совсем не такая*, какой я ее считаю. Значит, Эми способна не только на шантаж, но и на убийство?

«*Мне нужно с тобой поговорить*», — сказала Эми по телефону пять минут назад. Ну вот, мои подозрения оправдались. Все сходилось. Я стал возражать, произнес что-то саркастическое, но она настаивала: «*Мне нужно с тобой поговорить*».

Почему я поехал к ней? Почему не выключил телефон? Или, например, почему не обругал ее по телефону и не сообщил, в чем ее подозреваю?

Ответ прост. Потому что я не был готов в это поверить. Мне хотелось думать, что Эми, которую я знал, действительно окажется той самой Эми — женщиной, которой я доверял.

«*Я сейчас приеду*», — пообещал я. Не очень-то хитрая игра с моей стороны. В моем активе отсутствовал элемент неожиданности, в то время как у нее он имелся. Я не знал, что ждет меня в ее квартире. Я понимал, что направляюсь прямехонько в ловушку, которую она для меня подготовила.

Я подъехал к ее дому, подошел к двери подъезда под навесом. Я уже довольно хорошо знал здание. Там было несколько входов. На подземную стоянку можно попасть на лифте из вестибюля. Задняя дверь вела на площадку с мусорными баками. Кроме того, на любой этаж можно подняться не только на лифте, но и по лестнице. В общем, при необходимости в здание вполне можно было войти незаметно.

Я мысленно представлял себе, как бы я это сделал. Прошмыгнул бы в один из дополнительных входов, отпер бы отмычкой ее дверь и тем самым обеспечил бы себе хоть

какой-то элемент внезапности. Пусть даже маленький.

Но я не стал делать ничего подобного. Я принял другое решение — дать Эми возможность почувствовать стыд.

Я нажал на кнопку переговорного устройства, и оттуда донесся ее голос.

— Это я, — сказал я.

Послышалось жужжание, и дверь подъезда со щелчком отворилась. Я почувствовал дуновение воздуха из образовавшегося проема.

Распахнув дверь, я прошел через коридор и поднялся на лифте на этаж, где находилась квартира Эми.

Прошел по пустому коридору, остановился у ее двери и прислушался.

Затем постучал костяшками пальцев по двери.

Она чуть-чуть приоткрыла дверь и посмотрела на меня своими ангельскими глазами. Затем зыркнула по сторонам, чтобы убедиться, что я один.

Я был один.

Мой заряженный пистолет поставлен на предохранитель, но я один.

Я не понимал, можно ли сказать то же о ней.

Эми приоткрыла дверь и отошла назад.

Я зашел в квартиру и притворил за собой дверь. Притворил, но не закрыл на замок. Иногда ведь возникает необходимость срочно дать деру.

Я снял зимнюю куртку и отшвырнул ее в сторону, оставшись в спортивной кофте и голубых джинсах — то есть в той одежде, в которой находился сегодня на работе.

Эми отошла еще на шаг назад.

— Где она? — спросила она дрожащим голосом.

Я не понял, что она имеет в виду.

— Маленькая черная книжка, — пояснила Эми. — Где она?

Я покачал головой.

— Мы, похоже, вернулись к тому, с чего начали, Эми.

— Это не ответ.

— Сначала я задам вопрос тебе, — сказал я. — И ты на него ответишь.

Ей не понравилось мое заявление, и она прищурилась. На лице появилось выражение обиды, замешательства и еще, пожалуй, страха.

— Почему источник Ким не появился? — спросил я. — Ким пришла на место встречи, чтобы получить очередную еженедельную компрометирующую фотографию. Я наблюдал за ней. Информатор на встречу не пришел. Почему?

Эми покачала головой:

— А я откуда знаю?

Я подошел к столику в ее маленькой кухне и стал ощупывать ладонями крышку снизу. Затем взял стоящую на столике сахарницу и заглянул внутрь. Потом ощупал пальцами фотографию Эми и ее родителей, отдыхающих на пляже где-то на юге.

Я обшарил подобным образом всю кухню: полки, кофейник, бутылочки со специями, поваренные книги. Ощупывал все так, как ощупывают женщину во время предварительных ласк.

— Что ты делаешь? — не выдержала Эми.

— Кто-то предупредил информатора. — Я провел ладонью сверху по холодильнику. — Он знал, я буду следить за Ким.

Я направился мимо Эми к дивану, и она отступила в сторону, пропуская меня. Я быстренько ощупал диван — в том числе и лежащие на нем подушки, — взял вазу с искусственными цветами, вытащил, заглянул внутрь и запихнул цветы обратно. Затем я по миллиметру изучил все фотографии в рамках, стоящие на журнальном столике.

— А-а, я поняла, — догадалась Эми. — Единственным человеком, который знал, что ты следишь за Ким, была я. Стало быть, я и предупредила информатора. В первую очередь это означает, что я знала, кто он. А еще можно сделать вывод, что схему контролировала именно я.

Я посмотрел на Эми и увидел обиду в ее глазах. Она была для меня женщиной, которую я любил всем сердцем, но не знал, могу ли ей доверять.

Догадавшись о моих подозрениях, Эми словно лишилась дара реча: она ничего больше не говорила. Прошло довольно долгое время. Мне очень хотелось доверять Эми — так сильно, что даже кости заныли.

Мы оба не знали, что сказать. В комнате стало так тихо, что я услышал тиканье висящих на стене часов, когда минутная стрелка передвинулась на одно деление вперед.

Я обернулся и посмотрел на часы. Маленькие симпатичные настенные часы. На фарфоровом фасаде — изображение петуха и вычурные римские цифры.

Я подошел к часам и поднял руки, чтобы дотянуться до них. Спортивная кофта, соответственно, приподнялась.

— Ты пришел с *пистолетом*, — проговорила Эми, увидев кобуру.

Я аккуратно снял часы с гвоздика. Они работали на батарейке. Декоративная вещица во французском провинциальном стиле прекрасно вписывалась в интерьер квартиры. Я повернул часы тыльной стороной к себе и обнаружил то, что искал.

Маленькая квадратная штучка. Даже если бы ее и нашли (хотя предполагалось, что никто не найдет), она вполне могла сойти за отсек для батарейки или что-нибудь в этом роде.

Жучок. Беспроводное подслушивающее устройство.

Внезапно я почувствовал ненависть к самому себе.

Очевидно, не только Эми знала, что я слежу за Ким. Тот, кто установил подслушивающее устройство, слышал наш разговор, когда мы обсуждали здесь, в этой же комнате, план дальнейших действий.

Слышал он и множество других разговоров.

Я снял жучок с часов и положил его на раскрытую ладонь. Эми увидела его — и ее глаза расширились. Она знала, *что* это такое. В течение нескольких лет она была федеральным прокурором, а федералы любят использовать подобные штучки.

Эми нахмурилась и схватилась за сердце. Видимо, она была шокирована фактом, что чужой человек тайком пробрался в ее квартиру, установил жучок и мог слышать все, о чем говорилось в квартире.

Я бросил жучок на пол и растоптал каблуком ботинка.

— Извини, что сомневался в тебе, — заговорил я. — Мне следовало доверять тебе.

Я пошел по направлению к ней. Хотел прикоснуться, обнять, приласкать, но почувствовал отчуждение. Она, похоже, сомневалась и не понимала, как ей в данной ситуации следует поступить. Мы все еще, можно сказать, вели переговоры о мире. Я только что узнал то, что хотел узнать и ради чего, собственно, и приехал. Я нашел ответ на свой вопрос. А вот у Эми вопросы ко мне остались. Она по-прежнему находилась в нескольких шагах от полного доверия.

— Если теперь ты мне доверяешь, — напряглась она, — зачем тебе пистолет?

Я кивнул, потянулся рукой за спину и достал из кобуры оружие.

Взял его большим и указательным пальцами так, чтобы он был направлен стволом вниз, и положил на журнальный столик возле нее.

Она посмотрела сначала на пистолет, затем — на меня.

После этого она — одним непрерывным движением — сделала шаг в сторону, схватила пистолет и довольно неуклюже навела его на меня.

— Ну хорошо, теперь вернемся к моему вопросу, — прищурилась она. — Где маленькая черная книжка?

Эми, похоже, все еще находилась под впечатлением того факта, что я нашел в гостиной подслушивающее устройство. Возможно, опасаясь, что в комнате может быть еще одно устройство, она жестом показала мне в сторону спальни. Заставила меня зайти туда первым, держась от меня на расстоянии и все еще целясь из пистолета.

Когда мы оба оказались в спальне, Эми посмотрела по сторонам. Видимо, ей в голову пришла та же мысль, что и мне: здесь тоже может быть жучок. Она подошла к планшету, лежащему на подоконнике, и нажала на кнопку. Послышалась симфоническая музыка, зазвучали струнные инструменты. Эми прибавила звук — чтобы он был достаточно громким и не дал подслушать нас сторонним людям и в то же время чтобы мы могли слышать друг друга.

Она снова навела на меня пистолет. Пришло время снова поговорить о деле. Глядя на то, как она вцепилась в пистолет, я невольно подумал, что она, наверное, держит оружие в руках первый раз в жизни.

— У меня была копия маленькой черной книжки, — заявила она.

— Ты... ты все это время держала у себя копию, но ты...

— Нет, не все время, — перебила она. — Я получила ее вчера. После того как твоя сестра Пэтти явилась ко мне на работу.

Она рассказала, что вчера, после того как Маргарет Олсон объявила о выдвижении своей кандидатуры на пост мэра, в фойе, когда Эми уже выходила из Дейли-центра, ее остановила Пэтти.

— Пэтти принялась обвинять меня во всех грехах, — сказала Эми. — Она полагала, что Маргарет шантажировала конгрессмена Тедеско, что она заполучила маленькую черную книжку, в которой в качестве клиента фигурирует Тедеско. Возможно, у нее даже есть фотография, на которой запечатлен Тедеско на входе в особняк-бордель, — то есть один из компрометирующих снимков, которые размещала один за другим в своей рубрике Ким Бинс. Пэтти полагала, вся возня была затеяна Маргарет ради того, чтобы вышибить мэра с должности и чтобы Тедеско, в свою очередь, не только уступил ей дорогу, но и порекомендовал ее избирателям, да еще и дал денег на предвыборную кампанию.

— Лично мне все это кажется очень даже правдоподобным, — отозвался я.

Эми, конечно же, так не думала.

— Ты не хотела в это верить, — говорил я, — но не могла отрицать, что в такой версии есть определенный смысл.

Эми неохотно кивнула:

— Да. Поэтому я пошла обратно, в кабинет Маргарет. У меня есть ключ. Под ее письменным столом стоит сейф. Его установили еще в 1970-е годы, когда тогдашний прокурор штата решил держать особо важные бумаги в отдельном сейфе. Как бы там ни было, о тайном хранилище документов не знал никто, кроме Маргарет и меня.

— Ты его взломала, — выдохнул я.

— Я... Я знала код. Маргарет как-то раз открывала его в моем присутствии. Ей нужно было срочно оформить рефинансирование, а необходимые документы находились в сейфе. Я не особо обращала внимание, какой код она набирает, но она буквально пропела его себе под нос, и я отчетливо услышала. 9-2-1-6-0; 9-2-1-6-0. Это дата рождения ее сестры:

сентябрь, 21-е число, ^[73] 1960 год.

Из планшета по-прежнему доносилось звучание скрипок и виолончелей. Нотки как бы плясали, то взмывая вверх, то падая короткими аккордами, превращая все происходящее в иллюзию сна.

— Ты открыла сейф, — подсказал я, — нашла маленькую черную книжку.

— Я нашла флешку. Я принесла ее сюда и подключила вчера вечером к своему компьютеру. Флешка действительно содержала так называемую маленькую черную книжку в виде файла в формате PDF. — Эми слегка махнула рукой. — Но затем флешка куда-то запропастилась. Вчера вечером я положила ее в ящик письменного стола, но теперь ее там нет. Кто-то сегодня проник в мою квартиру и украл ее.

Это действительно повод для беспокойства, причем серьезный. Однако в данный момент меня больше волновало другое.

— Эми, — сказал я, — а конгрессмен Тедеско упоминался там в качестве клиента?

Эми закрыла глаза и кивнула:

— Да.

— Значит, Маргарет *шантажировала* его.

Эми ничего не ответила. Не было необходимости.

— В маленькой черной книжке фигурировали взятки полицейским?

Эми кивнула и отвела взгляд в сторону.

— Одному полицейскому, — уточнила она. — Там упоминался только один человек — раз в месяц в течение последних трех лет.

Я почувствовал, как внутри меня что-то зашевелилось. Это как раз то, о чем мы догадывались: настоящая ценность — и настоящая опасность — маленькой черной книжки заключалась не в сведениях о клиентах борделя, а в данных о коррумпированном полицейском, который получал взятки от менеджера борделя.

В маленькой черной книжке содержались сведения об этом полицейском.

— Кто именно? — спросил я. — Кто он?

И вдруг послышался звуковой сигнал из моего смартфона, который лежал в кармане.

Я вытащил смартфон и прочел сообщение от Кейт: *«Мне нужно с тобой поговорить»*.

Момент явно неподходящий. Я отправил ответ: *«Не сейчас»*.

Убрав смартфон, я посмотрел на Эми.

— Так что за человек? — переспросил я.

Эми предпочитала отмалчиваться.

— Эми, — напирал я, — тот, кто фигурирует в маленькой черной книжке, является, возможно, именно тем человеком, который поставил жучок в твоей квартире. Вероятно, именно он украл у тебя черную книжку. Я вполне допускаю, что *все* это сделал один и тот же человек.

Эми медленно кивнула — как будто что-то поняла.

— Сколько пройдет времени, прежде чем сюда за тобой придут? — спросил я.

Из смартфона снова раздался сигнал. Следующая эсэмэска от Кейт гласила: *«Я у входной двери открой»*.

— Вот черт... — выругался я. — Это Кейт. Она сейчас стоит там, в коридоре.

Глаза Эми расширились, ее охватил страх:

— Кейт — *здесь*? Ты привел ее сюда? — Она отступила от меня на шаг, и пистолет в ее руке задрожал. У нее был такой вид, как будто самые худшие опасения оказались правдой.

— Нет, она не со мной. Она, наверное, меня выследила.

— Черт возьми!.. О господи!.. Дьявол!..

Глаза у Эми забегали. Она разнервничалась не на шутку. Она все еще держала пистолет нацеленным на меня и уже начинала терять самообладание. Она просто цепенела от страха.

— Я попытаюсь от нее избавиться, — сказал я и, быстренько набрав новое сообщение, отправил его Кейт: *«Ты у двери квартиры Эми?»*

Ответ пришел буквально через пару секунд: *«Да открой дверь прямо сейчас»*.

Я ответил, пытаясь выиграть время: *«Зачем мне это»*.

Впрочем, долго играть в пинг-понг сообщениями с Кейт вряд ли получится. Она не воспримет отрицательный ответ. Она найдет способ пройти через дверь. Она вполне способна это сделать. И она, скорее всего, вооружена.

— Эми, дай пистолет, — попросил я, протягивая руку и шевеля пальцами.

Эми раздраженно покачала головой, но я видел, что она сомневается. Ей хотелось мне верить, однако она боялась ошибиться.

— Эми, так или иначе, но Кейт сейчас зайдет сюда. И у нее наверняка есть оружие. А ты толком не знаешь, как этой штукой пользоваться.

— Нет, не отдам. — Лицо Эми исказилось, из глаз потекли слезы, голос задрожал от нахлынувших на нее эмоций. Пистолет уже не подрагивал, а прямо-таки плясал в ее руке. —

Нет, не отдам.

— Эми, можешь доверять мне. Ты можешь...

Я замолчал, ибо смартфон снова издал сигнал. Видимо, пришло еще одно сообщение от Кейт, но я даже не взглянул на него. Я внимательно смотрел на Эми. Я видел, что Эми не доверяет — да и не может доверять.

— Чье имя фигурировало в черной книжке? — спросил я. — Кому давались взятки?

Из динамиков по-прежнему раздавалась музыка. Очередное произведение завершилось бурной восторженной кульминацией — дуэтом скрипки и виолончели. Начался новый трек — бас-гитара играла соло, медленно и осторожно — как змея, ползущая по траве. Музыка показалась мне своего рода предупреждением о надвигающейся буре.

Недоставало только барабанной дроби.

— Твоя фамилия, — выдавила из себя Эми. — В маленькой черной книжке фигурировала твоя фамилия.

— Что?

Смартфон выпал у меня из рук. От удара о ковер дисплей засветился, и на нем появилось последнее сообщение от Кейт, которое я не успел прочитать.

Я поднял смартфон и впился глазами в СМС.

«Затем что она знает о тебе идиот. Она знает и я знаю».

И тут я вспомнил, что вообще-то не запер за собой входную дверь.

Повернувшись, я увидел, как в квартиру, держа пистолет наготове, заходит Кейт.

— Спокойно, Кейт, спокойно! — крикнул я, когда Кейт направилась к нам, в спальню.

Я выставил правую руку как предупреждение, чтобы она остановилась, а левую протянул в сторону Эми.

— Эми, — сказал я, — дай мне пистолет.

— Нет.

Эми отрицательно покачала головой и направила ствол на дверной проем спальни.

— Эми, я умею пользоваться этой штукой. А ты — нет. Из-за тебя мы все тут получим пулю в лоб.

Кейт приблизилась, держа пистолет обеими руками перед собой на уровне талии и шагая на цыпочках. Она наверняка услышала, что я только что сказал, а потому уже знала, что у Эми есть пистолет.

Кейт появилась в дверном проеме, и я встал между ней и Эми. Кейт остановилась, держа нас под прицелом.

— Эми, — рявкнула Кейт, — брось пистолет, иначе я тебя застрелю. Брось прямо сейчас, или я выстрелю.

Она произнесла эти слова таким тоном, что я понял: она настроена решительно. Мне уже доводилось слышать этот ее голос — голос человека, с которым лучше не шутить. Эми же была прокурором, а не полицейским. Она не была готова к подобным ситуациям.

— Брось пистолет, Эми, — сказал я, все еще стоя между ними. То, что я загоразживал ее собой, не имело никакого значения: если Кейт захочет ее застрелить, она справится.

Я услышал, как пистолет, выпавший из рук Эми, шлепнулся на стоящую рядом кровать. А еще увидел в глазах Кейт, что охватившее ее напряжение немного ослабло.

Но лишь чуть-чуть. Кейт была взвинченна, ее глаза горели.

Эми уже не плакала. Я стоял к ней спиной, но ощущал, что она взяла себя в руки. Единственным чувством, которое она сейчас испытывала, был страх. Самый обычный страх.

— Вы оба — сюда, — приказала Кейт, показывая пистолетом на стену.

Подчинившись, мы подошли к дальней стене. Кейт забрала лежащий на кровати пистолет и взяла его в другую руку, также направив на нас. Затем отошла назад, к дверному проему, и потребовала сделать кое-что еще. Это был весьма умный ход — я на ее месте поступил бы так же.

— Вы оба — на кровать, — потребовала она.

Я повиновался первым и сел на край кровати, надеясь, что этого будет достаточно. Однако умного полицейского — а Кейт была умной — это вряд ли бы удовлетворило.

— Залезайте подальше на кровать, — сказала она. — Спиной — к передней спинке, руки — на бедра, ступни — на кровати, щиколотки — скрестить.

Да, это был умный ход. Он лишил нас возможности совершать неожиданные решительные действия. В таком положении невозможно совершить бросок быстро и неожиданно. За время, которое потребовалось бы, чтобы развести скрещенные ноги, передвинуться к краю кровати, опустить ноги на ковер и броситься к ней, она успеет выпустить из пистолета все имеющиеся в магазине патроны и, возможно, даже вставить новый магазин. А значит, мы теперь находились полностью в ее власти.

Мы с Эми сидели на кровати, а Кейт стояла на противоположном краю маленькой

спальни. У меня не было при себе никакого оружия, кроме разве что смартфона, который я положил на кровать рядом с собой. Однако вряд ли мне удастся внезапно бросить его в Кейт так, чтобы угодить прямехонько в череп. А даже если и получится, это лишь на мгновение ошеломит ее, и она изрешетит меня пулями раньше, чем я успею подскочить к ней.

Удовлетворившись тем, что подчинила нас своей воле, Кейт опустила оружие.

— Она тоже была частью схемы? — спросила у меня Кейт, показывая жестом на Эми.

— Какой схемы? — Я сделал вид, что не понял, о чем речь, хотя догадаться было нетрудно.

— Взятки. Откупных. Я знаю, что ты их брал, Билли.

— Я их не брал.

И тут мне вспомнились слова Эми: «*В маленькой черной книжке была твоя фамилия*».

— Меня кто-то подставил, — пытался объяснить я.

Кейт посмотрела на меня огненным взглядом:

— Ты выбрал такую тактику, да? Будешь попросту все отрицать?

— Не пытайся пудрить мозги тому, кто сам запудрит их кому угодно, — огрызнулся я. — И не переводи стрелки. Этим занималась ты, Кейт.

Судя по выражению ее лица, она испытывала сейчас только одно чувство — отвращение.

— Я доверяла тебе, — горько усмехнулась она. — Я, черт возьми, *любила* тебя, Билли.

Выражение ее лица резко изменилось — как будто на нее нахлынули эмоции. Нет, она не заплакала, а лишь удрученно вздохнула. В ее глазах все еще горел огонь, но в них уже отражалась и душевная боль.

Снова тяжело вздохнув, она сказала:

— Вы арестованы, Билли Харни.

Это было настолько нелепо, что я даже растерялся.

Она что, собиралась... меня *арестовать*?

И тут я понял одну вещь.

Пресловутым коррумпированным полицейским была не Кейт.

Если бы это была она, мое мертвое тело уже валялось бы на полу. И тело Эми тоже. Арестовывать меня не имело бы смысла. Ведь я мог бы перейти в контрнаступление — нанять адвоката и доказать свою невиновность. И, конечно же, мог бы обвинить в коррупции ее. Если бы она и в самом деле была тем «крышевателем», то убила бы меня вслед за Рамоной Диллавоу и Верблюжьим Пальто, чтобы никто не вывел ее на чистую воду.

Значит, взятки у менеджера особняка-борделя брали не Эми и не Кейт.

И уж конечно же, не я.

— Кейт, — сказал я, — погоди...

И тут мы все это услышали. Входная дверь квартиры Эми с тихим щелчком открылась.

Кейт резко повернула голову направо, и на ее лице появилось удивленное выражение.

И тут же исчезло.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она у непрошеного гостя.

Воспользовавшись тем, что Кейт на секунду отвлеклась, я схватил свой смартфон. Если попытаться использовать его в качестве метательного оружия, то шансы на успех будут один к миллиону.

Но это еще не означало, что я не могу использовать его иным образом.

И тут я услышал из гостиной *его* голос.

Я положил смартфон обратно на кровать за мгновение до того, как в спальню вошел лейтенант Майк Голдбергер.

Кейт отступила на шаг назад, чтобы позволить Гоулди зайти в комнату.

Я открыл было рот, но не смог ничего сказать.

— Никто никого не арестовывает, — заявил Гоулди. — Нам просто нужно кое-что обсудить.

Его, похоже, даже позабавило то, что он увидел меня и Эми сидящими на кровати со скрещенными ногами. Он посмотрел на Кейт.

— О-о, ради всего святого, убери пистолеты, — поморщился он. — Мы будем разговаривать о *Билли*. Я уверен, что он сможет все объяснить.

Кейт опустила руку, в которой держала свой пистолет, а мое оружие Гоулди тут же у нее забрал.

— Вот так-то лучше, — проговорил он.

Подойдя к подоконнику, он выключил музыку, доносившуюся из планшета.

— Вот ведь чертова симфония, — покачал головой он. — Заглушила идеально работающее подслушивающее устройство.

Гоулди подошел к кровати и встал лицом ко мне и спиной к Кейт.

— Итак, Билли, — произнес он, — давайте разберемся.

— Тут не в чем разбираться, — окрысилась Кейт. — Я забираю его, Гоулди.

— Нет, не забираешь, Кэти.

— Почему это?

Гоулди посмотрел на меня и глубоко вздохнул. Он повернулся, навел мой пистолет на Кейт и выстрелил.

Он сделал это так быстро, что Кейт не успела отреагировать. Пуля угодила ей выше правого глаза. Кейт рухнула на ковер.

Эми в ужасе вскрикнула и потянулась ко мне, ища защиты. Я прижал ее к себе. Я не знал, что и думать...

Гоулди резко развернулся — возможно, чтобы убедиться, что я не собираюсь на него наброситься.

— Я не могу поверить... — пробормотал я. — Я не могу...

— Ты не можешь — что? Я расхлебываю кашу, которую заварил *ты*, приятель. Потому что самому тебе не справиться.

В голове лихорадочно роились мысли. Я пытался сложить воедино кусочки пазла, которые летели ко мне со всех сторон...

— Это ты, — догадался я. — Ты меня подставил. Ты заставил Кейт поверить, что пресловутый коррумпированный полицейский — я.

— Я... да, мне было нужно, чтобы Кейт тебя подозревала, — согласился он. — Но я вовсе не собирался сваливать вину на тебя. — Он наклонил голову. — По правде говоря, я никак не ожидал, что она припрется сюда и попытается тебя арестовать. Такого мы позволить не можем. Никто никого не арестовывает. Нужно сохранить все в тайне. Разве я не прав?

Я немного переместился, чтобы закрыть собой Эми, которая не может произнести ни слова и только дрожит как осиновый лист.

— Тебе не удастся выйти сухим из воды, — пригрозил я.

— Откуда выйти? — переспросил он. — Моей фамилии в маленькой черной книжке нет. Или ты имеешь в виду то, что произошло сейчас с Кейт? Так вот, имей в виду: меня здесь не было.

На его губах то появлялась, то исчезала улыбка, но выражение глаз при этом оставалось абсолютно бесстрастным.

— Теперь послушай, что здесь произошло, детектив, и слушай внимательно, потому что от этого зависит твоя жизнь. — Он слегка поднял руку. — Кейт вошла в квартиру и увидела тебя с Эми. Ее обуял приступ ревности. Она выхватила пистолет, чтобы убить вас обоих, но ты успел выстрелить раньше. Ты убил ее в состоянии необходимой обороны. — Он посмотрел на лежащий на полу труп Кейт. — Это версия, в которую все поверят. Я позабочусь, чтобы поверили. Против тебя даже не выдвинут никаких обвинений.

Он подошел поближе к кровати, глядя на нас с Эми.

— А Рамона Диллавоу? — взвился я. — А Джо Вашингтон?

Гоулди покачал головой.

— В отчаянные времена приходится прибегать к отчаянным мерам. Но и здесь меня ни в чем не заподозрят, друг мой. А если попытаешься вмешаться, то, думаю, единственное, чего добьешься, — это то, что и эти убийства повесят на *тебя*.

— И здесь ты решил меня подставить?

Гоулди пожал плечами.

— Своего рода страховка, — сказал он. — На случай, если начнешь производить слишком много шума. Но я не хочу, чтобы ты сел в тюрьму, приятель. Мне надо, чтобы ты находился рядом со мной.

Мой мозг лихорадочно работал, анализируя различные варианты. Мы с Эми сидели на кровати в полной беспомощности — безоружные и лишённые возможности оказать сопротивление.

— Вот такой из данной ситуации выход, — резюмировал Гоулди. — А еще есть вопрос по поводу маленькой черной книжки. Вчера кто-то взял копию из сейфа Маргарет Олсон. Маргарет считает, что только один человек имеет ключ от ее кабинета и только этот человек знал, что под письменным столом есть потайной сейф.

Гоулди навел пистолет — мой пистолет — на Эми.

— И этот человек — вы, госпожа Лентини. Так что сделайте одолжение — отдайте дяде маленькую штучку. Уж будьте так любезны.

Гоулди слегка помахал пистолетом и повторил свое требование:

— Отдайте маленькую черную книжку, Эми. Будьте добры.

И тут до меня дошло: Гоулди не слышал того, *что* Эми рассказала мне сегодня вечером. Ведь я уничтожил подслушивающее устройство, обнаруженное в гостиной, а музыка, которую включила Эми, заглушила жучок, установленный где-то здесь, в спальне.

Таким образом, Гоулди не знал, что кто-то забрался в квартиру Эми и украл у нее чертову флешку.

Гоулди думал, что черная книжка все еще находится у Эми.

— Я сделала копии, — предупредила Эми. Весьма разумный ход с ее стороны, но вряд ли это могло сработать по отношению к такому человеку, как Гоулди.

Он усмехнулся, приоткрыв рот, — так, что стали видны зубы.

— Ну конечно сделали, — иронизировал он. — И если не выйдете на связь до полуночи, копии разлетятся по всем агентствам новостей, не так ли? Ну же, Эми. Отдайте эту штучку, а иначе составите компанию Кейт.

Мне вдруг стало ясно, что он сделает *это* в любом случае. Он не мог позволить Эми остаться в живых. После всего, что произошло, — не мог. Он, возможно, рассчитывал, что сумеет договориться со *мною*, но вот с Эми?..

— Не говори ему, — предупредил я Эми. — Как только скажешь, сразу умрешь.

— Нет, не умрет, — поспешно возразил Гоулди, проявляя первые признаки страха. — Не умрет. Если я получу обратно маленькую черную книжку, она вполне может остаться в живых, поскольку не причинит мне никакого вреда. У нее нет доказательств. Мое слово — против ее слова. Слово Маргарет — против ее слова. — Он пристально посмотрел на меня. — *Твое* слово — против ее слова.

— Нет, на меня не надейся, — сказал я. — Я не стану лгать ради тебя.

Я начал перемещаться к краю кровати. Гоулди покачал головой и направил пистолет на меня.

— Не двигайся, Билли. Не двигайся, пока я, черт возьми, не уговорю тебя прислушаться к *здоровому смыслу*.

— Если ты убьешь ее, — произнес я, — тебе придется избавиться и от меня.

— О господи, малыш! Зачем мне это делать? Просто отдайте мне копию маленькой черной книжки — и все. Оригинал — у меня. И больше не будет никакой книжки. Неужели непонятно? Все сложится наилучшим образом. Маргарет станет мэром, выгонит идиота Тристана Дрискола и назначит...

Он запнулся.

— Назначит кого? — переспросил я. — Она отдаст должность суперинтенданта полиции тебе? В этом заключалась твоя сделка с Маргарет?

Гоулди поднял плечи и покачал головой:

— У меня не было выбора. Мне вовсе не хотелось заключать *сделку* с этой сучкой. Но выбора не оставалось. Не я дал ей чертову флешку.

Правильно. Теперь я все понял.

— Это сделала Рамона Диллавоу, — выпалил я. — Пыталась договориться с Маргарет об иммунитете. Рамона призналась тебе под пытками.

Гоулди усмехнулся.

— Рамона была крепким орешком, — подтвердил он. — Продержалась долго.

— Почему же Маргарет не предала огласке маленькую черную книжку, как только ее заполучила? — поинтересовался я. — Ведь там фигурировала фамилия Тедеско. Это сразу поставило бы крест на его карьере.

Гоулди покачал головой:

— Малыш, ты хотя и умный парень, но никогда не рассуждал как политик, правда?

Эми прокашлялась и пояснила:

— Если бы Маргарет обнародовала маленькую черную книжку, то тем самым вышибла бы Тедеско из предвыборной гонки. Однако в этом случае он никогда бы не порекомендовал своим избирателям голосовать за нее, — сказала она. — И не стал бы давать деньги на ее предвыборную кампанию. А без сильной руки выиграть на выборах Маргарет точно не сможет. Маленькая черная книжка имела бóльшую ценность как угроза, как средство шантажа.

Гоулди слегка помахал пальцем:

— Теперь тебе понятно? А вы, Эми, уже прямо-таки политик. Я уверен, что мэр Маргарет Олсон найдет для вас в своем офисе тепленькое местечко. — Он вздохнул. — Да, я ходил к Маргарет. У меня на руках был оригинал, а у нее — единственная копия. Поэтому мы заключили сделку.

Гоулди, похоже, даже гордился.

— Ну ладно, хватит, — осекся он. — Эми, мне нужна флешка. Дайте ее мне, и будем жить долго и счастливо. Впереди — грандиозная карьера. Вы поженитесь, у вас родятся красивые дети, и все будет замечательно. А вот если *заупрямитесь*, мне придется загнать пулю в коленную чашечку Билли.

— Нет! — сказал я. — Не говори ему.

— А если вы и дальше будете сопротивляться, я загоню ему пулю во вторую коленную чашечку. И так до тех пор, пока ваш ухажер не станет похожим на пиньяту.^[74]

— Нет, Эми, — настаивал я. — Что бы ни случилось, не говори ему.

Гоулди посмотрел на нас. Его бравада сошла на нет. Он бросил на меня сердитый взгляд и покачал головой.

— Послушай, — попытался договориться я. — Я заявлю, что был коррумпированным полицейским. Признаюсь, что получал взятки от Рамоны Диллавоу. Я возьму все на себя, Гоулди. Только не трогай Эми. Отпусти ее, и клянусь — клянусь памятью своей дочери, — возьму вину на себя. Ведь в маленькой черной книжке в качестве взяточника фигурирую я, не так ли?

По телу вдруг прокатилась странная волна. Я на секунду задумался над своими словами, но все показалось какой-то ерундой. Я, конечно, запросто мог предположить, что Гоулди «подправил» информацию таким образом, что в маленькой черной книжке появилась моя фамилия, — чтобы подставить меня. Но тогда получалась неувязочка с копией, которую сделала Рамона и впоследствии отдала Маргарет. И Гоулди поначалу об этом не знал. Он узнал позднее, когда пытал Рамону. Как же тогда Гоулди мог подчистить копию, которую Эми обнаружила в сейфе Маргарет?

И как на флешке появилась информация обо мне?

— Не совсем так, — сказала Эми. — Ты не дал мне договорить.

Я хотел повернуться к ней, но не мог оторвать взгляда от Гоулди.

— В маленькой черной книжке не было имен — только фамилии, — пояснила Эми. — У полицейского, который брал взятки, фамилия Харни. Больше ничего не указывалось. Только фамилия — Харни.

Я на секунду закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

Значит, не Билли Харни. Просто Харни.

И тут я сообразил, кто проник в квартиру Эми и украл маленькую черную книжку.

Это была Пэтти.

Гоулди вскинул подбородок, повернул голову в сторону окна и, слегка повывисив голос, проговорил:

— Мы не можем ни к чему прийти. Зайди лучше сам и уговори его прислушаться к *здоровому смыслу*.

Настоящее

Я делаю паузу и вздыхаю. На часах, висящих над присяжными, — уже почти полдень. Как раз сейчас судье следует найти логическую точку для того, чтобы сделать перерыв и дать возможность пообедать — присяжным и, что еще более важно, себе самому.

Но судья сидит почти неподвижно и, слегка прищурившись, сосредоточенно смотрит в пространство между мной и моим адвокатом. Присяжные все как один подались вперед. Некоторые что-то пишут в блокнотах, но остальные перестали делать записи и, расположившись поудобнее, внимательно слушают рассказ об ужасных событиях. В зале суда так тихо, что слышно дыхание людей — вдохи и выдохи.

Лейтенант Майк Голдбергер поначалу качает головой, всем своим видом выражая насмешливое неверие, но по мере моего рассказа постепенно превращается в другого человека: выражение глаз становится ледяным, плечи втянуты, ладони сжаты в кулаки. В зале суда он, в общем-то, как в ловушке. Если попытается встать и уйти, сразу возникнет впечатление, что он виноват. Он и без того выглядит виноватым, но я знаю, *что* он сейчас думает: *«Всего лишь слова. Его слово — против моего»*. Да, он такой, этот Гоулди. Он всегда был таким. Расчетливым. Всегда анализировал возможные варианты.

Мой отец, сидя рядом с ним, смотрит на меня пристальным взглядом, прикрыв пальцами рот и, похоже, не зная, как ему в данной ситуации себя вести.

Маргарет Олсон, так же как и Гоулди, — и даже в большей степени — является своего рода пленником зала суда. Она ведь, в конце концов, прокурор. Она не может просто взять и выбежать на улицу. На протяжении безумных трех часов, в течение которых я давал показания, она все время качала головой, наблюдая, как ее политическая карьера постепенно смывается в унитаз, и, конечно же, напряженно размышляя над тем, как бы спасти свою задницу. Я вполне могу предположить, что она думает то же, что и Гоулди: *«Его слово — против моего. Отчаявшийся подсудимый, которому угрожает пожизненное заключение, расскажет что угодно — самые невероятные небылицы, лишь бы остаться на свободе»*.

Мой адвокат Стилсон забыл о своей роли в судебном процессе и внимательно слушает меня наравне с присяжными, репортерами и любопытствующими зрителями.

— Итак, лейтенант Голдбергер сказал: «Ты лучше зайди сюда сам и уговори его прислушаться к здравому смыслу»?

— Да, — отвечаю я. — Он обращался к человеку, которого в тот момент не было в квартире Эми. Он сказал, рассчитывая, что его услышат через подслушивающее устройство, установленное в комнате.

Стилсон, который все утро только то и делал, что спрашивал, что же произошло дальше, теперь, наклонив голову, говорит:

— Вы сказали, что вдруг поняли: флешку из квартиры Эми украла Пэтти?

— Да.

— На основании чего?

Я смотрю на нее, мою сестру-близняшку, которая сидит неподвижно, как статуя, но я

вижу по блеску ее глаз, что из них уже упала одна-другая слезинка. Я уверен, что она сейчас бормочет про себя: *«Прости... Прости...»*

— На основании того, что Пэтти, увидев в маленькой черной книжке фамилию Харни, решила, что речь идет обо мне, — объясняю я. — Ей очень захотелось меня защитить, а для этого нужно украсть маленькую черную книжку и уничтожить ее.

По лицу Пэтти потекли новые слезы.

— Все время после событий в квартире Эми, когда я был в коме, потом приходил в себя и затем медленно выздоравливал, размышляя, как защититься от вымышленных обвинений, она полагала, что тем самым коррумпированным полицейским был я. И все равно пыталась меня защитить. Всегда была на моей стороне, даже когда думала, что я виновен.

При этих словах к горлу подступает ком. Я делаю паузу и откашливаюсь.

— Она любит меня и готова ради меня на все, — говорю я. — А еще она *боготворит* нашего отца. Ей никогда бы и за миллион лет не пришло в голову, что под фамилией Харни может скрываться совсем другой полицейский. Она никогда бы и не заподозрила, что коррупционером был начальник следственного управления Дэниел Харни.

Пэтти вскакивает со своего места в переднем ряду. Ее рот приоткрыт, на лице — выражение ужаса. Она поворачивается к отцу. Тот сидит глядя в пол прямо перед собой.

«Второй шанс, — сказал мне отец в тот день, когда пытался уговорить меня скрыться от правосудия в Мексике. — У тебя есть второй шанс. У меня есть второй шанс».

Мне хотелось бы думать, что он был искренним, когда произносил эти слова, — что он и в самом деле собирался вывезти меня из США в Плая-дель-Кармен, а затем в Южнук Америку, а вовсе не замыслил загнать мне пулю в мозг где-нибудь на полпути между Чикаго и мексиканской границей.

Хотелось бы верить, что он и в самом деле возлагал надежды на второй шанс.

Но я не принял его предложение. Поэтому вчера ночью он прислал в мой дом убийцу, чтобы снова попытаться ликвидировать меня.

Я никогда не узнаю, что он замыслил. Я больше никогда не стану разговаривать со своим отцом.

Прошлое

Когда отец вошел в спальню и встал рядом с Гоулди, я понял, что живой из этой ситуации Эми уже не выбраться. Они, возможно, надеялись, что сумеют уговорить меня присоединиться к их банде. А вот Эми? Она увидела слишком много. Она была прокурором, который в своей профессиональной деятельности строго соблюдал законы и правила. Она была прямолинейна, как стрела. Кроме того, она никому в этой спальне не приходилась родственницей. Надежды, что она будет держать язык за зубами, очень мало. А значит, они не могли оставить ее в живых.

— Прости, что не доверяла тебе, — прошептала Эми дрожащим голосом.

— А ты прости, что не доверял тебе, — ответил я. — Я люблю тебя, Эми. Я очень сильно тебя люблю.

Отец, входя в спальню, посмотрел на труп Кейт как на спящего на тротуаре бомжа. То, что Кейт уже мертва, его, конечно же, не удивило: через подслушивающее устройство он наверняка слышал все, что происходило в комнате. Он покачал головой с таким видом, как будто был сильно разочарован.

— Поздравляю, папа, — сказал я. — Дай-ка угадаю сам. Маргарет собирается назначить тебя суперинтендантом полиции. А твоим заместителем станет Майк Голдбергер.

Отец ничуть не смутился. Он всегда старался в любой ситуации оставаться невозмутимым.

— Если ты хочешь, чтобы я извинился за то, что все эти годы стремился обеспечивать благополучие своей семьи, то я не стану, — заявил он.

— Обеспечивать благополучие за счет взяток и вымогательства?

— Сынок, ты не...

— Кроме того, мамы давно нет в живых, а твои дети давно выросли. Так чье же ты, черт побери, обеспечивал благополучие, кроме своего?

Отец не шутил: извиняться он и в самом деле не собирался. И не потому, что ни о чем не сожалел, а просто не любил казаться слабым.

Он выставил руку вперед:

— Я... не хотел, чтобы события приняли такой оборот. Но для тебя уже слишком поздно, сынок. Уже слишком поздно для нас. Гоулди прав. Ты сможешь получить в полицейском управлении любую должность — какую только захочешь. И вы с Эми сможете жить счастливо.

Он, наверное, показался бы мне более убедительным, если бы не стал говорить последнюю фразу, намекая, что Эми останется жить. В глубине души — если знал меня достаточно хорошо — он наверняка осознавал, что я не стану сообщником для него и Гоулди. И это означало, что своими словами он вовсе не пытался уговорить меня. Он старался успокоить собственную совесть: чтобы перед тем, как меня убить, да и после того тоже (то есть всю оставшуюся жизнь), можно было говорить самому себе, что он давал мне шанс.

Я переместился в такое положение, чтобы заслонить собой Эми. Завел руки назад и

крепко обхватил ее.

— От меня они в любом случае избавятся, — прошептала она мне на ухо. — Но они не хотят убивать тебя. Спаси хотя бы себя, Билли. Скажи им то, что они хотят услышать.

— Нет, — прошелестел я одними губами. Я так сильно дрожал, что едва мог говорить.

— Ты нужен Пэтти, сынок, — уговаривал отец. — Ты же знаешь, как сильно она привязана к тебе. Она всегда любила тебя. Не заставляй меня делать это. Переходи на нашу сторону.

Я посмотрел ему прямо в глаза. В подобной ситуации меня, конечно же, должен был охватить страх, но я не чувствовал ничего, кроме ненависти.

— Нет, — отказался я.

Эми положила мне голову между лопаток. Я спиной почувствовал, как сильно бьется ее сердце. Я полностью закрывал ее своим телом и держал обеими руками.

— Я так сильно тебя люблю, — прошептала она. Она впервые сказала мне заветные слова.

Отец подошел к мертвой Кейт и забрал ее пистолет.

Затем приблизился к кровати, держа наготове пистолет Кейт. Гоулди встал рядом с моим пистолетом в руке.

Гоулди уже изложил мне свой план — версию о трагическом конфликте на почве ревности. Я осознал, что план все еще в действии: Кейт якобы ворвалась в приступе ревности и началась стрельба. При этом моему отцу, раз уж он схватил пистолет Кейт, придется в меня выстрелить. Именно ему, а не Гоулди, который держит в руке *мой* пистолет. Версия вряд ли будет убедительной, если я окажусь убитым из собственного оружия.

Одной рукой я дотянулся до смартфона и прикоснулся к нему. Отец перевел взгляд на гаджет.

— Смартфон, — произнес отец. Не мне, а Гоулди. Напомнил, что придется с этой техникой разделаться: забрать его отсюда или разбить на мелкие кусочки.

— Отодвинься от женщины, — приказал отец. — Мне совсем не нужно, чтобы вы оба, сынок.

— Нет, — повторил я.

— О господи, Билли! Она для тебя так много значит? Так много, что ты горишь желанием умереть вместе с ней?

Я посмотрел отцу прямо в зрачки. Знал ли он когда-нибудь, что такое любовь? Любовь, выходящая за пределы обожания себя самого и гордости за свои достижения? У меня не было ответа на этот вопрос. Я надеялся, что он испытывал любовь — что он любил мою маму. Но наверняка я не знал. Что я сейчас знал наверняка — так это то, что нашел в своей жизни Эми и не смогу от себя отпустить. Я не сумею жить без нее.

— Ты всегда был мягкосердечным, — поморщился отец. — Никогда этого не понимал.

Эми резко переместилась в сторону и отделилась от меня. Я поспешно схватил ее за руку, пытаюсь остановить, но не успел. Она сделала то, чего они хотели, — дала им возможность убить ее и оставить в живых меня. Мы посмотрели друг другу в глаза. Это длилось не дольше одного мгновения — часы, наверное, успели тикнуть лишь один раз, — но мне показалось, что прошла целая вечность. В ее глазах я увидел большую самоотверженность. И огромную любовь.

— Снимите кофточку, Эми, — попросил Гоулди.

Она повиновалась. Это делает их версию более правдоподобной: мы с Эми якобы

находились в постели и забавлялись друг с другом, когда в квартиру ворвалась Кейт. Я не хотел, чтобы она помогала им, но мы тянули время, цепляясь за драгоценные последние секунды жизни. Кроме того, нужно было их отвлечь.

Потому что я решил предпринять последнюю попытку. Попытку, шансов на успех у которой было очень мало. Из положения, в котором я сидел на кровати: с ногами, выставленными вперед, — я не смог бы совершить молниеносный прыжок. Кроме того, мой отец, конечно же, стоял не настолько близко, чтобы я мог, резко протянув руку, выхватить у него пистолет.

Но других вариантов я не придумал. Пока Эми стаскивала с себя кофточку, я напряг мышцы и постарался незаметно перенести вес своего тела вперед.

Я подумал о своей красивой маленькой дочке, которая ушла из жизни так рано. Ее ангельские глазки, казалось, смотрели сейчас на меня. Я мысленно сказал ей, что скоро мы встретимся.

Я положил ладони на кровать и приготовился вскочить. Попытка могла оказаться успешной только при одном условии. И я рассчитывал на это одно-единственное условие.

Я надеялся, что отец не сможет выстрелить в родного сына.

Настоящее

Я гляжу на пол, пока Стилсон Томита пытается сформулировать следующий вопрос. Я не хочу встречаться глазами с Пэтти, которая вскочила со стула. Заместитель шерифа требует, чтобы она села на место.

Я не хочу смотреть на своего отца.

— Он не колебался и доли секунды, — говорю я. — Он знал, что я попытаюсь на него наброситься, и выстрелил еще до того, как я успел соскочить с кровати. Эми, должно быть... Она, возможно, инстинктивно отвернулась, и моя кровь разбрызгалась по ее обнаженной спине. *Им такой вариант очень даже подошел.*

Я замолкаю и начинаю тереть глаза. В зале суда воцаряется гробовая тишина.

— Было бы лучше, если бы я тогда умер, — признаюсь я.

Но я не умер.

— Эми они тоже убили, — произносит Стилсон сдавленным голосом.

Я киваю.

Как объяснили мне впоследствии врачи, мой мозг и сердце на некоторое время как бы отключились, но затем меня удалось вернуть к жизни. Правда, вырубился я не сразу. Я слышал, что они сделали с Эми. Видеть я уже ничего не мог, а звуки почему-то доходили до моего сознания.

«Эми, все еще может закончиться для вас благополучно, — сказал Гоулди. — Эти двое застрелили друг друга, а вы просто очевидец, который ни в чем не виноват».

«Просто отдайте нам флешку, и мы уйдем», — подхватил отец.

Я услышал ее голос, как будто он доносился откуда-то издалека: приглушенный, похожий на тихий шепот. Эми — голосом, полным отчаяния, забормотала:

«Внемли, Господи, нашим молитвам, в которых мы смиренно взываем к твоему милосердию, дабы ты принял душу раба твоего Билли, который волею твоею покинул этот мир...»

«Эми! Послушайте меня. Послушайте внимательно. Отдайте нам маленькую черную книжку».

Но Эми уже никого не слушала. Когда эти два хищника приблизились к ней, готовые в любой момент отнять у нее жизнь, она думала не о себе.

Она думала обо мне. Она молилась о моей душе.

«Мы не хотим в вас стрелять, Эми».

Я вообще перестал молиться после того, как утратил свою жену и свою дочь. Я отверг Бога и утратил веру. Но теперь я молился. В своем изувеченном мозгу я искал слова, молясь о том, чтобы смерть Эми была быстрой и не причинила ей мучений. Молился о том, чтобы Бог взял Эми в царствие свое и окружил ее любовью, которой она заслуживала.

«Она нам ничего не скажет, — сделал вывод отец. — Флешка где-то здесь. Мы сами ее найдем. Так что не трать попусту время».

Я не чувствовал никакой боли. Не чувствовал ничего, кроме обволакивающей любви Эми и разливающегося внутри тепла. Я не чувствовал отдельно прикосновений ее руки, или ее

дыхание на своем лице, или губы на своих губах — я чувствовал ее всю сразу, целиком, одновременно.

Я услышал, как гроыхнул выстрел и вскрикнула Эми.

А затем я уже больше ничего не слышал...

Я поднимаю взгляд на Стилсона Томиту, смотрю на него затуманившимся взором. Мое лицо — мокрое от слез, я больше не могу говорить, мое сердце лихорадочно колотится.

Сейчас я снова чувствую Эми: я наполнен ею. Чувство вроде бы стремится причинить мне боль, но я не позволяю ему. Она бы не хотела, чтобы я испытывал боль. Эми желала, чтобы ее любовь приносила мне радость, а не грусть.

«Я никогда не забуду тебя, Эми. Я буду жить дальше, потому что знаю: ты хочешь, чтобы я жил. Но ты всегда будешь частью меня».

Стилсон Томита откашливается и трет глаза.

— У меня больше нет вопросов, Ваша честь, — говорит он судье.

Маргарет Олсон — Максималистка Маргарет — выходит из-за прокурорского стола и неспешным шагом идет ко мне. Она, не отрываясь, смотрит на меня, и в ее глазах — ненависть. На суде решалась моя судьба. Мне пришлось бороться за свою дальнейшую жизнь. А теперь здесь же решается кое-что еще. Сейчас на кону судьба Маргарет Олсон — кандидата номер один на пост мэра Чикаго. А значит, она тоже будет бороться за свою дальнейшую жизнь.

— Вы рассказали целую историю, мистер Харни. Столько откровений! — Она взмахивает руками. — Маленькие черные книжки и коварные ухищрения! Но позвольте мне разобраться, все ли я правильно поняла.

Она останавливается едва ли не в футе от меня, кладет ладони на деревянное ограждение места для дачи свидетельских показаний и слегка наклоняется ко мне. Мне даже начинает казаться, что сейчас из ее рта стремительно высунется змеиный язык и вырвет мне глазные яблоки.

Я едва удерживаюсь, чтобы не рвануться вперед и не схватить ее за горло. Маргарет лично не совершала убийств, но ее амбициозность и коррумпированность стали одной из причин трагических событий. Она виновна не меньше моего отца и Гоулди.

— Эми Лентини уже нет в живых, и она не сможет подтвердить ваши показания, не так ли?

Я делаю медленный вдох и выдох. Я нахожусь в зале суда, и судят все еще меня. Я думаю об Эми и о том, каких поступков она ожидала бы от меня с характерным для нее стремлением делать все по правилам и уважать законы.

«Ладно, Маргарет. Я смогу уязвить тебя, не прикоснувшись и пальцем».

— Да, Эми уже нет в живых, и она не сможет подтвердить мои показания, — соглашаюсь я, растягивая слова.

— То же можно сказать и о Кейт Фентон, не так ли?

— Да.

— И поскольку они мертвы, вы можете говорить все, что вам заблагорассудится, не так ли?

— Можете считать, что так.

— И я полагаю, что двое заслуженных сотрудников полицейского управления Чикаго, а именно начальник следственного управления Дэниел Харни и начальник отдела внутренних дел Майк Голдбергер, могут...

— Я уверен, что они будут все отрицать, — перебиваю ее я.

Маргарет, конечно же, никак не ожидала, что я стану охотно соглашаться с ней.

— А когда полицейские осмотрели место преступления, они не обнаружили никаких подслушивающих устройств, не так ли?

— Нет. Снять устройства очень легко.

— Но здесь важно то, что никаких доказательств присутствия записывающих устройств не имеется, не так ли?

— Так, госпожа Олсон.

Она кивает. Чувствует, наверное, как в кровь начал поступать адреналин. Думает, что отвоевывает очки. Переходит в контрнаступление после моих показаний, на которые ушло

четыре часа — четыре мучительных для нее часа.

— И никто не нашел маленькую черную книжку, не так ли? Я имею в виду, что доказательств ее существования нет. Я права?

Я смотрю на свою сестру Пэтти, которая сидит в переднем ряду, спрятав лицо в ладони. На этом вопросе она разводит пальцы в стороны и смотрит на меня сквозь них.

— Лично у меня нет копии маленькой черной книжки, если вы это имеете в виду. Думаю, что и оригинал, и копия на флешке уничтожены.

— Замечательно, — ерничает Олсон.

— Лично я не вижу ничего замечательного.

— Итак, нет никаких свидетелей, которые могли бы подтвердить ваши показания, и нет никакой маленькой черной книжки, которая могла бы стать вещественным доказательством.

— Правильно.

— Получается, все, что вы только что рассказали, вся душещипательная история — это *только ваши* показания. Показания одного человека — и не более того, — торжествует она, убирая руки с ограждения и поворачиваясь лицом к присяжным, зрителям и репортерам. Журналисты все еще продолжают поспешно передавать по «Твиттеру» жуткие скандальные разоблачения.

Маргарет делает паузу.

Я откашливаюсь и медленно произношу:

— Маргарет, я записал все происходящее на свой смартфон.

Она поворачивается в мою сторону, но не полностью, а вполоборота — как будто боится встретиться лицом к лицу со словами, которые только что прозвучали.

— Моя сестра настроила смартфон так, что мне достаточно прикоснуться пальцем к одной иконке на экране — и включается функция записи. Я прикоснулся к этой иконке, когда Гоулди зашел в квартиру и Кейт на несколько секунд отвела взгляд от нас с Эми. Одно прикосновение — и смартфон начал запись. А перед тем, как мой отец выстрелил в меня, я прикоснулся к иконке снова и выключил функцию записи.

К тому моменту, как я заканчиваю фразу, Маргарет снова возвращается к столу, за которым сидит сторона обвинения, и начинает о чем-то тихонько совещаться с помощниками. Те показывают ей какой-то предмет, лежащий в конверте из желтоватой бумаги, и что-то энергично шепчут. Она бросает взгляд на меня.

— Ваш смартфон был разбит на мелкие кусочки, — напоминает она. — То есть он уничтожен. Поэтому из вашего электронного устройства невозможно извлечь информацию. Правильно?

— Правильно.

— Вам известно, что мы пытались восстановить работоспособность гаджета, но не смогли.

— Да, известно.

— И у вас нет опции, которая позволяет сохранять информацию в так называемом облаке, не так ли? Я имею в виду платформу, которая дает возможность держать данные в киберпространстве.

— Нет, у меня такого не было. Я не очень хорошо разбираюсь в смартфонах. И если бы Пэтти не установила мне ту иконку, я вообще не сумел бы ничего записать.

— Значит, эта... эта запись, о которой вы говорите... не была восстановлена и не хранится в интернет-облаке.

— Правильно.

— Таким образом, мистер Харни, — приободряется Маргарет и театральным жестом разводит руками. — Выходит, что все сегодняшние заявления — это *только ваши* показания. То есть просто слова одного человека — подсудимого.

Я бросаю взгляд на третий ряд зала и встречаюсь глазами с Грейс — дочерью Стюарта. Я позвонил ей сегодня утром, и она любезно согласилась прийти в суд. Грейс мило улыбается. Ее отец, мой хороший друг Стюарт, умер до того, как я сделал запись в спальне Эми. А поскольку Стюарт был уже мертв, а я ввиду значительных пробелов в памяти не помнил о записи, никому другому во всем мире, конечно же, не пришло в голову зайти на нашу со Стюартом совместную страничку в «Фейсбуке». Я закачивал туда свои юмористические выступления одним лишь прикосновением к иконке на дисплее своего смартфона. Я, естественно, не стал заходить на страничку. Зачем мне слушать свои старые анекдоты и прочие шуточки? Да и Грейс это ни к чему: там не было ничего, что могло бы быть интересным как память о ее отце. Лишь множество острот и юмористических высказываний, да еще записи моих выступлений перед посетителями «Дыры в стене». Страничка была нужна лишь мне со Стюартом — и больше никому.

Но все то время, которое прошло после событий в спальне Эми, на этой страничке в «Фейсбуке» висела аудиозапись, сделанная мною в тот ужасный день.

Я думаю, Грейс очень рада, что даже после смерти Стюарту удалось протянуть мне руку помощи в трудный для меня момент. Я тоже очень рад. Я чувствую его присутствие здесь — присутствие человека, который утешал меня, когда моя дочь умирала. Милого старика, который за короткое время нашего знакомства стал для меня в большей степени отцом, чем мой настоящий родитель.

Я рассказываю об автоматической связи между моим смартфоном и страничкой Стюарта в «Фейсбуке», и в зале суда поднимается гул. Репортеры и присяжные понимают, что очень скоро получат доступ к записи и смогут услышать — фраза за фразой и звук за звуком — все, что прозвучало тогда в спальне Эми.

Известие, конечно же, не обрадовало Маргарет Олсон, Гоулди и моего отца.

«Получив информацию с двадцати семи процентов избирательных участков на внеочередных выборах мэра, канал „Ви-Джи-Эн-ньюз“ берет на себя смелость дать прогноз, что выборный окружной администратор Эстефан Моралес станет первым мэром Чикаго — выходцем из Латинской Америки...»

Стоя в моей гостиной и слушая телевизионные новости, мы — три брата и сестра из семейства Харни — чокаемся пивными бутылками, и каждый делает большой глоток. Мы почти не улыбаемся друг другу. Не очень-то часто нам пришлось улыбаться за прошедшие три недели. Мы гораздо больше плакали, спорили, недоумевали и мучились неразрешимыми вопросами. Мы горевали, выдвигали обвинения и обнимались. А еще мы выпили в общей сложности столько пива, что им, наверное, можно было бы заполнить небольшой плавательный бассейн.

«...Катастрофическое падение для Маргарет Олсон, которая является прокурором штата по округу Кук и которая еще совсем недавно считалась фаворитом предвыборной гонки, но в конце концов оказалась на неутешительном шестом месте...»

Поражение Маргарет на выборах не стало грандиозной неожиданностью. То, что так произойдет, было ясно из опросов общественного мнения. Да и действительно, довольно трудно выиграть на выборах с лозунгом «Я никого не убивала и не шантажировала, клянусь вам!» Можно даже восхититься Маргарет: у нее хватило мужества не снять свою кандидатуру после разоблачений, прозвучавших во время суда, и обнародованной позже аудиозаписи.

«...Дело не только в содержании аудиозаписи, Марк. Думаю, главная причина поражения Олсон на выборах заключается в том, что она не предпринимала никаких действий в течение трех недель после того, как стало известно о существовании файла. Она не выдвинула никаких обвинений против полицейских, фигурирующих в аудиозаписи».

«...Я согласен с Линдой, Марк. Думаю, избиратели пришли к выводу, что Маргарет Олсон вплоть до сегодняшнего дня уклонялась от дальнейшего расследования, надеясь, что для победы хватит и того, что она будет все отрицать».

«Давайте обратимся к новоиспеченному члену нашей команды — Ким Бинс. Ким, ни один из репортеров не был ближе к этому скандалу, чем вы. Что скажете?»

Ким Бинс — красивая, ухоженная и, по-видимому, извлекающая немало пользы из страданий других людей — смотрит в объектив камеры.

«Думаю, вы все в какой-то степени правы, — говорит она. — По моему мнению, Маргарет Олсон все еще надеялась выиграть. Но какова же истинная причина того, что она за три недели и пальцем не пошевелила, имея на руках такую улику? Причин может быть много, но какова главная?»

— Она выжидала, пока отец и Гоулди дадут деру, — комментирую я.

«Я полагаю, Маргарет надеялась, что полицейские Дэниел Харни и Майк Голдбергер пустятся в бега, — вторит мне Ким. — Она хотела, чтобы они успели удрать от правосудия, а пока против них не выдвинуты обвинения в совершении преступления, никто не может помешать им передвигаться в любом направлении. Ей нужно было, чтобы они сбежали, тогда и свидетельствовать против нее будет некому — никаких доказательств, кроме аудиозаписи. Ей важно было не столько одержать победу на выборах, сколько не угодить в

тюремму».

Пэтти проводит рукой по волосам и делает такой энергичный выдох, как будто пытается надуть воздушный шарик. Под ее глазами — темные круги. Поступок отца по отношению ко мне, своему сыну, сильнее всего отразился на ней, нашей сестре. Айден и Брендан никогда не были близки с ним. Они даже не пошли по его стопам в полицию. Собственно, они даже не остались в Чикаго. Какие бы горестные чувства они сейчас ни испытывали, все сосредоточилось прежде всего на том, чтобы помочь Пэтти. Так бывает, когда после смерти одного из родителей вы переключаете все свое внимание на второго, который жив.

Вот мы и сосредоточились на Пэтти. Здоровяк Айден все время пытается в шутку с ней подраться или же, обхватив ее, приподнять над полом. Это забавное ребячество смещит ее. Возможно, потому, что возвращает в детство. Брендан развлекает Пэтти непристойными шуточками, которые ей всегда нравились. Три брата в течение прошедших трех недель как бы негласно договорились быть рядом с ней — так, чтобы в любой момент времени по меньшей мере один из нас за ней приглядывал. Это было нашей главной задачей. Мы старались отвлечь ее от мрачных мыслей, и наше участие помогало и ей, и нам самим. Всегда ведь легче бороться с чужим горем, чем пытаться справиться со своим.

Я кладу ладонь ей на плечо и, наклонив голову, смотрю прямо в глаза. Мне хочется сказать: «*Мы это переживем*» или «*Все будет хорошо*», — но нет никакой необходимости говорить. Она понимает меня без слов. Наверное, потому, что мы близнецы, и это — единственное объяснение, которое приходит мне в голову.

Моя сестра утаила немало секретов и совершила массу сомнительных поступков ради того, чтобы защитить меня. Наслаждалась ли она — хоть в какой-то степени — тем, что она теперь сильнее? Тем, что она помогает мне, а не наоборот? Уверен, что да. Но это не отменяет того факта, что в трудное для меня время она пыталась мне помочь. Она думала, что именно я тот коррумпированный полицейский, ведь в маленькой черной книжке фигурировала фамилия Харни. Она считала меня виновным в совершении четырех убийств, но все равно была на моей стороне. Мы с ней — близкие родственники и всегда ими останемся.

— Куда, по-твоему, они направились? — тихонько шепчет она — так, чтобы я ее слышал, а Айден с Бренданом — нет.

Я пожимаю плечами.

— Разве это имеет значение?

Сделанная мною аудиозапись — которую, кстати, адвокат Стилсон разместил на специальной страничке в «Фейсбуке» и которую за три недели прослушали более трех миллионов раз — являлась вполне достаточным основанием для того, чтобы Маргарет Олсон арестовала и моего отца, и Гоулди. Но она медлила, отказываясь давать комментарии, — отмахивалась от репортеров и прикрывалась избитой отговоркой, что, дескать, «проводится расследование». Ким Бинс, выступающая сейчас по телевидению, попала прямо в точку: Маргарет медлила, чтобы дать возможность сбежать моему отцу и Гоулди. Довольно сложно привлечь Маргарет к ответственности на основании моей аудиозаписи. Если ключевые свидетели дали деру и теперь загорают на каком-нибудь пляже в Южной Америке, вдали от нашей доблестной полиции, то и ей, пожалуй, удастся остаться безнаказанной.

И ее план сработал. Не прошло и нескольких дней после обнародования аудиозаписи, как папа и Гоулди исчезли. Они выбрали для побега ночь с пятницы на субботу — рабочая

неделя закончилась, а значит, на работе их не хватятся до понедельника.

Умно. Они всегда были умными.

Пэтти долго смотрит на меня и глубоко вздыхает. Возможно, это всего лишь мои догадки относительно сестры-близняшки, но мне кажется, что камень свалился с ее плеч.

— Ты прав. Не имеет значения, куда он направился, — говорит она. — Он в любом случае уже уехал.

— Эй! — кричит Айдэн. — Хватит там шептаться о серьезных вещах. Настало время еще раз всем обняться!

Он — довольно крупный человек и запросто обхватывает нас всех. Пэтти закатывает глаза, но я знаю, что ей нравятся такие объятия.

И вот мы все четверо — четверо Харни — сбиваемся в тесную кучу. Нам на пару мгновений даже кажется, что мы снова стали детьми и стоим на нашем заднем дворике в те времена, когда все было просто, а будущее казалось бесконечным.

— Соединенные Штаты против Майкла Леонарда Голдбергера, — объявляет судебный клерк. — Соединенные Штаты против Дэниела Коллинза Харни.

Маргарет Олсон дала возможность моему отцу и Гоулди скрыться, но в Чикаго есть и другие прокуроры — те, что носят значки сотрудников федеральных правоохранительных органов. Федеральный прокурор США и его подчиненные страсть как любят проводить расследования в отношении местных полицейских и привлекать их к ответственности. А потому обойти своим вниманием вопиющий случай они никак не могли.

Федеральные агенты нашли отца и Гоулди в городе Плая-дель-Кармен в Мексике. По слухам, когда агенты стали ломиться в дверь, отец попытался вылезть через окно в ванной, а Гоулди спрятался под кроватью...

Федеральные маршалы^[75] заводят через боковую дверь в зал суда Гоулди и моего отца, одетых в оранжевые комбинезоны, в наручниках. Пэтти вздыхает. Следом за ней вздыхаю и я.

Гоулди обрился наголо и отрастил козлиную бородку. Быстренько окинув взглядом зал суда, он опускает глаза в пол.

Следом идет отец. Он покрасил волосы в рыжий цвет, а на его лице я, пожалуй, впервые в жизни замечаю что-то вроде бакенбардов. Его глаза и кожа вокруг глаз такие темные, что кажется, будто он надел маску. Он ссутулился, словно на его плечи в прямом смысле слова навалился груз недавних событий.

Однако изменения произошли не только в его внешности. Он все время смотрит в пол. Никогда раньше отец не входил ни в одно помещение с опущенными глазами — начальник следственного управления Дэниел Харни всегда высоко держал подбородок. Эдакое гордое воплощение власти и высокой морали.

По моему телу пробегает дрожь. Но наш отец, как сказала Пэтти, «в любом случае уже уехал». Я беру в руку ее ладонь и легонько сдавливаю.

— Не жалея его, — шепчет Пэтти.

Мы оба боремся с инстинктом. Отец сам навлек на себя неприятности. Он заслуживает падения, унижения и бесчестья. Заслуживает в полной мере. Но все-таки он наш отец. Он — наша кровь. Мы связаны с ним на всю жизнь. Невозможно повернуть выключатель и отключить все это.

«Как ты мог такое сделать? — хочу спросить я. — Как ты мог застрелить родного сына?»

Мне очень важно понять. Хочется посмотреть на жизнь его глазами. Знаю, что мечтаю о невозможном. Его поступку не может быть оправдания. У меня три года был ребенок, и я пошел бы ради него на что угодно. Защитил бы от пули своим телом.

«Почему ты не испытывал таких же чувств ко мне?»

— Господин судья, в связи с тем, что обвиняемые могут пуститься в бега, а также учитывая тот факт, что они обвиняются в коррупции и убийствах, за которые могут быть приговорены к смертной казни, обвинение просит не давать им права быть выпущенными из-под стражи под залог.

Думаю, что один из них — а может, и второй тоже — признает себя виновным, чтобы смягчить наказание, станет сотрудничать со следствием и сдаст Маргарет. Федералы любят

«утюжить» местных полицейских, а брать за горло местных политиков — так просто обожают. Однако какую бы сделку со следователями ни заключили отец и Гоулди — один или оба, — даже при наилучшем раскладе они проведут остаток жизни за решеткой. Но в случае сотрудничества со следствием могут избежать смертной казни, им даже могут предложить самим выбрать тюрьму, где они будут сидеть.

Папа и Гоулди, стоя лицом к судье и спиной к нам, — два сломленных, потерпевших полное фиаско человека — слушают, как их адвокаты выражают негодование относительно требования прокурора. Судья, впрочем, придерживается другого мнения: ударив молотком, он постановляет оставить обвиняемых под стражей без права внесения залога.

На этом судебная процедура заканчивается. Папу вместе с Гоулди выводят из зала суда. Все мероприятие заняло не больше двадцати минут. Судебный клерк объявляет, какое дело будет рассматриваться следующим.

Репортеры поспешно выходят на улицу. Одна журналистка, проходя мимо нас, уже звонит по мобильному телефону в свой отдел новостей.

— Под залог не отпустили, — говорит она в телефон. — Будут сидеть за решеткой до суда. Значит, белого света этим ребятам уже не видать.

Эта формулировка больно кольнула нас с Пэтти. Наш папа проведет остаток жизни в федеральной тюрьме.

Мы оба молчим, переваривая произошедшее. Все покидают зал суда, и мы с Пэтти остаемся одни. Зал кажется необычным и странным без судьи, адвокатов и зрителей — ну прямо как голое дерево летом.

Пэтти первая нарушает молчание:

— Ну что же, плюс в том, что можно сэкономить на подарке на День отца.^[76]

Я с изумлением смотрю на нее и начинаю хохотать. Не спрашивайте меня почему. Нет никаких правил относительно того, как следует вести себя в столь дерьмовой ситуации. У нас с Пэтти будет много взлетов и падений в нашем дальнейшем движении вперед. Много будет и мрачных дней. Мы оба изменились и уже никогда не станем такими, как прежде. Но мы все еще здесь, мы стоим на этой земле, и мы все еще дружные и любящие друг друга родственники.

«Дыра в стене» когда-то была для меня вторым домом. Сейчас я чувствую себя здесь очень странно. По многим причинам — в частности, из-за того, что рядом нет Кейт, которая была для меня давнишней напарницей, моим другом и — пусть даже и совсем недолго — более чем другом. Мои чувства к ней и моя память о ней всегда будут сложными и запутанными. Она в конечном счете очень сильно усложнила мне жизнь, но ее сердце находилось там, где надо, хоть и голова немного не на месте. Нам с ней не следовало ложиться в постель. Не надо было разбивать разделяющую нас стену. Интимная близость разукрасила окружающий мир в радужные тона, в результате чего стало сложнее видеть происходящее вокруг. Кейт заслужила лучшего.

Пэтти поворачивается на своем табурете и бросает на меня взгляд. Я подхожу к ней.

— Как у тебя дела? — спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

— Я — реабилитированный полицейский с сомнительным будущим.

Поднимая бокал с пивом, она наставляет на меня указательный палец.

— Но тем не менее полицейский, — говорит она.

Она, похоже, невероятно рада, что я выбрался из этой передрыги, что жив и здоров. Пэтти всегда была противоречивой личностью, она приносила немало проблем, но по большому счету всегда пыталась заботиться обо мне. Злорадствовала ли она — хоть в какой-то степени, — что она помогает мне, а не наоборот? Я уверен, что да. Но, в конце концов, какая разница? Она была рядом, когда я нуждался в помощи.

Сошиа, облаченный в футболку команды «Атланта Хокс», влил в себя уже столько бокалов пива, что едва стоит на ногах. Он буквально падает на меня и обхватывает меня рукой за шею.

— Этот парень... — бормочет он, обращаясь к тому, кто его слушает, то есть ни к кому, — ...самый лучший полицейский из всех, кого я знаю.

— Ты хороший человек, Сош, — говорю я и случайно встречаюсь взглядом с женщиной.

Она идет по направлению ко мне с жеманной улыбкой и опускает глаза в пол.

— Ага, — говорю я. — Ким Бинс. Собственной персоной.

Она поднимает взгляд на меня, и ее улыбка становится еще шире.

— Вы, я думаю, слышали о Маргарет.

— Ну конечно слышал.

Ее сдал Гоулди. Мой отец уж слишком горделивый человек, чтобы каяться. А вот Гоулди дал слабину. «Федераль» сняли вопрос о смертной казни, и он сдал Маргарет со всеми потрохами. Четыре часа назад сотрудники Федерального бюро расследований вывели ее из Дейли-центра под конвоем и в наручниках.

— Поздравляю, — улыбается Ким.

Я поднимаю брови и усмехаюсь.

Она слегка пихает меня локтем.

— Вы на меня уже не сердитесь, правда?

Я кладу ладонь на свою грудь.

— Сержусь? За что мне сердиться? За то, что вы еженедельно получали фотографии от Маргарет Олсон и забыли упомянуть об этом? А ведь сей факт очень помог бы мне

выбраться из того дерьма, в котором я оказался!

Она грозит мне пальцем:

— Я всего лишь пользуюсь своими правами, предусмотренными Первой поправкой, — кокетничает она.

— Правда? — Я наклоняюсь к ней. — Я вам кое-что скажу, Ким. Возможно, когда-нибудь мы встретимся на темной аллее, и тогда я воспользуюсь своими правами, предусмотренными *Второй* поправкой.^[77]

Она заслуживает такого отношения, и она это знает. Но что ей до того? Трагические для меня события позволили ей снова подняться по карьерной лестнице. Она вернулась на телевидение, и у нее, возможно, большое будущее.

— Ну что ж, вы очень откровенны, — поднимает брови она. — Но если ваше отношение ко мне когда-либо изменится, детектив, у вас есть номер моего телефона. На этот раз без протокола.

Она смотрит на меня манящим взглядом и уходит прочь.

Она что, приходила сюда ради меня?

Да хоть бы и так. Я не буду прикасаться к горячей печке. Хватит с меня опасных женщин.

Больше никогда не буду с ними связываться.

По крайней мере, в течение нескольких недель.

Правда заключается в том, что я оказался в очень странной ситуации. Ко мне вернулась память — а это значит, что вернулись и чувства к Эми. Я помню и ощущаю отчетливее, чем раньше, как сильно она притягивала меня к себе.

Но теперь мне кажется, что это произошло в какой-то другой жизни. Похоже, у меня остались о ней теплые и нежные воспоминания, но без острой боли в сердце. Наверное, сейчас я начинаю с чистого листа, хотя и сам не знаю, хорошо это или плохо.

Среди окружающих меня посетителей бара полно знакомых, но они ведут себя в некоторой степени отчужденно. Кивнув, отводят взгляд в сторону. Никто не знает, как себя вести. Скандал, потрясший полицейское управление, будет аукаться еще не один год.

И все из-за меня. Трое популярных среди коллег полицейских — Кейт, Гоулди и мой отец — трагически выбыли из игры, и все трое так или иначе были связаны со мной. Нельзя сказать, что я чувствую себя изгоем: никто, в общем-то, не может меня ни в чем упрекнуть. Однако я — символ катастрофы, единственный уцелевший товарный вагон в потерпевшем крушение поезде.

Мой взгляд падает на лейтенанта Пола Визневски. Он сидит за одним из столов и легонько потирает стакан водки. Из рта торчит недокуренная и уже погасшая сигара. Наши взгляды встречаются, он замирает. Вытаскивает изо рта сигару и глубоко вздыхает.

Виз навсегда останется невыносимым самолюбивым ослом, но он, как выяснилось, не был коррумпированным полицейским. Я подозревал его, а он — меня. Мы оба сообщали о своих подозрениях Гоулди, начальнику отдела внутренних дел. А тот потихонечку науськивал нас друг на друга, искусно устраивая кукольное представление.

Я киваю Визу. Он кивает в ответ. Мы никогда не будем близкими друзьями, но в полицейском управлении хватит места для обоих.

И как-то само по себе получается, что я взбираюсь на сцену и беру микрофон.

Я постукиваю пальцем по микрофону и окидываю взглядом людей в зале. Шум хоть и не сразу, но стихает, и воцаряется напряженная тишина. Все взоры обращены на меня —

комика, которого когда-то не раз вызывали на сцену, дружно выкрикивая его фамилию.

— Я всего лишь хочу снова быть полицейским, — говорю я неожиданно для самого себя. — Это — единственное мое желание. Вы, ребята, не возражаете?

Молчание.

Больше мне сказать нечего. Я начинаю опускать микрофон и слышу, как кто-то в баре начинает хлопать. К нему присоединяется другой, и вот уже все хлопают в ладоши, причем все громче и громче.

Вскоре они все, вскочив со стульев и табуретов, одобрительно кричат и аплодируют. Я никак не ожидал, что мне устроят овацию, но именно это и произошло.

Не знаю, вернусь ли я туда, где работал до трагических событий. Не понимаю, хочу ли туда вернуться. Но к чему бы я сейчас ни стремился, заполнившие зал полицейские дают мне понять, что я снова один из них, и в данный момент это меня устраивает.

— Послушайте, я не могу здесь долго находиться. — Я поднимаю руку, пытаюсь снова добиться тишины. — Мне пора идти к Маргарет Олсон, чтобы опрокинуть с ней стаканчику.

Моя шуточка им нравится, раздается громкий смех. Половина из них терпеть не может Максималистку Маргарет, а остальные так пьяны, что вряд ли смогут произнести по буквам собственную фамилию.

— Я просто пошутил, — говорю я. — Но я должен сказать, что в половой жизни у меня сейчас тишь да гладь. Я растерял всех своих женщин. Но вы ведь, в общем-то, знаете, *что* я мог бы использовать...

Я окидываю всех взглядом.

— Я мог бы использовать какую-то маленькую черную книжку.

Раздается смех, еще более громкий. Кто-то что-то кричит.

— Я давно ищу такую книжку для себя, — иронизирую я, — но вот только черта с два найду.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джеймс Паттерсон получил Литературную премию за выдающиеся заслуги перед Американской литературной ассоциацией при вручении Национальных книжных премий за 2015 год. Он вошел в Книгу рекордов Гиннеса как автор лучших бестселлеров по версии газеты «Нью-Йорк таймс». По всему миру было продано более 325 миллионов экземпляров его книг. Являясь неутомимым борцом за повышение роли книг и чтения, Паттерсон создал новую серию детских книг — «Джимми Паттерсон», — лозунг у которой очень прост: «Мы хотим, чтобы каждый ребенок, который прочтет книгу из серии „Джимми Паттерсон“, попросил дать ему еще одну книгу». Паттерсон подарил более миллиона книг студентам и солдатам и предоставляет средства более чем для четырехсот стипендий студентам, получающим педагогическое образование в двадцати четырех колледжах и университетах. Он также выделил миллионы частным книжным магазинам и школьным библиотекам. Средства, полученные от продаж книг из серии «Джимми Паттерсон», он вкладывает в проекты, направленные на популяризацию чтения.

Дэвид Эллис является судьей апелляционного суда штата Иллинойс и автором девяти книг, в том числе романа «Линия визирования», за который он получил премию Эдгара Аллана По, и романа «Спрятанный человек», за который его выдвигали на Книжную премию газеты «Лос-Анджелес таймс» в 2009 году.

Перестрелка у корраля О-Кей — одна из самых известных перестрелок в истории Дикого Запада. Произошла 26 октября 1881 года. *(Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)*

Кампус — территория университета.

Один фут приблизительно равен 30 сантиметрам. В вооруженных силах США военнослужащих обучают использованию шестифутового шеста в рукопашном бою. Такой шест — в виде компонента армейской палатки, ручки швабры или просто случайно найденной очень длинной палки — предполагается использовать в рукопашном бою в крайнем случае, т. е. в ситуации, когда никакого другого оружия под рукой не имеется.

Слова «шест» и «поляк» по-английски звучат одинаково.

Буррито — кукурузная лепешка, свернутая пирожком, с начинкой из жареных бобов; подается с острым соусом; входит в меню многих ресторанов быстрого питания в США.

Отдел нравов — отдел департамента полиции, специализирующийся на борьбе с преступлениями против морали (незаконная торговля спиртным, азартные игры, проституция и т. п.).

Дробовик — гладкоствольное огнестрельное оружие, стреляющее, как правило, дробью.

Американка Хайди Фляйсс открыла в начале 1990-х годов в Калифорнии элитный бордель, клиентами которого, как выяснилось позднее, стали многие известные и уважаемые люди.

Намек на комедийный драматический фильм «Маленькая черная книжка» британского режиссера Ника Харрана. По сюжету в руки к главной героине попадает электронная записная книжка ее возлюбленного, и она обнаруживает в ней телефоны его бывших подружек.

Hy вот (фр.).

Линии метро в Чикаго имеют цветовые обозначения.

Бурбон — сорт виски.

Эль — светлое пиво.

«Атланта Хокс» — профессиональная баскетбольная команда, базирующаяся в городе Атланта.

«Клин» (clean) по-английски означает «чистить».

Одна миля приблизительно равна 1600 метрам.

Квотербек — ведущий игрок в американском футболе, выступающий в роли распасовщика.

«Грин-Бей Пэкерс» — профессиональная команда по американскому футболу, базирующаяся в городе Грин-Бей, штат Висконсин.

Национальная футбольная конференция — одна из двух конференций Национальной футбольной лиги США. Здесь и далее по тексту имеется в виду американский футбол.

Округ Кук включает в себя Чикаго и прилегающие к нему территории.

Кейт Бекинсейл — британская актриса.

«Чикаго Блэкхокс» — профессиональная хоккейная команда, базирующаяся в городе Чикаго.

«Стейтвилл» — тюрьма в штате Иллинойс, неподалеку от Чикаго.

«Тахо» («Шевроле тахо») — марка автомобиля.

«Пентхаус» — иллюстрированный эротический журнал, издаваемый в Нью-Йорке.

Слово «Гоулди» созвучно с английским вариантом имени сказочного персонажа Златовласки («Голдилокс»).

Намек на знаменитую телеигру «Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов», которая транслировалась в США в 1950-х годах.

Главный герой художественного фильма режиссера Барри Левинсона «Человек дождя» Рэймонд обладал способностью производить в уме сложнейшие арифметические расчеты.

«Чикаго Кабс» — профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в городе Чикаго.

Средний Запад — север центральной части США.

Чашка Петри — прозрачный лабораторный сосуд в форме невысокого плоского цилиндра, закрываемого прозрачной крышкой подобной формы, но несколько большего диаметра. Применяется в микробиологии и химии.

Трилистник — растение, являющееся символом Ирландии.

Один фунт приблизительно равен 450 граммам.

Идиома *catch with their pants down* (с англ. — застать кого-либо со спущенными штанами) означает «застать кого-либо врасплох или за неподходящим занятием». (*Примеч. ред.*)

Бинго — игра, в которой обычно разыгрываются призы.

«Чикаго Буллз» — профессиональная баскетбольная команда, базирующаяся в городе Чикаго.

Шериф — глава полицейского управления округа в США.

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр был президентом США в 1953–1961 гг.

Раш-стрит — улица в Чикаго.

Яппи — молодые преуспевающие и амбициозные люди, проживающие в городе, ведущие здоровый образ жизни и стремящиеся к карьерному росту; их образ жизни противоположен образу жизни хиппи.

Сегодня виски «Мэйкерс Марк» — довольно редкий продукт, который производится небольшими партиями. (*Примеч. ред.*)

Guinness («Гиннесс») — популярная ирландская пивная торговая марка, под которой производятся несколько сортов пива. (*Примеч. ред.*)

«Чиппендейлз» — американская мужская танцевальная группа, известная исполнением мужского стриптиза.

«Севен-илевен» (7-Eleven) — крупная сеть небольших магазинов, работающая в 18 странах.

Один дюйм равен 2,54 сантиметра.

Colder than a witch's nipple in a brass bra (холоднее, чем ведьмин сосок в латунном лифчике), colder than a witch's tit (холоднее, чем ведьмина сиська) — вариации американского сленга. (*Примеч. ред.*)

Ротини — итальянская паста, макаронные изделия спиралевидной формы.

Джо Пеши — американский актер, комик и певец.

Тюрьма в Гуантанамо — лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных преступлениях, расположенный на бессрочно арендуемой США военно-морской базе в заливе Гуантанамо (Куба). Считается, что в этой тюрьме активно применялись пытки.

Странгуляционная борозда — след от давления петли.

Братвурст — свиная сарделька с большим количеством специй.

Лига плюща — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Это название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования.

Имеется в виду идиома *you can't make an omelette without breaking the eggs* (невозможно приготовить омлет, не разбив яйца), которая означает, что невозможно сделать что-то, не вызвав каких-нибудь проблем или последствий.

Права Миранды — права лица, подозреваемого в совершении преступления, которыми оно обладает при задержании и которые должны быть ему разъяснены при аресте до начала допроса.

В Первой поправке к Конституции США гарантируются, в частности, свобода слова и прессы.

В Пятой поправке к Конституции США гарантируется, в частности, право не свидетельствовать в уголовном деле против себя.

Четвертой поправкой к Конституции США, в частности, запрещается производить необоснованные обыски и аресты.

Английская идиома *turn a corner* (досл. «повернуть за угол») означает «пройти критическую точку». Так говорят о чем-то, что начинает заметно улучшаться после тяжелого периода. (*Примеч. ред.*)

Клэрэнс Дэрроу — известный американский юрист, выступавший в качестве адвоката на многих громких судебных процессах.

Клиника Майо — один из крупнейших в мире медицинских центров, оснащенный по последнему слову техники. Находится в г. Rochester (штат Миннесота).

Парчиси — игра в кости, американская адаптация традиционной индийской игры пачиси.

Билль о правах — неофициальное название первых десяти поправок к Конституции США.

Тапперуэровская вечеринка — рекламное мероприятие, проводимое в форме вечеринки с целью продажи пластиковых пищевых контейнеров «Тапперуэр». Такие вечеринки проводятся компанией «Тапперуэр корпорейшн» за свой счет, но в помещении клиента. Хозяйка, предоставившая свой дом для проведения мероприятия и пригласившая гостей — потенциальных покупателей — из числа своих знакомых, получает часть вырученной суммы.

Фразеологизм *get a knife in one's stomach* (досл. «получить нож в живот») означает «нажить неприятностей на свою голову». (*Примеч. ред.*)

Черная пятница — первая пятница после Дня благодарения в США, с которой начинается традиционный рождественский сезон распродаж.

Разговорное радио — радиoprogramмы в разговорном жанре, в которых ведущий обсуждает различные новости и проблемы со слушателями, звонящими в студию.

Украинская деревня — район в Чикаго. Начал заселяться украинцами в конце XIX века.

Гранола — традиционный для США сухой завтрак или снэк, содержащий плющеную овсяную крупу, орехи и мед, иногда рис, которые обычно запекают до хрустящего состояния.

Хумус — закуска из нутового пюре, в состав которой обычно входит оливковое масло, чеснок, сок лимона, паприка и кунжутная паста. Пита — круглый плоский пресный хлеб.

Великая депрессия — мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 году и продолжавшийся до 1939 года.

«Челюсти жизни» — товарный знак пневматического устройства производства компании «Хейл продактс», которое раздвигает искореженные части автомобиля и обеспечивает спасателям доступ к пострадавшим в автокатастрофе.

Диаграмма Венна — схематичное изображение всех возможных отношений (объединение, пересечение, разность, симметрическая разность) нескольких (часто — трех) подмножеств универсального множества.

В США принято указывать в датах сначала месяц, а затем уже день.

Пиньята — полая игрушка довольно крупных размеров с орнаментом и украшениями, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги. Пришла в США из Мексики.

Федеральный маршал — сотрудник Службы федеральных маршалов, которая является подразделением Министерства юстиции США. Ее задача заключается в обеспечении деятельности федеральных судов, контроле за исполнением приговоров и решений, розыске, аресте и надзоре за содержанием федеральных преступников, аукционной продаже конфискованного имущества, а также борьбе с терроризмом и массовыми беспорядками.

День отца — один из национальных праздников США.

Второй поправкой к Конституции США гарантируется право хранить и носить оружие.